

Москва
в
ПРОШЛОМ
и
НАСТОЯЩЕМ

ОСѢВА ВЪ ЕЯ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

ИЗДАНИИ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Ю. П. Айхенвальдъ, д-ръ П. Н. Баженовъ, С. К. Богоявленскій, пр.-доц. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, акад. А. Н. Веселовскій, В. Е. Вѣтринскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, П. Э. Грабаръ, пр.-доц. П. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, П. П. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, пр.-доц. А. А. Кизеветтеръ, пр.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князковъ, Д. Г. Коноваловъ, проф. М. К. Любавскій, членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мелъгуновъ, В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, А. П. Новицкій, проф. С. О. Платоновъ, В. П. Пичета, инж.-арх. В. П. Рубановъ, пр.-доц. П. Н. Сакулишъ, проф. М. Н. Сперанскій, пр.-доц. В. Н. Сторожевъ, кн. А. П. Сумбатовъ, П. П. Тимковскій, В. К. Трутовскій, директоръ Археолог. инст. А. П. Успенскій, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, П. М. Шестаковъ, проф. Е. П. Щепкишъ и мн. др.

РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ИСТОРИКА МОСКВЫ **И. Е. ЗАБЪЛИНА.**

МОСКОВСКОЕ КНИЗДАТЪ ТОВАРИЩЕСТВО
„ОБРАЗОВАНИЕ“

ДОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗЪ.
Картина издается Моск. Арх. Учили. Иностран. Цбу

Изъ Псалтыря суздальск. монаст. XVI в.

Внѣшняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

В. И. Пичета.

Шестнадцатый вѣкъ—эпоха перелома въ жизни Московскаго государства. Исчезаютъ послѣдніе остатки феодальной системы—родовитое княжье сходитъ съ исторической сцены, уступивъ мѣсто новымъ общественнымъ классамъ. Старые сотрудники Московскаго князя, оттѣсненные средними классами служилаго сословія, превращаются въ политическихъ противниковъ Московскаго государя, нашедшаго себѣ поддержку въ самосознаніи среднихъ слоевъ русскаго общества.

Измѣнились также и соціальные условія жизни русскаго крестьянства. Порѣдѣли ряды свободныхъ «перехожихъ людей». Растетъ крестьянская задолженность, приковывавшая крестьянина къ мѣсту его жительства, и тѣмъ фактически уничтожившая право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Народное хозяйство переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ, еще болѣе обострившій взаимныя отношенія класса землевладѣльцевъ къ помѣстному и вотчинному землевладѣнію, съ одной стороны, и крупнаго и мелкаго землевладѣнія, съ другой.

Такъ завязывался узелъ трехъ-актной трагедіи, разыгранной русскими общественными силами и иностранцами на территоріи Московскаго государства... Внутреннее состояніе Москвы было не блестящее. Страна пуждалась въ мирѣ и дружественныхъ связяхъ со своими сосѣдями, и, тѣмъ не менѣе, ей пришлось вести широкую, не по силамъ и средствамъ, внѣшнюю политику, еще болѣе осложнившую тогдашнія экономическія и соціальныя противорѣчія.

Московское государство XV вѣка оставило слѣдующему столѣтію рядъ неотложныхъ задачъ въ области внѣшнихъ отношеній. Скорѣйшаго разрѣшенія ихъ требовали и династическіе, и національно-религіозные интересы. Будущее Московскаго государства вполне зависѣло отъ его международна-

го положенія. Отсюда рядъ тяжелыхъ, непрерывныхъ войнъ, не всегда кончавшихся удачно, но, во всякомъ случаѣ, давшихъ Москвѣ нѣкоторые существенные результаты.

Къ XVI вѣку закончилось территориальное объединеніе сѣверо-восточной Руси. Ростъ территоріи Московскаго княжества приблизилъ его границы къ Литовско-русскому государству, поглотившему цѣлый рядъ старинныхъ русскихъ волостей и областей. Московское правительство еще при Иванѣ III стремится къ возвращенію отъ Литвы русскихъ земель. Правительство Ивана III объявляетъ всѣ русскія земли своей отчиной, и съ свойственнымъ ему упрямствомъ и настойчивостью отрицаетъ право Литовскихъ князей на владѣніе русскими землями. Такъ намѣтилась въ области внѣшней политики задача соединенія юго-западной и сѣверо-западной Руси съ Русью Московской.

По мнѣнію московскихъ дипломатовъ, до полного возвращенія русскихъ областей у Москвы и рѣчи не могло быть о мирѣ съ Литвой. «Коли государь вашъ похочетъ,—говорили въ 1503 году московскіе бояре посламъ великаго князя Александра,—съ нашимъ государемъ любви и братства, и онъ бы государю нашему отчины ихъ Русскія земли всей поступился».

Такъ, вопросъ о территориальномъ единствѣ всей Россіи дѣлается со временъ Ивана III господствующимъ началомъ политики русскихъ государей. Правительство Ивана III постоянно поддерживаетъ сношенія съ Литовскимъ государствомъ, пользуясь всякимъ случаемъ для напоминанія о принадлежности части территоріи Московскимъ князьямъ, какъ ихъ вотчины. Довольно часто мирные переговоры прерываются шумными военными дѣйствіями, напрягающими до послѣдней возможности силы обоихъ государствъ. Борьба не всегда была удачна для Москвы, но тогда же опредѣлилось, что главнымъ пунктомъ раздора между обоими государствами явится городъ Смоленскъ.

Борьба за Смоленскъ понятна. Занимая пограничное положеніе, онъ былъ воротами для входа въ Литовско-русское княжество. Сохраненіе Смоленска—это сохраненіе цѣльности и единства территоріи Литовско-русскаго княжества. Отдача его Москвѣ—это начало распадѣнія его территоріи. Обѣ стороны оцѣнили значеніе Смоленска. Недаромъ первоначально борьба ведется фактически только изъ-за Смоленска. Къ тому же указанный городъ былъ крупнымъ торговымъ центромъ; владѣніе имъ давало возможность урегулированія торговли въ томъ или другомъ направленіи. И это усиливало желаніе Москвы захватить Смоленскъ, а литовцевъ заставляло, напрягая всѣ силы, отстаивать его.

При Василіи III характеръ отношеній къ Литвѣ оставался тотъ же, только войны кончились болѣе существеннымъ результатомъ, чѣмъ при Иванѣ III. Поводовъ для начала военныхъ дѣйствій было сколько угодно. Обѣ стороны были недовольны непрекращающимися пограничными ссорами. Каждая была готова взяться за оружіе изъ-за пустяковъ.

Перемиріе, заключенное въ 1509 году, кончилось довольно скоро. Московское правительство, пользуясь затруднительнымъ внутреннимъ поло-

женіемъ Литвы, въ 1512 году снова начинается возниція дѣйствія, предлогомъ для которыхъ было мнимое насиліе надъ религіозными убѣжденіями сестры великаго князя, Елены Ивановны, и слухи о насильственной ея смерти, — она скончалась скоропостижно въ 1512 году. Кромѣ того, Литовскому князю ставились въ вину его отношенія къ татарамъ: заключеніе договора съ ханомъ съ обязательствомъ платить ему ежегодно по 15000 золотыхъ, если татары будутъ нападать на Московское государство. Результаты договора сказались скоро: съ 1512 года начинается рядъ опустошительныхъ набѣговъ татаръ на юго-восточную окраину.

Предпринятая война имѣла опредѣленную цѣль: возвращеніе города Смоленска и его области. Московскія войска осадили Смоленскъ, но первая попытка взять его приступомъ кончилась неудачей: городъ былъ прекрасно укрѣпленъ, а московское служилое войско было мало подготовлено для штурмовъ крѣпостныхъ стѣнъ. Василий III вернулся домой, а лѣтомъ 1512 г. вторично отправился подъ Смоленскъ. И вторая осада кончилась неудачно. Только лѣтомъ 1514 г. Смоленскъ былъ взятъ.

Во время трехъ смоленскихъ походовъ обстоятельства складывались для Москвы въ высшей степени удачно. Ближайшіе со-

сѣди Литвы предлагали Москвѣ помощь, и если фактически они не принимали участія въ войнѣ, то сохраненіе ими строгаго нейтралита, конечно, немало способствовало побѣдѣ московскаго оружія.

За взятіемъ Смоленска послѣдовало отобраніе и другихъ городовъ подъ «Государеву руку». Съ покоренными смольнянами Василий III обошелся по иному, чѣмъ съ псковичами, или Иванъ III — съ новгородцами. Добровольцевъ охотно принимали на службу; особой жалованной грамотой подтверждались за духовенствомъ и прочими смоленскими людьми ихъ земли и

Monogramme de l'Empire Russe. D'après le manuscrit de la Bibliothèque de la Cour de France.

Гербъ Русскаго царства и его областей. Изъ путешествія въ Москву И. Корфа.

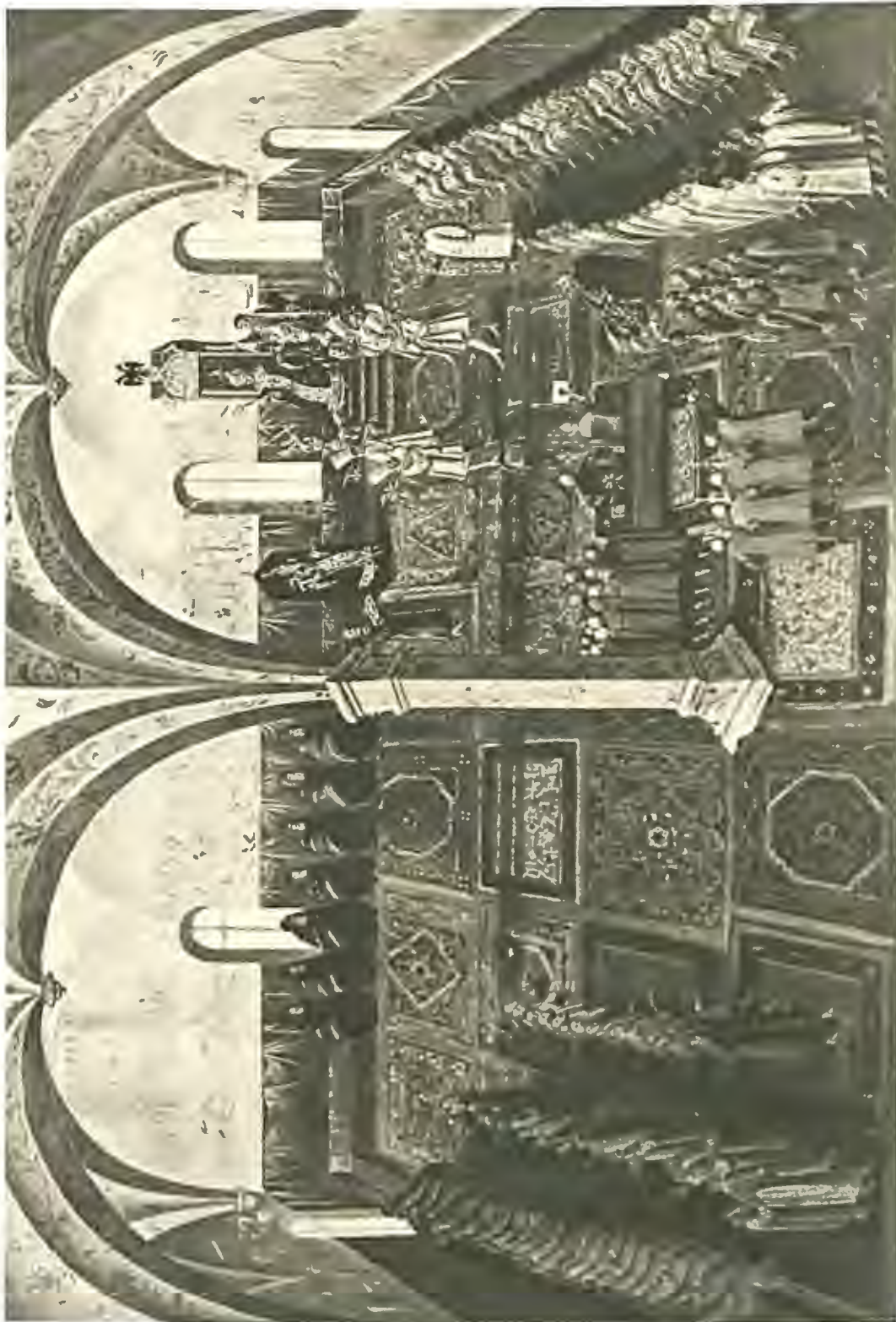
владѣнія, а также льготные судебные и гражданскіе уставы, данныя Литовскими князьями; Смоленскъ при этомъ былъ освобожденъ отъ старинной ежегодной сторублевой дани. Сохраняя мѣстную самобытность, вопреки централистической политикѣ Московскихъ князей, Василій III хотѣлъ связать Смоленскъ болѣе крѣпкими узами. Тѣ же, кто хотѣлъ ѣхать въ Москву, получали соотвѣтствующее вспоможеніе. Съ взятіемъ Смоленска не прекратились военныя дѣйствія. Литовскій князь пошелъ на выручку Смоленска. Ему удалось разбить москвитянъ при Оршѣ, но Смоленскъ остался все-таки въ рукахъ Василя III, хотя въ самомъ городѣ было немало сторонниковъ Литвы. Впрочемъ, вслѣдъ за пораженіемъ отпали отъ Москвы нѣкоторые города Смоленской области. Обѣ стороны были достаточно истощены войной и хотѣли мира.

Начавшіеся переговоры долго не могли окончиться ничѣмъ. Обѣ стороны предъявляли невозможныя условія. Василій III требовалъ казни пановъ, причинившихъ насиліе его сестрѣ Еленѣ, возвращенія ея казны и волостей, отдачи Полоцка, Витебска, Кіева и другихъ городовъ, составлявшихъ отчину его прародителей. Сигизмундъ требовалъ не только возвращенія Смоленска, но также и половины Новгорода, Пскова, Твери и всей Сѣверской земли. Условія для обѣихъ сторонъ были не пріемлемы, и, въ концѣ концовъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры свелись къ одному пункту— Смоленску. Только въ 1522 году удалось заключить перемиріе; Смоленскъ оставался за Москвой. Перемиріе было необходимо потому, что соединенныя силы Казани и Крыма шли на Москву.—Такъ кончился первый актъ борьбы за вотчины прародителей.

Перемиріе съ Литвой продолжалось до 1535 года. Въ этомъ году литовское правительство, разчитывая на боярскія несогласія, разыгравшіяся послѣ смерти Василя III, объявило войну Москвѣ. Впрочемъ, ожиданія Литвы не оправдались. Московское боярство сумѣло заглушить въ себѣ чувства недовольства и протеста и организовать силы на борьбу съ врагами. Военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ велись вяло, съ перемѣннымъ успѣхомъ; оба врага были непрочь заключить перемиріе. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1537 году, перемиріе было заключено. Обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли раньше. Военныя дѣйствія съ Литвой возобновились затѣмъ во время борьбы за Ливонію.

Балтійскій вопросъ, обострившійся при Грозномъ,—вопросъ старый. Нужду въ морѣ чувствовали особенно сильно еще новгородцы, встрѣчавшіе неоднократно затрудненіе въ торговлѣ изъ-за отсутствія моря, бывшаго въ рукахъ шведовъ, мѣшавшихъ болѣе активному развитію новгородской торговли.

Отношенія Новгорода къ шведамъ сводились къ урегулированію взаимныхъ недоразумѣній, возникавшихъ на почвѣ владѣнія шведами водами Финскаго залива. Предметами сношеній были: размежеваніе земель, торговля дѣла, переговоры по заключенію дружественныхъ союзовъ, или союзовъ противъ общихъ враговъ, или предложеніе посредничества въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Паденіе Новгородской и Псковской самостоятельности поставило Москву въ прямыя отношенія къ Швеціи. Сначала

между двумя сосѣдними государствами не было и тѣни недоразумѣній. Въ царствованіе Грознаго мирныя отношенія прервались военными дѣйствіями изъ-за Ливоніи.

II.

Правительство Грознаго особенно чутко относилось къ вопросу о необходимости для Московскаго государства пробиться къ морю. Къ тому же въ Ливоніи было не мало русскихъ земель, которыя по традиціи считались вотчиной прародителей. Начиная борьбу за отчины, Иванъ IV надѣялся упрочиться на берегахъ Балтики и приобрѣсти тамъ себѣ какую-

Публичная аудіенція посольства. Изъ путешествія въ Московію Адама Олеарія.

нибудь гавань, которая дала бы возможность поддерживать непосредственныя отношенія съ Европой и въ торговыхъ операціяхъ не встрѣчать препятствій со стороны Ливонскаго Ордена, державшагося съ 1507 года особенно вызывающаго тона по отношенію къ Москвѣ.

Правительство до поры до времени терпѣло этотъ тонъ. Но въ 1553 году окончилось пятидесятилѣтнее перемиріе между Орденомъ и Москвой. Иванъ IV, не такъ давно вернувшійся въ Москву послѣ Казанскаго похода, хорошо зная внутреннюю слабость и военное ничтожество Ордена, рѣшилъ воспользоваться переговорами по поводу перемирія для начала военныхъ дѣйствій и завоеванія давно желанныхъ береговъ Балтійскаго

моря. Онъ соглашался на перемиріе подь условіемъ предоставленія русскимъ и ливонскимъ гостямъ свободной торговли въ обоихъ государствахъ, отказа отъ союза съ польскимъ королемъ, вознагражденія за всѣ порубежныя и торговыя обиды, уплаты въ теченіе трехъ лѣтъ дани, слѣдовавшей съ города Юрьева, которую нѣмцы не платили около пятидесяти лѣтъ. Наконецъ, нѣмцы должны были очистить русскіе концы и церкви.

Нѣмецкіе дипломаты долго не соглашались, но, въ концѣ концовъ, имъ пришлось предположительно дать согласіе, такъ какъ договоръ вступалъ въ силу только по утвержденіи его ливонскими чинами. Мѣстный ландтагъ не хотѣлъ давать своего согласія, но затѣмъ рѣшилъ пойти на уступки: подтвердить договоръ, но дани не платить и означенныхъ условій не выполнять.

Дѣйствительно, въ теченіе трехъ лѣтъ не было заплачено ни копейки, и когда въ 1557 году пріѣхали послы не съ деньгами, а съ просьбой о сложеніи юрьевской дани, Иванъ IV не принялъ посольства, чѣмъ фактически были объявлены военныя дѣйствія, прелюдией къ которымъ было запрещеніе новгородскимъ, псковскимъ и ивангородскимъ купцамъ ѣздить къ нѣмцамъ. Последнее распоряженіе наносило рѣшительный ударъ нѣмецкой торговлѣ и богатству Ордена. Прекращеніе торговыхъ сношеній стало скоро ощутительнымъ для Ордена, и послѣдній пытается снова возобновить прежнія отношенія къ Москвѣ.

Посланное второе посольство ничего не добилось, такъ какъ оно не могло заплатить требуемыхъ денегъ, а на отсрочку Грозный не соглашался. Война была рѣшена. Начиналась она при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ для Москвы: борьба въ Орднѣ между духовной и свѣтской властью, раздѣливъ его на партіи, значительно его ослабила. Когда русская армія съ отрядами хищныхъ татаръ вторглась въ Ливонію, Орденъ былъ не въ состояніи оказать какое бы то ни было противодѣйствіе. Вся страна была опустошена. Затѣмъ началось завоеваніе отдѣльныхъ городовъ и замковъ. Въ скоромъ времени была завоевана Нарва, а затѣмъ и большая часть Эстляндіи очутилась въ рукахъ русскихъ. Иванъ IV торжествовалъ — мечта о гавани на Балтійскомъ морѣ стала реальнымъ фактомъ. Тогда же начались непосредственныя торговыя сношенія съ Европой, помимо монополистовъ — ганзейскихъ купцовъ. Правда, результаты торговыхъ операцій были не особенно значительны, но, во всякомъ случаѣ, они еще болѣе подчеркнули мысль о необходимости пріобрѣтенія порта на морѣ. И слѣдовавшая за взятіемъ Нарвы военныя дѣйствія были необыкновенно удачны для русскихъ. Подъ ударами русскихъ палъ Дерптъ. Иванъ IV сохранилъ за гражданами Дерпта Аугсбургское вѣроисповѣданіе, городское самоуправленіе, прежнія торговыя пошлины, обѣщалъ не выводить населенія въ Москву и не помѣщать военныхъ въ домахъ городскихъ обывателей. Для закрѣпленія Юрьевской области за русскими, стали ее населять боярскими дѣтьми, а епископъ и нѣкоторые граждане были переведены въ Москву, что являлось нарушеніемъ условій сдачи.

Паденіе Дерпта произвело потрясающее впечатлѣніе по всей Ливоніи. Орденскія власти растерялись, и многія укрѣпленія сдавались безъ боя.

Избраіемъ Кетлера коадьюторомъ орденскія власти надѣялись измѣнить къ лучшему свое положеніе. Отчасти это удалось, но городъ Дерптъ остался въ рукахъ русскихъ. Тогда Орденъ обращается за помощью къ сосѣдямъ. Послѣдніе посылаютъ пословъ съ просьбой о перемиріи. Иванъ IV согласился, такъ какъ начались военныя дѣйствія противъ Крыма. Во время перемирія Ливонія напрягала всѣ усилія для того, чтобы отыскать себѣ союзника для борьбы съ Москвой. Дипломатическіе переговоры прошли не безъ результата, но пріобрѣтеніе союзниковъ было куплено дорогой цѣной. Самобытное существованіе Ливоніи прекращалось—она отдавалась подъ покровительство Польско-литовскаго короля, обязавшагося защищать ее отъ русскихъ; но Польско-литовскій король не особенно спѣшилъ съ помощью, ссылаясь на перемиріе. По возобновленіи военныхъ дѣйствій русскіе снова опустошили страну. Полная невозможность защитить себя отъ русскихъ повела къ распаденію Ордена. Отдѣльныя его части попали въ руки сосѣдей: 1) сѣверъ отошелъ къ Швеціи, 2) островъ Эзель отошелъ къ датскому королю, 3) средняя Ливонія присоединилась къ Польско-литовскому государству, 4) Курляндія и Семигалія обратились въ вассальное герцогство, а сѣверо-восточная часть осталась въ рукахъ Москвы.

Раздѣленіе Ливоніи между сосѣдями было чревато послѣдствіями. Швеція и Польша не желали дальнѣйшаго усиленія Москвы; имъ *polens-volens* пришлось принять участіе въ войнѣ: первая надѣялась отгѣснить совѣмъ русскихъ отъ береговъ Балтійскаго моря; вторая мечтала о возвращеніи Смоленска и земель «прародителей». Такъ война ливонская превращается въ войну русско-литовскую и отчасти шведскую. Начало новой войны было также удачно для русскихъ: Москвѣ удалось взять Полоцкъ.

Наиболѣе видные граждане завоеваннаго города были переселены въ Москву, а евреи вмѣстѣ съ семьями утоплены. Затѣмъ начинается эпоха неудачъ и поражений, прелюдіей къ которымъ было Оршинское пораженіе, выдающееся по своимъ размѣрамъ. Послѣ этого пораженія военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ велись довольно вяло. Временами шли переговоры о мирѣ, но обыкновенно кончались ничѣмъ: Иванъ IV ни за что не хотѣлъ отказаться отъ Ливоніи, не уступала и Литва, и требовала возвращенія Полоцка. Наконецъ, въ 1566 году пріѣхали въ Москву большіе литовскіе послы. Условія предлагаемаго мира были нѣсколько иныя: Москвѣ оставляли Полоцкъ и часть Ливоніи, а Иванъ хотѣлъ присоединенія всей Ливоніи, уступая королю Курляндію съ нѣсколькими городами на правомъ берегу Двины. Тогда же царь собралъ земскій соборъ, на которомъ обсуждался вопросъ о перемиріи и его условіяхъ. Рѣшеніе собора было не въ пользу мира. Царю давался совѣтъ продолжать войну, пока не будетъ присоединена вся Ливонія, старинная вотчина прародителей. Мы не знаемъ, насколько чиновные люди, составлявшіе земскій соборъ, были искренни въ своихъ заявленіяхъ; хотя окончательное завоеваніе Ливоніи и соотвѣтствовало интересамъ широкихъ слоевъ населенія, но моментъ былъ неудачный: у Москвы не было ни силъ, ни средствъ для дальнѣйшаго веденія войны, а внутри страны были опалы и казни, падавшія на

боярскія головы. Конечно, требованія Ивана IV были отвергнуты, и война возобновилась, но велась вяло, пока не умеръ Сигизмундъ, и на польскомъ престолѣ не оказался Стефанъ Баторій. Тогда характеръ военныхъ дѣйствій измѣнился. Стефанъ Баторій началъ наступательныя дѣйствія; русскимъ приходилось защищаться. Нерегулярная армія, состоявшая изъ служилыхъ людей, всюду была побиваема пѣхотой Баторія. Москва теряла свои завоеванія въ Ливоніи одно за другимъ. Былъ взятъ Полоцкъ, а за нимъ и другіе сосѣдніе города. Пали также крѣпости: Велижъ, Усвятъ, Великія Луки, Ревель, Заволочье, — огромная часть Новгородской области была въ рукахъ Баторія, но зато передъ Псковомъ онъ потерпѣлъ рѣшительную неудачу. Тогда Грозный обратился къ папскому посредничеству. Папство надѣялось, что возобновленіе сношеній съ Римомъ можетъ повлечь за собою соединеніе церквей. Но посольство Поссевина кончилось ничѣмъ. Грозный не хотѣлъ подымать никакихъ церковныхъ вопросовъ впредь до окончанія переговоровъ о мирѣ. Неудача подъ Псковомъ настраивала и Баторія въ пользу мира. Послѣ долгихъ переговоровъ перемиріе, въ концѣ концовъ, было заключено въ Киверовой Горкѣ на десять лѣтъ цѣной уступки всей Ливоніи, а поляки возвратили всѣ занятые псковскіе пригороды: Великія Луки, Заволочье, Холмъ и др.

Такъ неудачно кончилась борьба за Ливонію. Русскому правительству не удалось пробиться до береговъ Балтійскаго моря. Литва и Польша могли быть довольны ослабленіемъ опаснаго сосѣда, все настаивавшаго на возвращеніи «вотчинъ прародителей».

Неудачный исходъ войны наглядно обнаружилъ причины поражений: отсталость русской арміи сравнительно съ организаціей арміи Баторія. Наша регулярная армія не могла равняться обученной пѣхотѣ Баторія. На Ливонскихъ поляхъ культурная Польша побѣдила некультурную Москву, и это пораженіе служило прекраснымъ доказательствомъ необходимости сближенія съ Западомъ, хотя бы для усвоенія новой военной техники. Борьба Грознаго съ боярствомъ, опалы и казни вносили, конечно, немало дезорганизаціи въ командующій классъ; но считать эту борьбу главной причиной поражений, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки, на нашъ взглядъ, было бы рискованно.

Послѣ раздѣла Ливоніи Москвѣ пришлось столкнуться и со Швеціей. Правда, военныя дѣйствія противъ послѣдней были менѣе оживленными, и, въ общемъ, кончились неудачно. Швеціи удалось захватить рядъ городовъ въ Эстоніи и Новгородской землѣ: Ивангородъ, Ямъ, Копорье. Θεодору Ивановичу не удалось вернуть русскихъ городовъ въ Эстоніи. По Тязвинскому договору 1595 года русскіе города оставались за шведами, но Новгородскіе пригороды: Ямъ, Копорье, Ивангородъ — возвращались Москвѣ.

Ливонскимъ вопросомъ опредѣлялись также и дипломатическія сношенія съ другими народами. Сосѣдняя Австрія была противъ Польши, подерживавшей возставшихъ противъ нея венгерцевъ.

Московское правительство пытается найти союзника въ Вѣнѣ для борьбы съ Литвой. Впрочемъ, хотя Вѣнское правительство принципиально было

Марина Мнишекъ.

Джедимитрій.

согласно вмѣшаться въ борьбу, но на дѣлѣ оно сохраняло нейтралитетъ. Совмѣстно съ Австріей русскіе поддерживали въ Польшѣ кандидатовъ на польскій престолъ. Вѣна неоднократно вступалась за Ливонію и просила о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Обсуждались также проекты общеевропейскаго союза противъ турокъ—именно тогда, когда Москва начинала терпѣть пораженія.

Съ сосѣдней Пруссіей начались дипломатическія сношенія еще въ началѣ XVI вѣка. Въ 1517 году былъ заключенъ союзъ противъ Польши, но онъ не далъ никакихъ практическихъ результатовъ. Съ другими государствами не было постоянныхъ дипломатическихъ сношеній, за отсутствіемъ общихъ интересовъ. Зато выступали на сцену интересы торговые. Вся сѣверная Европа была заинтересована въ развитіи торговыхъ сношеній съ Москвой. Болѣе правильныя торговыя сношенія установились съ Англіей. Открытіе Америки оживило предпріимчивость европейцевъ и возбудило въ нихъ надежды на новыя открытія.

Европа снаряжаетъ корабли и отправляетъ ихъ на поиски неизвѣстныхъ еще земель. Не осталась въ сторонѣ отъ этого движенія и Англія. У англичанъ зародилась мысль проникнуть въ Индію и Китай сѣвернымъ путемъ. Образовавшаяся торговая компанія снарядила три корабля, которые подъ управленіемъ Виллерби и лоцмана Ченслера отправились въ далекій путь. Два судна стали жертвой капризной водной стихіи, а третье подъ командой Ченслера—пристало около монастыря св. Николая. Это было въ 1553 году. Ченслеръ отправился въ Москву, и съ этого времени установились правильныя торговыя сношенія Москвы съ Англіей по Бѣломорскому пути. Иванъ IV былъ очень радъ англійскимъ торговымъ гостямъ и даровалъ имъ привилегію свободно торговать на русской территоріи.— Открытіе Бѣломорскаго пути было, конечно, выгодно для Москвы, и Грозный сразу оцѣнилъ его важность. Черезъ Бѣлое море онъ могъ непосредственно сноситься съ Европой и получать военные запасы и другіе предметы, пропускъ которыхъ черезъ Ливонію сопровождался большими затрудненіями. Русскіе могли вывозить за море рожь, селитру, лѣсъ, поташъ, смольчугу; иностранцы ввозили военные снаряды, мушкеты, порохъ, свинець, пушки, ядра, сукна, вина, фрукты, стекло и многое другое не только въ Россію, но также и для провоза въ Персію, Индію и Китай. Тѣмъ же путемъ присылали и различныхъ мастеровыхъ людей, пропускъ которыхъ сильно затрудняла Ливонія. Съ открытіемъ Бѣломорскаго пути Москва становилась центромъ экономическимъ, росло ея торговое значеніе. Она собирала внутри себя всѣ русскіе предметы вывоза, отправляемые на сѣверъ къ Холмогорамъ, а потомъ къ Архангельску. Англичане оцѣнили открытіе новаго рынка для сбыта своихъ товаровъ. Имъ удалось получить отъ Грознаго самыя широкія торговыя привилегіи: 1) право беспошлинной покупки русскихъ товаровъ; 2) беспошлинной торговли; 3) право строить фабрики и имѣть въ Москвѣ свои дворы. Впослѣдствіи были открыты складочныя конторы въ другихъ промышленныхъ пунктахъ на томъ пути, по которому должны были идти англійскіе товары. Наконецъ, англичане получили право строить дворы и въ другихъ русскихъ городахъ. Они, дѣй-

ствительно, пооткрывали ихъ въ Новгородѣ, Ярославѣ, Костромѣ, Устюгѣ и др. Сначала отношенія Россіи къ Англіи основывались на обоюдныхъ торговыхъ интересахъ, но съ 1567 г. имъ пытаются придать иной характеръ. Инициатива шла отъ Ивана IV, предложившаго Англіи заключить оборонительный и наступательный союзъ. Но Англія предпочла не отвѣчать ничего на предложеніе царя, такъ какъ ссориться ей съ сосѣдями Россіи едва ли имѣло смыслъ.

Иванъ IV отвѣтилъ отмѣной торговыхъ привилегій англичанъ, и впослѣдствіи англійскому послу Рандольфу стоило большихъ усилій и дипломатической ловкости возстановить уничтоженныя привилегіи. Посольство Совина, отправленнаго въ Англію Грознымъ для заключенія союза, кончилось тоже ничѣмъ. Совинъ ничего не добился отъ Елизаветы, кромѣ письма, въ которомъ было сказано, что «королева на вѣчныя времена вступаетъ въ братскій и дружественный союзъ съ царемъ», и что она «обязывается защищаться соединенными силами и бороться со всѣми, кто окажется нашими общими врагами». Результатами посольства Совина Иванъ IV остался, естественно, недоволенъ, и весь гнѣвъ палъ на голову англійской торговой компаніи. Гоненія продолжались до 1575 года, когда правительство вернуло компаніи всѣ ея привилегіи. Въ 1570 году Иванъ IV проситъ снова помощи. Правительство Елизаветы прислало 13 кораблей съ порохомъ и боевыми припасами. Тогда же Грозный предложилъ вторично союзъ противъ Польши, а также просилъ руки одной изъ кузинъ Елизаветы; но скоропостижная смерть Грознаго освободила Англію отъ его требованій. Такой же характеръ носили отношенія съ англичанами и при царѣ Феодорѣ.

Таковы были внѣшнія отношенія Москвы съ европейскими державами. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляются сношенія ея съ азіатскими народами.

III.

Послѣ распадения Золотой Орды и паденія татарскаго ига, Москвѣ вѣчно приходилось быть насторожѣ. Только постоянною бдительностью можно было обезопасить себя отъ нападений азіатскихъ сосѣдей, по-старому грабившихъ пограничныя, восточныя и южныя области. Къ счастью Московскихъ князей, татарскіе ханы какъ то не умѣли столкнуться и координировать свои дѣйствія противъ Москвы.

Московское правительство пользовалось умѣло взаимной враждой хановъ, натравливая ихъ другъ на друга, входя съ ними въ сепаратныя соглашенія и заключая союзы противъ Литвы. Помимо этого, посылаются ханамъ подарки для привлеченія ихъ на свою сторону. Перешедшіе на службу въ Москву татары обыкновенно надѣлялись землей.

Но дипломатическія ухищренія не всегда достигали намѣченныхъ цѣлей.

Московскому правительству приходилось неоднократно разочаровываться въ союзникахъ, неожиданно превращавшихся во враговъ.

Еще при Иванѣ III прекрасно сознавали непрочность этихъ отношеній. Правительство каждое лѣто по-старому посылало на границы армію

для отраженія неожиданнаго набѣга. Все это требовало напряженія военныхъ силъ, большихъ расходовъ, становившихся не по плечу Московскому государству. Тогда же возникаетъ мысль о завоеваніи татарскихъ царствъ. Сначала думали только о Казани и Астрахани. Захватъ ими средней и нижней Волги сильно содѣйствовалъ ихъ экономическому расцвѣту. Казань была богатымъ рынкомъ, куда съѣзжались купцы съ отдаленнаго востока и степняки со скотомъ и рыбой.

Возможность захвата восточныхъ рынковъ и улучшения экономического положенія страны тянула Москву къ Волгѣ. Притягивали также и богатѣйшія почвенныя и рыболовныя богатства Казанскаго царства. Къ тому же Казань была ближе Крыма. Захватить первую было легче, чѣмъ покорить второй. Поставивъ себѣ очередной задачей завоеваніе Поволжья, правительство медленной, но твердой поступью идетъ къ своей цѣли. Слѣдя за внутренней жизнью Казани, оно организуетъ московскую партію среди татарской знати, одаряя золотомъ и мѣхами ея сторонниковъ. Внутренняя партійная борьба ослабляла, конечно, Казань и подготовляла ея завоеваніе. Это былъ одинъ тактический приемъ. Другимъ приемомъ была колонизація Казанскаго царства въ цѣляхъ сокращенія пространства между Казанью и Москвой.

Еще въ XIV вѣкѣ Москва прочно утвердилась въ Нижнемъ. Владѣніе устьемъ Оки само говорило о дальнѣйшемъ территоріальномъ расширеніи, но при господствѣ татаръ не могло быть и рѣчи объ усиленной колонизаціи. Иная картина рисуется послѣ паденія татарскаго ига. Усиленіе колонизаціи связано также съ желаніемъ укрѣпить восточныя границы, такъ какъ казанскіе ханы довольно рано обнаружили характеръ своей политики по отношенію къ Москвѣ—то и дѣло вторгаясь въ ея предѣлы съ цѣлью грабежа и увоза въ плѣнъ населенія. Колонизація праваго берега Волги началась съ переходомъ Нижняго подъ власть Москвы. Къ эпохѣ Василія III она дошла только до рѣки Суры, а при Васиіи успѣли перешагнуть черезъ нее и построили городъ Василь-Сурскъ, на правомъ берегу Суры при впаденіи ея въ Волгу,—стратегическій пунктъ противъ Казани. Наконецъ, уже при Грозномъ возникъ Свіяжскъ при впаденіи Свіаги въ Волгу въ 20 верстахъ отъ Казани. Постройка города была предпринята всецѣло въ интересахъ предполагаемаго похода: Свіяжскъ долженъ былъ стать операціоннымъ базисомъ при завоеваніи Казани.

Набѣги казанцевъ совмѣстно съ ногайцами были опустошительны. Набѣгая, «яко же зліи звѣри», они уводили безчисленное количество плѣнныхъ христіанъ. Военная сила не всегда могла остановить ихъ нашествіе. Правительство, пользуясь раздорами внутри аристократіи, пыталось сажать на ханскій престолъ своихъ ставленниковъ. Впрочемъ, послѣдніе не всегда прочно сидѣли на ханскомъ столѣ. Въ Казани была все-таки сильна религіозно-національная партія, отстаивавшая свою независимость и не допускавшая вмѣшательства Москвы въ свои внутреннія дѣла. Въ случаѣ побѣды національной партіи, московскіе сторонники находили ласковый приемъ въ Москвѣ. Обращеніе послѣднихъ къ московской помощи давало моральное право Москвѣ поддерживать силой оружія своего сторонника.

Въ половинѣ XVI в. Казань была внутренне слаба, и Московское правительство рѣшило взять ее. Въ 1552 г. Казанское царство пало. Оставалась непокоренной Астрахань, выросшая на развалинахъ стариннаго Итиля. Скоро она стала виднымъ торговымъ центромъ. Для венеціанцевъ и генуэзцевъ въ XI—XIII вѣкахъ она была главной торговой факторіей. Въ XIV вѣкѣ ее до основанія разрушилъ Тамерланъ. Около половины XV вѣка она представляла печальный видъ разрушенія, а въ XVI в.—она снова богатый городъ. Завоеваніе Астрахани вытекало изъ покоренія Казани.

Нельзя было уничтожить одно разбойничье гнѣздо и оставить другое, да и эксплуатація почвенныхъ и рыболовныхъ богатствъ была невозможна при этихъ условіяхъ. Русское правительство это прекрасно понимало и только отсрочило паденіе второго царства. Первоначально Московское правительство пыталось обезпечить себя путемъ возведенія на ханскій престолъ своего ставленника. Астраханскимъ ханомъ сталъ Дербышъ. Скоро правительство убѣдилось въ его симпатіяхъ къ Крыму, и тогда рѣшено было присоединить Астрахань къ Москвѣ. Московское правительство воспользовалось недовольствомъ татарскихъ мирзъ, и ихъ просьбой, чтобы русскій государь оборонилъ ихъ отъ Дербыша и учинилъ въ Астрахани своихъ людей, такъ же, какъ и въ Казани, потому что ханъ «не прямить» великому князю и имъ надѣлалъ «великія нужи». Опираясь на общественное мнѣніе, Грозный присоединилъ Астрахань.

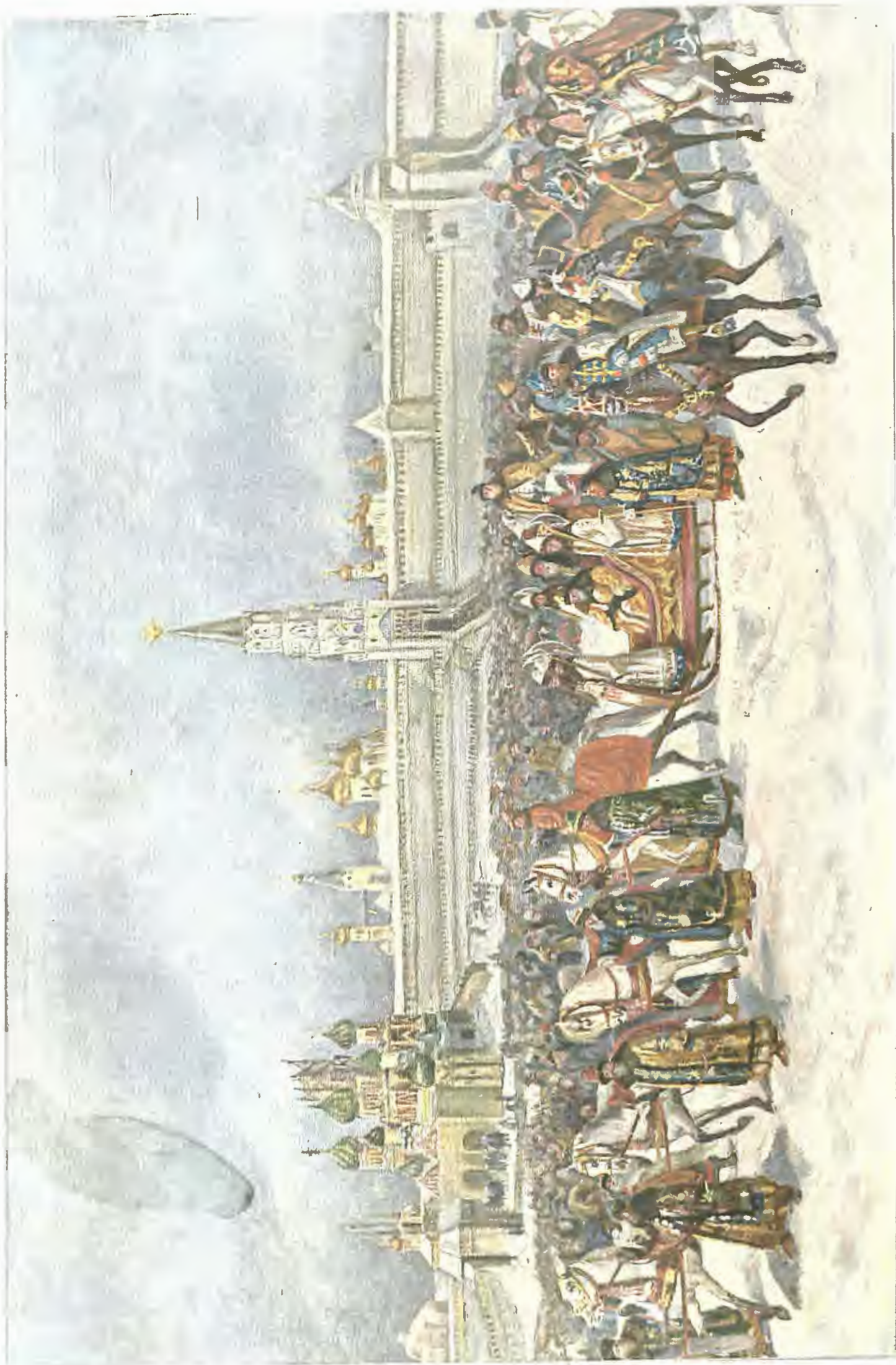
Завоеваніе двухъ царствъ имѣло немаловажныя послѣдствія для Московскаго государства: выросли твердые пункты русской осѣдлости. Правительство могло дальше расширять свою территорію на востокъ, врѣзываясь клиномъ въ земли инородцевъ. Начинается спѣшная стройка городовъ. Тогда же на землѣ инородцевъ были построены города: Чебоксары, Цивильскъ, Козьмодемьянскъ, Кокшайскъ и Сунгурскъ въ землѣ Черемись. Эти города, въ особенности Чебоксары, и стали центромъ, откуда посылались отряды для покоренія инородцевъ.

Новые города возникаютъ также и въ другихъ мѣстахъ Казанской области, но только вслѣдствіе другихъ условій. За Волгой кочевали ногайскіе мирзы со своими улусами. Лѣтомъ они доходили до Камы, а иногда переправлялись черезъ Каму и Уфу и далѣе на сѣверъ. Московскому правительству приходилось принимать мѣры «противъ прихода ногайскихъ людей», въ особенности въ мѣстахъ переправы черезъ рѣки. Уже въ 1557 г. построили Лаишевъ на правомъ берегу Нижней Камы.

Вскорѣ же послѣ завоеванія Казани былъ построенъ на правомъ берегу Волги Тетюшевъ. Построенные города имѣли единственной цѣлью сдерживаніе жителей въ покорности и утвержденіе русскаго господства въ краѣ. Поэтому они были по преимуществу населены военномъ элементомъ—стрѣльцами и дѣтьми боярскими, переведенными сюда изъ центральныхъ областей.

Въ новыхъ городахъ строились церкви и монастыри для развитія широкой миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ, чтобы и распространеніемъ христіанства сблизить ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Во время Ливонской войны было не до постройки новыхъ городовъ, и

Поѣдка Јоанна Грознаго на богомолѣ.

правительственная колонизация временно приостанавливается. Возобновляется она снова только в 80-х годах XVI ст. Возникают города выше Астрахани: Саратов, Самара, Царицын; появляются русские поселения в землях башкир: Уфа и Бирск на реке Белой Воложке. С появлением новых городов должна была увеличиться безопасность на окраинных местах Поволжья, заселенного русскими людьми.

Для удержания края в покорности надо было заселить новый край русским элементом. Правительство, считая все земли бывшего Казанского царства своею собственностью, решило раздать их различным русским общественным элементам: духовенству, служилым людям, отобрать часть земель на государево имя.

Въездъ иностранцевъ въ Москву въ XVII вѣкѣ. Изъ путешествій въ Московію Адама Олеарія.

Произведенная въ XVI вѣкѣ опись земель рисуетъ край уже болѣе или менѣе заселеннымъ. Не малая часть дворцовыхъ, монастырскихъ и служилыхъ земель заполнена слободами съ русскимъ населеніемъ, занимавшимся земледѣліемъ и промыслами. Ново-населенныя мѣста почти все носятъ русскія названія. Рядомъ съ инородческой географической номенклатурой даже небольшія рѣчки, овражки, горки получили русское наименованіе.

Русское населеніе, какъ показываютъ писцовыя книги XVI в., составилось изъ выходцевъ разныхъ мѣстностей Московскаго государства.

Бѣгство изъ центральныхъ мѣстностей находится въ связи съ ростомъ задолженности крестьянской массы и желаніемъ сбросить крѣпостное ярмо, зажить свободной жизнью на русской окраинѣ.

Въ свою очередь запустѣніе центральной Руси только усиливало экономическій кризисъ XVI вѣка.

Таковы были результаты завоеванія Поволжья.

IV.

Третье татарское царство, Крымъ, лежало сравнительно далеко отъ Москвы и южной украины.

При тогдашнихъ условіяхъ не могло, конечно, быть и рѣчи о немедленномъ завоеваніи Крыма. Несомнѣнно, совѣтники царя, не раздѣлявшіе плановъ Сильвестра о завоеваніи Крыма, оказались болѣе трезвыми политиками.

Такъ былъ снятъ съ очереди крымскій вопросъ, но онъ ежегодно давалъ себя знать. Татарскіе хищники грабили южныя границы Московскаго государства, уводя съ собой безчисленный полонъ, впоследствии появившійся на рабовладѣльческихъ рынкахъ Востока. Приходилось думать если не о завоеваніи Крыма, то, по крайней мѣрѣ, объ охранѣ границъ отъ татаръ. Сейчасъ же послѣ паденія татарскаго ига правительство принимаетъ рядъ мѣръ по оборонѣ границъ. Намѣчается медленное поступательное движеніе русскаго народа въ степь. Строятся городки и острожки, пограничныя мѣстности заселяются служилымъ сословіемъ, проводятся укрѣпленныя линіи, все большее и большее пространство степи попадаетъ въ сферу русскаго вліянія.

Весь XVI вѣкъ безъ перерыва колонизируется южная степь. Въ 1503 году, съ присоединеніемъ Сѣверской земли къ Москвѣ, окраинными городами сдѣлались Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Новосиль, Мценскъ, Одоевъ на рѣкѣ Упѣ, Новгородъ-Сѣверскій. Въ 20 годахъ южныя границы доходили до рѣкъ Десны, Сейма, Оки, Зуши, Сосны, Верхняго Дона, Воронежа, Упы, Мокши и Нижней Суры. Въ тридцатыхъ годахъ—въ области Мордвы и Мецеры строятся Мокшанскъ на рѣкѣ Мокшѣ и Алатырь при впаденіи рѣки того же имени въ Суру, а въ 1552 году Шацкъ на рѣкѣ Цнѣ.

Все эти города должны были защищать замиренную Мордву.

Затѣмъ вниманіе правительства сосредоточилось на бассейнѣ верхней Оки и верхняго Дона. Это были самыя опасныя мѣста для поселенія. Здѣсь по водораздѣламъ рѣкъ лежали шляхи, по которымъ крымскіе татары дѣлали свои разбойничьи наѣзды.

Для охраны населенія, въ пятидесятыхъ годахъ были выстроены города: Орелъ, Чернь, Крапивна; при Феодорѣ Ивановичѣ въ бассейнѣ верхняго Дона—Елецъ, Воронежъ, Ливны и Кромы недалеко отъ впаденія Кромы въ Оку. Наконецъ, при Борисѣ колонизаціонная черта выдвигается еще далѣе въ глубь степи. Былъ выстроенъ Царевъ-Борисовъ на Осколѣ, почти у впаденія его въ Донъ. Такъ, въ XVI вѣкѣ московская правительственная колонизація передвинулась на югъ по теченію Оскола и Дона до ихъ сліянія. Около городовъ селились служилые люди, получавшіе помѣстье за службу. Кое-гдѣ появлялось крестьянство, отчасти переведенное, отчасти бѣглое, искавшее на югѣ простора и свободы.

Города стали мало-по-малу центрами земледѣльской и промышленной дѣятельности населенія.

Организуя станичную и сторожевую службу, правительство, загоразживая степныя дороги всё новыми и новыми перегородками, сокращало районъ татарскихъ набѣговъ, отгѣснивъ его чуть ли не къ самому морю. Но не всегда построенныя укрѣпленія были въ состояніи задержать врага. Въ 1571 году татары напали врасплохъ на Украину, переправились черезъ Оку и сожгли Москву (уцѣлѣлъ только Кремль).

Набѣгъ 1572 года былъ предотвращенъ. На берегу Лонаси ханъ былъ разбитъ и вернулся домой.

Объядъ. Изъ путешествій въ Московію Агама Оларія.

Нельзя не признать цѣлесообразной этой колонизаціонной дѣятельности правительства: лишенное возможности уничтожить крымское гнѣздо, оно, захватывая степь, подготовило своимъ преемникамъ окончательное покореніе Крыма.

Въ интересахъ мира правительство часто обмѣнивалось посольствами съ Крымомъ, сплошь и рядомъ сопровождая свои переговоры, для большей убѣдительности, цѣнными подарками. Послѣднихъ перепало въ руки хана немало: и Литва, и Москва желали имѣть его союзникомъ. Ханъ же, получая подарки, обыкновенно грабилъ оба государства, и «татарскіе упоминки» оказывались безрезультатными.

Въ связи съ крымскимъ вопросомъ выдвигался и вопросъ турецкій. Генезисъ его можно отнести къ моменту, когда крымскій ханъ объявилъ себя вассаломъ турецкаго султана. Съ этого времени татарскіе набѣги совершаются обыкновенно подъ давленіемъ султана. Сталкиваясь съ Кры-

момъ, московскіе дипломаты не интересовались, кто стоялъ за спиной татаръ. Но въ XVI вѣкѣ расширявшаяся территорія подвигалась къ морю. Вотъ тутъ непосредственно и столкнулись русскіе и турки.

Столкновеніе русскихъ съ турками есть результатъ появленія донского казачества. Рядомъ съ правительственной колонизаціей шла и народная, выходившая за предѣлы правительственныхъ пограничныхъ линій. Степь все больше и больше наполнялась людьми, которыхъ тянули къ себѣ степное приволье и степная опасность.

Изъ этихъ элементовъ, промышлявшихъ рыбою, звѣремъ, подчасъ разбоемъ, и образовалось донское казачество. Задирая татаръ, оно причиняло немало неудовольствія Московскому правительству, которому приходилось отчитываться передъ ханомъ. Но остановить это движеніе было, конечно, невозможно. Уже въ XVI вѣкѣ Нижній Донъ былъ заселенъ казацкими городками и станицами, и, такимъ образомъ, расширялась территорія степи, вырванной изъ рукъ хищниковъ. Кажется, станица Раздоры при впаденіи Донца въ Донъ стала средоточіемъ донского казачества. Последнее распространилось отсюда на Терекъ и Волгу, а съ Волги на Яикъ, промышляя грабежомъ и разбоемъ.

И Крымъ, и, особенно, Турція съ нескрываемой боязнью смотрѣли на растущую народную колонизацію. Самая постройка крѣпостей по берегу Азовскаго моря указывала на то, какъ Турція смотрѣла на казаковъ, съ которыми постоянно происходили мелкія схватки и стычки на почвѣ борьбы за звѣриные ловы, гоны и рыбныя богатства.

V.

Возникшее казачество немало содѣйствовало покоренію Сибирскаго царства, основаннаго въ западной Сибири. Последняя была давно извѣстна русскимъ. Доходили до нея и новгородская повольница, и экспедиція при Иванѣ III въ Югорскую землю за сборомъ ясака съ вогуловъ и остяковъ.

На востокѣ и югѣ Югорской земли расположились кочевьями сибирскіе татары по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Подобно Казани и Астрахани, и они обособились въ отдѣльное царство, включавшее и остяковъ съ вогулами. Паденіе Казани произвело такое сильное впечатлѣніе на сибирскаго хана Едигера, что онъ призналъ себя данникомъ Московскаго князя. Занявшій его мѣсто Кучумъ сначала тоже платилъ дань, но послѣ ливонскихъ неудачъ прекратилъ еѣ платить, настраивая въ то же время инородцевъ Казанскаго царства противъ Москвы и нападаая на Пермскую землю. Правительство было озабочено охраной пермской Украйны. Поэтому, когда богатые солянопромышленники Строгановы, имѣвшіе большія имѣнія въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ, широко развившіе свою дѣятельность по заселенію Прикамскаго края, въ 1574 году обратились къ Грозному съ челобитной о пожалованіи имъ земель по Тоболу и его притокамъ, съ правомъ строить крѣпости, заводить тамъ слободы, пашни, владѣть угодьями, содержать сторожей и огненный нарядъ, то Иванъ Грозный далъ свое согласіе, освободивъ Строгановыхъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей

Илья Репин. Сергий Прудобный перед Куликовской битвой.

Как вы находите? Где сохранилась галерея?

и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ и разрѣшивъ разыскивать мѣдную, свинцовую руду и горячую сѣру.

Просьба Строгановыхъ выводила изъ затрудненія Московское правительство, не имѣвшее достаточныхъ средствъ для охраны пермской украины. Давая утвердительный отвѣтъ на челобитіе Строгановыхъ, правительство надѣялось на умиротвореніе восточной украины, постоянно тревожимой нападеніями, а укрѣпленіе русской власти за Ураломъ обезпечивало исправный взносъ ясака сибирскими инородцами и усиливало возможность пріобрѣтенія новыхъ плательщиковъ.

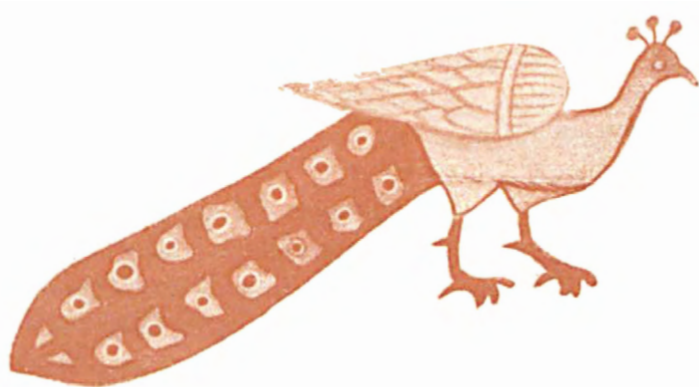
Перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уралъ превышало собственныя средства Строгановыхъ. Долгое время ихъ намѣренія не осуществлялись, пока къ нимъ не явились казацкія дружины, промышлявшія на Волгѣ разбоемъ.

Строгановы съ удовольствіемъ приняли ихъ къ себѣ на службу и тотчасъ же снарядили экспедицію за Уралъ. По внѣшности эта экспедиція съ Ермакомъ во главѣ окончилась блестяще: Сибирское царство было покорено, Сибирскіе татары должны были подчиниться казакамъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Но это завоеваніе Сибири было непрочно. Ермакъ скоро погибъ, а послѣ его гибели Сибирь фактически стала опять независимой, и ее снова пришлось покорять; гибель Ермака и отступленіе его отряда изъ Сибири доказали непрочность казацкихъ завоеваній и невозможность однимъ ударомъ покорить цѣлую страну. Поэтому, само правительство, принявшись за покореніе Сибири, дѣйствуетъ по-иному, развивая широкую колонизаціонную дѣятельность. Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ являлось лучшимъ оправданіемъ правительственной тактики.

Посылая въ Сибирь казаковъ, правительство Θεодора Ивановича предписало имъ построить тамъ городъ и укрѣпиться въ немъ.

Воеводы такъ и сдѣлали, и въ 1586 г. былъ построенъ въ Сибири первый русскій городъ Тюмень на рѣкѣ Турѣ. Съ этого момента и начинается медленная, но систематическая постройка новыхъ городовъ съ поселеніемъ въ нихъ военнаго и отчасти торговаго элементовъ, постепенно отнимавшая у инородцевъ все большія и большія пяди Сибирской земли. Конечно, это покореніе Сибири было прочиѣ завоеванія Ермака и открывало для русскаго правительства широкія и роковыя перспективы—къ Великому Океану.

Изъ Псалтыря Суздальск. монастыря XVI в.

Московскіе гуманисты и обскуранты XVI вѣка.

Проф. В. М. Довнаръ-Запольскаго.

динъ лѣтописецъ, описывая событія начала XVI в., даетъ такую проникнутую лиризмомъ характеристику «красоты и величества преславнаго града Москвы»: «Тогда великая наша російская земля свободися отъ ярма и отъ искорененія бусурманскаго и начать обновлятися, яко отъ зимы на тихую весну прелагатиися и възде наки на древнее свое величество и благолѣпіе и доброту, якоже прежде при великомъ князѣ Владимірѣ православномъ, еже премилостивый Господу Царю Христе даждь дорости, яко младенцу и величатиися и раститися и вездѣ преобщати въ мужа совершенна и славиги пречистое имя Твое Отца и Сына и Св. Духа и во вѣки и до славнаго второго Твоего пришествія и до скончанія міра сего. И возсія нынѣ стольный преславный градъ Москва, вторый Кіевъ,— не постыжужеса и не буду виновенъ нареци того и третіе великій Римъ, провозсіяша въ послѣдняя лѣта сія яко великое солнце въ велицей нашей земли русской во всѣхъ градахъ сихъ и во многихъ людяхъ

пространшися, красуяся и просвѣщаяся святыми многими церквами, яко видимое небо святяся звѣздами утвержено незыблемо и непоколебимо отъ злыхъ еретиковъ возмущающихъ».

Такъ лѣтописецъ опредѣлялъ величество и славу третьяго Рима; Москва является для него представителемъ всей русской національности,—покрываетъ собою народъ и государство. Дѣйствительно, необычный ростъ національнаго сознанія въ XVI в. видѣлъ въ Москвѣ-городѣ олицетвореніе всего государства. Даже болѣе того, исторія государства въ XVI в. сливается съ исторіей центрального города, покрывается ею. Москва дѣлается центромъ культурной жизни націи, и централизація какъ въ умственномъ,

такъ и въ государственномъ отношеніяхъ достигаетъ такихъ предѣловъ, которыхъ не знало ни послѣдующее, ни предшествующее время.

Это вполне понятно. Небольшой удѣль Московскаго князя въ короткое время и сравнительно незамѣтно превратился въ огромное государство, объединившее всю Русь и поглотившее индивидуальныя особенности ея частей. Московскій удѣльный князь, скоплавшій свое княженіе при помощи пріемовъ частнаго вотчинника, превратился въ государя всея Руси, сдѣлался «государямъ государь»; бѣдная культурной жизнью Московская область обогатилась «великими свѣтильниками русской земли», святыми угодниками, большею частью до пол. XVI в. мѣстно чтимыми. Орда была раздроблена, распалась. У бывшаго удѣльнаго князя Московскаго, теперь государя всея Руси, заискиваютъ римскій цесарь и другіе государи, восточные патріархи; бракъ Софіи Палеологъ дѣлаетъ этого государя какъ бы преемникомъ византійскаго престола. Вотъ рядъ условій, которыя воздѣйствовали на политическое и общественное сознаніе московскаго общества.

Прежде всего начинается работать національное самосознаніе. Эта работа выражается появленіемъ въ тогдашней литературѣ ряда сказаній, въ которыхъ центральное мѣсто занимаетъ Москва и ея великій князь. Мысль преимущественно работаетъ въ національномъ направленіи. Къ началу XVI в. уже оформливается легенда о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Легенда о бѣломъ клобукѣ Новгородскаго владыки объясняла связь древняго благочестія съ московскимъ. Легенда о Мономаховой шапкѣ объясняла появленіе въ казнѣ Московскаго князя одного изъ символовъ его власти.

Повѣсти о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, опредѣляли историческое призваніе русскаго народа. Эта теорія была особенно отчетливо развита старцемъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филофеемъ. «Все, происходящее въ жизни людей и народовъ, — такъ опредѣляетъ проф. Малининъ политическое міровоззрѣніе Филофея, — опредѣляется и совершается всевышнею и всеильною десницею Божіею; мощью и промышленіемъ Божиимъ поводятся на престолы цари и достигаютъ своего величія». Промысль Божій сказался въ томъ, что старый Римъ, а за нимъ и Константиноградъ пали вслѣдствіе измѣны православію. Остается невредимою только «славная соборная церковь Успѣнія Божія Матери богоспасаемаго града Москвы и всей новой и великой Руси, третьяго Рима»; въ историческомъ бытіи человечества четвертому Риму не бывать. «Такъ въ послѣдовательномъ ходѣ исторической жизни народовъ, всѣ православныя христіанскія царства пали и слились въ одно царство русское, вслѣдствіе чего русскій царь является единственнымъ христіанскимъ царемъ во всемъ поднебесьи. Царство русское есть послѣднее міровое царство, за которымъ наступитъ вѣчное царство Христа».

Былъ рядъ причинъ глубокаго умственнаго движенія, охватившаго русское общество въ первыя три четверти XVI вѣка. Все это вмѣстѣ вызвало высшее напряженіе умственныхъ силъ, отразившееся въ области религіозной, политической и литературной. Съ одной стороны, мысль поражалась величіемъ политическихъ успѣховъ Москвы и роста власти ея царя. Съ другой стороны, государственные и церковные порядки третьяго Рима

вызывали въ современномъ обществѣ глубокое недовольство. Все это вмѣстѣ накопило большой запасъ новыхъ идей, которыя выразились частью въ формѣ политической, частью въ религіозной съ оттѣнками раціонализма или мистицизма. Вотъ почему XVI в. въ русской исторіи является вѣкомъ какъ радикальной перестройки государственнаго правосознанія, такъ равно и перестройки въ культурномъ отношеніи. Это вѣкъ ревизионизма, революціонной борьбы новаго со старымъ. Одни были довольны совершившейся переменой и прилагали всѣ силы, чтобы закрѣпить ее, другихъ наблюденія надъ жизнью приводили къ отрицательнымъ результатамъ, поселяли среди нихъ нравственное недовольство и побуждали искать средствъ и способовъ разобраться въ современномъ положеніи вещей и выработать идеалъ будущаго. Мѣстомъ этого движенія была Москва. Поэтому исторія Москвы въ этотъ періодъ неразрывно сливается съ исторіей умственнаго броженія всего русскаго общества.

Завязью для этой борьбы послужили церковные вопросы, волновавшіе русскую церковь въ самомъ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ. Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ, съ которой православію пришлось вступить въ ожесточенную борьбу. Эта ересь имѣетъ своимъ источникомъ богомилство и является ученіемъ раціоналистическаго характера. Кромѣ вопросовъ о еретикахъ, русскую церковь тогда волновали и еще нѣкоторые другіе вопросы. Такими вопросами оказались вопросы о правѣ монастырей владѣть недвижимыми имуществами съ поселенными на нихъ крестьянами и вопросъ о вдовыхъ попахъ. Впервые вопросъ о еретикахъ разсматривался на соборѣ 1490 г. Представители церкви раскололись тогда на два направленія. Архіепископъ Новгородскій Геннадій, лично не присутствовавшій на Соборѣ, выразилъ взглядъ одной группы членовъ Собора въ своихъ посланіяхъ къ Собору. «Люди у насъ просты», писалъ онъ, «по книгамъ говорить не умѣютъ, такъ лучше не слѣдуетъ и никакихъ рѣчей плодить о вѣрѣ»; Соборъ нуженъ только для того, чтобы «еретиковъ казнити, жечи, да вѣшати». Новгородскій владыка нашелъ сильную поддержку въ очень начитанномъ, энергичномъ и обладавшемъ бойкимъ перомъ Волоколамскомъ игуменѣ Іосифѣ Санинѣ. Этотъ послѣдній и сдѣлался представителемъ цѣлаго направленія не только церковной, но и политической мысли. Напротивъ, другой рядъ соборныхъ членовъ, какъ Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и вообще Кирилло-Бѣлозерскіе старцы держались болѣе мягкаго отношенія къ ереси. Въ то время какъ осифлянская программа въ отношеніи еретиковъ была очень проста—«все равно—еретика руками ли убить, или молитвою»—училъ Іосифъ Санинъ, противники осифлянъ считали возможнымъ лишь словомъ воздѣйствовать на еретиковъ и принимать въ лоно церкви кающихся. Въ 1503 г. былъ созванъ Соборъ о вдовыхъ попахъ, который имѣлъ цѣлью выяснитъ, можно ли такихъ поповъ допускать къ богослуженію. Къ концу соборныхъ засѣданій, когда Іосифъ Волоцкій и его сторонники уже успѣли отъѣхать, на Соборѣ поднялся неожиданно, благодаря иниціативѣ Нила Сорскаго и его сторонниковъ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть недвижимыми имуществами. Осифляне возвратились на Соборъ и успѣли отстоять вопросъ

ЛИТОВЧЕНКО, АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
И НИКОИЪ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОВОРѢ.

о монастырскихъ имуществахъ. Но это уже былъ вопросъ политическій и экономическій.

Въ первоначальной стадіи развитія споры церковнаго характера привлекали политическую мысль по-стольку, по-скольку ея матеріалъ необходимъ былъ для доказательствъ въ сферѣ церковныхъ отношеній, въ послѣдующее время, въ половинѣ XVI стол., т.-е. во второмъ уже поколѣніи, вопросы политическіе и экономическіе поставлены отчетливо и ясно, вопросы же церковные отходятъ на второй планъ.

Глубокое различіе отдѣляло все міросозерцаніе осифлянъ отъ міросозерцанія ихъ противниковъ. Основатель перваго направленія, Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря, былъ въ высшей степени даровитымъ самоучкой. Онъ былъ очень начитанъ, но былъ совершенно лишенъ всякаго критическаго чутья, даже сравнительно съ уровнемъ писателей того времени. Онъ не отличалъ источниковъ христіанскаго вѣроученія и христіанской морали. Въ его представленіи сливались понятія Писанія въ собственномъ смыслѣ и всякой вообще письменности церковнаго характера. Оттого въ своихъ сочиненіяхъ онъ охотно опирается какъ на сочиненія, запечатлѣнные авторитетомъ церкви, такъ и на сочиненія апокрифическія, житія святыхъ, даже на гражданское законодательство Византійской имперіи: всякая такая письменность, съ его точки зрѣнія, освѣщена авторитетомъ Священнаго писанія. Вообще онъ обнаруживалъ чисто формальное отношеніе и къ религіозной письменности, и къ ученію церкви. Неразборчивость литературныхъ источниковъ шла параллельно съ неразборчивостью въ вопросахъ нравственныхъ. Таково ученіе Іосифа о «богопремудростномъ и богонаученномъ коварствѣ», выведенное имъ на основаніи одного частнаго поступка одного святаго мужа и возведенное въ систему, направленную противъ еретиковъ. Буква и обрядъ — вотъ основа его пониманія религіи. Надъ этимъ формализмомъ въ вопросахъ морали и религіи доминируетъ практическая житейская споровка. Вообще въ ученіи Іосифа Санина есть много такого, что роднитъ его съ іезуитами. Монастырскій уставъ Іосифа, при требованіи безусловнаго подначалія настоятелю, можетъ быть поддержанъ только при цѣлой системѣ шпионства. Іосифовъ монастырь — это школа для подготовки чиновниковъ церковной іерархіи, почему монастырю и необходимо было владѣть имѣніями. Церковь — государственное учрежденіе и должна служить государству. Эта служба чисто формальнаго характера. Мысль не должна играть роли въ жизни человѣка: «всѣмъ страстямъ мати мнѣніе, мнѣніе — второе наденіе», — писалъ одинъ изъ учениковъ Іосифа Волоцкаго. Это понятно: еще учитель Іосифа Волоцкаго, Пафнугій Боровскій, не терпѣлъ въ своемъ монастырѣ разсужденій о догматахъ и разсуждающихъ изгонялъ изъ монастыря.

Вообще глубокій обскурантизмъ отличаетъ все міровоззрѣніе осифлянской партіи. Рядъ вопросовъ раздѣлялъ ее отъ ея противниковъ-нестяжателей. Въ вопросѣ о вдовыхъ понахъ осифляне требовали устраненія таковыхъ отъ богослуженія. Они прилагали всѣ усилія для того, чтобы отстоять право монастырей владѣть недвижимыми имѣніями. По отношенію

къ еретикамъ они допускали приемы инквизиціи и казни. Архіепископъ Новгородскій Геннадій «аки левъ» ополчился на еретиковъ.

Обратимся теперь къ политической сторонѣ вопроса. Подъ перомъ осифлянъ, особенно главнаго представителя этого направленія, вопросъ о ереси и монастырскихъ имуществѣхъ сразу сталъ на почву политическую. Церковь своими руками не можетъ казнить еретиковъ. Ихъ должна казнить свѣтская власть. Для этого надо было доказать право этой власти вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Отсюда въ ученіи Іосифа Санина царь является представителемъ церкви и ея защитникомъ въ силу божественнаго происхожденія власти. Въ словахъ, написанныхъ при Іоаннѣ III, Іосифъ Санинъ настоятельно требуетъ, чтобы царь казнилъ еретиковъ. Царь — охранитель правовѣрія. Власть царя — божественнаго происхожденія, и даже болѣе того: царь является представителемъ Бога на землѣ: царей и князей «Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ»; «царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ вышнему Богу». Въ своемъ обожествленіи представителя земной власти Іосифъ Санинъ доходитъ до полнаго отождествленія царя и Бога, но только такого царя, который дѣйствуетъ въ духѣ осифлянскій доктрины: «Бози бо есте и сынове Вышняго, — обращается онъ къ великому князю и его сыну, — блюдитежеся, да не будете сынове гнѣву, да не изомрете, яко человѣци и во пса мѣсто низвержени будете во адъ». Такимъ образомъ, возвышая царскую власть, отождествляя ее съ божественной, Іосифъ въ то же время проповѣдуетъ въ сущности революціонное ученіе: царь до тѣхъ поръ только тождествененъ Богу, пока слѣдуетъ осифлянскій догмѣ: царь, впадающій въ невѣріе, страсти и лукавство — «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель».

Осифлянскій доктрина вполне гармонировала съ создавшимся положеніемъ вещей, соотвѣтствуя и личнымъ деспотическимъ наклонностямъ великаго князя Іоанна и его ближайшихъ преемниковъ. Она давала теоретическое обоснованіе деспотизму великаго князя Московскаго. Неудивительно поэтому, что всѣ три государя, правившіе въ періодъ этой борьбы, Іоаннъ III, его сынъ и внукъ, охотно становились на точку зрѣнія этого ученія и воспользовались для практическихъ цѣлей теоретическими выводами, которые изъ него слѣдовали, поддерживая осифлянъ и въ вопросахъ о ересьхъ, и въ вопросахъ о церковныхъ имуществѣхъ, хотя всѣ три государя были весьма склонны воспользоваться монастырскими землями.

Ученіе осифлянъ утверждало главенство царя надъ церковью, отсюда и тезисъ Іосифа Волоцкаго: «Царскій судъ святительскимъ не посягается ни отъ кого». Отсюда и «богопротивное лукавство», какъ характеризовали осифлянъ ихъ противники, и безусловное покореніе властямъ. Послѣдователь Іосифа Санина, митр. Даніилъ, возвелъ осифлянское лукавство въ цѣлую систему. Это былъ, уже на митрополичьемъ престолѣ, краснощекий упитанный монахъ, любившій дорогія одежды и всякія житейскія удобства, разыгрывавшій передъ народомъ роль аскета; онъ охотно ссужалъ деньгами своихъ знакомыхъ и забиралъ за долги ихъ села, зани-

мался скупкою сель, увеличивая всѣми этими мѣрами достояніе митрополіи. Даніилъ былъ весьма плодовитымъ писателемъ и въ своихъ посланіяхъ и рѣчахъ обычно обращался къ волновавшимъ тогда общество вопросамъ. По ученію Даніила, царь только естествомъ тѣлеснымъ «равенъ человѣку», властью же «приличенъ Богу», почему «неприступимъ есть человѣки высоты ради земного царствія». Царь заботится о людяхъ, дабы они преусиживали въ добрѣ и не дѣлали зла. Митрополитъ Даніилъ идетъ дальше своего учителя какъ въ формахъ отождествленія царя и Бога, такъ и въ развитіи прерогативъ царской власти. Царь выполняетъ свою божественную миссію единолично, обращаясь только къ единому Богу. Великій князь Московскій является именно такимъ царемъ: Василій III есть «царемъ царь истовый», твердый пособникъ всему народу и благочестію. Такая власть необходима для того, чтобы «корабль великаго державства не потонулъ въ волнахъ безчестія».

Такова сущность ученія о царской власти, защищавшагося осифлянами. Многочисленные послѣдователи этого направленія усердно развивали свои основные взгляды, проводили ихъ въ жизнь въ своихъ отношеніяхъ къ власти, угодили передъ нею. Самъ митрополитъ Даніилъ возвелъ въ систему, подобно своему учителю Іосифу Волоцкому, преклоненіе власти церковной передъ властью свѣтской и такимъ образомъ подчинялъ церковь и ея авторитетъ личной и государственной политикѣ великихъ князей Московскихъ. И въ своемъ ученіи, и въ житейскихъ отношеніяхъ митрополитъ Даніилъ проводилъ мысль о томъ, что цѣль оправдываетъ средства. Отсюда дѣлались и соотвѣтственные политическіе выводы: митрополитъ Даніилъ помогъ Василию III избавиться отъ «запаснушнаго врага Шемятича», самъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ очень некрасивую роль клятвоступника и тѣмъ не менѣе воздавалъ «великую хвалу» великому князю. Въ дѣлѣ Максима Грека и въ дѣлѣ развода Василя III съ его первой женой Соломонидой митрополитъ Даніилъ сыгралъ столь же некрасивую роль. Защищая личные интересы и свои политическіе взгляды, митрополитъ Даніилъ преслѣдовалъ своихъ личныхъ враговъ съ настойчивостью и коварствомъ, къ какимъ не прибѣгали ни его предшественники, ни послѣдующіе митрополиты.

Не одинъ митрополитъ Даніилъ проводилъ въ жизнь въ столь сильной мѣрѣ подчиненіе свѣтской власти: это было особенностью всѣхъ осифлянъ. Вотъ еще голосъ Новгородскаго архіепископа Θεодосія, который около 1547 — 1550 гг. написалъ посланіе молодому царю: называя его «Богутвержденнымъ владыкой», онъ обращается къ нему, «яко ученикъ учителю, яко рабъ государю», потому что онъ не можетъ забыть той «мѣры», которая отдѣляетъ его, пастыря, отъ земного «подобія небесной власти»; владыка разсыпается въ комплиментахъ царю, хвалитъ его «царскій многоочинтый умъ», сравниваетъ «царское остроуміе» съ всевидящимъ окомъ небснаго Царя и совѣтуетъ ему быть страшнымъ «сана ради власти царскіе».

Охарактеризовавъ осифлянскую доктрину и ихъ представителей, перейдемъ теперь къ ихъ противникамъ. Если обскурантизмъ является ха-

рактернымъ признакомъ осифлянскихъ взглядовъ, то идеалы нестяжателей окрашены гуманистическими началами.

Старѣйшій изъ бѣлозерскихъ старцевъ, Нилъ Сорскій, былъ постриженникомъ почтеннаго старца Паисія Ярославова, проведеннаго жизнь въ Кирилловѣ монастырѣ, вдали отъ московской централизаціи. Свое образованіе и религіозное воспитаніе Нилъ Сорскій довершилъ на Аѳонѣ. Вернувшись въ Россію, онъ основалъ свой скитъ на рѣкѣ Сорѣ въ 15 верстахъ отъ Бѣлозерскаго монастыря. Нилъ Сорскій отличался широкимъ богословскимъ образованіемъ въ противоположность начетничеству его противниковъ. Неудивительно поэтому, что онъ усвоилъ себѣ критическое отношеніе къ церковной письменности. Онъ отличалъ божественное писаніе отъ другихъ видовъ церковной литературы: «писанія многа, но не вся божественна суть», училъ онъ. Отсюда стремленіе къ разумному усвоенію Священнаго писанія и предпочтеніе чистаго источника его — Евангелія. Взгляды Нила Сорскаго на иноческую жизнь діаметрально противоположны взглядамъ его противниковъ. Иноческая жизнь заключается не въ формальномъ исполненіи обрядовъ, но въ «умномъ» и «сердечномъ дѣланіи», т.-е. во внутренней духовной борьбѣ съ дурными помыслами. Отсюда вытекаетъ и предпочтеніе скитской жизни общежительному монашеству. При такихъ воззрѣніяхъ понятенъ и взглядъ Нила Сорскаго на монастырскія имущества: иноческая жизнь не должна быть связана съ заботами матеріальнаго свойства; она должна, отвлекаясь отъ матеріальныхъ удобствъ и заботъ, дать иноку возможность чисто духовной созерцательной жизни. Однимъ словомъ, черезъ всѣ воззрѣнія Нила Сорскаго проходитъ одна общая идея—идея нравственной, внутренней свободы.

Нилъ Сорскій, по своему характеру и воззрѣніямъ, не былъ способенъ къ борьбѣ. Его сочиненія носятъ исключительно религіозно-нравственный характеръ, затрагивая лишь вопросы о монастырскихъ имуществахъ и еретикахъ. Но его ученики и почитатели пошли дальше и съ почвы чисто религіозной перешли на почву социальныхъ и политическихъ вопросовъ. Ближайшимъ ученикомъ Нила Сорскаго былъ невольный старецъ князь Вассіанъ Патрикѣевъ, бывший еще при Іоаннѣ III очень сильнымъ бояриномъ. При великомъ князѣ Василии князь Вассіанъ снова получилъ вліяніе при дворѣ, жилъ въ Чудовомъ монастырѣ и былъ «великимъ временнымъ человѣкомъ». Князь Вассіанъ былъ постриженникомъ Кириллова монастыря и здѣсь въ Бѣлозерѣ сошелся съ Ниломъ. Кромѣ того, мы знаемъ о тѣсныхъ сношеніяхъ Вассіана и съ нѣкоторыми изъ видныхъ представителей ереси жидовствующихъ, именно онъ былъ друженъ съ извѣстнымъ дякомъ Курицынымъ. Такимъ образомъ происхожденіе, родство и давнія связи съ домомъ Калиты, затѣмъ общеніе съ представителями раціоналистическихъ взглядовъ оказали вліяніе на направленіе князя Вассіана. Боярское происхожденіе и связи дѣлали изъ него представителя боярскихъ тенденцій въ политическомъ отношеніи, вліяніе религіозныхъ раціоналиствъ опредѣлило взгляды Вассіана на вопросы церковные. При всемъ томъ это не былъ человѣкъ, склонный лишь подчиняться тѣмъ или другимъ вліяніямъ; напротивъ, онъ отличался самостоятельнымъ

и рѣзкимъ характеромъ, склоннымъ къ властвованію. Оттого онъ имѣлъ многихъ враговъ, и это было причиной его паденія, когда на митрополитскомъ престолѣ оказался столь же властолюбивый, но осторожный политикъ митрополитъ Данилъ. Вассіанъ раздѣлялъ взгляды на еретиковъ и на монастырскія имущества, усвоенные нестяжателями. Но въ критикѣ церковной письменности онъ пошелъ дальше: извѣстна его попытка собрать списки Кормчей и доказать подложность нѣкоторыхъ текстовъ ея; онъ именно подозрѣвалъ, что тексты Кормчей, относящіеся къ монастырскимъ имуществамъ, испорчены переписчиками и переводчиками и являются не «правилами», а «кривилами». Рѣзкій характеръ Вассіана создалъ ему многихъ враговъ: его называли «высокоумнымъ», «велеславнымъ», «высокошіявымъ». Раздѣляя ученіе нестяжателей, Вассіанъ идетъ дальше, затрагивая вопросы соціальныя и политическіе. Въ полемикѣ противъ владѣльческихъ правъ монастырей вездѣ проходятъ симпатіи Вассіана къ низшему классу: онъ противопоставляетъ нищету и страданія бѣдняковъ роскоши и изнѣженности привилегированныхъ классовъ, но его соціальныя воззрѣнія еще не отливаются въ опредѣленную форму, такъ какъ отнятіемъ земель у монастырей бѣдствія низшихъ классовъ не уменьшатся, а программы улучшения ихъ положенія у Вассіана нѣтъ. Въ вопросахъ политическихъ Вассіанъ, не отрицая богоустановленности великокняжеской власти, согласно съ боярскими традиціями далекъ отъ обожествленія представителя власти и отъ признанія принципа неограниченности ея. Прежде всего представитель власти долженъ имѣть совѣтниковъ изъ среды князей и бояръ и долженъ съ милосердіемъ управлять: «царемъ и великимъ княземъ достоинъ дѣла дѣлати милосердно, со всѣми князи и съ бояры». Совѣтниками царя должны быть князья, бояре и прочіе міряне, но во всякомъ случаѣ не иноки: царь, совѣтующійся съ иноками,— бесѣдуетъ съ мертвецами. Цари, которые возвышаютъ иноковъ, даютъ имъ землю, являются собою «простоту и маломысліе». Такимъ образомъ, хотя власть богоустановлена, но представители ея нуждаются въ совѣтахъ бояръ и князей, могутъ отличаться пороками и недостатками, требующими исправленія и поученія. Даже болѣе того. Ограничивая дѣятельность представителей церкви ея спеціальными задачами, Вассіанъ однако настаивалъ на неподчиненіи церкви въ вопросахъ церковныхъ свѣтской власти: пастыри должны стоять «о правдѣ» и, защищая ее, не должны бояться властей, «ниже утрашиться за пастыи своя». Передъ нами въ данномъ случаѣ полная антитеза ученію осифлянъ объ отношеніяхъ церкви къ государству.

Для того, чтобы закончить характеристику партіи нестяжателей, намъ остается остановиться еще на знаменитомъ Максимѣ Грекѣ. Максимъ Грекъ представляетъ собою слишкомъ крупную величину въ литературномъ отношеніи, чтобы признать въ немъ простого послѣдователя Нила Сорскаго. Но, безспорно, онъ является по характеру своихъ взглядовъ близко примыкающимъ къ названному теченію. Не останавливаясь на взглядахъ Максима Грека на монастырскія имущества, равно и на нѣкоторые другіе церковныя вопросы, мы отмѣтимъ тѣ черты въ его посланіяхъ, которыя характеризуютъ его политическое міровоззрѣніе. Грекъ привнесъ въ свои

воззрѣнія высокое представленіе о царской власти, далекое однако отъ обожествленія ея. Самодержецъ можетъ быть праведнымъ и неправеднымъ, добрымъ и злымъ, подверженнымъ, какъ и всѣ люди, страстямъ и порокамъ; вотъ почему правитель государства особенно нуждается въ наставленіяхъ, такъ какъ ему дается огромная власть. Въ посланіи къ Ивану Грозному Максимъ Грекъ, хотя и исходитъ изъ мысли объ уподобленіи земныхъ владыкъ небеснымъ, однако считаетъ нужнымъ преподать земному владыкѣ рядъ наставленій. Согласно общимъ воззрѣніямъ гуманиста, это—наставленія большею частью нравственного характера. Греческая держава погибла потому, что ея цари отличались гордостью, превозношеніемъ, сребролюбіемъ и другими пороками. Среди наставленій моральнаго свойства встрѣчаемъ и указанія политическаго характера: греческіе цари «презираху своя бояры», русскій царь долженъ имѣть всяческое прилежаніе къ своимъ боярамъ, воеводамъ и воинамъ, хотя Максимъ Грекъ точно и не говоритъ, каковы должны быть отношенія царя къ нимъ. Вообще царь, какъ и всякій сильный человѣкъ, долженъ миловать и благотворить «сущихъ въ скудости». Онъ долженъ давать правый судъ, блюсти цѣломудріе и къ своимъ «подручникамъ» имѣть кротость. Однимъ словомъ, царь долженъ отличаться высокими нравственными качествами, ибо обуреваемый пороками онъ «нѣсть небеснаго владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества человѣкообразно подобіе». Въ «словѣ, пространне излагающемъ, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія», Максимъ Грекъ въ мрачныхъ краскахъ рисуетъ результаты управленія въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ.

Такимъ образомъ представленія Максима Грека о царской власти являются антитезой осифлянскаго ученія и совпадаютъ съ представленіями Вассіана. Максимъ Грекъ не развиваетъ подробно своихъ взглядовъ въ своихъ посланіяхъ, такъ какъ онъ, наученный горькимъ опытомъ, строго держится религіозно-нравственной почвы, но въ нихъ нельзя не замѣтить систематической борьбы противъ осифлянскихъ взглядовъ: какъ бы возражая противъ ученія о высокихъ качествахъ земнаго владыки въ силу божественнаго происхожденія власти, Максимъ Грекъ старательно подчеркиваетъ возможность впаденія земнаго царя въ пороки. Изъ дѣла Берсеня Беклемишева и дьяка Федора Жаренова хорошо извѣстно, что Максимъ былъ въ сношеніяхъ съ этими опальными людьми и болѣе опредѣленно выражался о тогдашнемъ положеніи вещей. Онъ сочувственно относился къ жалобамъ Берсеня на то, что государь «встрѣчи» не любитъ и не совѣщается со своими боярами. Изъ рассказовъ Максима о правленіи у турокъ Берсень могъ вывести благопріятное заключеніе о порядкѣ управленія даже злочестивыхъ мусульманскимъ царей. Такимъ образомъ Максимъ оказался «добре совѣтенъ» съ тѣми опальными боярами, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей и съ устраненіемъ вліянія боярства на государственныя дѣла.

Что касается соціальныхъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ успѣлъ высказаться въ тѣхъ своихъ посланіяхъ, въ которыхъ онъ касается владѣнія монастырскими имуществами. Въ извѣстномъ своемъ

«Стизаниі» Любостязательнаго и Нестязательнаго Максимъ Грекъ рисуетъ мрачную картину крестьянской жизни въ монастырскихъ вотчинахъ. Монастырь-вотчинникъ раздаетъ крестьянамъ серебро въ ростъ и тѣмъ разоряетъ бѣдныхъ селянъ, повергая ихъ въ безчисленныя печали; монастырскихъ крестьянъ истязаютъ тяжелыми работами, немогущихъ платить подати изгоняютъ изъ селъ или обращаютъ въ вѣчное рабство. Монастырь въ этомъ отношеніи нисколько не отличается отъ мірскихъ вотчинниковъ. Подобнаго рода мысль Максимъ Грекъ повторяетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Въ Словѣ о покаяніи онъ описываетъ селянъ такими чертами: «тіи же окаяніи, безпрестани тружающесе и томимы въ житейскихъ потребахъ нашихъ, и обильна сія намъ уготовляюще, во скудостѣ и нищетѣ всегда пребываютъ, ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многождыже и безъ соли отъ послѣднія нищеты».

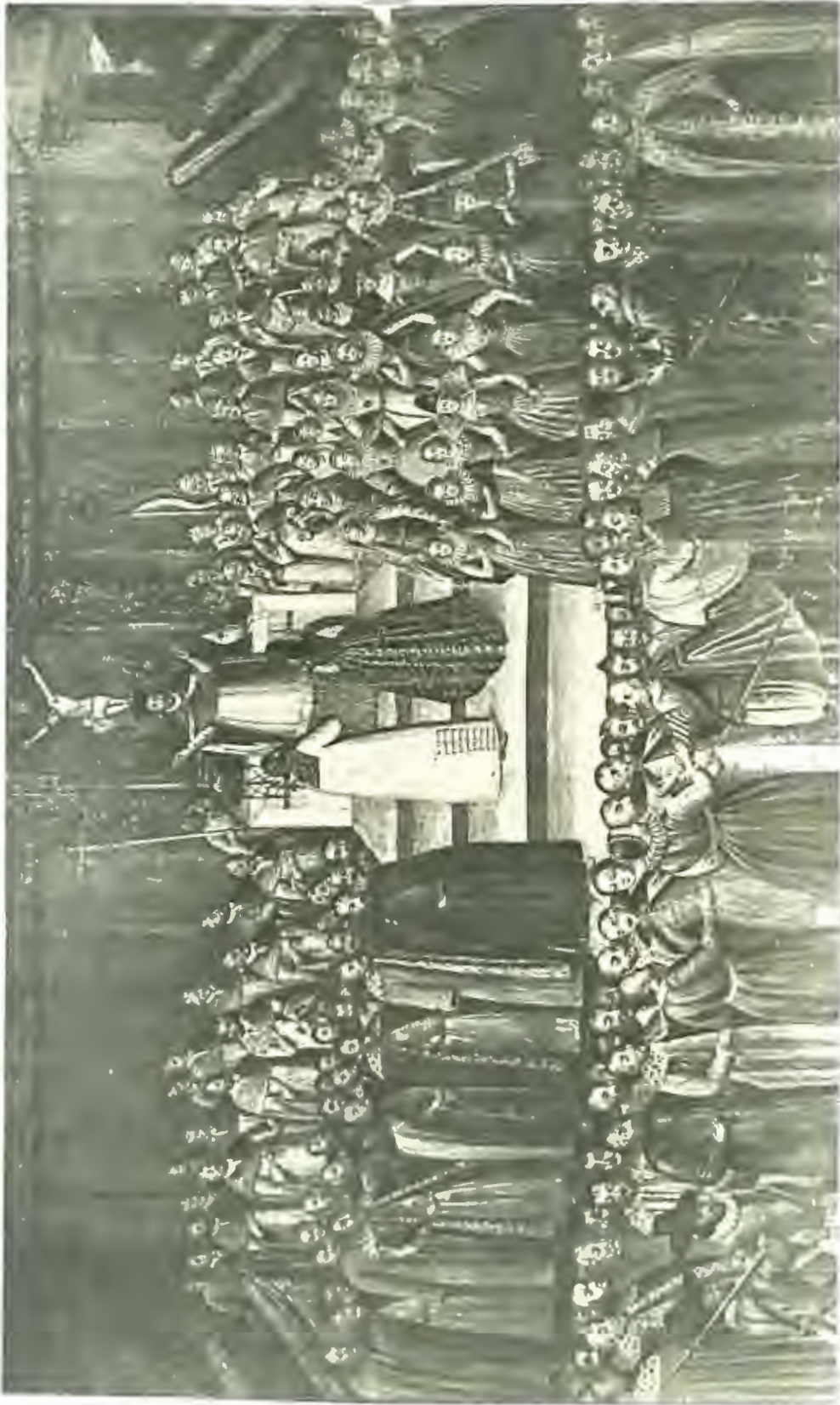
Мы познакомились съ воззрѣніями перваго поколѣнія общественныхъ и политическихъ дѣятелей изучаемой эпохи. Осифлянская партія, исходя изъ принципа отождествленія земнаго и небеснаго владыки, стремилась поддержать и теоретически обосновать развившійся подъ вліяніемъ цѣлаго ряда условій абсолютизмъ. Эта партія стремилась закрѣпить радикальныя перемѣны, которыя опредѣлились къ концу XV вѣка. Эти перемѣны заключались въ ростѣ власти великаго князя и въ устраненіи боярскаго и княженецкаго класса отъ участія въ управленіи государствомъ: прирочденные государи Рустѣй земли, княжье и боярство, теряютъ свое прежнее положеніе—слугъ и совѣтниковъ князя Московскаго, старая традиція устраняется, и этотъ верхній классъ начинаетъ сливаться съ низшимъ военно-служилымъ классомъ, воинствомъ, изъ слугъ превращается въ прикрѣпленный къ военной службѣ элементъ. Такимъ образомъ осифляне «перестанавливали» обычай, какъ о нихъ говорила противная партія. Но интересно, что тѣ же осифляне держались твердо убѣжденія, что они поддерживаютъ старину. Фикція старины въ осифлянской доктринѣ зиждилась, дѣйствительно, на нѣкоторыхъ фиктивныхъ произведеніяхъ тогдашней политической литературы, равно и на томъ, что по отсутствію критическаго отношенія къ источникамъ осифляне не отличали русской старины отъ византійской, охотно базируя свои взгляды на византійскомъ правѣ. Въ культурномъ отношеніи взгляды осифлянъ отличаются крайнимъ обскурантизмомъ, партійнымъ и личнымъ эгоизмомъ. Въ религіозныхъ, моральныхъ и социальныхъ взглядахъ нестяжателей много широкой, для того времени, гуманности, зато ихъ политическіе идеалы стремятся къ удержанію старинныхъ традицій, такъ что эту партію можно назвать консервативной, примѣняя къ ней нынѣшнюю терминологию.

Публицистика XVI столѣтія далеко не была однимъ литературнымъ занятіемъ: она являлась отраженіемъ жизни, и борьба литературная соответствовала борьбѣ политической. Въ житейскихъ отношеніяхъ споры приводили иногда къ рѣзкимъ столкновеніямъ. По словамъ одной очень любопытной современной записи, извѣстный намъ старецъ Филофей «много показа дерзновенія къ государю», заступаясь за обращающихся къ его посредничеству людей, особенное же показывалъ дерзновеніе къ боярамъ и

намѣстникамъ Псковскимъ, обличая ихъ о mnogой неправдѣ и насилуваніи; очевидно, это обличеніе было очень серьезнаго характера, такъ какъ Филофей обличалъ, смерти не боясь. Преподобный Папфутій Боровскій, учитель Іосифа Санина, также вель, по словамъ его житія, борьбу съ сильными людьми, «ниже сильныхъ лица сумняся». Сильные люди той или другой партіи старались захватить вліяніе при дворѣ: Вассіанъ Патрикѣевъ много лѣтъ былъ «великимъ временнымъ чловѣкомъ», и противная ему партія проявляла свои взгляды преимущественно на церковныхъ Соборахъ и въ литературѣ, пока митрополитъ Даніилъ окончательно не вытѣснилъ при великокняжескомъ дворѣ своего противника. Поэтому, когда осифляне развивали мысль о высотѣ царской власти, ея правѣ управлять самостоятельно, самостоятельно же избирая совѣтниковъ, они тѣмъ самымъ стремились и къ практическимъ цѣлямъ — стать совѣтниками государя; ихъ противники, напротивъ, отстаивали традицію прирожденныхъ совѣтниковъ государя, почему и протестовали сильно противъ совѣщанія великаго князя съ «непогребенными мертвецами» и противъ раздачи имъ имѣній, которая дѣлалась, конечно, не только за церковныя заслуги, но и за личную службу государю.

Можно приблизительно учесть и тѣ общественные элементы, изъ которыхъ составлялись обѣ партіи. На сторонѣ обскурантовъ мы встрѣчаемъ или низшіе буржуазные элементы (самъ Іосифъ Санинъ происходилъ изъ служилыхъ людей мелкаго удѣльнаго Волоцкаго князя), или изъ самоучекъ, пробившихся изъ низшихъ слоевъ общества, въ родѣ «сельскаго чловѣка», какимъ себя именуеетъ старецъ Филофей. На сторонѣ противной партіи мы встрѣчаемъ боярскіе элементы, иногда очень родовитаго происхожденія: Нилъ Сорскій происходилъ изъ бояръ Майковыхъ; аристократическое происхожденіе Вассіана Патрикѣева намъ уже извѣстно; среди близкихъ ему лицъ мы встрѣчаемъ сына боярыни Медоварцевой и др. Основатель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря преподобный Кириллъ происходилъ изъ боярскаго рода, и боярскія традиціи были сильны въ этомъ монастырѣ: когда разнеслась слава о Нилѣ Сорскомъ, два постриженника Волоколамской обители—старецъ Діонисій изъ князей Звенигородскихъ и Нилъ Полевъ изъ рода князей Смоленскихъ отпросились у своего игумена и пошли на поученіе къ его противнику. Обоихъ старцевъ въ Нилуvu пустынь привлекало именно сходство политическихъ убѣжденій при различіи въ убѣжденіяхъ религіозныхъ: это явствуетъ изъ ихъ отношенія къ появившейся въ Бѣлозерьѣ ереси.

Литературные споры между партіями въ конечномъ итогѣ приводили къ столкновеніямъ, переходившимъ на судъ церковныхъ соборовъ. Тогда Москва дѣлалась мѣстомъ горячихъ соборныхъ преній, которыя подъ религіозной основой плохо скрывали литературные и личные счеты. Какъ только осифляне при митрополитѣ Даніилѣ вошли въ силу, тотчасъ начались гоненія, и первымъ пострадалъ наиболѣе слабый изъ противниковъ осифлянъ, Максимъ Грекъ. Въ 1525 г. возникло судейское дѣло противъ виднаго боярина Берсена Беклемишева. Онъ неучтиво отзывался о великомъ князѣ, не одобрялъ новой обстановки власти, которая переставляла

Вінчання на царство Лжедмитрія.

Картина польської роботи, знаходиться в Историческомъ музеѣ, Москві.

обычаи, изгоняетъ бояръ изъ совѣта за противорѣчія. Къ этому дѣлу былъ привлеченъ и Максимъ Грекъ. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ опальными людьми Берсенемъ Беклемишевымъ и Ѳедоромъ Жаренымъ, съ ними онъ оказался «добре совѣтенъ». Максимъ оказался недостаточно устойчивымъ и на допросѣ пересказалъ тѣ рѣчи, которыя онъ велъ съ Берсенемъ, сказалъ и то, что у него было на сердцѣ и о чемъ онъ никому не рѣшался говорить: «а только держалъ себѣ въ сердцѣ такую думу: идетъ государь въ церковь, а за нимъ идутъ вдовы и плачутъ, а ихъ бьютъ». Кромѣ того, Максима обвиняли въ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ. Максимъ имѣлъ двухъ сильныхъ враговъ—митр. Даніила и н. вел. князя Василя, противъ развода котораго онъ открыто высказывался. Неудивительно поэтому, что къ политическому дѣлу немедленно было присоединено дѣло церковнаго характера. Максимъ, какъ извѣстно, былъ призванъ для перевода книгъ съ греческаго языка на русскій. Вспомнили объ ошибкахъ въ этихъ переводахъ и предали его суду церковнаго Собора. Соборомъ руководилъ митроп. Даніилъ и направлялъ дѣло въ желательномъ ему духѣ. Извѣстно, что Максимъ началъ свои переводы, не зная русскаго языка, съ помощью русскаго переводчика, знавшаго только латинскій. Найдены были въ переводахъ, сдѣланныхъ при такихъ условіяхъ, выраженія, которыя были признаны нарочитою ересью, хотя Максимъ Грекъ и объяснял ихъ описками. Его обвиняли также въ чернокнижнѣ, въ еллинскихъ и жидовскихъ хитростяхъ. Но среди обвиненій было одно, которое несомнѣнно въ глазахъ обвинителей имѣло наибольшее значеніе: «Ты, Максимъ, говорилъ митрополитъ, святягя Божія соборныя и апостольскіе монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніемъ и люди, и доходы, и села имѣютъ». Отсюда митрополитъ дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ, что Максимъ хулитъ всѣхъ прежде бывшихъ московскихъ чудотворцевъ.

Максима осудили. «Изъ обозрѣнія обвинительныхъ пунктовъ, говоритъ изслѣдователь, специально изучившій вопросъ, выставленныхъ противъ Максима на Соборѣ 1525 года, видно, что обвиненія противъ него не выдумывались, а, напротивъ, въ основѣ ихъ находилась извѣстная доля истины. Пристрастіе соборныхъ судей выразилось въ томъ, что они, собирая пункты обвиненія, намѣренно игнорировали всѣ оправдывающія или извиняющія подсудимаго обстоятельства» (Жмакинъ). Максимъ униженно просилъ прощенія, но его послали въ суровое заключеніе къ врагамъ въ Волоколамскій монастырь.

Такъ митрополитъ Даніилъ расправился съ однимъ изъ своихъ враговъ. Хотя Максиму строго было запрещено писать, но изъ своей темницы онъ выпустилъ нѣсколько рѣзкихъ обличительныхъ посланій. Тогда снова нашли случай судить его. Вспомнили о сношеніяхъ Максима съ турецкимъ посломъ. Въ 1531 году начался новый соборный судъ, опять въ томъ же составѣ обвинителей. Обвиненіе противъ Максима опиралось главнымъ образомъ на то, что онъ вовсе не каялся, мудрствовалъ и говорилъ о своей невинности; нашли новыя мѣста въ переводахъ, дѣйствительно еретическія, хотя опять таки это были безсознательныя ошибки. Максимъ

усвоилъ себѣ простой способъ защиты: онъ призналъ свои ошибки и каляся. Митрополитъ не скрывалъ своей злобы, почему состязаніе временами принимало рѣзкій характеръ. Максимъ былъ вторично осужденъ, сосланъ въ Тверь, одновременно были осуждены и нѣсколько другихъ лицъ, признанныхъ сообщниками Максима.

Это было время политическаго господства осифлянъ. Неудивительно поэтому, что въ сознаніи своей силы они рѣшили сдѣлать нападеніе и на самаго сильнаго изъ своихъ противниковъ, кн. Вассіана Патрикѣва. 11 мая 1531 года начался судъ надъ Вассіаномъ. Ему поставили въ вину рядъ обстоятельствъ. Прежде всего митрополитъ укорялъ Вассіана въ томъ, что онъ составлялъ новую и исправленную Кормчую: митрополиту казалось невозможнымъ отпестись критически къ составу законодательнаго сборника, которымъ 500 лѣтъ пользовалась русская церковь, хотя Вассіанъ показывалъ, что онъ на пересмотръ Кормчей получилъ благословеніе митрополита Варлаама. Затѣмъ Даніилъ обвинялъ Вассіана въ томъ, что онъ написалъ въ своихъ правилахъ: «инокамъ жити по Евангелію, сель не держати,—онъ написалъ на монаховъ многія строки хульня». Обвинялъ Вассіана митрополитъ и въ томъ, что онъ въ своей аргументаціи ссылается на еллинскихъ мудрецовъ: Омира, Аристотеля, Платона. Въ сознаніи своего превосходства Вассіанъ иронически возразилъ митрополиту: «если что не гораздо, исправь». Противъ Вассіана были выдвинуты обвиненія въ богохульствѣ, но, очевидно, это были лжесвидѣтельскія показанія. На судѣ Вассіанъ держалъ себя гордо, отстаивая нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній, напр., не признавалъ святыми нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ чудотворцевъ (Макарія Калязинскаго, Іоны митрополита). Онъ былъ осужденъ и вскорѣ умеръ въ заточеніи.

Къ концу 50 гг., когда еще доживало свой вѣкъ старое поколѣніе обѣихъ партій, выросли и новыя соотношенія, вырисовывались новыя направленія, впрочемъ, имѣющія тѣсную связь съ предшествующими политическимъ и религіознымъ движеніями. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, новыя направленія оказались болѣе радикальными. Впрочемъ, при настоящемъ положеніи нашихъ источниковъ, трудно установить отношенія этихъ ересей къ предшествующимъ. Раціоналистическій характеръ ересей и нѣкоторыя особенности ихъ церковнаго ученія скорѣе указываютъ на связь съ западнымъ протестантизмомъ, хотя и тутъ пути взаимоотношеній еще не могутъ быть разъяснены.

У Благовѣщенскаго попа Симеона оказался духовный сынъ «необыченъ». Онъ задавалъ попу недоумѣнные вопросы, требовалъ объясненій; онъ принесъ попу книгу Апостола, испещренную каплями воска противъ тѣхъ мѣстъ, которыя вызывали недоумѣніе читателя. Священникъ оказался въ затрудненіи дать отвѣты и самъ сталъ получать отъ своего духовнаго сына замѣчанія объ отсутствіи въ средѣ духовенства христіанской жизни, тихости, кротости, смиренія и поученія. Поведеніе Матвѣя Башкина показалось попу Симеону «развратнымъ», онъ донесъ о немъ священнику Сильвестру, а тотъ царю. Начался Соборъ по поводу ново-явленной ереси. Изъ дѣла Башкина, какъ оно дошло до насъ, трудно

точно конструировать сущность его еретических мифов; видно только, что его воззрения раздвинулись некоторым кругом лиц, и в общем ересь носила черты рационализма: кружок Башкина отрицал почитание икон, отеческих преданий и вообще высказывался против обрядового христианства; повидимому, еретики сомневались также и в учении о троичности божества: «Испражняют Владыку нашего Христа, нещуют Сына Божия быти», говорит о них Соборный приговор. Сомнения, зародившиеся в ум Башкина, глубоко его волновали. Это был человек с горячим религиозным чувством, с глубоким и живым чувством нравственным, человек, стремившийся к нравственному самоусовершенствованию и общественному благу. Он не довольствовался словом, считал необходимым слово соединять с делом. Он говорил попу Симеону: не слѣдуетъ надѣяться на слова, «а совершать его делом». Его душу смущало социальное неравенство. Евангеліе учит о любви къ ближнему, Христосъ называетъ всѣхъ братьями, а такое учение несовмѣстимо съ существованіемъ рабства. Онъ, дѣйствительно, проводилъ слово въ жизнь: «У меня де что было кабалъ полныхъ, то де есмь все изодралъ, держу де, государь, своихъ (рабовъ) добровольно», — говорилъ онъ попу Симеону. Въ 1554 году Москва снова была мѣстомъ церковнаго Собора, созваннаго по поводу ереси Башкина и его соучастниковъ. На этомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій. До насъ не дошли отвѣты Башкина. Изъ Соборной же грамоты видно, что съ нимъ во время засѣданія случилось какое то разстройство или припадокъ, онъ говорилъ бессмыслицу, заявлялъ, что слышитъ голосъ Пресв. Богородицы, во всемъ сознался и открылъ своихъ единомышленниковъ.

Къ дѣлу Башкина на томъ же Соборѣ попутно былъ привлеченъ и очень видный членъ Собора, изъ судьи превратившійся въ подсудимаго, бывший игуменъ Троице-Сергіева монастыря Артемій. Это былъ человекъ очень замѣтный, близкій «избранной радѣ» и пользовавшійся среди нестяжателей большимъ вліяніемъ. Башкинъ сталъ оговаривать Артемія, тогда послѣдній ушелъ изъ Москвы въ свою пустынь. Эта самовольная отлучка была поставлена также въ вину Артемію, онъ былъ схваченъ и доставленъ въ Москву уже въ качествѣ подсудимаго. Свидѣтелемъ противъ Артемія выступилъ бывший игум. Ферापонтонскій Нектарій; среди различныхъ обвиненій противъ Артемія Нектарій между прочимъ указываетъ и на то, что Артемій не проклинаетъ еретиковъ, а латинъ хвалитъ. Нашлись и другіе оговорщики. Вспомнили о поѣздкѣ Артемія изъ Пскова въ нѣмецкій Новый Городокъ и что онъ тамъ хвалилъ нѣмецкую вѣру; вспомнили также и недовольство, высказываемое Артеміемъ по поводу казни еретиковъ. Даже такой осторожный и терпимый человекъ, какъ митрополитъ Макарій, упрекалъ Артемія за то, что онъ не признаетъ Башкина еретикомъ, а его учение просто считаетъ глупостью. По существу, соборное обвиненіе противъ Артемія не могло доказать въ его учении ни ереси, ни богохульства. Изъ дѣла ясно только одно, что Артемій былъ противникомъ одного наружнаго богопочитанія. Это былъ человекъ, терпимо относившійся ко всѣмъ религіямъ, равнымъ образомъ

и къ ересямъ. Правда, соборъ вскрылъ въ предшествующей дѣятельности Артемія и нѣкоторые факты нарушенія имъ монашескихъ обѣтовъ. Артемій былъ лишенъ сана, сосланъ въ Соловки, откуда бѣжалъ въ Литву *).

Въ числѣ привлеченныхъ по этому дѣлу былъ дякъ Висковатый, высказавшій нѣкоторыя сомнѣнія относительно тогдашнихъ новшествъ въ области иконописи. Вмѣстѣ съ Артеміемъ былъ осужденъ и другой видный дѣятель, давній пріятель Артемія, архимандритъ Суздальскаго Евфиміева монастыря Θεодоритъ, апостоль лопарей, и нѣкоторые другіе. Хотя Соборъ не вскрылъ ереси въ миѣніяхъ Артемія, однако, этотъ старецъ былъ склоненъ одно время къ нѣкоторымъ миѣніямъ лютеранскаго направленія. Это видно изъ сочиненій Артемія, написанныхъ имъ уже послѣ бѣгства въ Литву, когда онъ снова тамъ вернулся къ православію и вступилъ въ борьбу съ протестантизмомъ: такъ, въ своемъ посланіи къ одному изъ виднѣйшихъ представителей лютеранства, Симеону Будному, онъ признается, что въ прежнее время не разиствовалъ отъ нихъ, а теперь побуждаетъ лютеранъ возвратиться въ лоно православія.

Едва ли не наибольшій интересъ изъ еретическихъ ученій этого періода представляетъ собою ученіе Θεодосія Косого. Въ лицѣ Θεодосія Косого въ область мысли религіозной и политической пробивается новый элементъ — общественные низы: Θεодосій — бѣглый рабъ, его послѣдователи и ученики — различные бродячіе элементы изъ Заволжья, гдѣ впервые Косой сталъ распространять свое ученіе. Въ родной средѣ такихъ же бѣдняковъ, какимъ былъ самъ Косой, онъ умѣлъ возбудить чистое религіозное чувство и интересъ къ дѣламъ вѣры. По всей видимости, Θεодосій Косой довольно долго бродилъ по Заволжскимъ скитамъ и успѣлъ широко распространить свое ученіе. Онъ говорилъ съ народомъ ясно и вразумительно: по словамъ его послѣдователей, это былъ истинный учитель, потому что онъ ясно въ книгахъ толковалъ. Вѣроученіе Θεодосія Косого сводилось къ отрицанію почитанія мощей и иконъ; онъ отвергалъ церковныя уставы, пѣніе, наружныя обряды; Христа признавалъ сотвореннымъ, а чловѣка созданнымъ и смертнымъ и вообще стоялъ въ вопросахъ религіи на почвѣ чистаго раціонализма. Изъ книгъ Священнаго Писанія онъ на первомъ планѣ ставилъ чистые его источники, отвергая въ Ветхомъ Завѣтѣ все то, что не воспринято Новымъ. Онъ бичевалъ современное ему духовенство за отсутствіе у него духа кротости, за то, что оно утверждаетъ свои преданія и не даетъ людямъ узнать истины; духовенство учитъ только наружному богопочитанію и само нарушаетъ заповѣди. Епископы отвергають любовь христіанскую, мучать еретиковъ, гонять за истину въ противность Евангельскому ученію о любви.

Ученіе Косого отличается преимущественно характеромъ разрушительнымъ. «Косой, по словамъ одного богословскаго писателя, все только отвергаетъ и ничего не утверждаетъ, все отнимаетъ и ничего не даетъ взами́нъ отнятаго, отвергаетъ ученіе о воплощеніи Сына Божія, объ ис-

*) Осужденіе Артемія имѣетъ характеръ политической, т. е. тѣмъ самымъ было нанесено поражение партіи Сильвестра.

купленіи и возстановленіи въ чловѣкѣ образа Божія, о церковной внѣшности и не ставитъ ничего на мѣсто отвергнутаго. Исключеніе остается только за догматомъ о единствѣ лица въ Божествѣ, о законѣ Моисеевомъ и еще о поклоненіи Богу духомъ и истиною, но о первомъ должно замѣтить, что въ ученіи о немъ у Косого дается большое значеніе доказательствамъ отрицательнымъ, о второмъ, что оно оставлено совершенно недоказаннымъ, а третье нисколько не опредѣлено, такъ что неизвѣстно, какъ и кто и при какихъ условіяхъ и съ какой надеждой можетъ поклоняться Богу духомъ и истиною» (Емельяновъ. Ученіе Θεодосія Косого, Труды Кіевск. Дух. Академ., 1862, Іюнь 23).

Ученіе Косого было, повидимому, не только религіознаго характера, но касалось и вопросовъ политическихъ и общественныхъ. Трудно, однако, конструировать его сущность. Для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ его важно преніе инока Зиновія съ послѣдователями Косого о положеніи раба. Послѣдователи Косого рассказали Зиновію, что Косой, убѣгая отъ своего господина, забралъ коня, на которомъ ѣздилъ, и другое имущество. На объясненія Зиновія, что рабъ не долженъ убѣгать отъ своего господина и что имущество раба принадлежитъ не ему, а господину, послѣдователи Косого возражали: онъ освободился своимъ «мужествомъ и разумомъ»; имущество, которое взялъ съ собой Косой, было «особное» отъ имущества господина, «и яже взя у господина его, мзда есть его, понеже служилъ господину своему Косой, и яже притяжа имѣнія у господина, мзда есть работы его». Такимъ образомъ, послѣдователи Косого смотрѣли на рабство, какъ на службу, подлежащую оплатѣ. Такой взглядъ могъ развиваться только при условіи отрицанія рабства, какъ юридическаго института. Есть нѣкоторыя указанія на то, что въ вопросахъ политическаго характера ученіе Косого отличалось анархическими началами. По словамъ того же Зиновія, ученіе Косого признавало противными Евангелію и Апостолу всѣ чловѣческія преданія: попы въ церквахъ учать, по книгамъ и по уставамъ, чловѣческимъ преданіямъ и повелѣваютъ повиноваться себѣ, боятся земскихъ властей и давать имъ дани. Между тѣмъ, «неподобаеть же въ христіанахъ властемъ быти и воевати». Изъ этого ясно, что Косой совершенно отрицалъ государственную и церковную власти, а также и военную службу. Связующимъ началомъ между людьми единственно является лишь «разумъ духовный»; этотъ духовный разумъ не нуждается въ чловѣческихъ преданіяхъ. Этотъ духовный разумъ присущъ Косому и его послѣдователямъ; всѣ, кто не обладаетъ имъ, кто приходитъ въ церкви и внимаеть чловѣческимъ преданіямъ, — «пси суть и внѣшніи, и заблудиша отъ истины... погыбшіи суть»; даже при добродѣтельной жизни они не могутъ спастись, «аще не пріимуть нашего духовнаго разума»: «никому такъ ни открылася истина, яко же намъ открыся». Видимо, Косой пытался и аргументировать свою мысль: не слѣдуетъ повиноваться властямъ и понамъ потому, что въ писаніи сказано: не нарицайте себѣ наставниковъ, единъ вашъ наставникъ Христосъ; не почитайте родившихъ и не признавайте отцовъ потому, что у всѣхъ одинъ Отецъ—Богъ. Онъ полагалъ, что чловѣческія

преданія, государство и церковь (м. б. и семья) могутъ существовать только у «псовъ», какъ онъ именовалъ всѣхъ разнствующихъ отъ его ученія; люди же, проникнутые ученіемъ о духовномъ разумѣ, не нуждаются въ этихъ внѣшнихъ установленіяхъ. Вообще надо замѣтить, что анархическія идеи бродили въ тогдашнемъ обществѣ. На это имѣется намекъ въ одномъ мѣстѣ извѣстной намъ бесѣды препод. Сергія и Германа. Авторъ этого памфлета полемизируетъ противъ ученія, отрицающаго земныя власти. Это ученіе, повидимому, заключалось въ томъ, что признавало человѣка сотвореннымъ Богомъ, «самовольнымъ», т.-е. свободнымъ и не требующимъ никакихъ властей. Еслибы это такъ было, возражаетъ нашъ авторъ памфлета своимъ противникамъ, то Богъ не установилъ бы царей, князей и прочихъ властей и не раздѣлилъ бы «орды отъ орды», т.-е. государство отъ государства.

Такъ въ ученіи Косого отрицаніе внѣшней обрядовой стороны старой религіи тѣсно переплелось съ отрицаніемъ и государственныхъ установленій.

Отъ вопросовъ религіозныхъ, волновавшихъ русское общество половины XVI столѣтія, перейдемъ къ вопросамъ политическимъ. Публицистика нестяжателей и осифлянъ стояла на почвѣ церковныхъ вопросовъ и въ рамки ихъ вдвигала вопросы политическіе. Второе поколѣніе послѣдователей тѣхъ же направленій стало на почву политическую въ собственномъ смыслѣ, привнося въ нее вопросы церковные постольку, поскольку послѣдніе соприкасались съ первыми. Подобно религіознымъ вольнодумцамъ, публицисты этого поколѣнія ставятъ политическія проблемы радикальнѣе своихъ предшественниковъ, отрываясь отъ старинныхъ традицій. Направленіе этой публицистики въ общемъ можно признать демократическимъ, разбивающимся однако на два теченія. Одно направленіе, держась демократическихъ взглядовъ въ вопросахъ социальныхъ, въ дѣлѣ государственнаго управленія выдвигаетъ идею совмѣстнаго управленія царя и земли; другое направленіе, исповѣдуя тождественные взгляды въ вопросахъ социальныхъ реформъ, возможность достиженія общественнаго блага видитъ въ абсолютизмѣ государя. Среди новыхъ теченій нѣтъ мѣста для проявленій аристократическихъ тенденцій княжья и боярства; въ этотъ періодъ оно не выставило изъ своей среды ни одного публициста и не нашло въ себѣ достаточно силъ, чтобы удержать фактически правленіе въ своихъ рукахъ; это замѣчаніе относится ко всей эпохѣ Грознаго, начиная съ момента принятія царскаго титула. Уже въ XV вѣкѣ боярство постепенно теряло свою силу, уступая нарастающему абсолютизму Московскихъ государей и теряя свой престижъ въ общественномъ мнѣніи. До разгрома Грознаго, княжье и боярство отчасти сохраняло свои великія вотчины и нѣкоторыя прерогативы самостоятельныхъ вотчинниковъ. Но престижъ боярства быстро падалъ, и особенно въ тотъ періодъ, когда оно очутилось у власти—въ малолѣтство Грознаго. Бояре оказались въ положеніи слугъ, неожиданно очутившихся на мѣстѣ господъ. Подступавшее обѣднѣніе этого класса, такъ какъ уже замѣтны были признаки грядущаго экономическаго кризиса, личныя отрицательныя качества многихъ представителей этого

класса сдѣлали періодъ боярскаго правленія очень тяжелымъ для населенія. Бояре оказались «свирѣпи аки львове», по словамъ одного источника; при боярскомъ правленіи правда улетѣла на небо, а кривда спустилась на землю, по красивому выраженію Псковскаго лѣтописца. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что публицистика половины XVI столѣтія стояла на двоякой точкѣ зрѣнія: одна выдвигала «всеюдною царскую грозу» противъ бояръ, а другая—совѣтъ всенародныхъ челобѣтчиковъ для избавленія отъ произвола и бояръ и царя.

Познакомимся сначала съ тѣмъ направленіемъ публицистики, которое можно признать господствующимъ въ половинѣ вѣка. Тутъ, прежде всего, намъ надо познакомиться съ очень интереснымъ памфлетомъ неизвѣстнаго автора, относящимся по всѣмъ даннымъ къ началу шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Это—Бесѣда Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. Авторъ памфлета, по всей видимости, свѣтскій человѣкъ; онъ послѣдователь направленія бѣлозерскихъ старцевъ, но шире своихъ предшественниковъ охватываетъ вопросы, выдвинутые эпохой.

Голосъ сильнаго раздраженія слышится въ сужденіяхъ автора о современномъ монашествѣ. Онъ много разъ и различными способами старается доказать, что иноки не должны владѣть имѣніями. Иноки «выкрадываютъ» и «выписываютъ» изъ святоотеческихъ писаній все то, что имъ тамъ не правится, и вписываютъ «о пищахъ и о всемъ полезномъ себѣ». Ни цари, ни люди этого не знаютъ, и даютъ инокамъ села и волости. Никому между тѣмъ и въ голову не приходитъ, что инокамъ должно давать «годовую, урочную милостыню, а не волости со христіанъ». Владѣя вотчинами, монахи предаются пьянству, «сладоу» и «сытоу». Владѣніе имѣніями—новая ересь, идущая отъ бѣса: иноки владѣютъ крестьянами, собираютъ съ нихъ всякіе доходы, живутъ «христіанскими слезами». «Богомерзко и незаконно ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ». Авторъ рекомендуетъ всѣхъ бродящихъ изъ монастыря въ монастырь иноковъ отдать въ подначаліе. Иноки дали обѣтъ терпѣть подначаліе и всякую скорбь и тѣсноту и трудиться; они должны «питаться отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами». Вотъ почему инокамъ душевредно владѣть волостями: они проникаются мірскою суетою, «свирѣпствомъ и яростію на христіанскія слезы». Только вслѣдствіе простоты царей иноки получаютъ имѣнія: «малосмысленніи цари» жалуютъ земли инокамъ и тѣмъ вводятъ ихъ въ грѣхъ.

Вообще иноки должны совершенно отрѣшиться отъ мірскихъ дѣлъ. Не менѣе и для нихъ и для государства пагубно, когда иноки имѣютъ вліяніе на дѣла государственнаго правленія: гдѣ иноки вмѣшиваются въ дѣла управленія, тамъ «милости Божія нѣсть»; не только иноки, но даже святители и священники не должны имѣть вліянія на государственныя дѣла: съ ними царь совѣтуется только въ дѣлахъ церкви.

Въ вопросѣ о значеніи царской власти и ея прерогативахъ авторъ очень далекъ отъ обожествленія этой власти, хотя, по его словамъ, власть царю дается Богомъ: власть необходима потому, что дана на «воздер-

КРЕМЛЯ ГРАД.
KREMLENAGRAD,
CASTELLVM VRBIS MOSKVÆ

MAGNO DOMINO CÆSARI, ET MAGNO DVCI
ALEXIO MICHAELOVITS,

DEI GRATIA,

OMNIVM RVSSORVM AVTOKRATORI, VLADIMERSKII, MOSKOFKII
NOVOGORODSKII: TZAR KAZANSKII, TZAR ASTOROCHANSKII, TZAR
SIBIERSKII: DOMINO PLESKOFKII: MAGNO DVCI SMOLENSKII, IVERSKII
OVGORSKII, PERMSKII, VEATSKII, BOLGARSKII: ETIAM DOMINO, ET MAG
NO DVCI NOVOGORODI IN TERRIS INFERIORIBVS, TZERNIGOFKII,
REZANSKII, POLOTZKII, ROSTOFKII, IAROSLAFSKII, BELOZERSKII,
OVDORSKII, OBDORSKII, KONDINSKII ET TOTIVS SEPTENTRIONALIS
REGIONIS MANDATORI; ET DOMINO TERRARVM IVERSKYE,
KARTALINSKICHI, ET GRVZINSKICH CÆSARVM ET
TERRARVM KABARDINSKIES, TZERKASKICHI, IGORSKICH
DVCVM: ET MLTARVM DITIONVM DOMINO
ET MODERATORI

Castellum cum tribus contigujs Urbibus Moskuæ, prout
sub florenti Imperio, piæ memoriæ, Magni Domini Cæsaris,
et Magni Ducis Borissi Foedorovits, omnium Russorum, &c.
sui, et dimensu fuit; summâ ac debitâ observantiâ,
offertur. dicatur. consecratur.

In hoc Castelli Urbis Moskve Typo hæc subsequentiâ suis numeris notata designantur ordinè.

1. Podvorie, id est Porta Eroloffike.	16. Aula Cæsaris.	2. Nova Aula structura.
2. Vosusenie Monaster. Monasterium Ascensionis Christi, ubi Imperatrices sepeliuntur.	17. Boeravitske vorod. Porta altera, sive.	18. Camme nemogst, Porta iuxta pontem lapideum.
3. Aula Fæderis Ivanovis Selencytiff.	19. Aula Patriarche	20. Pretzista: Beate Mariæ Virginis, Soborino tzerke, templum Synodale, quo Ecclesiastici omnes conveniunt.
4. Kerloffke podvorie, hospitium Kerloffkorum.	21. Verus Aula Domini, scilicet Borissi Foedorovis Golezff qui postea Cæsar fuit.	22. Trojtske podvorie; hospitium Trojtskorum.
5. Krocnytske podvorie, hospitium Krocnytskorum.	23. Rofstova Christova; Templum in quo Cæsar, sicut Nativitatis sacrum audit.	24. Ivan velikoy; magnum Divi Iovannis templum, cuius turris tegmen deauratum est, campanisq; abundat.
6. Chobro duor, Armamentarium.	25. Campusa magna, pensens pene 2200 pedes, que valent ponderum nostratum 66000 libris.	26. Tzoudova Alonaster; Alonasterium miraculorum.
7. Rofbeno pricas; Tribunal aut Jus grassatorum.	27. Aula Bogdani Iacovits Bifkoy.	28. Aula Andreæ Petrovits Klefion.
8. Aula Ducis Ivan Vacilovits Surskic.	29. Aula Simonis Mikitovits Godomoff.	30. Aula Dimetri Ivanovits Godomoff.
9. Aula Ducis Foedoris Ivanovits Mefistoffske.	31. Aula Gregorij Vacilovits Godomoff; postea fuit Granarium.	32. Nicofskæ vorod; Porta Sancti Nicolai
10. Variæ Iuris Prefecture.		
11. Pofskæ pricas; Peregrine Iuris prefecture.		
12. Michal Archangel; Templum in quo omnes Cæsares sepeliuntur.		
13. Porta ad ipsum flumen Moskva.		
14. Gascophylacium Cæsaris, et Magni Ducis.		
15. Blyagoe sine, Assuntio Mariæ; templum novum tur ribus, quarum cetera, ut et totius templi, ære deaurato coperta sunt; imo et Crux alifine turris ex auro purpure fabricata est		

Privilegio Nobili:
simorum et Prepotentium
D. D. Ordinum Generalium
Confederatarum Regionum
cautum est, ne quis has
Tabulas Civitatis et Castellum
Moskve aliquo modo in:
primat, aut alibi in:
prestat vendat.

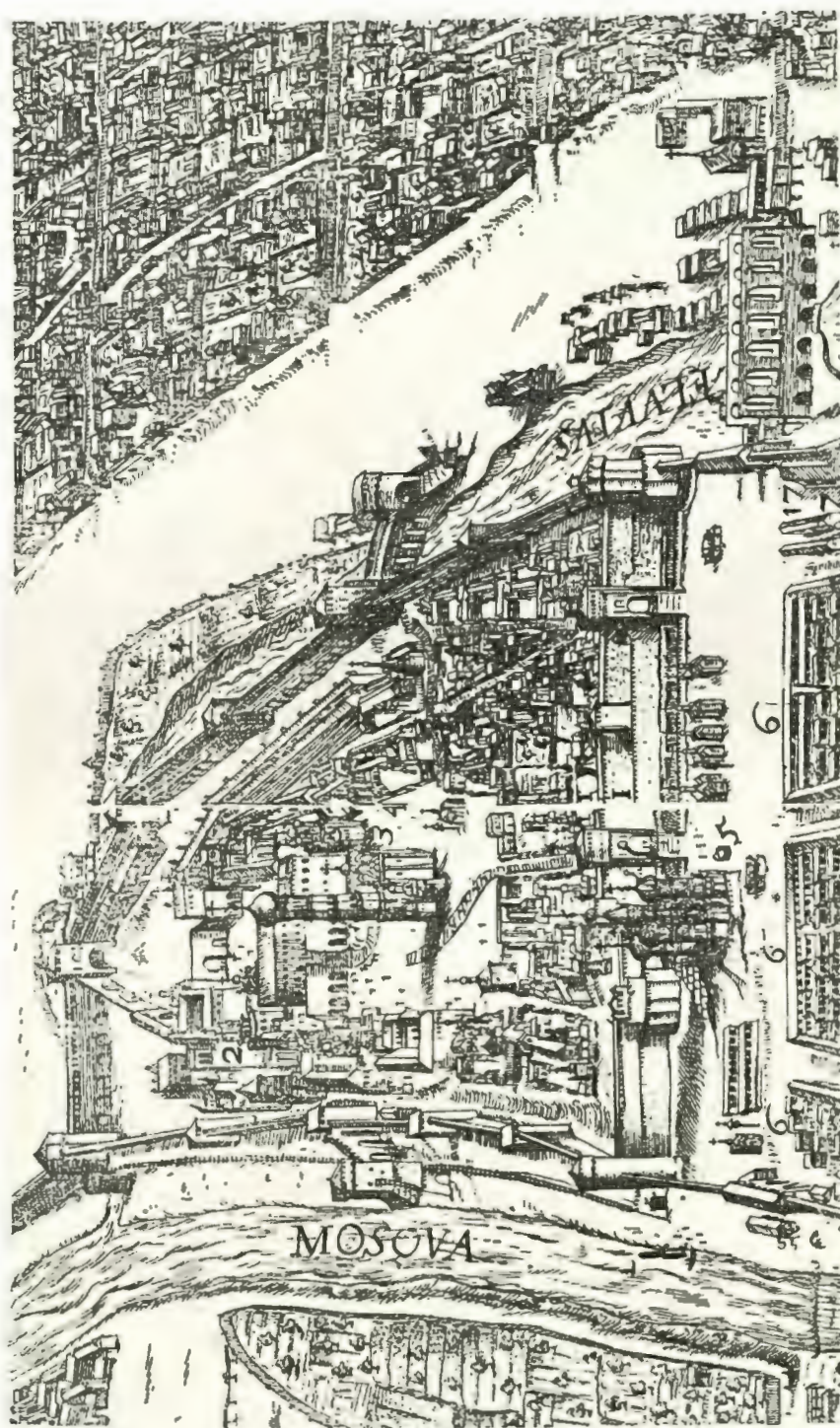
жаніе міра»; еслибы не царская всегодня гроза, «ино въ воляхъ не каются, ниже послушаютъ поповъ». Очень оригинально толкованіе авторомъ термина самодержецъ, официально признаннаго въ то время Московскими царями: царь пишется самодержцемъ потому, что онъ долженъ «міръ воздержать» (въ смыслѣ нравственномъ). Но царь правитъ не одинъ, а съ боярами и князьями: царь не долженъ совѣтоваться съ непогребенными мертвецами, потому что Господь повелѣлъ государямъ держать царство, грады и волости «съ князи и съ бояры и съ прочими міряны». Къ этому вопросу, т.-е. о совѣтѣ царя, нашъ авторъ возвращается неоднократно. Царь долженъ непрестанно совѣщаться со своими совѣтниками о всякомъ дѣлѣ. Указывая иногда, что царь долженъ совѣщаться со своими совѣтниками—князьями и боярами, нашъ авторъ рекомендуетъ еще и иную форму совѣщанія: «подобаетъ съ міромъ во всемъ вѣдати царю самому, со властью своими». Что такое совѣтъ царя съ міромъ, очень хорошо разъясняется въ «Иномъ сказаніи» той же бесѣды, которое въ рукописяхъ соединяется съ первымъ, но представляетъ собою самостоятельное дополнительное произведеніе, по всей вѣроятности, принадлежащее перу другого автора, сочувствовавшего идеямъ бесѣды и рѣшившаго дополнить ее своими соображеніями о Земскомъ Совѣтѣ; вѣроятно, это дополнительное «Иное сказаніе» болѣе поздняго времени, время опричины, такъ какъ оно направлено не только противъ вельможъ, но и противъ приказныхъ и говоритъ объ укрѣпленіи государственныхъ границъ. Авторъ заявляетъ, что весь духовный чинъ обязанъ благословить русскихъ царей на созваніе «единомысленнаго вселенскаго совѣта» «отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ»; этотъ совѣтъ нужно царю «безпрестанно всегда держати погодно при себѣ и ото всякихъ мѣрѣ всякихъ людей и на всякъ день и добрѣ добрѣ распросити царю самому» о всякомъ дѣлѣ міра сего. При такихъ условіяхъ царь обо всемъ будетъ знать, будетъ въ состояніи удержать отъ всякой неправды своихъ приближенныхъ, воеводъ и приказныхъ людей, будетъ свободенъ отъ совѣтовъ льстецовъ и укрѣпитъ такимъ образомъ государство.

Такимъ образомъ совѣтъ царя съ всенародными челобѣтниками — вотъ тотъ идеальный государственный строй, о которомъ мечтаетъ авторъ памфлета. Если къ этому прибавить то высокое уваженіе, которое не разъ высказывается въ Бесѣдѣ по отношенію къ воинамъ, и повторяемую нѣсколько разъ мысль о томъ, что царю достоинъ собирать всякіе доходы съ пощадою и милосердно, то мы исчерпаемъ все содержаніе этого замѣчательнаго памятника древне-русской публицистики.

Неизвѣстный авторъ Бесѣды въ своихъ политическихъ идеалахъ стоялъ далеко не одиноко: онъ былъ выразителемъ мнѣнія цѣлаго направленія, которое одно время было правящей партіей.

Авторъ Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ стоитъ на почвѣ церковно-политическихъ вопросовъ и только вскользь касается вопроса о собираніи царскихъ доходовъ. Другое произведеніе, нѣсколько болѣе ранняго времени, принадлежащее тоже анонимному автору, касается вопросовъ чисто экономическихъ. Это—проектъ реформъ, озаглавленный «Слово къ

богохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣриемъ». Изъ обращенія слова къ правительницамъ слѣдуетъ заключить, что оно написано при великой княгинѣ Еленѣ, хотя въ послѣдующее время, повидимому, не разъ подвергалось передѣлкѣ *).

Планъ Кремля по гравюрѣ Килана 1610 года.

*) Слово дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, въ разрозненномъ видѣ, и при томъ въ испорченныхъ. М. М. Богословскій впервые указалъ на то, что извѣстныя ранѣе Забѣлину, Жмакину и Милюкову части этого Слова представляютъ собою одно произведеніе публицистическаго характера. Труды Археографической Комиссiи Моск. Арх. О-ва подъ редакціей Довнаръ—Запольскаго, т. I.

Основная мысль автора сводится къ заботамъ объ устройствѣ военно-служилаго сословія. Надо всю землю раздѣлить среди служилаго люда— боярамъ и воинамъ. Размѣръ земли опредѣляется достоинствомъ воиновъ; чтобы не было поземельныхъ споровъ, необходимо ввести новую поземельную единицу для пахотной земли—поприще—квадратъ въ 1000 квадратныхъ саженой. Введеніе такой простой, по мнѣнію автора, поземельной единицы, разбивка земли на поприща, предотвратитъ поземельные споры, ускоритъ раздачу земли и будетъ удобно для наблюденія и управленія. Служилый же людъ, по расчетамъ автора, получитъ довольство, и въ то же время улучшится положеніе ратаевъ, т.-е. крестьянъ: служилые люди будутъ имѣть такой доходъ, что излишки хлѣба могутъ продавать «на собраніе серебра»; «ни одинъ ратай не будетъ слезенъ и мученъ въ недостаткѣхъ»; нельзя собирать съ ратаевъ серебро, т.-е. денежный оброкъ: какъ хотѣтъ отъ ратаевъ серебра и ихъ за то мучить, когда они не производятъ серебра, но хлѣбъ созидаютъ: хлѣбомъ и должно взимать съ нихъ оброкъ. Размѣръ оброка долженъ быть опредѣленъ, онъ не долженъ превышать пятой части урожая. Вообще проектъ очень тепло относится къ классу ратаевъ, указываетъ на его изнеможеніе отъ работнаго ига, платы оброковъ, ямскихъ денегъ, взиманія оброковъ серебромъ вмѣсто хлѣба и проч. Вообще ратаи, уплативъ оброкъ воинамъ, не должны знать никакихъ другихъ податей, въ томъ числѣ и государственныхъ. Государственныя повинности и налоги должны пасть на городское сословіе: «понеже суть (купцы) стяжатели много прибытка». Наконецъ, нашъ авторъ предлагаетъ одну очень важную мѣру относительно устройства безопасности государства въ военномъ отношеніи: воины должны жить въ городахъ, а не въ селахъ, и собираться въ дѣйствующую армію по приказанію государя, т.-е. иными словами, авторъ рекомендуетъ устройство постоянного войска.

Таковы экономическія воззрѣнія автора. Для полноты знакомства съ этимъ памятникомъ отмѣтимъ еще одну черту его. Авторъ—большой ригористъ и заботится о поднятіи нравственности въ народѣ, давая рядъ совѣтовъ, которые должны послужить къ поднятію нравственности и къ устраненію пороковъ. Онъ мастерски набрасываетъ рядъ картинъ изъ тогдашней жизни. Во всѣхъ городахъ корчемницы и блудницы: «въ корчемницахъ пьяницы безъ блудницъ никако же бываютъ». Поэтому слѣдуетъ всѣхъ ихъ извести и воспретить всякое пьянственное питье, потому что отъ пьянства происходитъ и всякій порокъ даже среди мужатицъ, т.-е. замужнихъ женщинъ. Авторъ вообще очень хорошо знакомъ съ пьянственными обычаями. Сойдутся, рассказываетъ онъ, къ пьянственному питію мужи и жены, придутъ сюда же «нѣщны кощунницы, имуще гусли и скрыпѣли, и сопѣли, и бубны и ина бѣсовскія игры и передъ мужатицами сія играюще бѣсяся и скаче и скверныя пѣсни припѣвая». Сидитъ жена «обуморена отъ пьянства и бытъ ей желаніе сатанинскому игранію»; ея мужъ тоже ослабѣваетъ умомъ—и «сѣмо и овамо очима согляданіе», дастъ чужой женѣ питіе съ лобзаніями, а тутъ—рукамъ пріятіе, рѣчамъ злотайнымъ сплетеніе и связь діаволь. Душегубство тоже отъ пьянства. На пиру

Шарлемань. — Иоаннъ Грозный на Красной площади.

всякій хочетъ занять мѣсто повыше, отчего происходятъ ссоры и драки. Авторъ говоритъ, что есть и защитники хмельного питья: не будетъ хмеля, нельзя будетъ и опрѣсноковъ сдѣлать. Онъ опровергаетъ ихъ, указывая на то, что для опрѣсноковъ нужны только дрожжи.

Такимъ образомъ, публицистика разсматриваемаго періода затронула всѣ важнѣйшіе вопросы, выдвинутые эпохой. Мы разсматриваемъ сейчасъ то ея направленіе, которое въ вопросахъ государственнаго управленія выдвигало мысль объ участіи народа въ управленіи, а въ вопросахъ социальныхъ и экономическихъ высказывало заботу о низшихъ классахъ населенія. Такими низшими классами были, во-первыхъ, ратаи, — крестьянство, стоявшее уже накануне прикрѣпленія, и новый только нарастающій военно-служилый элементъ — воины, дѣти боярскія. Если въ Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ еще чувствуется отзвукъ вліянія идей М. Грека или Васіана Патрикѣева (совѣтъ царя съ боярами и князьями), то Слово къ царямъ интересуется только воинами и ратаями.

Знакомство съ двумя названными памятниками приводитъ насъ къ знакомству съ самымъ выдающимся публицистомъ этой эпохи, въ сочиненіяхъ и въ дѣятельности котораго нашли себѣ яркое выраженіе всѣ важнѣйшіе вопросы разсматриваемаго направленія. Мы имѣемъ въ виду князя Андрея Курбскаго. Его нельзя назвать самостоятельнымъ писателемъ съ точки зрѣнія новизны высказанныхъ имъ идей. Онъ цѣликомъ примыкаетъ къ младшему поколѣнію нестяжателей демократическаго направленія. Это — государственный человѣкъ и воинъ, взявшійся за перо для того, чтобы обосновать и доказать тѣ политическіе идеалы, которые онъ стремился провести въ жизнь. Мнѣніе Курбскаго представляетъ собой антитезу мнѣніямъ его знаменитаго оппонента. Кардинальнымъ вопросомъ въ спорѣ является вопросъ о сущности и назначеніи царской власти. Хотя царь и почтенъ царствомъ, пишетъ Курбскій, но онъ долженъ «искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣковъ». Всенародные человѣки — это народъ въ нашемъ смыслѣ слова. Такой царь будетъ имѣть успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, очевидно, въ силу поддержки со стороны общественнаго мнѣнія: успѣхъ Ивана III въ дѣлахъ князь Курбскій, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, что этотъ государь былъ весьма любосовѣтенъ. Такой отвѣтъ даетъ Курбскій Грозному на утвержденія послѣдняго, что царь воленъ казнить и миловать. И въ другихъ вопросахъ взгляды Курбскаго отразили въ себѣ идеи данной эпохи и направленія. «Державные», т.-е. правители, получили отъ Бога власть, говоритъ Курбскій въ посланіи къ иѣкоему Ивану многоученому, чтобы разсуждать подвластныхъ имъ праведнымъ судомъ и управлять въ кротости и милости державу свою; между тѣмъ они оказываются болѣе свирѣпыми, нежели звѣри-кровоядцы и съ несытствомъ грабятъ чужія имѣнія. Много бѣдствій происходитъ въ государственномъ управленіи отъ участія въ немъ священническаго и иноческаго чина, потому что священнослужители не только не удерживаютъ царей, «но паче потаковники бываютъ», и только для того, чтобы скопить для себя многія имѣнія и села. Напротивъ,

другіе классы общества находятся въ бѣдственномъ положеніи. Военскій чинъ — «худѣйшій строевъ обрѣтѣся, яко многимъ не имѣти не токмо коней, къ бранемъ уготовленныхъ, или оружей ратныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же недостатки и убожество и бѣды и смущенія» и высказать нельзя. Купечество и землѣдѣльцы страдаютъ отъ безмѣрныхъ податей и отъ немилостивыхъ приставовъ, ихъ безъ милости избиваютъ при взимаши дани: «бѣдно веденіе и умилень позоръ». Отъ этого земледѣльческій классъ бѣжитъ изъ своего отечества или продаетъ своихъ чадъ въ вѣчную работу, иные налагаютъ на себя руки, вслѣдствіе многихъ горестей.

Наряду съ разсмотрѣннымъ направлениемъ публицистики, тотъ же періодъ выдвинулъ еще и другое направленіе, представителями котораго являются Ивашко Пересвѣтовъ и Іоаннъ Грозный.

Долгое время произведенія перваго изъ нихъ считались памфлетами, написанными псевдонимомъ. Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій не можетъ быть сомнѣнія въ существованіи Ивашки Пересвѣтова. Это былъ служилый человекъ, по какимъ то причинамъ на время выѣзжавшій изъ Московіи и находившійся на службѣ въ Венгріи и Молдавіи, затѣмъ около 1540 г. возвратившійся въ Москву. Состоя на службѣ у Московскаго государя, Ивашко Пересвѣтовъ написалъ нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ, описывая свое пребываніе въ иностранныхъ государствахъ и свои наблюденія, онъ даетъ рядъ совѣтовъ молодому царю относительно ближайшихъ государственныхъ задачъ и способовъ управленія государствомъ. Эти челобитныя относятся, по изслѣдованіямъ г. Ржиги, ко времени 1547—1551 г.г. Кромѣ того, Пересвѣтову принадлежитъ сказаніе о царѣ Константиѣ, сказаніе о Магметѣ - Салтанѣ, предсказанія философовъ и докторовъ, сказанія о книгахъ — все также политическіе памфлеты. Такимъ образомъ Пересвѣтовъ является плодовитымъ публицистомъ того времени.

Произведенія Пересвѣтова проникнуты прежде всего крайне рѣзкимъ отношениемъ къ вельможамъ. Сказаніе о царѣ Константиѣ, хотя по внѣшности и относится къ Византіи, имѣетъ цѣлью борьбу съ московскимъ боярствомъ. Вельможи, по словамъ Пересвѣтова, — виновники всѣхъ бѣдъ въ государствѣ. Благодаря имъ, погибло греческое царство, которое они разоряли въ малолѣтство царя Константина. Они судятъ несправедливо, берутъ посулы съ виноватаго и праваго, они лживы и лукавы, наконецъ, они удерживаютъ царя отъ дѣлъ, которыя онъ призванъ совершать; такъ, греческіе вельможи мыслили о томъ, чтобы удержать царя Константина отъ воинскихъ дѣлъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ и каковое дѣло составляетъ главную задачу государя. Вельможи только то и дѣлаютъ, что обогащаютъ себя, спорятъ изъ-за власти, измѣняютъ, ябедничаютъ и въ то же время «какъ гладные псы» расхватываютъ кормленіе. Господь Богъ погубилъ греческое царство потому, что оно заложило за вельможъ. По словамъ Пересвѣтова, русское царство находится въ такомъ же положеніи. Русская земля порабощена вельможами. А «которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется». Царь долженъ возвышать только тѣхъ вельможъ, которые этого достойны по своимъ воинскимъ заслугамъ или по мудрости, всѣ другіе достойны того, чтобы ихъ «огнемъ жести и иные

лютыя смерти имъ давати». Вообще царь самъ долженъ быть «самоупрямливъ и мудръ безъ воспрашанія» (т.-е. безъ чужихъ совѣтовъ), онъ долженъ быть грозенъ: тогда только Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его, и онъ будетъ обладать многими царствами. Особенно царь долженъ выдвигать классъ воиновъ, тогда вельможи будутъ у него въ полномъ подчиненіи, будутъ его бояться, а царь будетъ «боярами своими тѣшиться, какъ младенцами». Отсюда и настоятельный совѣтъ Пересвѣтова, чтобы въ государствѣ всѣ возвышались по заслугамъ, независимо отъ ихъ происхожденія. У Магмета-Салтана, наставительно рассказываетъ Пересвѣтовъ, совсѣмъ даже уничтожено рабство. Онъ возвышаетъ людей весьма низкаго происхожденія, плѣнниковъ, рабовъ, и изъ рабовъ создалъ очень храброе войско. Вообще Пересвѣтовъ рѣзко высказывается противъ рабства и настаиваетъ на его уничтоженіи. Затѣмъ онъ совѣтуетъ устроить постоянное войско. Изъ другихъ совѣтовъ Пересвѣтова отмѣтимъ — предложеніе отмѣнить кормленія, собирать доходы въ казну, назначить жалованіе чиновникамъ, ввести палатный судъ и строгія наказанія за нарушеніе правосудія.

Присматриваясь къ идеаламъ Пересвѣтова, нельзя не отмѣтить извѣстной новизны въ общемъ его міровоззрѣніи сравнительно съ предшественниками: рекомендуя утвержденіе деспотической власти въ государствѣ, онъ однако стремится направить дѣятельность этой власти на благо низшихъ слоевъ населенія и требуетъ борьбы съ аристократическими элементами; онъ проповѣдуетъ такимъ образомъ просвѣщенный абсолютизмъ съ явнымъ наклономъ его въ сторону демократическихъ элементовъ.

Общій комплексъ идей Пересвѣтова отличается новизною, но нельзя согласиться съ новѣйшимъ изслѣдователемъ этого вопроса, представляющимъ себя Пересвѣтова совершенно оригинальнымъ мыслителемъ, не имѣющимъ предшественниковъ: нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ мыслей есть и въ Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и въ анонимномъ Словѣ къ царямъ, а идеи абсолютизма, очевидно, почерпнуты имъ изъ осифлянкой литературы. Такимъ образомъ Пересвѣтовъ въ свое міровоззрѣніе внесъ идеалы двухъ противныхъ партій и далъ имъ новое направленіе. Безспорно, на такого чуткаго человѣка, какимъ былъ Іоаннъ Грозный, эпистоли Пересвѣтова могли имѣть большое вліяніе; быть можетъ, онѣ воздѣйствовали на представленія Грознаго, отличающіяся тоже эклектическимъ характеромъ, но ни откуда не видно, чтобы эти посланія оказали вліяніе на внутреннюю политику первыхъ годовъ правленія Іоанна Грознаго, не видно, чтобы именно проекты Пересвѣтова получали осуществленіе, или чтобы къ нимъ вообще прислушивалась избранная рада. О связи Пересвѣтова съ кружкомъ, составлявшимъ избранную раду, не можетъ быть и рѣчи: это рѣшительно противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о направленіи этого кружка. Изъ бѣдственнаго положенія Пересвѣтова, изъ невниманія къ нему правительства слѣдуетъ предположить, что рада относилась къ нему враждебно. Правда, въ посланіяхъ Пересвѣтова есть проекты, которые получили осуществленіе, напр., отмѣна кормленій, походъ на Казань, реформа суда. Но эти реформы безспорно соответствовали взглядамъ рады и ею проводились. Пересвѣтовъ писалъ въ годы реформъ, предположенія о которыхъ въ то

время, быть может, вовсе не составляли тайны небольшого круга лиц. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ талантливый писатель и назойливый карьеристъ, человѣкъ бывалый и юркій, вносилъ въ свои посланія правительственные проекты, о которыхъ онъ могъ разузнать*).

Представленный обзоръ публицистики первой половины XVI вѣка даетъ намъ готовый матеріалъ для пониманія идейнаго содержанія эпохи Грознаго. Хотя еще Кавелинымъ и Соловьевымъ было указано на реформаціонное значеніе этой эпохи, однако иногда и въ настоящее время высказывается взглядъ, что эта эпоха была лишь собираніемъ старины, реставраціей ея. Такой взглядъ въ настоящее время не соотвѣтствуетъ научному пониманію эпохи. У историковъ литературы онъ иногда базируется на невѣрномъ пониманіи политическаго значенія того собиранія старины, литературной и религіозной, какимъ богата эта эпоха.

Москва въ этотъ періодъ становится центромъ выдающейся по своей созидательной дѣятельности эпохи. Сверхъ того, она становится свидѣтельницей весьма значительныхъ по своему содержанію и нѣсколько театральныхъ по своей обстановкѣ событій. Рядъ ихъ начинается съ извѣстнаго момента коронованія Ивана Грознаго (16-го января 1547 г.). Безспорно, несмотря на свою юность, Иванъ Грозный очень хорошо оцѣнивалъ значеніе этого шага—«поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князи и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садился». Несомнѣнно также и то, что царь Иванъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ весьма свѣдущаго помощника, сознательно стремившагося къ возвеличенію Россійскаго царства; это былъ митрополитъ Макарій; о которомъ намъ еще придется говорить. Нѣкоторые приписываютъ ему даже инициативу самаго вѣнчанія**).

Объявленіе царемъ себя совершеннолѣтнимъ, царское вѣнчаніе и первая женитьба царя смѣнились въ исторіи Москвы грандіознымъ пожаромъ, который произошелъ въ іюнѣ того же 1547 г. Пожаръ начался церковью Воздвиженія на Арбатѣ, и въ продолженіе короткаго времени все Занеглинне и Чертолье (нынѣшня Пречистенка) обратились въ пепель. Сильный вѣтеръ перенесъ пламя въ Кремль, гдѣ загорѣлись царскія палаты и нѣкоторые изъ приказовъ. Огонь проникъ въ пороховые погреба, и начались взрывы. Весь Кремль былъ охваченъ пламенемъ, такъ что митрополитъ съ большимъ трудомъ спасся изъ Успенскаго Собора, посредствомъ подземнаго хода. Огонь перешелъ изъ Кремля въ Китай городъ, и опустошенія отъ пожара дошли до Яузы. Царь въ это время былъ въ с. Воробьевѣ и оттуда наблюдалъ за опустошительнымъ дѣйствіемъ огня. Это народное бѣдствіе кончилось весьма печально для родственниковъ царя—бояръ Глинскихъ. Враги Глинскихъ пустили слухъ, что пожаръ произошелъ отъ чародѣйства кн. Анны Глинской. Народная толпа, взволнован-

*) Новѣйшія работы о Пересвѣтовѣ нѣсколько преувеличенно оцѣниваютъ его публицистическую дѣятельность. Ржига, Пересвѣтовъ, въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн., 1908, кн. I-я; Яворскій, ст. о Пересвѣтовѣ, въ Чтеніяхъ въ общ. Истора Лѣтописца.

***) Голубинскій, Исторія Русской Церкви, пер. полов. 2 т., 757; Малининъ. Старецъ Филофей, 604.

ГОРНИЦА. ИВАНИТ-ГОРНИЦА И ДРУ. СТАНУ.

ная слухами, бросилась разыскивать виновниковъ пожара, стала избивать Глинскихъ и другихъ бояръ.

Все эти событія совпадаютъ съ первыми нашими свѣдѣніями о появленіи у царя новаго круга совѣтниковъ, взамѣнъ боярскихъ придворныхъ партій, управлявшихъ въ малолѣтство Ивана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти событія совпадаютъ съ началомъ созидательной работы первой половины царствованія Грознаго. Въ числѣ близкихъ къ царю лицъ мы встрѣчаемъ Алексѣя Адашева, Благовѣщенскаго попа Сильвестра, князя Андрея Курбскаго, князя Димитрія Курлятева и нѣкоторыхъ другихъ, не говоря уже о митрополитѣ Макаріи. На основаніи одного извѣстія Андрея Курбскаго, подтвержденнаго потомъ авторитетомъ Карамзина, и драматическаго разсказа Костомарова, въ наукѣ на долгое время закрѣпилось мнѣніе объ извѣстнаго рода душевномъ переломѣ въ Иванѣ Грозномъ подъ вліяніемъ попа Сильвестра. Въ настоящее время этотъ взглядъ уже, повидимому, не находитъ адептовъ въ новѣйшей научной литературѣ. Да онъ и несправедливъ. Въ лицѣ молодого царя мы имѣемъ юношу въ высшей степени талантливаго, даровитаго и весьма начитаннаго. Такой царь, несмотря на свою молодость, конечно, не могъ быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Сильвестра, хотя вполнѣмъ ему казалось очень выгоднымъ оправдывать свою жестокость по отношенію къ кружку избранной рады именно той опекой, которую наложилъ на него Сильвестръ. Эти жалобы царя не заслуживаютъ особеннаго довѣрія. Конечно, какъ въ молодости, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ Иванъ Грозный нуждался въ совѣтникахъ и исполнителяхъ, но обращался къ нимъ сознательно и дѣйствовалъ самостоятельно. Разумѣется, эта самостоятельность въ юномъ возрастѣ, при меньшемъ количествѣ опыта и знаній, выражалась въ менѣе твердыхъ дѣйствіяхъ. Самостоятельность молодого царя весьма отчетливо выразилась, между прочимъ, въ его умѣннѣ именно въ этотъ періодъ пользоваться совѣтниками: съ одной стороны, онъ опирался на раду, идеалы которой намъ знакомы уже по публицистическимъ посланіямъ Курбскаго, а, съ другой стороны, руководствовался совѣтами умѣреннаго осифлянина митрополита Макарія.

Эта предпосылка для насъ будетъ не бесполезна при обзорѣ событій, волновавшихъ Москву въ эпоху Грознаго. Изъ посланій Курбскаго мы уже знакомы съ основными тенденціями избранной рады. Онѣ сводятся къ тому, что при управленіи царствомъ царь долженъ обращаться къ Вселенскому Совѣту, принять всѣ мѣры для поднятія политическаго и матеріальнаго положенія класса воиновъ, уничтожить союзъ правительственной власти съ осифлянскими мнихами и пр. Правительственная программа избранной рады повторяетъ собой именно ту программу, которую рисуетъ Курбскій въ своихъ посланіяхъ. Сама рада въ своемъ составѣ не имѣетъ крупнаго боярства и княжья: князя, входившіе въ ея составъ—захудалое княжье, слѣдовательно, представители того же воинства; попъ Сильвестръ имѣлъ какія то связи съ торговымъ міромъ, Адашевъ—изъ неважныхъ дѣтей боярскихъ. Среди ближайшихъ совѣтниковъ избранной рады встрѣчаемъ опальнаго митрополита Іоасафа, опальнаго же Максима Грека, извѣстнаго намъ уже

старца Артемія. Теперь присмотримся, къ чему сводились правительственные задачи указаннаго круга лицъ.

Работа велась въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, она выражалась въ собираніи національнаго достоянія Московскаго царства, во-вторыхъ, въ проведеніи опредѣленной политической программы. Сначала остановимся на первой сторонѣ этой эпохи. Главнымъ дѣятелемъ по собиранію итоговъ Московскаго царства былъ замѣчательнѣйшій изъ людей того времени — митрополитъ Макарій. Это былъ типичный сынъ своей эпохи. По своимъ убѣжденіямъ митрополитъ Макарій примыкалъ къ умѣренному осифлянству, — по крайней мѣрѣ въ вопросахъ о монастырскихъ имуществахъ. Но въ общемъ его скорѣе слѣдуетъ признать за человѣка самостоятельнаго серединаго направленія, быть можетъ, ближе всего подчинившагося вліянію Максима Грека, къ которому онъ относился съ глубокимъ почтеніемъ. Онъ вообще уклонялся отъ вмѣшательства въ политику, цѣликомъ былъ отданъ книжному дѣлу; это вообще былъ человѣкъ «келейный», какъ удачно характеризуетъ его проф. Голубинскій. Макарій весь былъ проникнутъ идеей величія Москвы и старался свои націоналистическія идеи отлить въ конкретную форму. Онъ хотѣлъ собрать все то, что соответствовало его воззрѣніямъ на призваніе Россіи и на исключительное значеніе переживаемой эпохи. Центру тогдашней Руси-Москвѣ предстояло оправдать свое право на значеніе третьяго Рима, на значеніе центра единственнаго самостоятельнаго православнаго государства. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ, Макарій задумалъ грандіозный трудъ — составленіе знаменитыхъ Четвухъ-Миней. Онъ хотѣлъ собрать и привести въ извѣстность всю наличность переводной и оригинальной русской литературы, извѣстной тогдашнимъ книжникамъ. Онъ съ большимъ трудомъ и съ затратой не малыхъ средствъ собираетъ памятники письменности и самъ ихъ редактируетъ. Въ теченіе 12 лѣтъ онъ велъ свою работу и въ 1552 году положилъ въ Успенскомъ Соборѣ вторую редакцію Миней, — огромное собраніе, включающее въ себѣ около 14.000 большихъ листовъ. Онъ не только собиралъ памятники письменности, но нѣкоторые изъ нихъ приказывалъ передѣлывать, или заказывалъ новыя сочиненія на ту же тему. Такому пересоставленію подверглись нѣкоторыя житія святыхъ, особенно такія, которыя были написаны ранѣе въ духѣ мѣстныхъ удѣльныхъ тенденцій: централистъ редакторъ стиралъ эти особенности; иныя житія святыхъ были написаны вновь, иногда еще до канонизаціи (напр., Макарія Калязинскаго и Александра Свирскаго).

Собирательская дѣятельность Макарія по составленію Четвухъ-Миней была тѣсно связана съ другой стороной его дѣятельности по собиранію русской святыни. Въ удѣльный періодъ въ каждомъ удѣлѣ появлялись свои мѣстно чтимые святые. Отъ того святые, чтимые въ одномъ удѣлѣ, часто не были почитаемы въ другомъ: для москвича, назначеннаго архіепископомъ въ Новгородъ, мѣстный святой новгородскій, архіепископъ Моисей, былъ просто «смердомъ». Съ возрастаніемъ политическихъ успѣховъ Москвы многіе мѣстно чтимые святые дѣлаются общечтимыми. Съ точки зрѣнія централистическихъ тенденцій Макарія признаніе всею церковью мѣст-

ныхъ святыхъ увеличивало значеніе московскаго центра. Такъ постепенно подготавливалась канонизація русскихъ святыхъ центральной властью государственной и церковной. Эта канонизація была произведена митрополитомъ Макаріемъ на Соборахъ 1547 и 1549 г. г. «Соборы эти имѣютъ двоякое важное значеніе: они для самихъ русскихъ людей показали богатство нравственныхъ силъ русскаго народа, выразившееся въ необыкновенномъ проявленіи духовнаго подвига и религіознаго воодушевленія и, во вторыхъ, въ установленіи многочисленныхъ русскихъ праздниковъ, въ общерусскомъ чествованіи духовныхъ покровителей родной страны. Устанавливалась тѣсная духовная связь центра и окраинъ, для всѣхъ очевидная и безспорная. Понятіе единства русской земли въ этомъ единеніи святыхъ находило себѣ новое обоснованіе, истолкованіе и скрѣпленіе» (Малининъ, Старець Филофей, 603). Такъ это понимали и современники, которые въ соборныхъ дѣяніяхъ увидѣли новый свѣтъ православія, возсіявшій въ царствующемъ градѣ (Голубинскій, Канонизація Русскихъ Святыхъ, 94).

Такое же стремленіе къ собиранію святыхъ проявилъ митрополитъ Макарій и при созваніи Стоглаваго Собора въ 1551 г. «Обычаи прежнихъ временъ поисхатались и въ самовластіи чинилось по своимъ волямъ и старья преданія и законы порушены»,—обращался царь къ соборнымъ членамъ въ своей рѣчи. «Шатающіеся обычаи» означали обычаи, принятые въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ; Соборъ ставилъ задачей нивелированіе ихъ. Отсюда былъ естественный выводъ—необходимость найти такой обычай, который можно было бы закрѣпить, какъ общій. Правда, Стоглавый Соборъ вскрылъ и цѣлый рядъ такихъ испсхатавшихся обычаевъ, которые дѣйствительно представляли собой нарушеніе правилъ религіи или морали, и старался ихъ исправить.

Свои націоналистическія тенденціи митрополитъ Макарій высказывалъ и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ проявлялъ свое настойчивое участіе въ дѣлахъ политическихъ. Напр., онъ игралъ очень крупную роль въ побужденіи царя идти на Казань. По словамъ лѣтописца, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ царь совѣтовался съ митрополитомъ. Мало того, узнавъ о движеніи царя на Казань, митрополитъ отправляетъ ему посланіе, въ которомъ побуждаетъ Ивана нанести окончательный ударъ Казани и овладѣть достояніемъ государевыхъ прародителей. Онъ обезпкоенъ слухами о мирныхъ переговорахъ царя Ивана съ казанцами, и побуждаетъ царя завоевать Казань. Біографъ Макарія дѣлаетъ еще одну любопытную догадку: построенный въ память покоренія Казани знаменитый соборъ въ честь Покрова Богородицы по своей идеѣ и по ея выполненію принадлежитъ Макарію, который самъ былъ художникомъ и еще въ Новгородѣ руководилъ нѣкоторыми постройками: «Нельзя ли видѣть и въ Покровскомъ Соборѣ ту идею, которая проходитъ черезъ всѣ произведенія Макарія,—идею объединенія Руси, выраженную въ формѣ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ стилей церковной архитектуры, практиковавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи?» *).

*) Заусшнскій, Ж. М. Н. Пр. 1881, ч. 217, стр. 246.

Собирательство Макарія распространялось не на одну только церковную письменность. Какъ теперь недавно выяснено, въ кружкѣ Макарія и подъ его ближайшимъ воздѣйствіемъ совершено еще нѣсколько крупныхъ трудовъ историческаго характера, которые по своему заданію преслѣдовали цѣли, аналогичныя цѣлямъ Четвѣхъ-Миней. Подъ руководствомъ Макарія была составлена архимандритомъ Аѳанасіемъ, впоследствии замѣстившимъ Макарія на митрополіи, знаменитая Степенная книга. Свое названіе она получила отъ степеней, въ которыхъ расположенъ матеріалъ русской исторіи по важнѣйшимъ княженіямъ. Всѣхъ степеней насчитано 17 отъ начала государства до Ивана Грознаго. Всѣ статьи Степенной книги имѣютъ цѣлью прославленіе подвиговъ вѣры и благочестія, совершенныхъ представителями рода Владиміра Святого, также чудеса важнѣйшихъ чудотворцевъ и дѣятельность митрополитовъ. По словамъ длиннаго названія Степенной книги царскаго родословія, она имѣетъ цѣлью показать благочестіе просіявшихъ боготвержденныхъ скипетродержателей, украшенныхъ всякими добродѣтелями и многообразными подвигами, «яко златыми степенями». Ходъ этого разсказа о князьяхъ по своему литературному стилю и приемамъ сходенъ съ житійной литературой. Но, ставя историческія задачи, Степенная книга преслѣдуетъ и задачи политическія: въ нее внесена генеалогія Рюриковичей отъ Августа Кесаря, сказанія о Мономаховыхъ регаліяхъ и другія національно-политическія фикціи, составляющія особенность литературы этого періода. Съ точки зрѣнія автора Степенной книги древнѣйшіе кіевскіе и владимірскіе князья являются самодержцами всея Руси; авторъ стремится показать корни благочестія и святость сѣмени Равноапостольнаго князя Владиміра. Изъ святыхъ особеннымъ вниманіемъ автора пользуются тѣ, которые находятся въ родственныхъ отношеніяхъ къ этому сѣмени. Однимъ словомъ, Степенная книга, съ одной стороны, является государевымъ родословіемъ, а, съ другой, первою исторіей Россіи *).

Кромѣ того, кружку митрополита Макарія несомнѣнно принадлежитъ еще составленіе грандіозной исторической энциклопедіи. Въ Московскомъ Историческомъ музеѣ хранится замѣчательный сборникъ, представляющій собою только часть обширнаго цѣлаго; другія его части находятся въ Петербургскихъ бібліотекахъ. Это — всеобщая исторія съ тогдашней точки зрѣнія, начинающаяся библейской исторіей и Троянскими сказаніями. Эта рукопись снабжена множествомъ рисунковъ, которые даютъ намъ представленіе объ искусствѣ того времени, а текстъ рукописи — о суммѣ историческихъ знаній. «Въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, всего выше рисунки библейской части: они должны быть отнесены къ совершеннѣйшимъ образцамъ русской миниатюры. Ихъ очерки поражаютъ рѣдкой увѣренностью и изяществомъ». О грандіозности работы, которую выполнили художники, можно заключить уже изъ того, что количество дошедшихъ до насъ рисунковъ доходитъ до 1677 **).

*) Новѣйшее изслѣдованіе о Степенной книгѣ принадлежитъ П. Г. Васенку: «книга Степенная царскаго родословія» и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности.

***) В. Н. Щепкинъ въ Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ 1897, 102.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, дѣятельность этой эпохи, направленную къ собиранію культурнаго достоянія Московскаго царства. Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о томъ, что и знаменитый «Домострой» по идеѣ своей имѣетъ то же назначеніе. Въ Москвѣ въ то время интересовались собираніемъ обычасвъ, и даже архидіакону Геннадію дано было официальное порученіе списать обычаи, господствующіе на Востокѣ. «Домострой» въ нынѣшнемъ его составѣ является сборникомъ, редакція котораго, повидимому, принадлежитъ Сильвестру. «Въ цѣломъ Домострой, говоритъ Пыпинъ, былъ однимъ изъ тѣхъ завершающихъ явленій, какихъ мы видимъ цѣлый рядъ въ царствованіе Грознаго. Это были итоги прошлаго, которые должны были, по мысли руководящихъ людей того времени, не только исправить порушенную и поисшатавшуюся старину, но и дать прочную опору и руководство для будущаго».

Теперь перейдемъ къ другой сторонѣ интересующей насъ эпохи: къ изученію строительства въ области государственности. Оно, какъ мы уже указали выше, направлялось въ первое десятилѣтіе самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго дѣятельностью избранной рады.

Дѣятельность избранной рады началась съ проведенія основного вопроса ея убѣжденій — съ созванія перваго земскаго собора и съ изданія Судебника. Въ настоящее время можно считать прочно установленнымъ, что этотъ Соборъ былъ созванъ именно въ 1550 г., за годъ до Стоглаваго Собора *).

Дѣянія этого Собора до насъ не дошли. Знаемъ только, что Иванъ Грозный говорилъ соборнымъ представителямъ на Лобномъ мѣстѣ рѣчь. До послѣдняго времени въ наукѣ не подвергался сомнѣнію текстъ этой рѣчи. Но недавно было замѣчено, что соответственная страница Хрущевской Степенной книги является вклеенной въ позднѣйшее время, сравнительно съ остальной частью рукописи (Платоновъ, Статьи по Русской Исторіи, 222). Если относительно текстуальнаго состава рѣчи могутъ быть въ настоящее время сомнѣнія, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что Иванъ Грозный говорилъ рѣчь на Соборѣ и что эта рѣчь была именно покаяннаго характера по отношенію къ самому оратору, и направлена была противъ боярскаго произвола. О характерѣ этой рѣчи или даже рѣчей можно судить по царскимъ рѣчамъ на Стоглавомъ Соборѣ. Самъ царь говорилъ отцамъ Стоглаваго Собора, что «онъ въ предыдущее лѣто» билъ челомъ о своихъ прегрѣшеніяхъ и винахъ, просилъ о прощеніи и приказывалъ своимъ боярамъ и кормленщикамъ помириться съ земскими людьми. Быть можетъ, онъ и у Вселенскаго Собора точно также настоятельно просилъ совѣта, какъ онъ просилъ его у отцовъ Стоглаваго Собора, и выражалъ желаніе все сообща съ Соборомъ исправить и утвердить. Безспорно, онъ и предъ членами Земскаго Собора высказывалъ свою скорбь о томъ, что въ его малолѣтство бояре и вельможи не давали ему добраго совѣта и учинили самовластіе, и перечислялъ всѣ бѣды, которымъ было подвержено государство за боярскія вины. Результатъ перваго Земскаго Собора весьма

*) Платоновъ, Статьи по Русской Исторіи, 4; Латкинъ, Земскіе Соборы, 68.

важенъ: онъ одобрилъ Судебникъ, основная цѣль котораго—избавить население отъ несправедныхъ судей, именно отъ несправеднаго боярскаго суда. Уже эти два факта—Земскій Соборъ и исправленіе Судебника вскрываютъ передъ нами правительственную программу. Къ этому надо прибавить, что извѣстной статьей Судебника (98) была сдѣлана попытка ограничить власть государя и придать боярскому совѣту положеніе законодательнаго собранія. Такъ долженъ былъ возникнуть постоянный совѣтъ при царѣ, наряду съ вселенскимъ Совѣтомъ. Надо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Къ этому именно времени относится капитальная реформа въ составѣ боярскаго Думъ. Мы не знаемъ подробностей этой реформы, но учесть значеніе ея можно. Въ старой Думѣ, наряду съ боярами, призванными царемъ, которымъ сказано было боярство, сидѣли и потомки удѣльныхъ князей и братья государевы. Приблизительно съ изучаемаго момента этихъ прирожденныхъ совѣтниковъ въ Думѣ нѣтъ; въ ней сидятъ только чины по назначенію, и, сверхъ того, среди нихъ мы встрѣчаемъ и думныхъ дьяковъ—чины, которые могли пробиться въ Думу изъ низшихъ слоевъ населенія, путемъ бюрократической выслуги. Такъ царскій синклитъ постепенно терялъ свою аристократическую окраску.

Намъ нѣтъ нужды здѣсь излагать въ подробностяхъ задачи правительственной политики этой эпохи; замѣтимъ только, что она отражала на себѣ знакомыя намъ черты либеральной бюрократической программы: ее занимали заботы о военно-служиломъ классѣ, мѣры борьбы противъ мѣстничества, вопросы объ отобраніи земель какъ монастырскихъ, такъ и неправильно захваченныхъ боярами, о надѣленіи служилаго класса земель и объ устраненіи межевыхъ споровъ, даже о производствѣ всеобщаго межеванія, объ установленіи однообразной системы таможенныхъ сборовъ и объ уменьшеніи числа мѣстныхъ сборовъ; избранная рада поставила вопросъ объ укрѣпленіи границъ и объ обезпеченіи пограничныхъ городовъ постояннымъ войскомъ (городовые стрѣльцы), реформировала земское управленіе, передавъ его выборнымъ мѣрскимъ властямъ.

Вотъ элементы созидательной части программы. Одинъ членъ рады, князь Курбскій, самъ указываетъ на то, что царь въ его время былъ окруженъ совѣтниками—«мужами разумными и совершенными въ старости маститѣй сущими» и все дѣлалъ въ совѣтѣ съ ними. Между прочимъ, онъ передаетъ нѣкоторыя изъ программныхъ совѣтовъ рады: судъ праведный и нелицепріятный какъ богатому, такъ и бѣдному, избраніе воеводъ искусныхъ противъ враговъ, устройство стратилатскихъ чиновъ, какъ пѣшихъ (стрѣлецкая реформа), такъ и ѣздныхъ, награда за воинскіе подвиги и даже возведеніе наиболѣе храбрыхъ воиновъ въ высшія степени. Однимъ словомъ, вся эта программа проникнута демократическими тенденціями, и въ ней нѣтъ мѣста боярскому аристократизму.

Мы уже замѣтили, что Иванъ Грозный не безсознательно относился къ программѣ избранной рады. Въ ней былъ рядъ пунктовъ, которые проводилъ онъ и въ періодъ опричины, но были и пункты, вызвавшіе разногласіе между нимъ и радой—лучше сказать, одинъ пунктъ, касавшійся ограниченія власти. Иванъ Грозный весьма отчетливо усвоилъ себѣ осифлянскую

литературу, выводы которой столь соответствовали особенностям его характера. Онъ искалъ совѣта и совѣтниковъ, но прежде всего цѣнилъ ихъ личную службу себѣ. Поэтому онъ не могъ примириться съ умаленіемъ и формальнымъ ограниченіемъ своей власти. Это и была основная причина, повлекшая за собой гибель избранной рады. Былъ затронутъ такой пунктъ, съ которымъ Грозный не могъ примириться; ему не трудно было найти могущественную поддержку въ различныхъ сферахъ общества, такъ какъ осифлянская доктрина теократическаго абсолютизма имѣла весьма широкое распространеніе. Уже акты Стоглаваго Собора, на которомъ избранная рада выступила съ широкою программой реформъ въ области государственной и церковной, даютъ намъ указанія на первое столкновеніе между осифлянами и послѣдователями нестяжателей, и многіе изъ вопросовъ, поставленныхъ на этомъ Соборѣ, получили уклончивые отвѣты вышедшаго изъ осифлянской среды большинства его. Это былъ первый предвѣстникъ паденія избранной рады. Осужденіе старца Артемія было уже сильнымъ ударомъ для нея. Къ этому вскорѣ присоединилось личное столкновеніе между царемъ и его ближайшими совѣтниками: грубый тонъ совѣтниковъ, перекоры и брань между ними у постели умирающаго царя показали Грозному, что его совѣтники служатъ не ему, а государству. Это было достаточно для разрыва, и Грозный чернилами и кровью отвѣтилъ своимъ совѣтникамъ демократическаго направленія и боярскимъ тенденціямъ, съ которыми онъ вступилъ въ борьбу при помощи тѣхъ же совѣтниковъ.

Программа Грознаго отразилась въ его перепискѣ съ «собакой» Курбскимъ. Смыслъ этой переписки простъ:—За что ты насъ бьешь?—Хочу и имѣю право.

Въ основѣ взглядовъ Грознаго лежитъ осифлянская доктрина съ очень важнымъ коэффициентомъ того направленія, который мы видѣли у Ивашки Пересвѣтова. Россійскіе самодержцы суть государи Божіимъ изволеніемъ и благословеніемъ прародителей. Государство есть вотчина его владыки. Только Одному Богу даетъ царь отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ; неповиновеніе царю есть неповиновеніе Богу. Поэтому подданные царя— повинные ему рабы, коимъ царь повелѣваетъ «хотѣніе свое творити», и они обязаны царю «безсловесно смириатися». «Жаловати есьмы своихъ холопей волны, а и казнить вольны жъ есьмы». Поэтому царь не можетъ управлять съ помощью совѣтниковъ.

При такихъ взглядахъ царь не могъ мириться со своими совѣтниками, онъ разогналъ ихъ и началъ искать опоры уже въ безсловесныхъ рабахъ. Но и въ періодъ опричины царь опирается опять-таки на демократическіе элементы и съ ними продолжаетъ вести борьбу противъ боярства. Среди его ближайшихъ совѣтниковъ, по словамъ Курбскаго, были всѣ лукавые осифлянскіе мнихи и писари, которыхъ царь избираетъ изъ простого всенародства.

Внѣшняя сторона опричины не лишена театральности, къ которой такъ склоненъ былъ прибѣгать Грозный.

3-го декабря 1564 года Москва съ удивленіемъ увидѣла сборы царя, повидимому, въ дальнюю дорогу: на возы укладывались иконы, кресты,

различныя украшенія, сосуды, платья и царская казна. Нѣкоторымъ боярамъ, дворянамъ и ближнимъ приказнымъ людямъ царь велѣлъ отпираться съ собою въ походъ, взявъ женъ и дѣтей. Нарочито выбранные изъ городовъ бояре и дѣти боярскіе выѣзжали на коняхъ со своими людьми. Государевъ подъемъ былъ необыченъ, и это приводило въ недоумѣніе митрополита Аѳанасія и другихъ владыкъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Царь уѣхалъ въ Александровскую Слободу, и только черезъ мѣсяць разрѣшилось недоумѣніе: царь прислалъ изъ Слободы къ митрополиту списокъ, въ которомъ были написаны измѣны боярскія, воеводскія и всѣхъ приказныхъ людей. Царь положилъ свой гнѣвъ на своихъ богомольцевъ, архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, и на бояръ. Бояре разграбили землю, а духовенство за нихъ печаловалось, когда государь хотѣлъ ихъ наказывать. Вотъ почему государь удалился изъ государства. Къ гостямъ, купцамъ и всему православному христіанству царь прислалъ особую грамоту, которую тоже приказалъ прочесть. Въ ней онъ писалъ, чтобы они въ себѣ никакого сомнѣнія не держали: никакого гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ. Голна оказалась не на сторонѣ бояръ и потребовала, чтобы митрополитъ съ духовенствомъ отпировались упрости царя вернуться на царство. Въ Александровской Слободѣ Иванъ принялъ ихъ челобитіе, но съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣнія ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ своемъ государствѣ опричину. Такъ зародилось это оригинальное учрежденіе. Внѣшняя сторона опричины общеизвѣстна. Государственное значеніе ея, какъ теперь выяснено проф. С. Ф. Платоновымъ, сводилось къ слѣдующему: государь конфисковалъ старинныя вотчины московской аристократіи, княжья и боярства, расположенныя въ центрѣ государства, т.-е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще населеніе помнило своихъ удѣльныхъ князей, гдѣ оно видѣло въ ихъ потомкахъ не холопей государевыхъ, а своихъ прирожденныхъ государей. Всѣ эти вотчинники были выселены на окраины, а ихъ земли переданы были опричникамъ, новымъ слугамъ царя, набраннымъ изъ простаго всенародства. Въ опричину былъ взятъ и Великій Новгородъ. Такой смыслъ имѣетъ это территориальное дѣленіе. Грозный пошелъ дальше: путемъ опалъ и конфискацій онъ уменьшалъ матеріально благосостояніе аристократіи, а путемъ казней уменьшалъ ея численность; онъ старался принизить ее, заставляя нѣкоторыхъ изъ потомковъ удѣльныхъ князей исполнять при своемъ дворѣ унижающія ихъ достоинство придворныя должности, мѣнять дѣдовскую боярскую шанку на шутовской колпакъ. Мало того, онъ издаетъ нѣкоторыя постановленія, ограничивающія право наслѣдованія княжатъ и увеличивающія возможность перехода вотчинъ на государя. Грозный достигъ своихъ цѣлей: въ этотъ періодъ многіе древніе роды «безъ остатку миновались».

Такимъ образомъ ясенъ смыслъ опричины: это была борьба съ порядкомъ, а не съ лицами.

Отсюда понятно и стремленіе Грознаго окружить себя новыми людьми, при томъ отъ него зависящими. Интересно отмѣтить одну очень существенную особенность опричины. Грозный использовалъ одну мысль, ко-

Подъ окнами заключенных
детей Годуновых.

Борисъ Годуновъ и Юродивый.

(Сцена изъ постановки
Московского
Художественнаго театра).

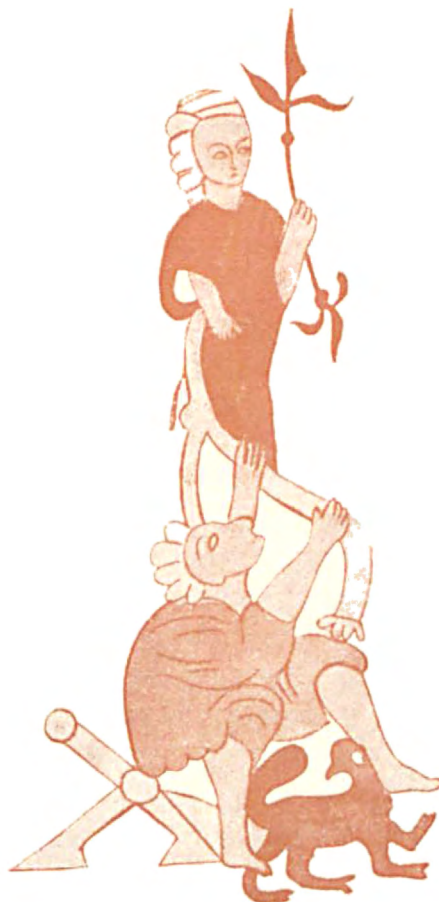
Въ комнатѣ
Марины Мнишекъ.

торая брошена была избранной радой еще въ периодъ ея вліянія. Въ 1550 г. подь Москвой была испомѣщена избранная тысяща. Цѣль этого испомѣщенія—чтобы царь имѣлъ служилыхъ людей для посылокъ. Но въ эту избранную тысящу потомки удѣльныхъ князей попали цѣлыми гнѣздами: они были переселены изъ своихъ старинныхъ вотчинъ въ подмосковныя помѣстья, очевидно, съ тѣми же цѣлями удаленія прирожденныхъ государей изъ ихъ вотчинъ. Это была мѣра осторожная, но преслѣдовала тѣ же цѣли, что и опричина.

Подводя итоги сказанному, слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что и въ эпоху опричины Иванъ Грозный преслѣдовалъ тѣ же государственныя задачи, которыя старался онъ осуществить съ помощью избранной рады. Программа была одна и та же, но проводилась рѣзче, такъ какъ въ исполненіе ея стали приводить распоряженія, исходящія отъ чловѣка, разумъ котораго періодами помрачался.

Такъ дѣятельность Грознаго является основнымъ моментомъ, закрѣпившимъ фактически или юридически въ политическомъ и соціальномъ строѣ Московскаго государства новыя стороны его, придавшія Москвѣ видъ деспотіи, опирающейся на безразличную массу мелкаго служилаго люда.

Смута начала XVII вѣка и ея московскія отраженія *).

Н. Г. Васенка.

I.

Въ концу XVI вѣка Московское государство, или, какъ говорили и писали тогда въ извѣстныхъ случаяхъ, «всѣ государства Россійскаго царствія», раскинулось на громадномъ пространствѣ. На сѣверѣ добралось оно до Окіана-моря, на востокъ перевалило черезъ Камень, т.-е. Уральскій хребетъ, и стало осваивать Сибирь, на юго-востокъ овладѣло низовьями Волги, на югъ заняло часть дикаго Поля, т.-е. степныхъ пространствъ по Дону и его притокамъ, на западѣ подчинило себѣ верховья Днѣпра и Западной Двины и Новгородскія волости, граничащія съ Прибалтійскимъ краемъ и Финляндіей. Такъ разрослась подъ вліяніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ скромная вотчина Іоанна Калиты, владѣвшаго бассейномъ Москвы-рѣки. Въ какія-нибудь 250—260 лѣтъ наследники скопидомнаго князя сумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ колоссальную территорию. Но тотъ же историческій процессъ, который со сказочной быстротой создалъ Московское государство, вызвалъ къ жизни и два обстоятельства, могущія причинить большія разстройства новообразовавшемуся государственному организму. Эти обстоятельства заключались въ двухъ противорѣчіяхъ русской исторіи: политическомъ и

*) Подробное изложеніе Смуты см. въ изслѣдованіи профессора Платонова «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.». Петербургъ, 1899 и 1901 гг. (второе изданіе). Авторъ предлагаемаго отдѣла основывался главнымъ образомъ на этомъ капитальномъ трудѣ.

соціальному. Первое изъ нихъ, по опредѣленію академика Ключевскаго, состояло въ томъ, «что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Второе противорѣчіе заключалось, по словамъ профессора Платонова, въ томъ, «что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго классовъ, трудъ которыхъ служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны». «Оба эти противорѣчія въ своемъ раскрытіи», продолжаетъ упомянутый историкъ, «во вторую половину XVI вѣка создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было, такъ называемое, Смутное время». Поэтому, чтобы выяснитъ причины Смуты, надо ближе ознакомиться съ указанными явленіями.

Первое изъ нихъ, политическое противорѣчіе русской исторіи, создано въ слѣдствіе быстраго перехода удѣльной Руси въ монархическую. Цѣлый рядъ потомковъ великихъ и удѣльных князей силой вещей былъ вынужденъ вступить на службу къ великому князю Московскому, новому «Самодержцу всея Руси». Они сохраняли при этомъ остатки, иногда очень и очень значительные, своихъ родовыхъ владѣній, «вотчинъ», становились въ первые ряды правящаго тогда класса, боярства, и отгѣсняли на второй планъ старыхъ привычныхъ слугъ Московскаго князя, немногіе изъ которыхъ сохранили къ XVI вѣку часть прежняго значенія и вліянія. При этомъ «княжата» не смогли разстаться со старыми взглядами на себя, какъ на носителей государственно-вотчинной власти. Въ ихъ самообольщеніи имъ казалось, что обстоятельства мало измѣнились. Прежде они правили русской землей, сидя каждый въ своемъ удѣлѣ. Теперь же всѣ князья собрались въ Москву и правятъ вмѣстѣ, собираясь въ Думу. И дѣйствительно, Боярская Дума начала XVI вѣка по своему составу могла бы быть съ нѣкоторымъ основаніемъ названа собраніемъ князей. Но «княжата» слишкомъ мало оцѣнивали значеніе великаго князя Московскаго и всея Руси. Они не замѣтили, что прошли времена Дмитрія Донскаго, при которомъ и простые бояре были «князьями» во владѣніяхъ великаго князя. Быстрый ростъ территоріи Московскаго княжества внушалъ его властителю болѣе высокія представленія о его могуществѣ, а сочувствіе духовенства и народныхъ массъ, утомленныхъ ужасами удѣльныхъ усобицъ и предпочитавшихъ единовластіе, укрѣпляло государя всея Руси въ его новыхъ взглядахъ. Въ княженіе Іоанна III стали явственно обнаруживаться неудобныя стороны такого противорѣчія во взглядахъ правящей власти и высшаго слоя правящаго класса, при чемъ великій князь сталъ все болѣе и болѣе отдаляться отъ своихъ ближайшихъ слугъ и вводитъ при своемъ дворѣ строгій этикетъ, а «высокоумничавшіе» княжата, не умѣя понять смысла переменъ, искали причинъ ея въ постороннихъ вліяніяхъ, особенно охотно обвиняя вторую жену своего государя, гордую Софію Ѳомишишну Палеологъ. Боярство было недовольно Иваномъ III. При его сынѣ и преемникѣ Василии III старые бояре со вздохомъ сожа-

лѣнія стали вспоминать времена государева отца. Наконецъ, при внука́ Ива́на III надъ боярами - княжатами разразилась долго собиравшаяся гроза. Иванъ IV Грозный выполнилъ предсказаніе-программу одного изъ представителей московскаго духовенства, автора «Повѣсти на рожденіе царскаго отрочати» и смирилъ «еже о благородствѣ любопренное шатаніе». Учрежденіемъ опричнины онъ сломилъ разъ навсегда остатки могущества бояръ-княжатъ и подготовилъ паденіе Боярской Думы.

Можно быть разныхъ мнѣній о необходимости той борьбы съ княжатами, которую велъ Грозный, и степени опасности, какую представляли ихъ притязанія для правящей власти, но нельзя отрицать двухъ обстоятельствъ: средство было выбрано удачно, а примѣненіе его сопровождалось такими излишествами и жестокостями, что потрясло государственный организмъ. Что касается нужности или ненужности борьбы Грознаго съ высшимъ слоемъ боярства, то на первый взглядъ ко времени Ива́на IV этотъ слой былъ политически совершенно не организованъ и вслѣдствіе этого очень слабъ. Свою политическую невоспитанность онъ показалъ во время малолѣтства Грознаго, когда не сумѣлъ прочно овладѣть положеніемъ, а разбился на кружки, боровшіеся изъ-за личнаго захвата власти. Однако нельзя отрицать съ другой стороны вліятельнаго положенія княжатъ въ Думѣ, безъ которой не рѣшился обойтись и Иванъ IV, и ихъ значенія на своихъ вотчинныхъ земляхъ. При томъ одни мѣстническіе счеты бояръ стоили правящей власти очень многого. Главнымъ же образомъ политическія міросозерцанія царя и его ближайшихъ по положенію слугъ во многомъ были діаметрально противоположны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя бы переписку Грознаго съ княземъ Курбскимъ. А живучесть княжеско-боярскихъ традицій и представленій мы можемъ видѣть и въ манифестахъ Васи́лія Шуйскаго и въ разсужденіи автора повѣсти 1606 года «О великихъ боярахъ, иже отъ корени скипетродержавныхъ», которые не пожелали царствовать, такъ какъ «быша и тако при царѣхъ велики и честни и славни», и въ писаніяхъ дяка Ива́на Тимоѣева о дочеряхъ «первыхъ по цари» бояръ, госпожахъ Бориса Годунова. Такой разладъ во взглядахъ государя, который находилъ, что «жаловать мы своихъ холопей вольни и казнить ихъ вольни же», съ аристократически настроенной высшей администраціей, если и не представлялъ прямой опасности, во всякомъ случаѣ велъ къ большимъ неудобствамъ. Если при этомъ припомнить 1553 годъ, въ который знатнѣйшіе бояре не хотѣли присягать малолѣтнему сыну Грознаго, то вполне будетъ понятно, почему Иванъ IV пришелъ къ мысли объ учрежденіи опричнины.

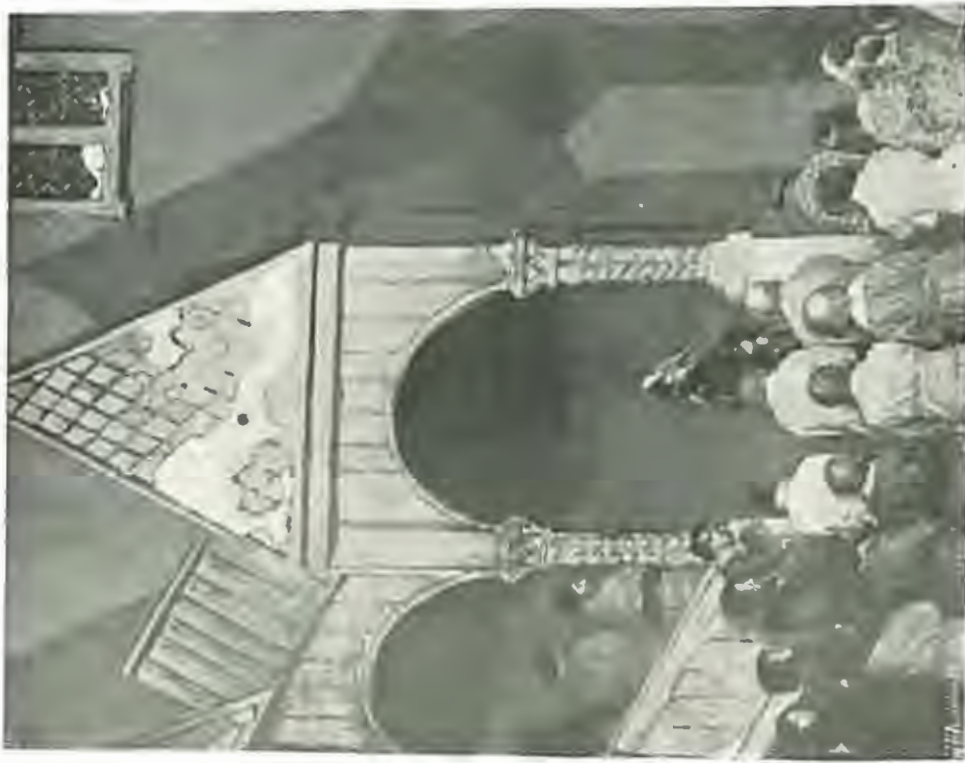
Задумавъ рѣшительный шагъ, который долженъ былъ повести къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ, Иванъ IV въ концѣ 1564 года выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу, откуда въ началѣ 1565 года прислалъ грамоту; въ этой грамотѣ онъ отказывался отъ престола, ссылаясь на измѣнныя многія дѣла высшаго класса и на покровительство его духовенствомъ. Обращаясь при этомъ съ ласковымъ словомъ къ народнымъ массамъ, царь зналъ, что дѣлалъ. Онъ въ скоромъ времени имѣлъ удовольствіе принимать въ новой резиденціи депутацію изъ духовенства и бояръ съ по-

Въ кремлевскихъ палатахъ.

Боярская Дума.

Въ кремль.

(Сцены изъ постановки
Московского
художественнаго театра).

корной мольбой править, какъ ему угодно, но только снова принять бразды правленія. Грозный согласился, поставивъ условіемъ, чтобы никто не препятствовалъ ему наказывать и казнить измѣнниковъ, и объявилъ объ учрежденіи опричнины. Подъ именемъ послѣдней создавалось цѣлое вѣдомство, которое заключало въ себѣ особый разрядъ царскихъ служилыхъ людей, особенно близкихъ и преданныхъ царю. Число ихъ было сначала 1000 человекъ, но впоследствии значительно возросло. Наряду съ людьми опричнины вѣдала и кругъ земель, взятыхъ «на государевъ обиходъ». Однимъ словомъ, благодаря опричинѣ, совершился громадный переборъ «людишекъ», а также и ихъ земель. При учрежденіи опричнины Грозный пользовался какъ обычнымъ въ то время терминомъ, такъ и испытаннымъ средствомъ московской практической политики. Терминъ былъ взятъ не случайно: такъ назывались вдовьи доли княгинь, которыми послѣднія и распоряжались вполне. Понятіе «государева опричина» подразумевало такимъ образомъ земли, которыми государь распоряжался безъ всякаго совѣта съ Боярской Думой. Беря же волость за волостью въ опричину на свой государевъ обиходъ и удаляя изъ отобранныхъ земель неудобные для себя элементы, Грозный поступалъ, какъ это выяснено въ «Лекціяхъ» проф. Платонова, такъ же, какъ, напримѣръ, дѣдъ его, послѣ подчиненія Новгорода выселявшій многихъ новгородцевъ изъ насиженныхъ гнѣздъ и замѣнявшій ихъ преданными ему москвичами.

Въ результатѣ политики Грознаго и вбиранія имъ цѣлаго ряда земель въ опричину оказалось, что въ непосредственномъ распоряженіи государя очутились центръ государства и важнѣйшіе въ торговомъ отношеніи пути сообщенія, земщина же должна была довольствоваться управленіемъ окраинами государства. Вдумываясь въ ростъ опричнины, которая къ концу царствованія Грознаго обратилась въ новое по имени учрежденіе «государевъ дворъ», новѣйшій изслѣдователь ея подмѣтилъ слѣдующее явленіе. Всѣ земли, которыя были вотчинами княжатъ, были взяты въ опричину, а ихъ прежніе владѣльцы были вознаграждены землями на окраинахъ государства, гдѣ они не имѣли связей съ населеніемъ. Ихъ земли по кускамъ розданы были служившимъ въ опричинѣ. Исключеніе составляли тѣ князья, которые сами пристроились къ опричинѣ, отложивъ до удобнаго случая свою родовую спесь. Такимъ образомъ Грозный до извѣстной степени способствовалъ демократизаціи землевладѣнія въ центральныхъ областяхъ государства и парализовалъ значеніе потомковъ удѣльныхъ князей, лишенныхъ своихъ исконныхъ вотчинъ и оторванныхъ отъ родной почвы.

Это подмѣтилъ и наблюдательный современникъ событій англичанинъ Флетчеръ, говоря, что удѣльная знать сравнена вслѣдствіе политики Грознаго съ остальными служилыми людьми, сохранивъ за собой лишь традиціонное уваженіе въ населеніи и внѣшній почетъ. Можно отмѣтить кстати, что въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ замѣтны слѣды сочувствія къ борьбѣ царя съ измѣной и худымъ разумомъ бояръ. Но, съ симпатіей относясь къ Грозному, народъ съ глубокимъ негодованіемъ смотрѣлъ на его опричниковъ. И дѣйствительно, казни и опалы, къ которымъ прибѣгалъ несдержанный царь въ пылу борьбы, и насилія всесильныхъ его опричниковъ глу-

боко задѣвали населеніе и заставляли его волноваться и бродить. Да и переборъ земель и людишекъ, заставляя населеніе передвигаться съ привычныхъ мѣстъ на новыя, лишая многихъ лицъ прежнихъ покровителей и заступниковъ, не вызывалъ добрыхъ настроеній въ массѣ служилаго и тяглаго люда, не говоря уже о гонимыхъ княжатахъ.

Кромѣ того, причина и соединенная съ ней перетасовка людей и земельныхъ отношеній еще болѣе обостряли социальную рознь, бывшую въ Московскомъ государствѣ, между тяглымъ и служилымъ классами. Эта рознь усилилась въ значительной степени и благодаря мѣропріятіямъ правительства, которое, какъ было сказано выше, систематически покровительствовало интересамъ служилаго класса въ ущербъ интересамъ тяглаго.

Это было слѣдствіемъ того историческаго процесса, который, расширивъ предѣлы Московской Руси, вынуждалъ оборонять растянутыя границы государства. Для охраны этихъ границъ нужны были значительныя воинскія силы. Сообразно тогдашнимъ условіямъ эти силы состояли изъ ополченія землевладѣльцевъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ, такъ называемыхъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, которые должны были являться на службу «конны, людны и оружны», и изъ известнаго числа «приборныхъ» людей: стрѣльцовъ, городскихъ казаковъ, пушкарей, воротниковъ и т. д. Приборные люди брались изъ тяглаго населенія: крестьянъ и посадскихъ людей. Такой приборъ уменьшалъ число производительныхъ силъ страны и падалъ бременемъ на оставшихся въ тяглѣ. Еще болѣе тяжело отзывались на тяглецахъ и, главнѣйшимъ образомъ, на сельскомъ населеніи мѣры московскаго правительства относительно класса дѣтей боярскихъ и дворянъ, служилыхъ людей «по отечеству». Этотъ классъ, служившій со своихъ помѣстій и вотчинъ, являлся необходимымъ элементомъ государственной обороны. Поэтому правительство, нуждаясь въ немъ, всячески способствуетъ его умноженію. Оно раздаетъ въ помѣстья, а иногда жалуетъ и въ вотчину, цѣлый рядъ дворцовыхъ и черныхъ земель, бывшихъ въ его распоряженіи. Такъ поступаетъ правительство сначала въ центральныхъ областяхъ государства. То сельское населеніе, которое жило на этихъ земляхъ и имѣло самоуправленіе, сильно теряло отъ такой перемѣны. Болѣе или менѣе крупныя самоуправляющіеся сельскіе міры дробились теперь и попадали въ руки помѣщиковъ. Послѣдніе отвѣчали за платежную способность населенія, жившаго на данныхъ имъ подъ условіемъ службы земляхъ, и получали первоначально лишь нѣкоторую фактическую власть надъ нимъ. Эта власть усиливалась еще вслѣдствіе того, что помѣщикъ являлся владѣльцемъ земли, а крестьянинъ ея арендаторомъ и попадалъ въ экономическую зависимость къ первому. Не будучи часто въ состояніи выплатить податей и уплатить условленной арендной платы, крестьянинъ былъ вынужденъ давать на себя кабальныя крѣпости своему помѣщику и терять свою свободу. Вообще, крестьянину ко второй половинѣ XVI вѣка было трудно осуществлять свое право перехода съ одной земли на другую. А въ то же время шла среди землевладѣльцевъ упорная борьба за рабочія руки. Землевладѣльцы старались переманить, перезвать къ себѣ крестьянина и, чтобы пріобрѣсти на свою землю работника, платили за него долги его прежнему хозяину, переводя ихъ на

себя. Выкупленного такимъ образомъ крестьянина новый хозяинъ вывозилъ на свою землю. Такимъ образомъ переходъ крестьянъ уступилъ мѣсто перевозу ихъ. Подобный перевозъ крестьянъ на свои земли могли осуществлять болѣе крупные землевладѣльцы— бояре и монастыри: у нихъ было болѣе необходимыхъ для этого средствъ, и крестьяне охотнѣе шли въ зависимость къ болѣе богатымъ и сильнымъ хозяевамъ. Страдательнымъ лицомъ являлся классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ - служилыхъ людей. Они то и жаловались на тотъ оборотъ, который приняла борьба за рабочія руки. Внявъ ихъ жалобы, правительство воспретило въ самомъ началѣ XVII вѣка перевозъ крестьянъ на земляхъ и на земли крупныхъ землевладѣльцевъ, разрѣшивъ подобный перевозъ лишь болѣе мелкимъ хозяевамъ. Этой и подобными мѣрами, на примѣръ, запрещеніемъ держать у себя слугъ безъ кабальныхъ записей и т. д. правительство подготавливало позднѣйшее юридическое закрѣпленіе крестьянской массы.

Относясь недружелюбно къ перевозу крестьянъ, правительство было безсильно противъ послѣдняго средства, которое оставалось обездоленному люду: бѣгства на новыя окраины государства—югъ и низовья Волги. Мало того, нуждаясь въ заселеніи и охранѣ этихъ обширныхъ окраинъ, правительство охотно прибирало новыхъ пришельцевъ на службу или сажало ихъ на пашню на довольно льготныхъ условіяхъ. Однако, желая и на окраинахъ создать наиболѣе пригодный съ точки зрѣнія государственной обороны классъ служилыхъ землевладѣльцевъ, правительство съ теченіемъ времени пускало и окраинный земельный фондъ въ помѣстную раздачу. Тогда часть крестьянства снова подымалась и уходила на этотъ разъ еще южнѣе, за предѣлы государства, гдѣ и начинала казаковать въ Полѣ.

Вышеизложенное позволяетъ намъ съ полнымъ правомъ утверждать, что состояніе низшихъ слоевъ центрального, а также и значительной части окраиннаго населенія къ концу XVI вѣка было очень опаснымъ для государственнаго порядка. Исключеніе представлялъ собою сѣверъ государства, такъ называемое Поморье, и нѣкоторыя примыкающія къ нему области, въ которыхъ не было или почти не было служилаго землевладѣнія и которыя представляли собой рядъ зажиточныхъ и самоуправляющихся міровъ. Тамъ не было причинъ къ неудовольствіямъ, и именно эти мѣстности и не были захвачены Смутой. Въ остальныхъ областяхъ было напряженное состояніе. Даже классъ помѣщиковъ, потрясенный въ своемъ благосостояніи опричниной, тяжелой и неудачной войной за Ливонію и борьбой за рабочія руки, не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ особенности это можно утвердительно сказать про помѣщиковъ - служилыхъ людей Сѣверскихъ, Украинныхъ и Польскихъ городовъ *). Они жили подъ ударами враговъ, должны были нести тяжелую и опасную службу, терпѣли частыя разоренія и имѣли въ своемъ распоряженіи очень недостаточное количество рабочихъ рукъ. При этомъ въ мѣстностяхъ наиболѣе близкихъ къ границѣ служилые люди, постоянно жившіе здѣсь, должны были распихивать значительное количество земли подъ «государеву пашню». Хлѣбъ

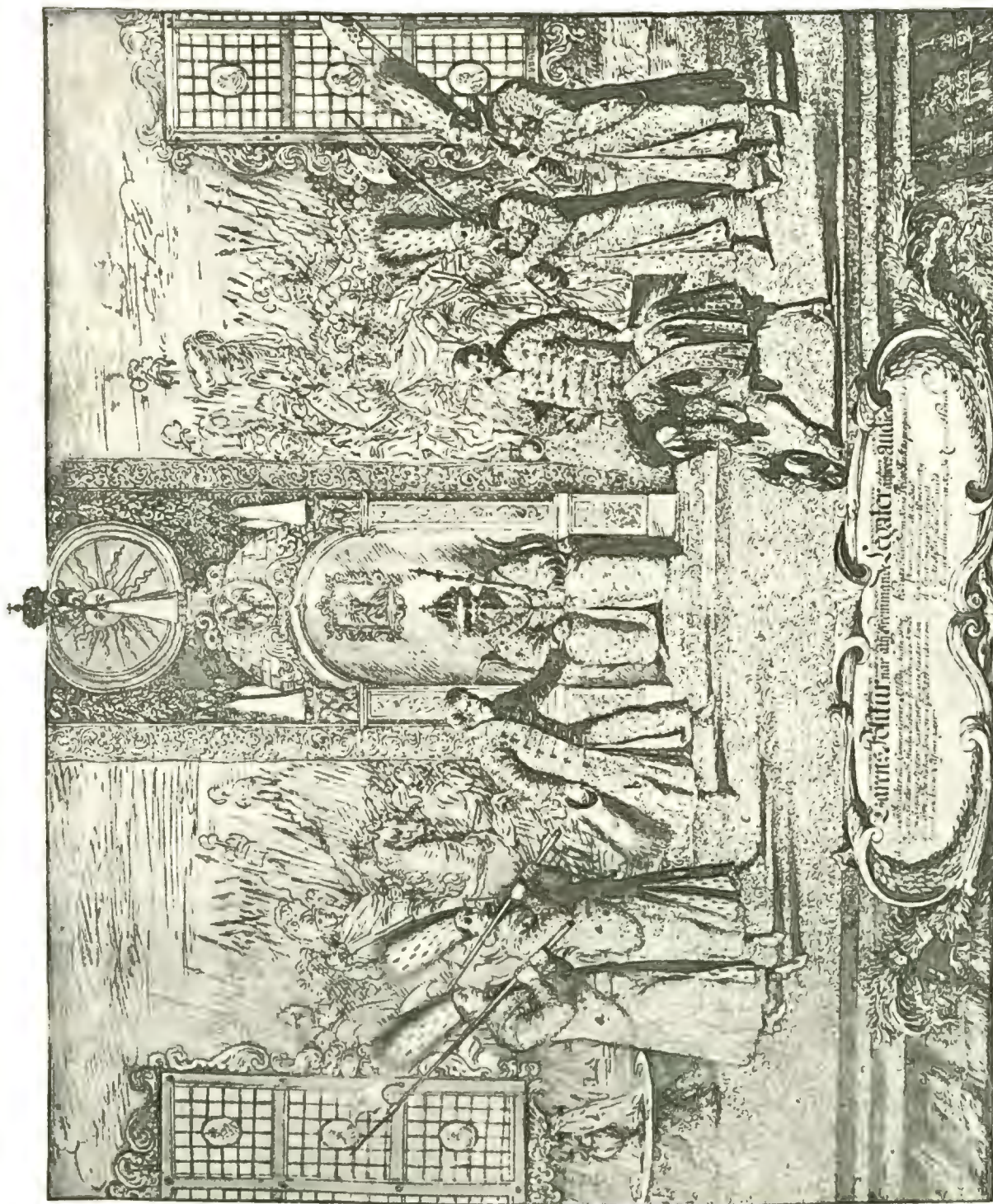
*) Т.-е. областей въ бассейнѣ Днѣпра и Дона, идущихъ къ югу, къ такъ называемому Полю.

съ этой пашни шель на прокормленіе тѣхъ отрядовъ, которые присылались на опредѣленные сроки для охраны границы. Незавидна была участь служилыхъ людей на южной окраинѣ Московскаго государства, и очень часто уходили они на вольный Донъ, казаковать въ чистомъ полѣ. Зная условія службы на окраинахъ, московское правительство не было тамъ разборчиво при принятіи служилыхъ людей на службу. Оно верстало на югѣ въ дѣти боярскія лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ слоямъ населенія, и даже ссылало туда въ видѣ наказанія разныхъ порочныхъ членовъ общества, о чемъ можно прочесть въ Судебникѣ. Результаты такой политики отозвались въ Смуту и позволили одному изъ наблюдательныхъ современниковъ ея говорить о «прежде погибшей Украинѣ». Еще болѣе, чѣмъ обитатели окраины, такъ

Усыпальница Годуновыхъ въ Троицко-Сергіевомъ посадѣ Московской губ. (Фотографія 1903 г.).

или иначе подвластные государству и бывшіе подъ его контролемъ, были опасны вольные донскіе казаки. Это были люди, наиболѣе озлобленные московскими порядками, наиболѣе смѣлые, и при томъ имъ нечего было терять. Отношеніе къ такому казачеству Московскаго правительства было двойственнымъ и для XVI вѣка, пожалуй, не вполне выясненнымъ. Можно во всякомъ случаѣ съ увѣренностью сказать, что Москва и не довѣряла этимъ казакамъ и не прочь была пользоваться ихъ услугами. Снабжая ихъ поэтому иногда оружіемъ и боевыми припасами, Московское правительство желало установить надъ ними болѣе или менѣе дѣятельное наблюденіе. Этимъ объясняется между прочимъ построеніе Царево-Борисова города и то озлобленіе, которое охватило при этомъ казаковъ.—Такъ мало-по-малу къ XVII столѣтію на югѣ, да и во многихъ другихъ областяхъ Москов-

скаго государства скопилась огромная масса горючаго матеріала, и достаточно было искры, чтобы вспыхнулъ страшнѣйшій пожаръ. Такой искрой было появленіе Самозванца.

II.

Трудно гадать, къ какимъ послѣдствіямъ привели бы Московскую Русь тѣ политическіе и соціальные недуги, которыми она страдала въ концѣ XVI вѣка. Прекращеніе династіи Ивана Калиты, смѣна ея семьей Годунова и появленіе Лже-Димитрія вызвали наружу внутреннія язвы Московскаго государственнаго организма. Дѣло въ томъ, что въ государствахъ, въ которыхъ такъ сильна монархическая идея, какъ это было въ Московской Руси, возстаніе противъ неудобныхъ или тягостныхъ сторонъ государственнаго или общественнаго порядка возможно лишь подъ знаменемъ самозванца, когда массы поднимаются во имя защиты «законнаго» государя противъ «узурпатора» его правъ. Поэтому при царяхъ изъ прежняго дома наврядъ ли разыгралась бы открытая Смута. Вотъ почему и первый періодъ Смутнаго времени носить характеръ династической борьбы за власть.

Вообще же въ развитіи Смуты, какъ это указано профессоромъ Платоновымъ, можно различить три періода. Первый, или династическій, обнимаетъ собой эпоху борьбы за престолъ Московскаго государства различныхъ лицъ, кончая княземъ Василіемъ Шуйскимъ, который въ 1606 году овладѣваетъ властью. Второй періодъ Смуты—соціальный—приводитъ къ ниспроверженію Московскаго государственнаго порядка. Онъ состоитъ въ междоусобной борьбѣ общественныхъ классовъ и усилѣнномъ вмѣшателствѣ въ эту борьбу иноземныхъ правительствъ. Третій—національный—періодъ Смуты проходитъ въ попыткахъ московскихъ людей возстановить государственный порядокъ. Эти попытки приняли характеръ открытой борьбы русскихъ съ иноземцами, борьбы, закончившейся созданіемъ національной власти съ М. Ѳ. Романовымъ во главѣ. Эти періоды распадаются въ свою очередь на моменты, послѣдовательность которыхъ такова. Прежде всего идетъ борьба небольшого кружка дворцовой знати за вліяніе, власть и престолъ. Рѣшающимъ моментомъ въ этой борьбѣ, скорѣе сложной придворной интригѣ, является воцареніе Бориса Годунова. Тогда выступаетъ на сцену Самозванецъ, въ Смуту вовлекаются воинскія массы, и идетъ упорная борьба различныхъ претендентовъ на престолъ. Въ этой борьбѣ побѣдилъ Василій Шуйскій, представитель реакціонно-настроенныхъ «княжатъ». Торжество Шуйскаго представляетъ собой второй моментъ Смуты. Но воинскія массы, вовлеченныя въ династическую борьбу, скоро поняли свое значеніе въ странѣ и попытались воспользоваться своей организаціей для достиженія своихъ соціальныхъ чаяній. Такимъ образомъ возникло движеніе Болотникова, въ которомъ настроенное враждебно по отношенію къ крѣпостному порядку, украинское населеніе попыталось произвести переворотъ и ниспровергнуть ненавистный ему общественный укладъ. Возстаніе Болотникова заполняетъ собой третій моментъ Смуты. Подобная движенію Болотникова попытка воинской массы, пошедшей на этотъ разъ

подъ знаменемъ Тушинскаго Вора, разыгралась и въ четвертый моментъ Смуты. Оба движенія были неудачны, но сторонникамъ Вора удалось добиться полного раздѣленія государства между московскимъ и тушинскимъ правительствами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался польскій король Сигизмундъ, который вмѣшался въ дѣла Московскаго государства и въ слѣдующемъ моментѣ Смуты добился паденія обоихъ правительствъ. Затѣмъ въ шестомъ моментѣ Смутнаго времени московскіе люди попытались возстановить государственный порядокъ, установивъ династическую унію съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Политика короля Сигизмунда привела къ неудачѣ указанную попытку, которая имѣла слѣдствіемъ занятіе поляками Москвы. Тогда (въ седьмой моментъ Смуты) въ ополченіи Ляпунова консервативно настроенная земщина вступила въ союзъ со своими социальнымъ врагомъ—казачествомъ. Этотъ противоестественный союзъ кончился обостреніемъ общественной разрухи и насильственной смертью Ляпунова. Наконецъ, средніе слои населенія въ восьмой моментъ Смуты объединились въ правильную общественную организацію и, вызвавъ къ жизни нижегородское ополченіе, возстановили разрушенный государственный порядокъ. Власть перешла въ руки среднихъ классовъ населенія. Они то и создали прочную правительственную власть, поставивъ во главѣ ея, не безъ вліянія казачества, Михаила Ѳеодоровича Романова.

Таковъ общій ходъ Московской Смуты начала XVII вѣка. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ предстоитъ болѣе детальное ознакомленіе со Смутной эпохой и, главнымъ образомъ, съ московскими отраженіями ея.

III.

Опричнина Грознаго, направленная противъ высшаго слоя боярства, противъ княжатъ, повела къ тому, что на мѣстѣ обезсиленнаго и подавленнаго, хотя и не совсѣмъ исчезнувшаго «княжкя» появилась новая дворцовая знать. Впрочемъ, во главѣ ея стояли семьи, издавна и съ почетомъ служившія Московскимъ государямъ, а ко времени послѣдняго изъ династїи Калиты и породнившіяся съ ними. Это были Романовы-Юрьевы и Годуновы. Виднѣйшіе представители этихъ фамилій, Никита Романовичъ Юрьевъ и Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, находясь «въ завѣщательномъ союзѣ дружбы», мирно дѣлили между собой вліяніе при дворѣ слабого тѣломъ и умомъ Ѳеодора Ивановича. Послѣдній же сынъ Грознаго царя, малолѣтній царевичъ Димитрій, вмѣстѣ съ матерью своей, царицей Маріей Нагой, и ея родственниками былъ удаленъ въ Угличъ, гдѣ жилъ подъ нѣкоторымъ присмотромъ московской администраціи. Удаленіе царевича на сего «удѣлъ», данный ему отцомъ, не носило, впрочемъ, характера явной ссылки. Московскій и Углицкій дворы обмѣнивались между собой обычными въ то время актами вѣжливости. Поэтому отправка Димитрія въ Угличъ вполне правильно можетъ разсматриваться, какъ извѣстная мѣра предосторожности въ виду возможнаго движенія Москвы по смерти Грознаго въ пользу младшаго царевича. Опасенія правительства не сбылись, и Ѳеодоръ спокойно утвердился на престолѣ. Въ скоромъ времени исключительное значеніе въ го-

сударствѣ досталось царскому шурина Борису Годунову, такъ какъ дядя царя Н. Р. Юрьевъ умеръ въ 1585 году. Дружа съ его дѣтьми и пользуясь любовью Феодора Ивановича, умный и ловкій Годуновъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю власть, получивъ при этомъ рядъ почетныхъ должностей и титуловъ. Однако ему пришлось бороться съ направленной противъ него интригой уцѣлѣвшихъ «княжатъ» съ Шуйскими во главѣ. Пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ среди московскаго купечества и заручившись содѣйствіемъ «премудраго грамматика» митрополита Діонисія, Шуйскіе привлекли на свою сторону нѣкоторыхъ другихъ бояръ и подали въ 1587 году царю общее челобитье, «чтобы ему, государю, всю землю державы царскія своея пожаловати: пріяти бы ему второй бракъ, а царицу перваго брака Ирину Феодоровну пожаловати отпустить въ иноческій чинъ; и бракъ учинити ему царскаго ради чадородія». Это челобитье повлекло за собой цѣлое уличное движеніе, во время котораго «въ Кремль-городѣ въ осадѣ сидѣли и стражу крѣпкую поставили». Однако затѣя Шуйскихъ не удалась. Царь очень любилъ свою жену Ирину, сестру Б. Ф. Годунова, и надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: у царицы нѣсколько разъ бывали неудачные роды. Въ результатѣ челобитье повело къ ссылкѣ его инициаторовъ, а нѣсколько рядовыхъ участниковъ движенія сложило свои головы на плахѣ. Положеніе Годунова послѣ того вполне упрочилось, тѣмъ болѣе, что онъ обнаружилъ чрезвычайныя способности къ управленію государствомъ.

Черезъ какихъ-нибудь 3—4 года послѣ того, какъ Годуновъ справился съ интригой, направленной противъ него, произошло событіе, прошедшее сначала малозамѣченнымъ, но чреватое послѣдствіями. Мы разумѣемъ смерть царевича Дмитрія, случившуюся 15 мая 1591 года. На это событіе существуютъ противорѣчивыя взгляды. Одни историки, довѣряя показаніямъ слѣдственнаго дѣла о смерти царевича, видятъ въ ней естественное послѣдствіе неосторожной игры припадочнаго малютки съ ножомъ. Другіе, опираясь на показанія позднѣйшихъ сказаній и народную молву, а также принимая во вниманіе выгоду смерти царевича для Бориса Годунова, считаютъ послѣдняго виновникомъ убіенія св. Дмитрія. Недавно г. Тюменевъ въ обстоятельной статьѣ*) пересмотрѣлъ этотъ вопросъ и, пользуясь въ значительной мѣрѣ работами своихъ предшественниковъ, въ особенности проф. Платонова, реабилитировалъ слѣдственное дѣло отъ взводимыхъ на него обвиненій въ пристрастіи и недобросовѣстности и еще разъ заподозрилъ правдивость позднѣйшихъ рассказовъ объ убіеніи царевича. Во всякомъ случаѣ, обсуждая причины смерти Дмитрія, надо имѣть въ виду помимо того, что высокія нравственныя свойства Годунова заставляютъ съ осторожностью возводить на него столь тяжкое обвиненіе безъ достаточныхъ основаній, опасность насильственнаго умерщвленія царевича для Бориса и безцѣльность этого злодѣяства для него. У царя не только могли быть дѣти, но даже, дѣйствительно, родилась въ 1592 году дочь Феодосія, вскорѣ умершая. Лишь послѣ смерти своей племянницы,

*) Ж. М. Н. Пр., Май и Июнь 1908 г.

когда у царственной четы была потеряна надежда имѣть потомство, Борисъ началъ дѣлать приготовленія къ занятію престола по смерти Θεодора Ивановича. Между прочимъ при пріемахъ у себя иноземныхъ пословъ Годуновъ сталъ заставлять дѣйствовать и своего сына Θεодора.

Такъ шли дѣла до 1598 года. Въ этомъ году умеръ царь Θεодоръ, и въ Московскомъ государствѣ всталъ вопросъ о томъ, кто будетъ его преемникомъ. Прежде всего «царскій синклитъ» въ присутствіи патріарха принесъ присягу царицѣ Иринѣ. Но она отказалась править государствомъ и постриглась въ монахини подъ именемъ Александры. Въ Москвѣ установился временный порядокъ управленія, показавшій крѣпость государственной дисциплины. Были приняты мѣры предосторожности, чтобы никакія вѣсти не шли изъ Руси за границы, которыя всѣ были закрыты. Принимались мѣры предосторожности и противъ возможнаго объявленія войны со стороны сосѣднихъ государствъ. При такой обстановкѣ состоялся земскій соборъ, избравшій въ государя Бориса Годунова. Это избраніе было вполне естественнымъ слѣдствіемъ сложившихся ко дню смерти царя Θεодора обстоятельствъ. Однако долгое время на Годунова возводились обвиненія въ подтасовкѣ собора и въ допущеніи на него лишь угодныхъ Борису лицъ. Въ настоящее время подобныя обвиненія пали, и соборъ 1598 г. признается собраннымъ совершенно правильно. Въ то же время удалось выяснитъ нѣсколько любопытнѣйшихъ подробностей того, что вокругъ незанятаго трона происходила въ Москвѣ борьба. Эта борьба объясняетъ многое въ дальнѣйшемъ ходѣ Смуты. Дѣло въ томъ, что Годуновъ не одинъ былъ претендентомъ на престолъ. Во-первыхъ, была мысль о призваніи на престолъ иностраннаго принца, но мысль эта не встрѣтила сочувствія. Во-вторыхъ, имѣлъ нѣкоторые виды на престолъ смѣлый до дерзости любимецъ Грознаго Богданъ Бѣльскій. Но не эти кандидаты были опасны Борису. Безсильны были также до поры до времени и реакціонно настроенные остатки «княжатъ». Зато былъ у Годунова соперникъ, принадлежавшій къ одному съ нимъ слою дворцовой знати, родственникъ угасшей династіи. Это былъ старшій изъ Романовыхъ, Θεодоръ Никитичъ. Красавецъ собой, первый щеголь въ Москвѣ, онъ обладалъ большимъ умомъ и властнымъ характеромъ. Вся семья Романовыхъ была очень популярна въ народѣ, но старшій братъ выдавался изъ всѣхъ. До смерти царя Θεодора Романовы и Годуновъ дружили между собой, но въ рѣшительный моментъ разсорились. Мы не знаемъ подробностей происходившихъ на Москвѣ до избранія Бориса на престолъ событій, но, несомнѣнно, дѣло доходило до крупныхъ столкновеній соперниковъ. Отголоскомъ этихъ столкновеній явился еще въ 1598 году слухъ о томъ, что Годуновъ, отчаявшись быть избраннымъ въ цари, хотѣлъ приготовить самозваннаго Димитрія и что Ѳ. Н. Романовъ, изобличая Бориса, бросался на него съ ножомъ. Какъ бы то ни было, въ избирательной борьбѣ одержать верхъ Годуновъ, за котораго были обязанъ ему своимъ возвышеніемъ и саною первый патріархъ всея Руси Іовъ и средніе классы Московскаго государства. Романовымъ и другимъ недоброжелателямъ Годуновыхъ пришлось смириться.

Царскій выходъ изъ Благовѣщенскаго собора.

Картина находится въ Гл. Арх. Мин. Им. Сѣмб.

Новый царь начиналъ свое царствованіе, казалось, при самой благопріятной обстановкѣ. У него былъ большой правительственный опытъ, соединенный съ выдающимся политическимъ дарованіемъ. Московское государство при царѣ Феодорѣ, благодаря въ значительной мѣрѣ дѣятельности Бориса, отдохнуло и нѣсколько оправилось отъ послѣдствій тяжелой Ливонской войны и опричнины Грознаго. Съ сосѣдними государствами Годунову удалось установить очень хорошія отношенія. Но самъ Борисъ послѣ торжественнаго вѣнчанія на царство, когда въ порывѣ экстаза онъ объявлялъ, что въ его царствѣ «никто же будетъ» «нищъ или бѣденъ», врядъ ли спокойно глядѣлъ на положеніе дѣлъ въ государствѣ. Онъ видѣлъ, какъ напряжены были отношенія классовъ населенія другъ къ другу и принималъ даже рядъ мѣръ къ облегченію, хотя бы временному, податного бремени, съ одной стороны, и обезпеченію рабочими руками среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, съ другой.

Но принимаемыми мѣрами трудно было прекратить тяжелый кризисъ, подготовленный при предшественникахъ Бориса, а, сверхъ того, Русь постигло тогда страшное бѣдствіе. Трехлѣтній неурожай и голодъ обездолили и озлобили массы населенія, а часть его заставили даже искать себѣ пропитанія разбоемъ и другими преступленіями. Царь Борисъ принялъ рѣшительныя мѣры. Онъ организовалъ выдачу хлѣба неимущимъ. Къ сожалѣнію, раздача попала въ руки недобросовѣстныхъ лицъ, наживавшихся на народномъ бѣдствіи. Кромѣ даровой выдачи хлѣба Годуновъ помогъ своимъ подданнымъ устройствомъ своего рода общественныхъ работъ. Тогда была перестроена между прочимъ знаменитая колокольня «Иванъ Великій».

Озабоченный дѣлами государственнаго значенія Годуновъ въ то же время видѣлъ опасность, грозившую ему со стороны разныхъ круговъ боярства. Какъ общеизвѣстно, въ царствованіе Бориса послѣдовалъ рядъ сысковъ и опалъ*). Эти опалы склонны были объяснять мелкодушіемъ выскочки Годунова, его мелочною подозрительностью. Въ видѣ примѣра чрезмѣрной заботливости Бориса сохранить за собой престолъ указываютъ на особо торжественныя присяги, которыя должно было приносить населеніе Годуновской семьѣ и на особую молитву о царскомъ здравіи, сочиненную для постояннаго чтенія ея въ домахъ при питьѣ заздравной чаши. «Читая эту лицемѣрную хвастливую молитву,—говоритъ въ своемъ «Курсѣ Русской исторіи» академикъ В. О. Ключевскій,—проникаешься сожалѣніемъ, до чего можетъ потеряться человѣкъ, хотя бы и царь». Конечно, подобными мѣрами нельзя было достигнуть положительныхъ результатовъ, но въ то же время невозможно думать, что опасенія Бориса были плодомъ лишь одной его подозрительности. Такъ, въ опалѣ, постигшей семью Романовыхъ и весь кругъ близкихъ къ нимъ людей, врядъ ли дѣло шло только объ одномъ «кореньѣ», которое якобы подложилъ своему господину, А. Н. Романову, его слуга и казначей Бартенева, учинившій затѣмъ ложный доносъ на своего боярина. Какъ справедливо замѣчаетъ С. Θ. Платоновъ,

*) Отмѣтимъ, что эти опалы, если видѣть въ нихъ проявленіе борьбы Бориса съ враждебными и опасными для него людьми, отличались рѣдкой для тѣхъ временъ мягкостью. Борисъ старался лишь обезвредить своихъ противниковъ; но даже это ему не удалось.

«невозможно допустить, чтобы одни волшебные корешки, без других улик, послужили достаточным основанием для обвинения цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею династіею, къ которой Борисъ исповѣдывалъ такую благоговѣйную преданность».

Трудно сказать навѣрное, что вызвало розыскъ о Романовыхъ, но, повидимому, можно поставить это дѣло въ связь съ появленіемъ перваго Самозванца. Такъ, первые слухи о Самозванцѣ возникаютъ въ Москвѣ какъ разъ одновременно съ дѣломъ Никитичей и ихъ племени. И Отрепьевъ, такъ или иначе причастный къ появленію Лже-Димитрія «ко князю Борису Келбулатовичу (Черкасскому, близкому родственнику Романовыхъ) въ его благодатный домъ часто приходилъ и отъ князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ». Наконецъ, лишь только въ отдаленномъ Сійскомъ монастырѣ старецъ Филаретъ (такъ звали насильственно постриженнаго въ монахи Ѡ. Н. Романова) свѣдалъ, неизвѣстно отъ кого, про появленіе и первые успѣхи Самозванца, онъ перемѣнился, началъ «всегда смѣяться неизвѣстно чему», покрикивалъ на другихъ монаховъ и грозилъ имъ, что «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ». Дѣйствительно, торжество Лже-Димитрія сопровождалось рядомъ милостей для всего опальнаго при царѣ Борисѣ круга лицъ.

Были или нѣтъ Романовы и ихъ родня и друзья причастны къ самозванщинѣ, остается безспорнымъ тотъ фактъ, что первый лже-царевичъ былъ подготовленъ русскими людьми и былъ русскимъ человѣкомъ, набравшимся кое-какихъ верхушекъ и вышнихъ признаковъ польской цивилизаціи. Въ русскомъ происхожденіи Самозванца удостовѣряетъ собственноручное польское письмо его. Сочиненное для него полякомъ, оно своими ошибками «свидѣтельствуется», какъ установлено С. Л. Пташицкимъ, «что Самозванецъ былъ лицомъ великорусскаго происхожденія, опытнымъ въ письмѣ московскаго характера» и «вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ былъ греческой грамотѣ, но не имѣлъ навыка въ польской рѣчи и съ трудомъ овладѣвалъ польской графикой». Зная національность перваго Лже-Димитрія, историки не такъ счастливы относительно его личности. Существуетъ даже мнѣніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго въ научной литературѣ является графъ С. Д. Шереметевъ, о томъ, что это былъ настоящій сынъ Грознаго, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшій отъ замысловъ Бориса. Намъ лично представляется самымъ вѣроятнымъ старое и наиболѣе распространенное убѣжденіе, что первымъ Самозванцемъ былъ бѣглый діаконъ Чудовскаго монастыря Григорій Отрепьевъ. При этомъ Отрепьевъ былъ, какъ можно думать, сознательный самозванецъ. Это видно изъ его опасеній преждевременной смерти Бориса Годунова, которыя онъ высказалъ папскому нунцію Рангони. Самозванецъ боялся, что, если онъ слишкомъ долго задержится въ Польшѣ, на его мѣсто могутъ возвести, другого. «Въ этихъ словахъ сквозитъ что то неладное», по справедливому замѣчанію о. П. Пирлинга, высказанному имъ въ изслѣдованіи «Изъ Смутаго времени». Опасенія перваго Лже-Димитрія стануть понятны, если

считать его сознательной креатурой того или иного кружка московской знати.

Но кто бы ни был Самозванец и кѣмъ бы онъ ни считалъ себя, его появленіе знаменуетъ собой начало открытой смуты въ Московскомъ государствѣ. Онъ первый для захвата власти обратился къ воинскимъ массамъ и казачеству, первый втянулъ ихъ въ движеніе. Мысль набрать казаковъ и съ ними одними идти на Москву была первымъ планомъ Самозванца. Затѣмъ этотъ планъ былъ оставленъ, и Лже-Димитрій обратился за помощью къ Польшѣ. Однако официальные польскіе круги отказали ему въ поддержкѣ, опасаясь открытаго разрыва съ Москвой, да и не вѣря въ правдивость рассказовъ Самозванца о своемъ чудесномъ спасеніи. Старый вельможа Замойскій обозвалъ даже эти рассказы «Плавтовской или Теренціевской комедіей». Подъ рукой, впрочемъ, Сигизмундъ разрѣшилъ одному изъ своихъ пановъ, Юрію Мнишку, набирать вольные отряды для помощи «царевичу», который тѣмъ временемъ тайно принялъ католичество. Мнишекъ же сталъ помогать Самозванцу въ цѣляхъ личнаго благополучія: пылкій «царевичъ» увлекся прелестной паненкой Мариной Юрьевной Мнишковой и сталъ ея женихомъ. Пока набирались въ Польшѣ волонтеры для похода на Москву, агенты Лже-Димитрія не теряли времени. Они перевозили за литовскій рубежъ въ предѣлы Московскаго государства «прелестныя граматы» Самозванца, распространявшіяся, несмотря на всѣ мѣры, принятыя Годуновымъ, обезпеченнымъ неожиданнымъ воскресеніемъ царевича, по Руси и волновашія населеніе. Особенно волновались Сѣвера, Польскіе и Украинные города, жителямъ которыхъ было, какъ отмѣчено выше, очень тяжело отъ установившагося въ Московской Руси порядка. И донскіе казаки были не забыты Лже-Димитріемъ и, конечно, не замедлили откликнуться на его призывъ.

Наконецъ, въ августѣ 1604 года Самозванецъ съ набраннымъ войскомъ, въ которомъ было много всякаго сброда, перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ Сѣверскую область. Число его главнаго войска не превышало 4.000 человекъ. Въ то же время дѣйствовавшіе въ его пользу донскіе казаки двинулись черезъ Поле къ польскимъ городамъ. Планъ Лже-Димитрія состоялъ, конечно, въ томъ, чтобъ, овладѣвъ какой-нибудь изъ большихъ южныхъ дорогъ, выйти на Тулу и Калугу. Расчетъ Самозванца на настроеніе населенія тѣхъ областей, въ которыя онъ двинулся, оказался совершенно вѣрнымъ. Цѣлый рядъ городовъ и городковъ какъ Сѣверы, такъ и Польской Украины сдался «царевичу». Только Новгородъ-Сѣверскій, — благодаря талантамъ и энергіи одного изъ своихъ воеводъ, околыничаго П. Ѳ. Басманова, остался вѣрнымъ Годунову и устоялъ до прихода главной рати съ бояриномъ княземъ Ѳ. И. Мстиславскимъ во главѣ. Поссорившись вскорѣ послѣ этого съ лучшей частью своего войска — поляками — и принужденный видѣть уходъ большинства изъ нихъ, Лже-Димитрій попытался отступитъ въ крѣпкій Путивль, давъ неприятелю неудачный бой у Добрыничей. Однако Мстиславскій не смогъ вслѣдствіе деморализаціи въ его арміи, не привыкшей къ длительнымъ военнымъ операціямъ, осадить Путивля. Кромѣ того, онъ опасался быть отрѣзаннымъ отъ Москвы въ виду

того, что Польскіе города были охвачены возстаніемъ. Между прочимъ въ рукахъ Самозванца былъ городъ Кромъ, одинъ изъ ключей къ Заоцкимъ и Украиннымъ городамъ. Поэтому дальнѣйшія военныя дѣйствія сосредоточились на осадѣ Кромъ. Благодаря прорвавшемуся въ этотъ городъ донскому атаману Корѣтѣ, осада Кромъ затянулась, а въ это время умеръ царь Борисъ.

Смерть Бориса Годунова была роковой для его семьи. При жизни опытнаго и талантливаго государя Самозванцу трудно было бы добиться рѣшающихъ успѣховъ. Когда же власть досталась въ руки хотя и очень много обѣщавшаго, но совсѣмъ юнаго Феодора Борисовича, тогда тайные враги годуновскаго режима подняли голову. Это были княжата, притихшіе послѣ опричнины Грознаго, но не разставшіеся со своими представленіями и притязаніями. Зная колеблющееся настроеніе въ войскѣ, княжата во главѣ съ Голицыными и Шуйскими затѣяли измѣну. Прежде всего черезъ какихъ-нибудь 3—4 недѣли со дня смерти Бориса, случившейся 7-го апрѣля 1605 года, на сторону Самозванца передалась главная московская рать, а 1-го іюня и въ Москвѣ произошелъ переворотъ, послѣ котораго семья Годуновыхъ была арестована, а затѣмъ и погублена. Но уже до переворота въ столицѣ къ Лже-Димитрію въ его станъ явился цвѣтъ московскаго боярства съ князьями Шуйскими, Голицыными, Мстиславскимъ и Воротынскимъ во главѣ. Около новаго «царя» образовался дворъ, и Самозванецъ избралъ даже особую комиссію, которая должна была «вѣдать Москву». Въ эту комиссію вошелъ и Басмановъ, перешедшій на сторону Лже-Димитрія и служившій ему такъ же хорошо, какъ прежде служилъ Борису. Въ самой Москвѣ со дня смерти царя Бориса стало неспокойно, при чемъ въ деморализованной уличной толпѣ были замѣтны два элемента: бѣдняки почувствовали, что нѣтъ болѣе правительства, которое ихъ сдерживало, а богатые увидели, что нѣтъ порядка и имъ угрожаетъ большая опасность. Наблюдательнымъ иностранцамъ представлялось, что служилые и торговые москвичи «чрезвычайно боялись бѣдной разоренной черни, сильно желавшей грабить московскихъ купцовъ, всѣхъ господъ и нѣкоторыхъ богатыхъ людей». Наконецъ, когда грамоты Лже-Димитрія, которыя до поры до времени перехватывало правительство Годуновыхъ, дошли до Москвы, тамъ вспыхнуло возстаніе противъ царя Феодора. Въ это время страсти разнуздались, и опасенія болѣе зажиточныхъ людей отчасти сбылись. Въ Москвѣ весь день грабили не только людей, близкихъ къ Годуновымъ, но и не имѣвшихъ къ нимъ никакого отношенія.

Вскорѣ послѣ іюньскаго переворота, князья Шуйскіе стали агитировать противъ Самозванца. Столь непосѣдная, а потому и неуспѣшная агитация объясняется, во-первыхъ, щекотливымъ положеніемъ Шуйскихъ и особенно главы ихъ рода, Василя Ивановича. Послѣдній стоялъ во главѣ слѣдственной комиссіи, установившей въ 1591 году фактъ смерти царевича Димитрія отъ собственной неосторожности, и не задолго до того, какъ передаться Самозванцу, торжественно подтвердилъ свои прежнія увѣренія. Быть можетъ, поэтому то Шуйскіе по пріѣздѣ къ Лже-Димитрію не были приближены къ нему. Во-вторыхъ, поведеніе Самозванца не могло править-ся

Старая Москва.

История и архитектура Москвы. Альбом. Кн. 1. М., 1988.

родовитому князю. Новый царь явно отдавалъ предпочтеніе передъ боярами своимъ прежнимъ сторонникамъ, не исключая и донского казачества. При томъ по низверженіи Годуновыхъ Лже-Димитрій былъ не хуже князьямъ-боярамъ тѣмъ болѣе, разъ онъ былъ такъ демократически настроенъ.

Но, если Шуйскіе сразу были недовольны новымъ государемъ, масса населенія не имѣла пока причинъ къ неудовольствію. Поэтому первая попытка Шуйскихъ поднять народъ на Самозванца не удалась, и князь Василій Ивановичъ чуть было не сложилъ свою голову на плахѣ. Прощенный въ послѣднюю минуту, онъ вмѣстѣ съ своей ближайшей родней былъ сосланъ въ Галицкіе пригороды. Не такъ дешево отдѣлались другіе «обличители Лже-Димитрія» и сторонники Шуйскихъ: торговый человѣкъ и палатный мастеръ Конъ Ѳеодоровъ, Петръ Тургеневъ, дякъ Тимоѳей Осиповъ и пр. Они были пытаны и казнены. Обличенія на время прекратились, но новый царь быстро сталъ терять свою популярность. Виной этого было его пристрастіе къ иноземцамъ и ихъ правамъ и неуваженіе къ московскимъ стародавнимъ обычаямъ. Иностранные пришельцы не переводились въ Москвѣ во все время самозванщины. Не успѣлъ Лже-Димитрій расплатиться съ тѣмъ «рыцарствомъ», которое явилось вмѣстѣ съ нимъ въ столицу и вело здѣсь себя въ высшей степени нагло и разнузданно, какъ явились толпы новыхъ авантюристовъ, искавшихъ легкой и прибыльной службы при московскомъ дворѣ. А весной 1606 года съ царской невѣстой Мариной Мнишекъ снова нахлынули, и въ большомъ числѣ, иноземные и иновѣрные гости. Всѣ эти буйные и заносчивые иноземцы вели себя въ Москвѣ нагло: они оскорбляли и задѣвали населеніе. Не щадили они и религіознаго чувства пестрыхъ, приверженныхъ къ обряду и нетерпимыхъ москвичей: входили со смѣхомъ и грубыми шутками въ церкви, прислаивались къ иконамъ и т. д. А царь «Димитрій Ивановичъ» жаловалъ и ласкалъ дорогихъ гостей и съ удовольствіемъ участвовалъ въ ихъ потѣхахъ и развлеченіяхъ. Тогда мало-по-малу москвичи стали приходить къ мысли, что князь Василій Ивановичъ былъ «провидцемъ» и «добрымъ страдальцемъ за вѣру православную».

Тѣмъ временемъ «провидецъ» не терялъ времени и, возвращенный въ Москву мѣсяцевъ черезъ пять послѣ высылки, интриговалъ противъ Самозванца, но на этотъ разъ сумѣлъ спрятать концы въ воду. Лже-Димитрій же вернулъ Шуйскихъ, уступая настояніямъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ вельможъ и самой царицы-матери, т.-е. инокини Марѣы Нагой, признавшей Самозванца своимъ сыномъ. Дѣло въ томъ, что, чрезчуръ возвысивъ незнатныхъ своихъ сторонниковъ, Самозванецъ спохватился. При всемъ своемъ легкомысліи первый Лже-Димитрій былъ далеко не глупъ. Понявъ, къ несчастію для себя слишкомъ поздно, немаловажное значеніе родового боярства, Самозванецъ готовъ былъ пойти на сближеніе съ нимъ и въ этомъ отношеніи сталъ дѣлать даже нѣкоторые шаги. Между тѣмъ число враговъ его все болѣе и болѣе увеличивалось, и самымъ горячимъ и опаснымъ явилось вліятельное духовенство. Правда, во главѣ церкви стоялъ ставленникъ Самозванца патріархъ Игнатій, смѣнившій насильственно удаленнаго Іова. Но Игнатій былъ безсиленъ противъ все болѣе и болѣе наливаемаго на-

роднаго негодованія, которое умѣло разжигали агенты В. И. Шуйскаго. При этомъ поведеніе Лже-Димитрія и его иноземцевъ все болѣе и болѣе возмущало православныхъ и степенныхъ москвичей.

Каплей, переполнившей чашу, было бракосочетаніе Самозванца съ Мариной Мнишекъ, совершенное подъ праздникъ (8-го мая). А главнымъ обстоятельствомъ, возмутившимъ большинство русскихъ людей, было то, что невѣста не приняла православія и по тогдашнимъ убѣжденіямъ была «некрещеной дѣвицей». Такъ сказалъ въ глаза Самозванцу казанскій митрополитъ Гермогенъ, удаленный за такую смѣлость изъ Москвы. Не успѣлъ Лже-Димитрій докончить шумныхъ пировъ послѣ своей женитьбы, какъ въ Москвѣ вспыхнулъ роковой для него мятежъ. Настроеніе москвичей послѣ свадьбы царя сразу стало настолько возбужденнымъ, что руководителямъ движенія

Марина Мнишекъ.

руководившихъ заговоромъ, ворвались въ Кремль и ринулись ко дворцу. Распространяя слухи о томъ, что «паны рѣжутъ думныхъ бояръ», они увлекли за собой часть народной массы. Толпа остального народа бросилась на дома, въ которыхъ обитали иноземцы. Между тѣмъ звуки набатовъ, въ которые приказали бить заговорщики, разбудили Лже-Димитрія. Онъ выслалъ Басманова узнать, въ чемъ дѣло. Встрѣченные Басмановымъ бояре заявили, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь случился пожаръ. Не успѣлъ успокоенный этимъ отвѣтомъ Басмановъ вернуться, какъ крики удвоились. Толпа заговорщиковъ ворвалась во дворецъ. Басмановъ былъ убитъ, а Самозванецъ, который сначала храбрился и кричалъ, размахивая мечемъ:

*) Подробности московскаго движенія противъ Самозванца, см. у С. М. Соловьева „Исторія Россіи съ древнихъ временъ“ (Изданіе Тов. „Общественная Польза“) кн. II, стр. 797—801.

противъ Самозванца и окружавшихъ его «еретиковъ ляховъ» и «безбожной Литвы» стоило не мало труда до поры до времени сдержать ту массу, которую имъ раньше надо было подстрекать. Иноземцы замѣтили угрожавшую имъ и «царю Дмитрію Ивановичу» опасность, приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности и предупреждали Самозванца о готовившемся возстаніи. Но послѣдній, быть можетъ, опьяненный ласками Марины Мнишекъ, не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. За это онъ жестоко поплатился.

Раннимъ*) утромъ 17-го мая до 200 бояръ и дворянъ,

«я вамъ не Годуновъ», бросился въ покои жены, приказалъ ей спастись отъ мятежниковъ и побѣжалъ, желая пробраться въ каменный дворецъ. Онъ сталъ скакать по подмосткамъ, устроеннымъ для брачнаго торжества, но, оступившись, упалъ съ высоты 15 сажень, вывихнулъ руку и разбилъ грудь. Заговорщики тѣмъ временемъ искали всюду Самозванца, ворвались въ покои его жены и всячески оскорбляли окружавшихъ ее женщинъ. Прибытіе главарей заговора успокоило страсти. Въ то время страшная опасность стала угрожать мятежникамъ. Стрѣльцы, занимавшіе караулъ въ Кремлѣ, услышали стоны раненаго и, прельщенные обѣщаніями щедрой награды, взяли его сторону. Тогда бояре-заговорщики пригрозили разореньемъ Стрѣлецкой слободы. Стрѣльцы заколебались и послали спросить у инокини Марѣы Нагой, признаетъ ли она царя прямымъ своимъ сыномъ. Тогда явился князь И. В. Голицынъ съ извѣстіемъ о томъ, что старая царица отрекается отъ Самозванца. Послѣдній былъ застрѣленъ сыномъ боярскимъ Григоріемъ Валуевымъ, который при этомъ вскричалъ: «Вотъ я благословлю польскаго свистуна». Дорубленный другими заговорщиками, Лже-Димирій былъ отданъ на поруганіе толпѣ. Прахъ его въпослѣдствіи былъ сожженъ и пепель развѣянъ по вѣтру.

Пока въ Кремлѣ раздѣлывались съ Самозванцемъ, московская чернь расправлялась съ заѣзжими гостями. Но вожди заговора спѣшили возстановить порядокъ. Шуйскіе, Мстиславскіе, Голицыны и другіе бояре появились на улицахъ, разгоняли толпы грабителей и поспѣшили прежде всего защититъ польскихъ пословъ отъ нападеній и оскорбленій. Новое правительство не хотѣло доводить дѣло до разрыва съ Рѣчью Посполитой. Черезъ два дня послѣ умерщвленія Самозванца Московскій престолъ удалось занять вожаку «княжатъ» Василю Ивановичу Шуйскому. Съ момента его воцаренія Смута изъ династической обращается въ соціальную. Къ изложенію этого періода ея мы теперь и обратимся.

IV.

Если при воцареніи Самозванца Москва лишь послѣдняя признала совершившійся фактъ, то въ дѣлѣ провозглашенія Василя Шуйскаго столица порѣшила все дѣло. Шуйскій и его союзники «княжата» не хотѣли упустить изъ рукъ подвернувшагося случая. Они боялись рисковать созывомъ Земскаго Собора. Въ провинціи Самозванецъ не потерялъ еще окончательно своей прежней популярности, и медлить было рискованно. Поэтому, понадеявшись на то, что «доселѣ Москва всѣмъ городамъ указывала», сторонники Шуйскаго, несмотря на раздававшіеся голоса о необходимости прежде всего замѣнить смѣщеннаго патріарха Игнатія, «выкрикнули» царемъ князя Василя Ивановича. Новый царь ознаменовалъ свое воцареніе знаменитой записью, по которой цѣловалъ самъ крестъ. Въ этой записи принято видѣть ограниченіе царской власти въ пользу бояръ, хотя едва ли не правъ С. Θ. Платоновъ, рассматривающій ее какъ манифестъ представителя княжеско-боярской реакціонной партіи, содержащей обѣщаніе править подобно прежнимъ государямъ, воздерживаясь лишь отъ причудъ личнаго произвола.

Однако, какъ ни смотрѣть на записъ царя Василія, надо сознаться, что на практикѣ она не примѣнялась, и Шуйскій умѣлъ справляться со своими противниками и ослушниками не менѣе самовластно, чѣмъ его предшественники. Вообще это былъ человѣкъ, лучше умѣвшій давать обѣщанія, чѣмъ исполнять ихъ. Въ лицѣ царя Василія на престолѣ вступилъ политическій хамелеонтъ. Въ юности опричникъ Грознаго, затѣмъ недругъ Годунова, далѣе слуга его, онъ измѣняетъ въ удобную минуту Годуновымъ для Лже-Димитрія, чтобы впослѣдствіи измѣнить ему въ пользу личнаго возвышенія. Его игра удалась, и въ 1606 году Василій Шуйскій занялъ «престолъ прародитель и родитель своихъ». Старый и подслѣповатый, мстительный и скупой царь Василій не пользовался популярностью въ народѣ. Положеніе новаго государя, несмотря на всю его энергію, изворотливость и смѣлость, съ первой минуты было шаткимъ и сложнымъ. Онъ былъ главой небольшого, хотя и вліятельнаго олигархически-реакціоннаго кружка. Кромѣ членовъ этого кружка среди знати существовали лица другихъ направленій и взглядовъ. Нѣкоторыхъ людей этой знати царь Василій привлекъ къ себѣ. Другихъ выслалъ на дальнія воеводства. Но съ кругомъ Романовыхъ, т.-е. съ новой дворцовой знатью, Шуйскому не удалось наладить хорошихъ отношеній. Главу этого круга бывшего старца Филарета, а при Самозванцѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, царь Василій нарекъ было въ патріархи, но затѣмъ почему то раздумалъ *), замѣнивъ его Гермогеномъ Казанскимъ. Такой обиды не могъ забыть умный и гордый митрополитъ-бояринъ, и Шуйскій нажилъ себѣ врага, который былъ тѣмъ опаснѣе, что былъ очень популяренъ и имѣлъ много сторонниковъ. Между тѣмъ царю Василію надо было привлечь на свою сторону возможно большее число людей. И вотъ правительство Шуйскаго предпринимаетъ рядъ шаговъ для того, чтобы склонить къ новому царю симпатіи населенія.

Разсылается по городамъ рядъ грамотъ. Въ нихъ, во-первыхъ, обходится щекотливый вопросъ объ избраніи государя заявленіемъ, что Шуйскій избранъ всѣми городами Московскаго государства. Во-вторыхъ, выставляется на видъ первородство Шуйскихъ среди Рюриковичей. Даже семья Калиты оказывается (какъ оно и было по родословцу) ниже рода царя Василія. Въ-третьихъ, инокиня Марѳа Нагая съ своей стороны въ грамотахъ каялась передъ народомъ въ своихъ прежнихъ ложныхъ признаніяхъ и раскрывала еретичество и самозванство «Гришки Растриги». Но люди того времени прекрасно понимали, что терминъ «Московское государство» обозначалъ тогда лишь Москву съ ея областью, и соглашались идти на этотъ разъ по указкѣ столицы. Родословныя притязанія Шуйскихъ врядъ ли убѣждали ихъ современниковъ, привыкшихъ чтить угасшую династію, а увѣреніямъ Шуйскаго и инокини Марѳы трудно было и вѣрить: оба они доказали свою перемѣнчивость. Главная же трудность положенія Шуйскаго состояла въ томъ, что массы были разбужены для соціальной борьбы и могли сражаться во имя Димитрія, даже и не всегда вполне вѣря въ

*) Вѣрнѣе всего, что причиной этого было одно изъ уличныхъ движеній, поднятыхъ противъ Шуйскаго вскорѣ послѣ его воцаренія. Вожакомъ этого движенія Шуйскій счелъ П. П. Шереметева, одного изъ лицъ Романовскаго круга.

подлинность того или иного носителя этого имени. Такъ уже у перваго Самозванца явился подражатель и соперникъ. Это былъ нѣкій казакъ Илейка, назвавшійся царевичемъ Петромъ Феодоровичемъ и проявившійся на Терекѣ. Оттуда онъ двинулся въ Астрахань и сталъ подниматься по Волгѣ. Дядя (Лже-Димитрій), свѣдавъ о «племянникѣ», усиленно звалъ его въ Москву, но за Свияжскомъ Лже-Петръ услышалъ о смерти Самозванца и повернулъ на юго-западъ, очутившись, наконецъ, на Полѣ. Кромѣ этого «царевича», за которымъ посыпались, какъ грибы послѣ дождя, и другіе чудесно спасенные отпрыски старой династіи, правительству Шуйскаго надо было серьезно считаться съ отпаденіемъ отъ Москвы Сѣверы, Украинныхъ городовъ и Поля.

Въ самой столицѣ было далеко неспокойно. Шуйскому и его пособникамъ удалось овладѣть царствомъ благодаря московскому простонародью. Посредствомъ этого элемента приходилось новому правительству и держаться у власти. Но толпа—союзникъ ненадежный и очень легко можетъ обратиться въ недруга. Недоброжелатели царя Василя и стали пользоваться измѣнчивымъ настроеніемъ столичной уличной черни, которая узнала свою силу и готова была на еженедѣльную смѣну государя, надѣясь въ такомъ случаѣ поживиться отъ грабежа. И вотъ 25-го мая, 15-го іюня, въ срединѣ іюля 1606 г. чернь поднимается противъ Шуйскаго, которому самому приходилось унимать и уговаривать ее. Тогда царь Василій счелъ нужнымъ привести Кремль на военное положеніе, а съ августа мѣсяца засѣлъ тамъ, какъ бы въ осадѣ. Въ особенности напугали государя, принявшаго престолъ, какъ «отчину своихъ прародителей», пожаръ и случайный взрывъ пороха въ городскихъ лавкахъ, совпавшіе съ вѣстью о пораженіи царскихъ войскъ въ столкновеніи съ мятежниками на югѣ.

Не одними военными мѣрами предосторожности и бесѣдами съ уличными толпами думалъ Шуйскій справиться съ движеніемъ какъ въ столицѣ, такъ и въ областяхъ. Видя, что населеніе волнуется больше всего во имя царевича Димитрія, и не понимая, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ зачастую лишь объ удобномъ знамени, Шуйскій думалъ покончить съ народными волненіями путемъ церковнаго торжества. Поэтому уже третьяго іюня 1606 года состоялась канонизація царевича Димитрія, «заколотаго отъ раба своего Бориса», и торжественное перенесеніе мощей новаго праведника изъ Углича въ московскій Архангельскій соборъ. Эта канонизація впоследствии положила неизгладимое пятно на память Бориса, но въ данный моментъ мало помогла хитроумному царю Василю. Часть народа, вѣрившая въ подлинность Лже-Димитрія, готова была повѣрить и въ чудесное его спасеніе 17-го мая. Такіе люди совсѣмъ не вѣрили Шуйскому и тому, что отъ него исходило. Да и трудно было вѣрить человѣку, при Годуновыхъ увѣрившему про смерть царевича отъ собственной руки, а черезъ годъ обвинившему въ убіеніи св. Димитрія Бориса Годунова. Тѣ же, которые шли за призракомъ Димитрія, какъ за удобнымъ знаменемъ, прикрывавшимъ ихъ соціальныя вождельнія, — а такихъ становилось все болѣе и болѣе—были совершенно равнодушны къ судьбѣ настоящаго царевича.

Не довольствуясь канонизаціей св. Димитрія Угличскаго, царь Василій прибѣгъ къ помощи официозной публицистики. Кѣмъ то изъ братій Троице-Сергіевой Лавры, быть можетъ, искуснымъ въ писательствѣ келаремъ ея Аврааміемъ Палицынымъ, была написана не позднѣе августа 1606 года въ высшей степени интересная «Повѣсть», вошедшая впоследствии въ составъ такъ называемаго Иного Сказанія. Она вся пропитана тенденціознымъ прославленіемъ Шуйскихъ, какъ бы вскользь бросаемыми доказательствами ихъ правъ на престолъ и очерненіемъ памяти царя Бориса. Въ

Башня Марины Мнишекъ, въ г. Коломиѣ.

ней то и содержится тотъ рассказъ объ убіеніи царевича Димитрія, который затѣмъ легъ въ основу почти всѣхъ подобныхъ повѣствованій, а также и описаніе перенесенія мощей «новаго стратотерпца». Въ концѣ «Повѣсти» вскрывается цѣль ея написанія. Она обращена главнымъ образомъ къ «зломысленникомъ, рачащимъ его (т.-е. Лже-Димитрія) злонавному законопреступленію, дабы пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престали». Далѣе послѣ всякихъ увѣщаній слѣдуетъ и угроза: «Аще и, грубителю Божій, не пременишися отъ злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеша здѣ и въ будущемъ, яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ».

Однако «грубителю Божій» не побоялся прещеній и угрозъ публицистики царя Василя. Какъ намъ уже извѣстно, еще при Лже-Димитрія въ Московскомъ государствѣ объявился Лже-Петръ, который по смерти перваго Самозванца перешелъ на Поле. Здѣсь было уже въ полномъ ходу возстаніе во имя Димитрія Ивановича, хотя самого «царя» еще не было. Центромъ движенія сталъ по прежней памяти о Самозванцѣ Путивль съ родовитымъ воеводой княземъ Гр. Петр. Шаховскимъ во главѣ. Послѣдній уполномочилъ на походъ подъ Москву «большого воеводу» Ивана Болотникова. Ивашка, бывшій холопъ князя Телятевскаго, обнаружилъ недюжинный воинскій талантъ и умѣнье быть организаторомъ движенія. Въ рассылаемыхъ имъ «воровскихъ прелестныхъ грамотахъ» онъ явно будилъ социальную вражду и возставалъ на Московскій порядокъ. Болотниковъ приказывалъ холопамъ и бездомнымъ людямъ побивать бояръ и всѣхъ торговыхъ людей, животы ихъ грабить, женъ и помѣстья и вотчины на себя брать, кромѣ того, онъ обѣщаль раздачу сановъ и должностей отъ бояр-

ства до дьячества. Понятно, какіе инстинкты будили подобныя воззванія и какъ подстрекающе они дѣйствовали. Болотниковъ безъ труда овладѣлъ всей Сѣверской областью и Полемъ, и отовсюду стягивалъ къ себѣ новыя и новыя силы. Параллельно съ движеніемъ Болотникова шло возстаніе противъ Шуйскаго и въ болѣе сѣверныхъ городахъ Украинныхъ и Рязанскихъ. Въ первыхъ поднялась служилая мелкота — мелкопомѣстные дѣти боярскіе. Имъ понятны были мотивы, двигавшіе скопищемъ Ивашки Болотникова, но не всему тому, что дѣлали озлобленные холопы, вырвавшіеся на волю и давшіе просторъ своимъ чувствамъ и алчнымъ инстинктамъ, сочувствовали эти дѣти боярскіе, пошедшіе за «веневскимъ сотникомъ» Истомой Пашковымъ. Въ Рязанскихъ городахъ, гдѣ служилый людъ былъ болѣе хорошо поставленъ, вожаки движенія были довольно замѣтными въ общественномъ отношеніи людьми. Тамъ были цѣлыя гнѣзда старинныхъ дворянскихъ фамилій съ большимъ гоноромъ и притязательностью. Таковы были Ляпуновы, Сумбуловы, Кикины, Ржевскіе, Биркины и иные. Обезпеченные большими помѣстными окладами и дачами эти фамиліи мечтали о дальнѣйшемъ возвышеніи, о томъ, какъ бы пробраться на самый верхъ лѣствицы общественныхъ отношеній. Въ особенности заносчива и честолюбива была семья Ляпуновыхъ, въ которой выдавались два брата: Проконій и Захаръ Петровичи. Послѣдній въ видахъ обогащенія прежде не брезгалъ посылать контрабандой запрещенное оружіе и вино на Донъ, за что и понесъ должное наказаніе отъ Бориса Годунова. Старшій братъ Захара Проконій красиво характеризуемъ В. О. Ключевскимъ, какъ «человѣкъ рѣшительный, заносчивый и порывистый; онъ раньше другихъ чуялъ, какъ поворачиваетъ вѣтеръ, но его рука хваталась за дѣло прежде, чѣмъ успѣвала подумать о томъ голова». Людямъ такого положенія и душевнаго склада, какъ Ляпуновъ и другіе рязанскіе честолюбцы, не могло нравиться олигархически-реакціонное правительство Шуйскаго. Оно закрывало дорогу людямъ съ его точки зрѣнія «худороднымъ»; такими въ глазахъ «княжатъ» были и Ляпуновы съ братією. Послѣдніе же были готовы стоять за принципъ, насажденный Грознымъ и культивированный Годуновымъ и Самозванцемъ, т.-е. за ту мысль, что «и великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Благодаря такому настроенію и поднялись рязанцы съ воеводами Григоріемъ Θεодоровымъ Сумбуловымъ и Проконіемъ Петровымъ Ляпуновымъ во главѣ. Овладѣвъ Коломной, рязанскія дружины на Окѣ соединились съ войсками Болотникова, и все мятежное войско подошло къ Москвѣ, укрѣпилось въ селѣ Коломенскомъ и продержало столицу въ осадѣ съ середины октября до начала декабря 1606 года. Надо принять во вниманіе, что въ связи съ движеніемъ Болотникова разыгралась смута и въ мѣстности на востокъ отъ нижней Оки, гдѣ наряду съ недовольными русскими служилыми людьми возставала и исконная насельница края «мордва», раздраженная потерей правъ на принадлежавшую ей ранѣе землю. Поднялся бунтъ и въ Астрахани. Глухое броженіе шло и среди восточныхъ инородцевъ въ Вятско-Пермскомъ краю, замѣчалось оно и на Новгородскихъ и Псковскихъ окраинахъ. Такимъ образомъ лишь Замосковныя и Поморскія области остались въ повиновеніи у Шуйскаго.

Шуйскому удалось подавить смуту на нижней Окѣ, а также сдерживать глухое броженіе на восточныхъ и сѣверо-западныхъ окраинахъ государства, но въ самой Москвѣ социальная программа Болотникова привлекала къ нему столичную чернь, и царь Василій съ величайшимъ опасеніемъ взиралъ на будущее. Спасло Шуйскаго на этотъ разъ отсутствіе единопущія у осаждавшихъ Москву. Подъ столицей сошлись социальные враги, и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ начала осады произошло естественное разслоеніе различныхъ общественныхъ элементовъ осаждавшего Москву ополченія. Очутившись въ близкомъ сосѣдствѣ съ Болотниковымъ, познакомившись пристальнѣй съ его разрушительной для всего земледѣльческаго московскаго класса программой, рязанскіе помѣщики-дворяне поняли, кто былъ для нихъ наиболѣе опаснымъ врагомъ. Поэтому 15-го ноября Прокопій Ляпуновъ и Григорій Сумбуловъ съ другими рязанцами «градомъ всѣмъ отъ тѣхъ воровъ отѣхаша и пріѣхаша къ Москвѣ». За рязанцами, вожди которыхъ были обласканы царемъ Васи́лемъ, при чемъ Ляпуновъ получилъ даже званіе думнаго дворянина и должность одного изъ воеводъ Рязани, потянулись изъ ополченія Болотникова и многіе другіе дѣти боярскіе, изъ тѣхъ, которые были покрупнѣе. Мелкота, предводительствуемая Пашковымъ, заколебалась, но оставалась въ станѣ Болотникова до рѣшительной битвы послѣдняго съ царскимъ войскомъ. 2-го декабря, во время упорнаго боя, Истома Пашковъ съ нѣсколькими сотнями своихъ сторонниковъ перешелъ къ царю Васи́лю и тѣмъ рѣшилъ исходъ битвы. Болотниковъ былъ отброшенъ отъ столицы на югъ, но продолжалъ борьбу.

Царь Шуйскій поснѣшилъ начать наступательныя дѣйствія и отправилъ войско на осаду Калуги, куда укрылся Болотниковъ. Но вялость московскаго войска и мужество «воровъ» заставили предводителя царской рати, князя Ѡ. И. Мстиславскаго, отступить къ Серпухову. Болотниковъ перешелъ тѣмъ временемъ въ Тулу, гдѣ, соединившись съ пришедшимъ сюда съ Поля Лже-Петромъ и княземъ Г. П. Шаховскимъ, сосредоточилъ свыше 30,000 войска. Но лѣтняя кампанія 1607 года была роковой для Болотникова и его союзниковъ. Царь Василій сумѣлъ собрать большую армію и съ ней одержалъ рѣшительныя успѣхи надъ «воровскими» воеводами, счастливо окруживъ ихъ всѣхъ въ Тулѣ. Разославъ карательные отряды по возставшимъ противъ него мѣстностямъ, Шуйскій велъ дѣятельную осаду Тулы, которую и взялъ въ исходѣ октября, благодаря сообразительности одного изъ молодыхъ боярскихъ дѣтей Ивана Кровкова, посовѣтовавшаго запрудить рѣку Упу. Тогда городъ былъ взятъ, и главари движенія казнены или сосланы. Перебиты были или «посажены въ воду» (любимая казнь Шуйскаго) и многіе изъ рядовыхъ участниковъ мятежа.

Возстаніе казалось оконченнымъ, войска устали, и царь Василій разрѣшилъ имъ «во упокоеніе воротитися». Тщетно проницательный патріархъ Гермогенъ указывалъ Шуйскому, что сѣверскіе города очень ненадежны, тѣмъ болѣе, что тамъ появился второй Лже-Димитрій. Царь Василій счелъ движеніе поконченнымъ и замѣтилъ свою ошибку слишкомъ поздно. А между тѣмъ своими указами, изданными весной 1607 года и направленными

Тронъ Бориса Годунова. 1

Оружейная палата.

противъ холоповъ и крестьянской массы, подвластной помѣщикамъ, Шуйскій еще болѣе возстановилъ противъ себя низы московскаго общества.

Послѣдствія политики Шуйскаго не замедлили сказаться на быстрыхъ успѣхахъ второго Лже-Димитрія, самого по себѣ совершенно ничтожнаго и безличнаго. Вообще нельзя равнять перваго Самозванца со вторымъ. Первый имѣлъ нѣкоторыя способности и умѣлъ проявлять свою индивидуальность. Онъ имѣлъ видъ законнаго царевича и не былъ чуждъ нѣкотораго пониманія государственныхъ интересовъ. Первый Самозванецъ въ значительной мѣрѣ руководилъ движеніемъ и своими пособниками. Затѣмъ войско его состояло, главнымъ образомъ, изъ русскихъ людей. Сочувствію и довѣрію къ себѣ значительной части населенія первый Лже-Димитрій былъ обязанъ Московскимъ престоломъ. Совсѣмъ не то представлялъ собой его подражатель, заслужившій мѣткое названіе «Вора», т.-е. государственнаго преступника. Неизвѣстно откуда взявшійся *) Воръ былъ игрушкой въ рукахъ своихъ сообщниковъ, которые ни во что ставили самозванца царя. Опирался онъ лишь на «заворовавшіе» элементы Московскаго государства, а главную силу его войска составляли поляки и литовцы со своими предводителями, появившимися весьма скоро на службѣ у Вора. Причиной подобнаго появленія польско-литовскихъ дружинъ въ рядахъ сторонниковъ второго Лже-Димитрія были, во-первыхъ, событія, происшедшія около этого время въ Рѣчи Посполитой и извѣстныя подъ именемъ «рокоша Зебжидовскаго». Неудача этого «рокоша», направленнаго противъ Сигизмунда III, заставила многихъ шляхтичей искать на чужбинѣ, въ частности въ Московской Руси, военной добычи и славы. Затѣмъ и желаніе короля вмѣшаться, хоть и негласно, въ Московскую Смуту имѣло здѣсь мѣсто. Наконецъ, нѣкоторыхъ влекла въ Москву жажда мести за избіеніе поляковъ и литовцевъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ подъ командой польско-литовскихъ вождей Сапѣги, Лисовскаго, Рожинскаго и иныхъ собралась подъ знамена Вора не одна тысяча ихъ соотечественниковъ, искателей приключеній. Присоединивъ къ нимъ отряды «русскихъ воровскихъ людей» изъ Сѣверы и Поля, Воръ двинулся къ Москвѣ. Сначала онъ потерялъ нѣкоторыя неудачи, но, благодаря искусству и энергіи своихъ литовско-польскихъ вождей, скоро оправился и подошелъ къ Москвѣ. Вору удалось даже обойти Москву съ сѣвера и укрѣпиться въ Троицкомъ селѣ Тушинѣ въ то время, какъ Сапѣга съ Лисовскимъ осадили первоклассную крѣпость Московскаго государства и величайшую святыню Московской Руси, Троице-Сергіевъ монастырь.

Съ появленіемъ Вора въ Тушинѣ дѣла царя Василя приняли тревожный оборотъ. Правда, открытые натиски воровскихъ войскъ на столицу не удалось, и послѣ битвы 25-го іюня 1608 года главнокомандующій Тушинской ратью Рожинскій сталъ осуществлять планъ полной блокады Москвы. Этотъ планъ не удался, но нѣсколько разъ былъ близокъ къ исполненію. Въ Москвѣ наставала тогда «хлѣбная дорогая великая» и связанныя съ ней волненія, и лишь лѣтомъ 1609 года блокада столицы была

*) По нѣкоторымъ извѣстіямъ это былъ нѣкто Матюпка Веревкинъ, поповичъ одного изъ Сѣверскихъ городовъ.

прорвана во многихъ мѣстахъ. Въ самой Москвѣ появленіе Тушинскаго Вора внесло еще большую деморализацію въ населеніе. Нечего и говорить о волненіяхъ столичной черни, къ которымъ успѣлъ уже привыкнуть Шуйскій. Теперь ему приходилось познакомиться съ гнуснымъ и болѣе опаснымъ явленіемъ, съ такъ называемыми «перелетами». Близость двухъ враждебныхъ становъ дѣлало это явленіе вполне понятнымъ. Шаткіе люди изъ-за личныхъ выгодъ постоянно мѣняли себѣ господъ: желая личнаго возвышенія и обогащенія, такіе люди переѣзжали изъ Тушина въ Москву и обратно. Получивъ у Вора желаемыя милости, они возвращались къ царю Василю и закрѣпляли ихъ за собой. Находились искусники, которые продѣлали такіе «перелеты» до 10-ти разъ. Въ числѣ людей подобнаго сорта находились и болѣе и менѣе родовитые люди, и рядовой служилый элементъ, и представители духовенства. Есть вѣроятная догадка, принадлежащая профессору Платонову, что и самъ знаменитый обличитель такого печальнаго явленія, старецъ Авраамій Палицынъ, запасся для себя въ Тушинѣ саномъ архимандрита.

Если одни изъ москвичей занимались службой на два фронта, то другіе занялись не менѣе постыдной контрабандной торговлей съ Тушинымъ. Какъ говоритъ наблюдательный очевидецъ осады, «недостатки же въ Тушинѣ потребъ тѣлесныхъ или пищъ, и оружія бранныхъ и лекарственныхъ всякихъ зелій и соль, та вся отай, уклоняющася кривопутствомъ, измѣнницы отъ царствующаго града Москвы наполняху измѣнничьи станица въ Тушинѣ». Не преминули воспользоваться бѣдствіями блокады и богатые «жито-продавцы». Они устроили между собой такъ называемую «вязку», своего рода синдикатъ XVII вѣка, и подняли цѣну на хлѣбъ до неслыханныхъ предѣловъ. Москвѣ грозилъ голодный бунтъ, но вмѣшательство царя и патриарха, уговорившихъ Авраамія Палицына пустить въ продажу по сносной цѣнѣ московскіе хлѣбные запасы Троице-Сергіева монастыря, разстроили «вязку».

«Перелеты» все же не разрывали окончательно съ Шуйскимъ и такъ или иначе продолжали служить ему. Но цѣлый рядъ высокопоставленныхъ въ московскомъ обществѣ лицъ и сравнительно мелкихъ служилыхъ «людишекъ» потянулся въ Тушино, навсегда покинувъ царя Василя. Такъ отъѣхалъ къ Вору пресловутый впоследствии князь Дмитрій Тим. Трубецкой, затѣмъ Бутурлины и кн. Засѣкины, «первый подъячій Посольскаго приказа Петръ Третьяковъ», многіе стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и др. Около Вора образовались мало-по-малу собственный дворъ и правительство. Въ этомъ правительствѣ наряду съ довольно таки родовитыми людьми, которые обыкновенно сидѣли на воеводствахъ или начальствовали войсками, былъ рядъ совсѣмъ неродовитыхъ дѣльцовъ, составлявшихъ центральную администрацію Вора. Въ числѣ ихъ замѣтны фигуры Молчанова, Грамотина, Ѳедьки Андропова. Мих. Молчановъ былъ типичнымъ авантюристомъ. Онъ началъ свою карьеру приставомъ во время «Угличскаго дѣла 1591 г.», былъ въ числѣ убійцъ семьи Годуновыхъ и послѣ смерти перваго Самозванца, у котораго былъ въ почетѣ, былъ битъ кнутомъ и бѣжалъ въ Польшу. Оттуда въ 1609 году онъ явился въ Тушино, гдѣ былъ

пожалованъ саномъ околыничаго. Въ изворотливости и политической безсовѣстности не уступалъ Молчанову и «думный дьякъ» Иванъ Грамотинъ, сумѣвшій сохранить свое значеніе и при царѣ Михаилѣ. Не такъ счастливъ былъ знаменитый «измѣнникъ» Оедька Андроновъ, наглый плутъ и выскочка, который изъ простыхъ кожевниковъ сталъ думнымъ дворяниномъ въ Тушинѣ и, въ званіи казначея, игралъ чуть ли не первую роль въ Москвѣ во время польской оккупациі «въ лихолѣтѣ». Онъ кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

Далеко не всѣ тѣ, кого судьба такъ или иначе соединила съ Тушинымъ, добровольно отдавали себя на службу Вору или признавали его власть. Такъ, съ осени 1606 года Тушино обзавелось своимъ патріархомъ. Это былъ плѣненный отрядами Вора ростовскій и ярославскій митрополитъ Филаретъ. Нареченный въ Тушинѣ патріархомъ и поставленный во главѣ признававшаго Вора духовенства, котораго, по словамъ одного современника Смуты, было не мало, самъ Филаретъ держался очень далеко отъ «царя Дмитрія Ивановича». Онъ не могъ воспрепятствовать разсылкѣ его именемъ грамотъ по разнымъ городамъ, но при первой возможности принялъ сторону королевича Владислава и, возвращенный отрядами Шуйскаго въ началѣ 1610 года въ Москву, открыто сталъ въ ряды противниковъ Вора. Вѣрнѣе всего Филаретъ былъ враждебенъ и Шуйскому и Тушинскому «царику». Въ такомъ полуневольномъ подчиненіи Тушину былъ рядъ и другихъ лицъ.

Между прочимъ дворяне и дѣти боярскіе изъ Новгорода, Пскова и сѣверныхъ «Заволжскихъ» городовъ, испугавшись за участь своихъ домашнихъ, осенью 1608 года, когда Сапѣга завладѣлъ Ярославской и Дмитровской дорогами, т.-е. сталъ на пути къ названнымъ городамъ, бѣжали изъ Москвы и готовы были предаться Вору въ цѣляхъ самозащиты. Вообще одно время и тѣ области, которыя были вѣрны Шуйскому, поколебались было и желали признать «царя Дмитрія Ивановича». Но Воръ или вѣрнѣе его правительство и войска сами повредили своему дѣлу. Они смотрѣли на всю Русь, какъ на завоеванную страну, и всюду, даже въ добровольно перешедшихъ на ихъ сторону городахъ, чинили всевозможнѣйшіе грабежи и насилія. Тогда началась реакція. Убѣдившись въ «подлинномъ воровствѣ» второго Самозванца и его сообщниковъ, рядъ областей начинаетъ снова прямить царю Василию и готовится идти на помощь Москвы. Шуйскій, котораго, характеризуя его положеніе въ Московскую осаду, одинъ умный современникъ уподобилъ «орлу бесперу и не имущу клюва и ногтей», такъ какъ онъ не имѣлъ «сокровища многа и друзей храбрыхъ», воспользовался указаннымъ явленіемъ и постарался направить его въ свою пользу.

Впрочемъ, царь Василій и раньше не терялъ бодрости духа. У него была надежда на успѣхъ миссіи молодого своего племянника князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго. Царь отправилъ своего родственника въ Новгородъ просить помощи у шведскаго короля Карла IX, или, какъ осторожно выражались тогда на официальномъ языкѣ, «послати въ нѣмцы нанимать нѣмецкихъ людей на помочь», зная, что шведы охотно вступятъ въ союзъ съ его правительствомъ. Дѣло было въ томъ, что Карлъ IX находился въ

открытой враждѣ со своимъ племянникомъ, польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, который за свою упорную приверженность къ католицизму лишился шведскаго престола. Такъ какъ Сигизмундъ несомнѣнно «доброхоталъ» разнымъ противникамъ Шуйскаго, то Карлъ IX самъ предлагалъ и союзъ и вспомогательныя войска царю Василию. Возможно, что помимо вражды къ Сигизмунду проницательнымъ политикомъ руководило желаніе вмѣшаться въ русскую распрю. Сперва Шуйскій съ ласковымъ высокоуміемъ отклонялъ предложенія Карла, «похваляя» его за то, что онъ царю «доброхотаетъ» и его любви къ себѣ ищетъ. «Теперь», — замѣчаетъ С. О. Платоновъ, — «въ тяжелые дни поражений и московской осады, лѣтомъ 1608 года, пришелъ чередъ самому царю Василию «искать къ себѣ любви» шведскаго короля».

Въ то же время быстрые успѣхи Вора стали прекращаться. Правда, съ сентября 1608 года второму Лже-Димитрію поддался крѣпкій Псковъ, въ которомъ шла давняя вражда у «лучшихъ» людей съ «меньшими», взявшими, наконецъ, перевѣсъ. Но въ Поморскихъ и во многихъ Замосковныхъ *) городахъ государства стали собираться ополченія «на Вора». Въ особенности ревностно дѣйствовали «мужичьи» дружины сѣверныхъ городовъ, которыхъ выслали зажиточные самоуправлявшіеся крестьянскіе «міры». Первые неудачи не смутили «мужиковъ» и, найдя въ Шуйскомъ-Скопинѣ, прибывшемъ въ Новгородъ, нужнаго имъ и облеченнаго правительственными полномочіями организатора, они стали стягивать къ нему людей и запасы.

Явившись въ Новгородъ, М. В. Скопинъ-Шуйскій отпривилъ своего шурина С. В. Головина въ Выборгъ для переговоровъ со шведами, а самъ послѣ очень тревожныхъ для себя дней новгородскихъ волнений, отъ которыхъ онъ даже было бѣжалъ изъ города, куда вернулся лишь по просьбѣ пересилившихъ враждебную партію сторонниковъ царя Василія, занялся дѣятельнымъ собираніемъ и устроеніемъ рати. Благодаря настроенію сѣверныхъ городовъ, грамотамъ, которыя разсылали царь Василій и Скопинъ, и другимъ мѣрамъ послѣдняго къ веснѣ 1609 года Московскому правительству удалось собрать въ Новгородѣ до 3000 русскаго войска. Тѣмъ временемъ Головинъ, цѣной уступки города Корѣлы, заключилъ, наконецъ, союзный договоръ со шведскими уполномоченными. Къ маю 1609 г. собралась у Новгорода «нѣмецкихъ людей кованая рать», превышавшая 15 тысячъ шведскихъ, французскихъ и другихъ иноземныхъ наемниковъ, которымъ Московское правительство обязалось платить большое жалованье. Главнымъ начальникомъ этой наемной арміи былъ Яковъ Понтусовъ Делагарди, сдѣлавшійся впоследствии, благодаря своимъ талантамъ и подвигамъ, военной знаменитостью Швеціи. Какъ русскій, такъ и шведскій полководецъ были молодыми, полными силъ и отваги людьми. Делагарди шелъ всего 27 годъ, Скопину было лишь 22 года. Громаднаго роста, видный и статный собой, князь Михаилъ производилъ обаятельное впечатлѣніе на войска; полки Скопина не могли на него «назрѣться, какъ на небесное солнце». Дѣй-

*) Замосковными городами въ Московской Руси назывались области, лежавшія къ сѣверу отъ Москвы. Границами этихъ областей можно считать (приблизительно) Москву на югѣ, Вологду на сѣверѣ, Ржевъ на западѣ и Нижній-Новгородъ на востокѣ.

Убіеніє царя Феодора Борисовича Годунова.

Картина К. Маковскаго.

Избраніє на царство Мих. Феод. Романова.

Картина Угрюмова, Музей Имп. Алек. III.

Защита Троицко-Сергіевской Лавры.

Картина Верещагина, нахоице вѣрсеѣ Имп. Александра III.

ствительно, молодой вождь умѣлъ соединять нужную твердость съ обаятельной ласковостью. По крайней мѣрѣ, оплакивая смерть своего полководца, соратники Скопина такъ причитали надъ его трупомъ: «у тебя, государя нашего, въ полкахъ войска нашего и безъ казни страшно и грозно, а радостны и веселы». Въ то же время юный полководецъ умѣлъ приобрести любовь тѣхъ иностранцевъ, съ которыми ему пришлось ратоборствовать противъ враговъ. Онъ «сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужими людьми честное обхожденіе имѣть». И шведскій современный Скопину историкъ Видекинъ замѣчаетъ, что князь Михаилъ отличался «умомъ зрѣлымъ не по лѣтамъ, силой духа, привѣтливостью и умѣньемъ обходиться съ иностранцами». Даже враги Скопина, поляки, по словамъ близко знавшаго его дьяка Тимоѣева, изумлялись молодому вождю и его воинскимъ талантамъ.

Военныя способности русскаго полководца вполне проявились во время похода соединенной шведско-русской рати къ Москвѣ. Медленно подвигаясь на югъ, успѣшно сражаясь съ войсками Вора, усиливая свои войска подходящими изъ русскихъ

городовъ подкрѣпленіями и обучая эти подкрѣпленія воинскому искусству, князь Михаилъ къ марту 1610 года подошелъ къ столицѣ. Походъ Скопина привелъ къ громаднымъ послѣдствіямъ. Въ январѣ 1610 года была прекращена осада Троице-Сергіева монастыря, а черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого Тушинскій Воръ обратилъ

въ Калужскаго, убѣжавъ Маріа Мнишекъ возбуждаетъ Калужанъ противъ поляковъ. изъ Тушина и избравъ Калу-

гу своимъ мѣстопробываніемъ. Угроза, висѣвшая надъ Москвой, исчезла. Успѣхъ Скопина обусловился, помимо удачныхъ дѣйствій русскаго и шведскаго вождей, вмѣшательствомъ въ московскія дѣла короля Сигизмунда. Послѣдній воспользовался союзомъ Карла IX и царя Василя, какъ предлогомъ для давно желаннаго вступленія въ предѣлы Московскаго государства. Польскій король осадилъ Смоленскъ и перетянулъ въ свои войска большинство польскихъ приверженцевъ Вора. Помимо дѣйствій Сигизмунда, сильно повредившихъ въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, правительству Шуйскаго, не слѣдуетъ забывать также дѣятельности боярина Ѡ. И. Шереметева, который съ успѣхомъ выполнилъ возложенную на него царемъ Василюмъ задачу очищенія отъ смуты Поволожья и соединился въ подмосковной Александровской слободѣ со Скопинымъ. Во всякомъ случаѣ, на долю князя Михаила выпала наиболѣе трудная часть дѣла и упорные бои подъ Торжкомъ, Тверью и Калязинымъ монастыремъ, не считая цѣлаго ряда мелкихъ стычекъ. Зато и слава Скопина, а также и народная любовь къ избавителю Москвы чрезвычайно возросли.

Въ народѣ начались толки, что любимый его герой достоинъ царскаго вѣнца. Упреждая событія, нетерпѣливый Прокопій Ляпуновъ отправилъ даже къ князю Михаилу изъ Рязани поздравительную грамоту, въ которой называлъ его царемъ и ругалъ Василя Шуйскаго. Скопинъ приказалъ было арестовать посланцевъ Ляпунова и отослать ихъ въ Москву, но, тронувшись ихъ мольбами, разрѣшилъ имъ вернуться въ Рязань. Царь Василій зналъ о народныхъ толкахъ и о грамотѣ Ляпунова, получивъ о послѣдней доносъ «отъ злыхъ челоуѣкъ клеветниковъ», обвинившихъ самого Скопина въ желаніи царства, и сталъ «держатъ ренъ» на князя Михаила. Такъ роковымъ для правительства Шуйскихъ образомъ между царемъ и главной опорой его власти возникли неудовольствія. Впрочемъ, хитрый старикъ за тайлъ свои чувства и въ милостивыхъ грамотахъ призывалъ племянника въ столицу праздновать побѣды. Скопинъ и Деллагарди находили справедливымъ, что время пировъ еще не пришло и что надо идти подъ Смоленскъ противъ Сигизмунда. Однако пришлось повиноваться желанію царя. Торжественный приѣмъ ожидалъ побѣдителей въ Москвѣ. Избавленные отъ ужасовъ блокады москвичи горячо привѣтствовали популярнаго князя Михаила. Цѣлыми толпами собирались они на улицахъ, радостными восклицаніями привѣтствуя Скопина. Но мрачно глядѣли на него завистливыми глазами родные братья царя, особенно честолюбивый и бездарный князь Димитрій. Видя враждебное отношеніе Шуйскихъ, сторонники Скопина настоятельно уговаривали его послѣшить походомъ подъ Смоленскъ. Князь Михаилъ началъ готовить войска къ выступленію, но внезапно занемогъ на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго, у котораго крестилъ сына; воспріемницей мальчика была жена князя Димитрія. Промучившись около 2-хъ недѣль кровотеченіемъ изъ носу и жестокой лихорадкой, Скопинъ скончался въ ночь на 24-е апрѣля 1610 года на 24-мъ году отъ рожденія.

Вся Москва приняла участіе въ похоронахъ князя Михаила. Толпы народа шли на поклоненіе любимому, безвременно угасшему герою. Въ церкви рыданія и стоны молящихся заглушили церковное пѣніе. Въ то же время обсуждались шопотомъ причины внезапной смерти Скопина, при чемъ часто поминалось имя князя Димитрія Шуйскаго и его жены, какъ виновниковъ народнаго горя. Есть слухъ, что только посланцы на выручку войска отстояли домъ царскаго брата, едва не сдѣлавшійся жертвой общаго негодованія. Конечно, трудно, сказать, насколько вѣрны были державшіеся въ свое время слухи, перешедшіе и въ народныя поэтическія преданія, о томъ, что единственная тогда надежда русскихъ людей пала жертвой отравы. Мы не имѣемъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что именно насильственная смерть постигла Скопина. Скажемъ даже такъ: неожиданность кончины князя Михаила, враждебное отношеніе къ нему Шуйскихъ, соперничество съ нимъ нелюбимаго народомъ князя Димитрія могли создать почву и для невѣрнаго обвиненія противъ родни Скопина, а въ частности противъ старшаго изъ царскихъ братьевъ. Съ другой стороны, опытность Шуйскихъ въ интригахъ, нравы того времени и личныя свойства князя Димитрія позволяютъ, дѣйствительно, съ нѣкоторой вѣроятностью допустить, что смерть князя Михаила была слѣдствіемъ отравы. Прибавимъ,

что и дьякъ Тимоѣевъ прямо обвиняетъ, хотя тоже по слухамъ, родственниковъ Скопина въ его смерти, не выдѣляя при этомъ изъ числа причастныхъ къ злему дѣлу и царя Василя.

Были или нѣтъ виновны Шуйскіе въ смерти князя Михаила, во всякомъ случаѣ она была началомъ конца для ихъ власти. Начальство надъ войскомъ принялъ князь Дмитрій Шуйскій, котораго одинъ изъ его современниковъ зло и мѣтко характеризуетъ, какъ «воеводу сердцемъ не храбраго, но женьствующими обложена вещьми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натягати и копія приправляти хотящаго». Полководецъ утопалъ въ роскоши, а наемныя войска не получали жалованья. Результаты не замедлили сказаться во время боя 24-го іюня 1610 года подъ селомъ Клушинымъ (въ 20 верстахъ отъ города Гжатска), гдѣ талантливый польскій гетманъ Жолкѣвскій на-голову разбилъ оплошнаго московскаго «стратега». Шведскія и иныя вспомогательныя войска сражались вяло. Часть ихъ ушла чуть ли не во время боя отъ Шуйскаго и, двинувшись къ Новгороду, захватила для шведскаго короля этотъ городъ и прилегающую къ нему область. Часть вспомогательныхъ войскъ перешла на службу къ Сигизмунду. Самъ Шуйскій едва избѣжалъ илѣна и «со срамомъ возвратися» въ Москву. Служилые русскіе люди разбѣжались по своимъ городамъ и деревнямъ и не шли въ Москву, несмотря на посылки за ними царя Василя. «Рязанцы же—тѣ самые рязанцы,—говоритъ проф. Платоновъ,—которые высидѣли съ Шуйскимъ всю московскую осаду,—прямо «отказаша» ему въ службѣ, то есть подняли мятежъ и оказали открытое неповиновеніе».

Вскорѣ послѣдовало и сверженіе царя Василя. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ событіи, намъ придется вернуться нѣсколько назадъ и познакомиться съ настроеніемъ москвичей со временъ осады ея Тушинскимъ Воромъ. Кое-что намъ уже извѣстно. Мы знаемъ и про «перелеты», и про торговлю съ Тушинымъ, и про стачку хлѣботорговцевъ. Но были и открытыя возмущенія противъ царя Василя. Эти возмущенія поднимались отдѣльными, слабыми кружками служилыхъ людей, которые опирались на возбужденность московской толпы, раздраженной неудобствами блокады и поведеніемъ своихъ своекорыстныхъ богатѣевъ. Первое изъ такихъ возмущеній, явившихся продолженіемъ сценъ подобнаго рода, разыгравшихся въ началѣ царствованія Шуйскаго, затѣяно было московскими дворянами княземъ Ром. Ив. Гагаринымъ, Тим. Вас. Грязнымъ, извѣстнымъ уже намъ рязанцемъ Гр. Ѳед. Сумбуловымъ и иными. Оно произошло въ 1609 году, февраля 25-го, въ субботу на Масляной, и началось съ рѣчей такого рода, которыя произносились на Лобномъ мѣстѣ: «Царь нашъ... согласився съ потаковники своими и сѣлъ на Московское государство сильно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, пияница и блудникъ и всячествованіемъ неистовенъ, царствованія недостойнъ». Однако изъ бояръ только князь В. И. Голицынъ, прежній союзникъ Шуйскихъ, пріѣхалъ къ мятежникамъ, которые захватили было въ Успенскомъ соборѣ патріарха и повели его къ Красной площади «и вѣдуще ругахуся ему всячески, біюще созади, иніи песокъ и соръ и смрадъ

въ лицо и на главу ему мещуще; а инии, за перси емлюще, тряхаху злѣ его». Патріархъ съ трудомъ вырвался отъ бунтарей. Между тѣмъ Шуйскій изъ подмосковнаго стана вызвалъ къ себѣ отряды войска и ждалъ мятежниковъ, которые встрѣтили возраженія и отъ многихъ изъ толпы, указывавшихъ на то, что Шуйскаго «выбрали» «быти царемъ большія бояре и... всѣ служивыя люди, и пѣанства и всякаго неистовства» въ немъ не замѣчается. Тѣмъ не менѣе мятежная толпа хлынула ко дворцу, гдѣ царь Василій «въ лице имъ ста» и сказалъ: «Что приидете ко мнѣ съ шумомъ? Аще мя убити хотите, то готовъ есмь умерети. Аще ли отъ престола царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дождеже снидутся большія бояре, да и всѣхъ чиновъ люди, да и азъ съ ними. И какъ вся земля совѣтъ положитъ, тако и азъ готовъ по тому совѣту творити». Рѣшимость царя, подкрѣпленная отрядами войска, смутила бунтарей, и вожаки ихъ бѣжали въ Тушино. Подобныя описанной сцены и движенія противъ царя Василія въ Москвѣ происходили часто. Они прекратились было съ паденіемъ Тушина, но не надолго. Вернувшійся изъ Тушина Филаретъ, который, какъ многіе изъ видныхъ вольныхъ и невольныхъ сторонниковъ Вора, заключилъ къ тому времени особый, еще подлежащій нашему ознакомленію съ нимъ, договоръ съ Сигизмундомъ относительно королевича Владислава, всталъ во главѣ вліятельной партіи недовольной Шуйскими новой дворцовой знати. Эта партія готова была воспользоваться первой неудачей Шуйскихъ, чтобы свергнуть царя Василія.

Такая неудача и неудача рѣшительная постигла Шуйскаго въ битвѣ подъ Клушинымъ. Послѣ нея у царя Василія не было ни войскъ, ни сторонниковъ. Населеніе Москвы съ ужасомъ думало о вновь надвинувшейся опасности тяжкой войны подъ стѣнами столицы. Опасность неминуемая быстро надвигалась съ двухъ сторонъ. Отъ Можайска шель къ Москвѣ энергичный гетманъ Жолкѣвскій. Отъ Калуги направился туда же Воръ. И тотъ, и другой имѣли въ своемъ распоряженіи сравнительно небольшія силы, но для Москвы, совсѣмъ почти лишенной защиты, и эти силы представлялись грозными. Тогда всѣ москвичи поднялись на царя Василія и свели его съ престола. Два общественныхъ центра, какъ это выяснено С. Θ. Платоновымъ, руководили движеніемъ. Одинъ изъ нихъ былъ подъ руководствомъ Филарета Никитича Романова, въ другомъ первенство принадлежало родовитому князю Вас. Вас. Голицыну, а дѣятельная роль—Проконью Ляпунову, который, возмутьивъ Рязань, прислалъ въ Москву къ Голицыну и своему брату Захару съ побужденіемъ «съ государства ссадить» царя Василія. Въ это время приближавшіеся отряды Вора вступили въ сношенія съ жителями столицы, говоря имъ: «Вы убо оставьте своего царя,—глаголюще Василія,—и мы такожде отставимъ своего и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Такія рѣчи, подкрѣпленные «страшными клятвами», понравились измученнымъ москвичамъ, которые «радостны быша, дабы кровь христіанская утолити». Тогда «весь царствующій градъ» поднялся на царя Василія, имѣя во главѣ Захара Ляпунова и нѣкогого Хомутова. Къ нимъ присоединился и Ив. Никит. Салтыковъ. Народныя толпы съ Красной площади двинулись за Арбатскія ворота, гдѣ, несмотря

Кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ при Иоаннѣ Грозномъ.

Изъ собраній Г. В. Салтыкова.

на уговоры Гермогена, рѣшили просить Шуйскаго, чтобы «онъ царство оставилъ». Шуйскій былъ низложенъ и перевезенъ въ старый свой домъ. Его братья были взяты «за приставы». Москвичи ликовали, ожидая, что и Воръ будетъ оставленъ своими приверженцами. Ихъ ожидало на другой день горькое разочарованіе. На свиданіи со сторонниками Вора «антихристова» «чяда» со смѣхомъ отказались: «Вы убо праведно сотвористе, неправеднаго царя изринувше; и служите царю нашему истинному, прямому вашему».

Итакъ, свергнувши царя Василія, Москва ничего не выигрывала и оставалась безъ власти передъ лицомъ двухъ враговъ. Патріархъ Гермогенъ началъ уговаривать москвичей снова признать Шуйскаго. Опасаясь возможности этого, Захаръ Ляпуновъ и другіе руководители возмущенія поспѣшили насильно постричь царя Василія и его жену. Правда, патріархъ не призналъ законности такого дѣла, но политическая карьера «самовѣчника» была кончена.

V.

Съ паденіемъ правительства Шуйскаго и съ полнымъ крушеніемъ государственнаго порядка въ Московскомъ государствѣ кончается второй,—соціальный,—періодъ Смуты. Обстоятельства повелительно требовали восстановления порядка во имя сохраненія государственной и народной самостоятельности, которой со всѣхъ сторонъ угрожали враги, подобравшіеся уже къ самому сердцу Московской Руси. Неминуемо на сцену выступилъ и все сильнѣе становился національный вопросъ, передъ которымъ мало-помалу ступшевывались, хотя и сохраняли довольно большое значеніе, соціальные мотивы. Поэтому во всѣхъ трехъ попыткахъ восстановления государственнаго порядка національный интересъ играетъ очень большую роль.

Первой изъ этихъ попытокъ былъ выборъ королевича Владислава на русскій престолъ, т.-е. государственный порядокъ хотѣли восстановить путемъ династической уніи Руси съ Рѣчью Посполитой. Къ мысли о такой уніи рано пришла часть москвичей, а именно тѣ изъ родовитыхъ людей, которые находились въ станѣ Вора, но «не прямили ему». Такіе люди, виднѣйшее мѣсто среди которыхъ принадлежало Филарету Ник. Романову, еще во времена Василія Шуйскаго заключили 4-го февраля 1610 года договоръ съ королемъ Сигизмундомъ объ избраніи на русскій престолъ королевича Владислава. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Платоновъ, «договоръ отличается вообще національно-консервативнымъ направленіемъ. Онъ стремится охранить московскую жизнь отъ всѣхъ воздѣйствій со стороны польско-литовскаго правительства и общества, обязывая Владислава блюсти неизмѣнно православіе, административный порядокъ и сословный строй Москвы». Изъ-за этихъ стремленій власть Владислава по договору была ограничена думой и судомъ бояръ и совѣтомъ «всеземли». Соблюдая «звычайи всѣ давныя добрыя», новый царь обязанъ былъ «великихъ становъ невиннѣ не понижати, а меньшей станъ подносити водлугъ заслугъ». Но были и нѣкоторыя либеральныя новшества въ февральскомъ договорѣ. Они ка-

сались свободнаго выѣзда русскихъ людей за границу «для науки» и пропуска русскихъ купцовъ черезъ Польшу и Литву въ чужія страны. Какъ забота о повышеіи сообразно заслугамъ, а не «породѣ» и либеральныя новшества, такъ и отсутствіе упоминанія «о княжнецкихъ родахъ» пропитаны духомъ политики Грознаго и Годунова и указываютъ, что договоръ— дѣло новой дворцовой знати.

По низведеніи Шуйскаго партія новой дворцовой знати сумѣла при помощи нѣкоторыхъ родовитыхъ бояръ, какъ, на примѣръ, князя Ѡ. И. Мстиславскаго, свести на-нѣтъ попытку Зах. Ляпунова, сторонника Голицына, выкрикнуть царемъ князя Вас. Вас. Затѣмъ, не называя своего кандидата, та же партія сумѣла заставить наиболѣе видныхъ москвичей придти къ среднему рѣшенію: не выбирать въ государи никого изъ русскихъ. Послѣ этого власть перешла въ руки знаменитой «семибоярщины», т.-е. комиссіи изъ семи бояръ, въ которой первенствовалъ князь Ѡ. И. Мстиславскій, а членами были видные представители какъ «княжатъ», такъ и дворцовой знати. Новое правительство занялось помимо текущей дѣятельности вопросомъ о царскомъ избраніи. Для этой цѣли оно вызывало уполномоченныхъ изъ городовъ, но, не дождавшись ихъ, составило Земскій Соборъ изъ находившихся въ Москвѣ людей. Помимо патріарха съ освященнымъ соборомъ, боярской Думы, стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ и гостей московскихъ на этомъ соборѣ присутствовали также тѣ представители провинціального дворянства и купечества, которые были въ столицѣ. Спустя мѣсяць послѣ низверженія царя Василія, т.-е. 17-го августа 1610 г., на русскій престолъ былъ избранъ Владиславъ. Великое посольство, въ которое вошли многіе изъ членовъ избирательнаго собора во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и кн. Вас. Вас. Голицынымъ, двинулись подъ осажденный королемъ Смоленскъ «прошати королевица на царство». Послы повезли съ собой и новыя условія. Они частью повторяютъ собой февральскій договоръ, частью измѣняютъ его. Измѣненія коснулись, во-первыхъ, религіи будущаго государя. Онъ долженъ былъ непремѣнно принять православіе. На этомъ настоялъ Гермогенъ. Во-вторыхъ, исчезли всѣ либеральныя новшества относительно людей «меньшого стана» и заграничныхъ поѣздокъ. Въ-третьихъ, была сдѣлана оговорка: «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». Такъ на условіяхъ избранія Владислава отразилось вліяніе старой знати, московскаго «князья».

Лишь только отправилось изъ Москвы великое посольство съ огромной свитой, какъ въ Москвѣ стало неспокойно. Русскій гарнизонъ очень уменьшился отъ «посылокъ» въ города и отправки сильнаго отряда для охраны пословъ. Въ то же время начались отѣзды къ Вору. Такъ убѣжали изъ Москвы ко второму Лже-Димитрію дворяне Михайло Бугучаровъ, Феодоръ Чулковъ «съ товарищи» и дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы «иныхъ московскихъ молодыхъ людей на зло приводити». Тогда бояре додумались до единственнаго по ихъ мнѣнію выхода изъ затруднительнаго положенія. Этотъ выходъ привелъ ихъ къ тому, что они «точію два мѣсяца власти насладишася», и состоялъ въ допущеніи занятія Кремля польско-литовскимъ гарнизономъ. Бояре желали создать себѣ орудіе господства и сами подпали

подъ иго чужеземныхъ господъ. Въ столицѣ стала дѣйствовать польская диктатура, и власть въ той части страны, которая была вѣрна Москвѣ и ея правительству, стала принадлежать вождю польскаго кремлевскаго гарнизона и его русскимъ приспѣшникамъ. Изъ нихъ выдѣлялись родовитый М. Г. Салтыковъ и извѣстный намъ «худой торговый мужичишка», а со времени Тушина думный дворянинъ «Федька Андроновъ».

Обстоятельства *), при которыхъ польскія войска вступили въ Москву, были таковы. Опасаясь волненій въ простонародѣ, среди котораго было немало лицъ, склонныхъ пристать къ Вору, бояре предложили Жолкѣвскому занять войсками Москву. Жолкѣвскій согласился и послалъ расписать квартиры въ городѣ. Тогда какой то монахъ ударилъ въ набатный колоколъ и заявилъ собравшимся о томъ, что поляки хотятъ овладѣть Москвой. Поднялось большое неудовольствіе въ народѣ; испуганные бояре предложили Жолкѣвскому обождать. Осторожный гетманъ и самъ сталъ бояться, что разсѣянныхъ по городу поляковъ и литовцевъ могутъ легко побить москвичи въ случаѣ возстанія. Онъ и самъ отказался было отъ мысли стать лагеремъ въ столицѣ, несмотря на уговоры своихъ подчиненныхъ, жаждавшихъ овладѣть Москвой. Въ то же время патріархъ Гермогенъ, собравъ многихъ москвичей, сталъ оказывать противодѣйствіе плану бояръ. Последніе уговаривали патріарха положиться на гетмана и прочли ему строгій уставъ, составленный Жолкѣвскимъ для оккупационнаго корпуса. Гермогенъ въ свою очередь указывалъ боярамъ на то, что Жолкѣвскій въ противность условію не высылаетъ войскъ противъ Вора. Въ эту минуту явился посланецъ А. Гонсѣвскаго, второго военачальника поляковъ, съ извѣстіемъ, что гетманъ завтра же посылаетъ войска противъ Самозванца, если московскіе отряды будутъ готовы къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Тогда патріархъ уступилъ, народъ успокоился, и Жолкѣвскій ввелъ войска въ столицу. Въ ночь на 21 сентября поляки тихо заняли Кремль, Китай-городъ и Бѣлый-городъ, кромѣ того, помѣстились они въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ и заняли города Можайскъ, Борисовъ и Верею, чтобы обезпечить себѣ безопасное сообщеніе съ Сигизмундомъ.

Первое время польской оккупациі прошло мирно, благодаря тактичнымъ и умѣлымъ дѣйствіямъ Жолкѣвскаго. Правда, ловкій и вкрадчивый гетманъ устроилъ такъ, что завѣдываніе Стрѣлецкимъ Приказомъ и стрѣльцами было поручено А. Гонсѣвскому, но всѣ пункты его соглашенія съ боярами свято выполнялись. Для рѣшенія распрей между русскими и поляками было назначено по равному числу судей отъ обѣихъ сторонъ. Судьи судили безпристрастно и строго карали поляковъ за насилие и буйство. Такъ, шляхтичъ Блинскій въ пьяномъ видѣ выстрѣлилъ въ икону Божьей Матери; его приговорили къ отсѣченію рукъ, которыя были прибиты затѣмъ къ стѣнѣ, и сожженію. Другого поляка за насильственный уводъ дочери у одного москвича высѣкли кнутомъ. Привлекая къ себѣ сердца русскихъ людей ласковостью, доступностью и справедливостью, Жолкѣвскій поладилъ даже съ непримиримымъ врагомъ иноземцевъ Гермогеномъ. Но вскорѣ гетманъ

*) Обстоятельства вступленія польскихъ войскъ въ Москву и московскихъ событій 19 марта 1611 г. см. у С. М. Соловьева, *ibidem* стр. 938—941 и 983—985.

уѣхалъ изъ Москвы, сдать начальствованіе надъ оккупационной арміей Гонсѣвскому. Отъѣздъ Жолкѣвскаго объясняется тѣмъ приемомъ, который встрѣтило у Сигизмунда великое посольство, пріѣхавшее подъ Смоленскъ. Принятыя сначала съ честью, послы не получили прямого отвѣта на свое челобитіе о томъ, чтобы король отпустилъ сына на Московскій престолъ. Затѣмъ посламъ было дано понять, что король самъ желаетъ занять Московскій престолъ. Зная приверженность Сигизмунда къ католицизму, послы заявили о невыполнимости желаній короля и прибавили, что такого дѣла ни имъ безъ патріарха, начальнаго челоуѣка русской земли, и Земскаго Собора нельзя рѣшать, ни патріарху и собору — безъ нихъ: въ посольствѣ было много членовъ собора. Послѣ многихъ неудачныхъ переговоровъ, во время которыхъ великіе послы, т.-е. Филаретъ и Голицынъ, а также и нѣкоторые изъ ихъ товарищей, напримѣръ, думный дьякъ Томило Луговской, обнаружили патріотическую твердость, непокорные королю члены посольства были схвачены и отправлены въ Польшу, какъ плѣнники. Большинство же пословъ, прельщенные дарами и ласками Сигизмунда, поспѣшили исполнить его желаніе и уѣхать изъ-подъ Смоленска. Къ числу ихъ принадлежалъ и пресловутый келарь Тронце-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ, столь прославленный впоследствии за свой яко бы самоотверженный патріотизмъ.

Жолкѣвскій вскорѣ узналъ о намѣреніяхъ Сигизмунда. Хорошо понимая положеніе дѣлъ въ Москвѣ и видя всю несбыточность затѣй короля, гетманъ не захотѣлъ служить погубленному его государемъ дѣлу. Поэтому онъ и удалился изъ Москвы, ласково провожаемый москвичами и увозя съ собой, какъ дешовый трофей, бывшаго царя Василя Шуйскаго и его братьевъ. По отъѣздѣ Жолкѣвскаго дѣло поляковъ въ Москвѣ стало принимать тревожный оборотъ. Самъ по себѣ фактъ занятія польско-литовскимъ гарнизономъ Москвы долженъ былъ волновать и возмущать москвичей, да и жителей другихъ городовъ. При томъ Гонсѣвскій былъ челоуѣкомъ совсѣмъ иного характера, чѣмъ его бывший начальникъ. Онъ не стѣснялся съ жителями занятой столицы и не удерживалъ свои войска отъ частыхъ буйствъ, грабежей и насилій. Нечего и говорить, что и религіозное чувство москвичей было оскорблено тѣмъ, что поляки позволяли себѣ въ широкихъ размѣрахъ святотатства и что въ Кремлѣ отправлялась католическая служба. Жители столицы волновались все болѣе, а потому Гонсѣвскій принялъ рядъ мѣръ и оскорбительныхъ, и стѣснительныхъ для населенія. Такъ, у всѣхъ городскихъ воротъ поставили польскую стражу и сломали уличныя рѣшотки. Запретили русскимъ ношеніе сабель. Затѣмъ стали отбирать топоры; отбирали ихъ даже у плотниковъ, шедшихъ работать; наконецъ, запретили носить пожи; все еще боясь возстанія—запретили окрестнымъ крестьянамъ возить мелкія дрова на продажу, чтобы москвичи не надѣлали изъ нихъ кольевъ.

Если прибавить къ этому, что всякаго москвича, шедшаго по улицѣ поздно вечеромъ, могла постигнуть смерть отъ польскихъ патрулей и что къ заутренѣ не давали ходить даже священникамъ, станетъ яснымъ, какъ невыносимо тяжело жилось тогда въ Москвѣ.

В. ВАСНЕЦОВЪ. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

Одинъ изъ современниковъ Смуты, дьякъ Иванъ Тимоѣевъ, пережившій времена шведской оккупациі въ Новгородѣ, живо рисуетъ намъ чувства впечатлительныхъ людей, побывавшихъ въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ до такой степени «огорчился и зжалился, пребывая въ себѣ», что «по многи дни» ходилъ «яко изступивъ умомъ», все время думая о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ городъ. И дѣйствительно, тяжело было для степеннаго, привычнаго къ порядку и строгому «чину» человѣка, любившаго родную вѣру и ея обрядъ, исключительнаго націоналиста, видѣть «Еллина» или «поганую Латыну» съ «богоборной Литвой» распорядителемъ судебъ своего родного города. А такіе Тимоѣевы въ Москвѣ были на каждомъ шагу. Далекое не всѣ были такъ начитаны и склонны къ анализу своихъ мыслей и чувствъ, какъ дьякъ Тимоѣевъ, но весьма многіе такъ чувствовали и мыслили. Конечно, и среди москвичей были люди, «прямившіе» и служившіе Сигизмунду. Къ такимъ принадлежалъ бояринъ Мих. Г. Салтыковъ, буйный, часто подъ хмелькомъ, дерзкій и заносчивый, и его ближайшій сподвижникъ «казначей» Феодоръ Андроновъ, со всевозможнымъ усердіемъ радѣвшій королю. Были и другіе сторонники поляковъ, рангомъ пониже. Всѣхъ ихъ одинъ изъ современниковъ Смуты кн. Ив. А. Хворостининъ называетъ «козлищами», мѣшавшими доброму пастырю Гермогену. Впрочемъ, и самъ Хворостининъ врядъ ли принадлежалъ къ овцамъ. Въ юности онъ прославился позорной близостью къ первому Самозванцу и былъ «падменнымъ и много себѣ позволявшимъ мальчишкой». При Шуйскомъ Хворостининъ будировалъ противъ царя Василя, а подъ конецъ жизни уклонился было въ латынство, но подъ вліяніемъ строгихъ каръ быстро раскаялся. Вообще это былъ человѣкъ падкій на новинку, безъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, при томъ съ дерзостью соединявшій трусость. И такіе люди водились въ Москвѣ XVII вѣка.

Итакъ, патріарху Гермогену много мѣшали окружавшіе его «козлища». А ему какъ разъ нужна была поддержка. Сторонники Сигизмунда настойчиво требовали отъ него согласія на признаніе короля московскимъ царемъ. Такъ, М. Г. Салтыковъ 30 ноября 1610 г. явился къ патріарху и склонялъ его къ уступчивости. Несмотря на рѣшительный отказъ Гермогена, на другой день къ нему явились и другіе бояре съ просьбой «благословить крестъ цѣловати королю». Патріархъ рѣшительно отвергъ просьбу, и тогда Салтыковъ разразился площадной бранью по адресу первосвященника и даже, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, бросался на него съ пожомъ. Гермогенъ былъ непреклоненъ и заявилъ, что не только Сигизмундъ не надобенъ Россіи, «но и тако его отрасль (т.-е. Владиславъ), аще не приидетъ въ наше хотѣніе». Салтыковъ понялъ, что зашелъ далеко. Онъ явился къ патріарху съ повинной, извиняясь тѣмъ, что «шумень былъ и безъ памяти говорилъ». Состоялось примиреніе, но Гермогенъ, хорошо зная цѣну дешеваго раскаянія Салтыкова и видя необходимость дать скорый отпоръ все болѣе назойливымъ настояніямъ клеветовъ Сигизмунда, обратился къ представителямъ московскаго посадскаго міра. Собранные патріархомъ въ Успенскій соборъ московскіе гости и торговые

люди выслушали энергичную рѣчь своего первосвятителя и по его увѣщанію «отказали, что имъ креста королю не цѣловать».

Въ это же время подъ вліяніемъ событій и нѣкоторые изъ «козлицъ» стали прозрѣвать. Такъ, въ концѣ 1610 года въ Москвѣ появилось обширное подметное письмо—прокламація XVII вѣка—одинъ изъ списковъ котораго дошелъ до насъ и сталъ извѣстенъ въ научной литературѣ подъ именемъ «Новой повѣсти». Авторъ ея былъ, по его собственнымъ словамъ, «зѣло пожалованъ» отъ поляковъ и ихъ приспѣшниковъ, къ которымъ «прилѣпился тако же, яко же и прочая братія наша, для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатства». Онъ боялся явно «отъ нихъ отстати» и даже сказать кому-нибудь изъ москвичей: его могли бы казнить. А авторъ «Повѣсти» боялся смерти; въ особенности же не хотѣлъ онъ «жена и дѣти осиротити, межъ дворъ пустити, или будетъ всего того горши,—на позоръ дати». Поэтому авторъ «Повѣсти» ограничился бойко написаннымъ подметнымъ письмомъ. Въ немъ онъ увѣщевалъ православныхъ стоять за вѣру и русскую землю, указывалъ, какъ на образецъ стойкости, на Смоленскъ и поведеніе великихъ пословъ, желчно обвинялъ «землесѣдцевъ» бояръ, нападалъ на Андропова, неприлично каламбура его фамиліей, и громилъ поведеніе поляковъ въ занятой ими Москвѣ. Написанная живо и страстно, «Новая повѣсть» позволяетъ, какъ совершенно вѣрно отмѣчено проф. Платоновымъ въ его «Древнерусскихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ о Смутѣ», видѣть въ ея составителѣ наметаннаго въ писательствѣ приказнаго дьяка. И не въ одномъ писательствѣ былъ опытенъ авторъ «Повѣсти». Мастеръ онъ былъ и на умѣнье хоронить концы въ воду, склоненъ онъ былъ къ іезуитскимъ приемамъ и изворотамъ. Поставивъ своей цѣлью поднять москвичей на поляковъ, составитель «Повѣсти» обѣщаетъ имъ благословеніе патріарха. Передъ послѣднимъ онъ благоговѣтъ. Составитель «Повѣсти» слагаетъ Гермогену самый восторженный и по тону искренній панегирикъ. Однако онъ не думаетъ, чтобы «великій» «столицъ» и «крѣпкій адамантъ» дерзнулъ открыто призывать народъ къ возстанію. Авторъ «Повѣсти» полагалъ, что этому помѣшаетъ санъ патріарха. Когда же дѣло будетъ сдѣлано, думалось составителю подметнаго письма, то «не будетъ отъ него» на возставшихъ «клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе».

Но Гермогенъ не сталъ прибѣгать къ іезуитскимъ уловкамъ. Онъ ясно видѣлъ, что настала минута дѣйствовать рѣшительно, и не терялъ времени. Изъ всего того, что намъ извѣстно о Гермогенѣ, можно заключить, что, при огромной начитанности въ тогдашней церковной письменности, патріархъ обладалъ выдающимся краснорѣчіемъ, которому не мѣшали и недостатки произношенія. При крутомъ и властномъ нравѣ Гермогенъ былъ добрымъ человекомъ, охотно помогавшимъ бѣднякамъ. Вѣрный сынъ православія и горячій націоналистъ по убѣжденіямъ, Гермогенъ стойко держался опредѣленныхъ взглядовъ. Смуту и тѣ послѣдствія, къ которымъ она приведетъ, патріархъ давно понималъ. Онъ никогда не довѣрялъ иноземцамъ и теперь видѣлъ, что его недовѣріе было законнымъ. Умѣя выбирать людей, онъ нашелъ себѣ пособниковъ, которые, не выдавая его дѣла, вѣрой и правдой служили родинѣ, разнося по городамъ горячо

написанныя грамоты ея патриарха, съ призывами стоять за вѣру и русскую землю.

Началь Гермогенъ разсылку своихъ грамотъ въ концѣ декабря 1610 г., когда москвичи вздохнули свободнѣе, узнавъ о насильственной смерти Вора отъ руки одного изъ собственныхъ его приближенныхъ. Однимъ опаснымъ врагомъ стало меньше, и тѣмъ болѣе невыносимымъ сталъ населенію Москвы гнетъ другого, засѣвшего въ городѣ и властвовавшего въ немъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали москвичи, не прійдетъ ли освобожденіе изъ другихъ городовъ. Между тѣмъ по зову Гермогена и по обсылкамъ другъ съ другомъ многіе города поднялись на выручку столицы и ея святынь отъ иностранцевъ-иновѣрцевъ. Первой поднялась Рязань, благодаря своему воеводѣ Прокопію Петровичу Ляпунову. Къ нему то, зная его тогдашнее настроеніе и вліятельное положеніе, а также энергію и способности, и обратился прежде всего «новый Златоустъ». За Рязанью двинулись и другіе города и со всѣхъ сторонъ по зимнему пути шли освобождать Москву. Узнавъ о движеніи и развѣдавъ о роли въ немъ Гермогена, поляки въ февралѣ 1611 года поручили преданнымъ имъ русскимъ вельможамъ потребовать отъ патриарха, чтобы тотъ далъ приказъ ополченію Ляпунова и иныхъ воеводъ вернуться назадъ. На слова, сказанныя Гермогену М. Г. Салтыковымъ, послѣдовалъ твердый отвѣтъ: «Азъ къ нимъ стану писать: ежели ты измѣнникъ, Михайло Салтыковъ, съ литовскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы, и я имъ не велю ходити, а буде вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю помереть за православную христіанскую вѣру». Послѣ такого отвѣта патриархъ былъ взятъ за приставы, и къ нему было запрещено пускать кого-либо.

Къ марту ополченія изъ городовъ приблизились къ Москвѣ. Въ угрожаемомъ осадой городѣ взаимная боязнь и вражда двухъ сторонъ—русской и польской—достигли апогея, и нужно было опасаться взрыва. Въ Вербное воскресенье, 17-го марта 1611 г., освобожденный для этого случая патриархъ совершалъ обычное шествіе на осяти. Народъ не пошелъ на эту церемонію, повѣривъ слухамъ, что готовится со стороны поляковъ грандіозное изобіеніе безоружныхъ массъ. Нѣкоторые поляки въ самомъ дѣлѣ передаютъ, что Салтыковъ сказалъ имъ: «Нынче былъ случай, и вы Москву не били,—ну такъ они васъ во вторникъ будутъ бить; я этого ждать не буду, возьму жену и поѣду къ королю». Услыхавъ такія рѣчи, поляки стали готовиться отражать возстаніе и втаскивать пушки на кремлевскія и китаецгородскія стѣны. Въ Москву тѣмъ временемъ пробрались ратные люди изъ ополченій; пробрались и нѣкоторые начальные люди, между прочимъ зарайскій воевода, знаменитый впослѣдствіи князь Д. М. Пожарскій. Вторникъ 19-го марта начался спокойно: москвичи не начинали нападеній; надо думать, что они въ свою очередь собирались лишь обороняться. При напряженномъ состояніи обѣихъ сторонъ достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ разразилась катастрофа. И дѣйствительно, ссора одного изъ поляковъ съ русскими извозчиками, перешедшая въ крики и крупную брань, заставила нѣмецкій отрядъ, бывший на польской службѣ, вообразить, что началось возстаніе. Нѣмцы ринулись на безоружныхъ москвичей и пере-

били ихъ до 7,000 въ Китай-городѣ. Въ Бѣломъ городѣ было иначе: русскіе ударили въ набатъ и вооружились, кто чѣмъ могъ. На улицахъ устроили загражденія изъ столовъ, скамеекъ и бревенъ (русскія баррикады XVII вѣка) и изъ нихъ сражались съ поляками. Ратные люди, пробравшіеся ранѣе въ Москву, дѣятельно помогали москвичамъ. Особенно отличился князь Пожарскій. Доведенные до отчаянія поляки и вѣрные имъ русскіе рѣшили тогда выжечь Москву и Замоскворѣчье. Говорятъ, что М. Г. Салтыковъ подалъ этому примѣръ поджогомъ собственнаго дома. Москвичи оказали упорнѣйшее сопротивленіе, но были побѣждены и принуждены, несмотря на жестокій морозъ, ютиться въ полѣ. Раненый Пожарскій былъ съ поля битвы отвезенъ въ Троицкій монастырь. Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ жителей столицы били челомъ Гонсѣвскому, изъявляя покорность. Они должны были снова цѣловать крестъ королевичу. Покорнымъ москвичамъ велѣно было подпоясываться полотенцемъ, какъ особымъ знакомъ.

Кн. Пожарскій передъ битвой.

Тѣмъ временемъ, послѣ удачныхъ авангардныхъ боевъ, ополченія изъ городовъ подошли къ Бѣлому городу. Осада пошла успешно, но вскорѣ у осаждающихъ вспыхнулъ гибельный раздоръ. Причины этого раздора коренились въ составъ ополченія. Дѣловъ томъ, что «на очище-

нне» Москвы отъ поляковъ сошлись два враждебныхъ по существу элемента. Наряду съ земщиной, т.-е. съ ополченіемъ служилыхъ и посадскихъ людей, настроенныхъ консервативно, въ пользу стараго отношенія, установившихся при Грозномъ и Годуновѣ, подъ Москву явились многочисленные отряды бывшихъ тушинцевъ. Это были казаки — враждебная прежнему строю среда. Они не выработали себѣ какого-нибудь опредѣленнаго идеала, но были озлоблены на земщину и не упускали случая побить и пограбить ея представителей, хотя были готовы примириться съ ней подъ условіемъ принятія ихъ въ среду служилыхъ по отечеству людей. Одного только не хотѣли тѣ весьма многочисленные изъ казаковъ, которые недавно ушли изъ крестьянства и холопства: возвращенія къ старымъ своимъ господамъ на прежнихъ основаніяхъ. До поры до времени, однако, и тушинцы, во главѣ которыхъ стояли «бояре» Д. Т. Трубецкой и И. И. Заруцкій, и земщина съ своимъ вождемъ П. П. Ляпуновымъ дѣйствовали дружно.

В. ВАСНЕЦОВЪ — ПОБОЙШЧЕ.

Имъ удалось даже организовать временное правительство и создать законодательный органъ—«Земскій Соборъ» при подмосковной рати. 30-го іюня 1611 года этому собору удалось провести рядъ важныхъ постановленій. Ихъ можно разсматривать, какъ результатъ компромисса между двумя частями ополченія, при чемъ явный перевѣсъ былъ на сторонѣ земщины. Казакамъ была сдѣлана та уступка, что «старо» служившіе изъ нихъ могли верстаться «съ городы», т.-е. служить наряду съ дѣтьми боярскихъ и на равныхъ съ тѣми правахъ. За то «новые» казаки должны были вернуться въ холопство и крестьянство, изъ котораго не задолго передъ этимъ вышли на волю. Такого успѣха земщины казаки и ихъ предводители не могли простить земщинѣ и Ляпунову. Послѣдній былъ обвиненъ въ измѣнѣ. 22-го іюня 1611 года его вызвали въ казацкій кругъ для объясненій. Начался споръ, пылкій Ляпуновъ не сдержался и палъ мертвымъ подъ ударами казачьихъ сабель. Испуганная земщина разошлась по домамъ, и подъ Москвой остались лишь казаки, сами по себѣ безсильные одолѣть поляковъ и освободить отъ нихъ Москву.

Неудача Ляпуновскаго ополченія была тяжелымъ испытаніемъ для русскихъ людей. Казалось, нѣтъ просвѣта, и оставалась лишь молитва, къ которой и обратились тогда многіе. Но живъ былъ патріархъ Гермогенъ, правильно понявшій, что надо сдѣлать для спасенія Москвы и для возстановленія государственнаго порядка. Несмотря на крѣпкую стражу, къ «новому исповѣднику» проникли преданные люди, какъ, на примѣръ, нижегородецъ Романъ Пахомовъ и свѣяженникъ Родя Мосѣевъ. Черезъ нихъ то и сносился патріархъ съ русскими людьми. Родя Мосѣевъ и принесъ 25-го августа 1611 г. въ Нижній-Новгородъ грамоту Гермогена съ совѣтами и наставленіями патріарха. Съ момента полученія этой грамоты и ведетъ свое начало нижегородское ополченіе. Выясненіе обстоятельствъ его возникновенія составляетъ неоспоримую и крупную заслугу въ русской исторической незабвеннаго И. Е. Забѣлина литературѣ. До появленія его замѣчательнаго изслѣдованія «Мининъ и Пожарскій» всецѣло придерживались взгляда, что Троице-Сергіевъ монастырь своими грамотами возбудилъ нижегородцевъ. И. Е. Забѣлину удалось доказать, что движеніе въ Нижнемъ началось до появленія тамъ грамотъ изъ монастыря. Да и вся исторія нижегородскаго ополченія доказываетъ, что движеніе шло помимо Троицкихъ грамотъ. Знаменитый монастырь оказалъ большія услуги Руси въ Смуту своей стойкостью во время осады его тушинцами и широкой благотворительностью, развитой имъ по почину и подъ руководствомъ архимандрита Діонисія въ междуцарствіе. Но вызвать къ жизни нижегородское ополченіе не могли троицкія грамоты. Они звали подъ Москву на соединеніе съ казаками, а земщина разувѣрилась въ казакахъ. Гермогенъ призывалъ земщину сплотиться и идти подъ Москву, не вѣря казакамъ и опасаясь ихъ. Такая разница во взглядахъ мѣтко разъяснена проф. Платоновымъ, какъ слѣдствіе того, что «сидя въ тюрьмѣ на Кирилловскомъ подворьѣ, Гермогенъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ партій и вліяній, дѣйствовавшихъ въ московскомъ обществѣ; а монастырскія власти, трудясь на

просторѣ, были связаны по рукамъ и ногамъ своими отношеніями къ возобладавшей временно казаческой власти».

Нижегородскій «міръ» не могъ пойти послѣ смерти Ляпунова на соединеніе съ казаками. Онъ естественно принялъ программу Гермогена, послѣ граматы котораго началось движеніе. Инициаторами его явились посадскій торговый человѣкъ Кузьма Мининъ и протопопъ Савва Ефимьевъ. Первый былъ геніальнымъ самородкомъ. Онъ имѣлъ огромныя организаторскія и административныя способности, а однажды выказалъ себя и умѣлымъ воиномъ. Умѣнье говорить соединялось у него съ твердостью характера и дѣловитостью. Служба по «мірскимъ» выборамъ дала Кузьмѣ Минину необходимый опытъ. Такой то человѣкъ «поболѣ Зоровавельски за люди Господня: Всемогущаго Бога на помощь призва и молвь безчисленныхъ печалей на ся пріятъ». Онъ, посовѣтовавшись съ другими вліятельными нижегородскими людьми и будучи самъ замѣтнымъ въ своей средѣ, какъ «начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ въ братіи своей», началъ

Патріархъ Гермогенъ отказывается подписать грамоту о распушеніи войска.

говорить о необходимости всѣмъ соединиться и идти на Москву, не жалѣя никакихъ жертвъ и усилій. На рѣчи Минина горячо отозвался посадскій и служилый элементъ въ Нижнемъ - Новгородѣ, и стало собираться ополченіе. Благодаря обсылкамъ съ другими городами и сочувствію ихъ, движеніе изъ городского скоро стало областнымъ, а изъ областного обратилось въ общеземское. Въ нижегородскомъ движеніи замѣтна

большая сплоченность среднихъ классовъ московскаго общества, наученныхъ горькимъ опытомъ прежней Смуты и «разрухи». Сплоченность эта проявилась и въ выборѣ вождей. Военачальникомъ еще въ Нижнемъ былъ избранъ по совѣту Минина князь Д. М. Пожарскій, а распорядителемъ по хозяйственной части Мининъ. Родовитый человѣкъ, князь Пожарскій, какъ это прекрасно выяснилъ покойный И. Е. Забѣлинъ, вовсе не былъ такой тусклой фигурой, какимъ изображалъ его Н. И. Костомаровъ.—Это былъ опытный полководецъ, проявившій себя и мужествомъ и искусствомъ и политической честностью. Онъ вѣрно служилъ царю Василию Шуйскому, а затѣмъ заявилъ себя въ прискорбный день 19-го марта 1611 года. Во время начала нижегородскаго движенія Пожарскій управлялся отъ раны въ одномъ изъ своихъ нижегородскихъ владѣній. Какъ остроумно выяснено С. Ѡ. Платоновымъ, выборъ князя Пожарскаго въ вожди ополченія и объясняется помимо его личныхъ качествъ близкимъ отношеніемъ его къ Нижегородскому краю.

Организовавшись въ Нижнемъ-Новгородѣ, ополченіе двинулось въ Ярославль, гдѣ со всѣхъ сторонъ стягивались къ нему люди и запасы. Умѣнье хорошо поставить свою армію и удовлетворять ея нужды составляетъ несомнѣнную заслугу вождей ополченія, т.-е. Минина и Пожарскаго. Они не снѣжили къ Москвѣ, желая придти туда грозной и сплоченной силой, которой не страшны были бы ни поляки, ни казаки. Послѣдніе долго злобились на земскую рать и даже, какъ носились слухи, подсылали убійцъ къ Пожарскому. Наконецъ, они принуждены были смириться и соединиться съ земщиной, подчинившись ея условіямъ. Лишь Заруцкій со своими сторонниками и Воренкомъ, маленькимъ сыномъ Марины Мнишекъ, ушелъ изъ-подъ Москвы на верховья Дона и затѣмъ очутился въ Астрахани.

При такихъ обстоятельствахъ началась въ 1612 году осада Китай-города и Кремля. Тамъ не было уже Гермогена. Заключенный послѣ 19-го марта 1611 г. подъ еще болѣе чѣмъ прежде строгую стражу, патриархъ сумѣлъ все-таки вызвать къ жизни нижегородское ополченіе. Обезпеченные новымъ движеніемъ поляки сдѣлали послѣднюю попытку повліять на крѣпкаго умомъ и духомъ старца и черезъ своихъ русскихъ сторонниковъ потребовали отъ Гермогена запрещенія нижегородцамъ идти подъ Москву. «Онъ же великій государь исповѣдникъ рече имъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, и вы окаянныя, московскіе измѣнники, будете прокляты». Мужественный отказъ патриарха былъ его послѣднимъ подвигомъ. Въ февралѣ 1612 года Гермогенъ умеръ, уморенный голодомъ или, по другимъ извѣстіямъ, удушенный. Ему не удалось дожить до сдачи поляками Кремля русскому ополченію. Она произошла 26-го октября 1612 года послѣ того, какъ 22-го октября русскіе штурмомъ взяли стѣны Китай-города. Тяжелую картину увидали вступившіе въ Кремль русскія войска: церкви были поруганы, иконы разсѣчены, престолы ободраны, въ чанахъ была приготовлена ужасная пища—людскіе трупы.

Очистивъ Москву, вожди ополченія рѣшили заняться царскимъ избраніемъ. Для этой цѣли недостаточно было того «земскаго совѣта», который дѣйствовалъ при подмосковской рати, а сорганизовался еще въ Ярославлѣ. Рѣшено было произвести по городамъ выборы представителей, которые должны были съѣхаться къ Москвѣ. Въ послѣдней далеко не было спокойно; большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ разѣхалось по домамъ, и казаки стали сильны. Одно время многіе изъ нихъ мечтали о кандидатурѣ Воренка; но эта мысль была ими оставлена. Наконецъ, съѣхались выборные, и начался соборъ. Прежде всего былъ выдвинутъ и принятъ принципъ: выбрать на престолъ природнаго русскаго человѣка. Когда затѣмъ стали выбирать изъ своихъ, дѣло дошло до крупныхъ размолвокъ. Наконецъ, было названо имя, примирившее всѣхъ. Была выставлена кандидатура Михаила Ѳеодоровича Романова, юнаго сына Филарета Никитича. На ней сошлись и земщина, и казачество. Есть даже возможность предположить, что именно съ казачьей стороны была выдвинута кандидатура царя Михаила. Отсюда, конечно, далеко до вывода, который сдѣлали въ свое время поляки, съ презрительной насмѣшкой называвшіе перваго

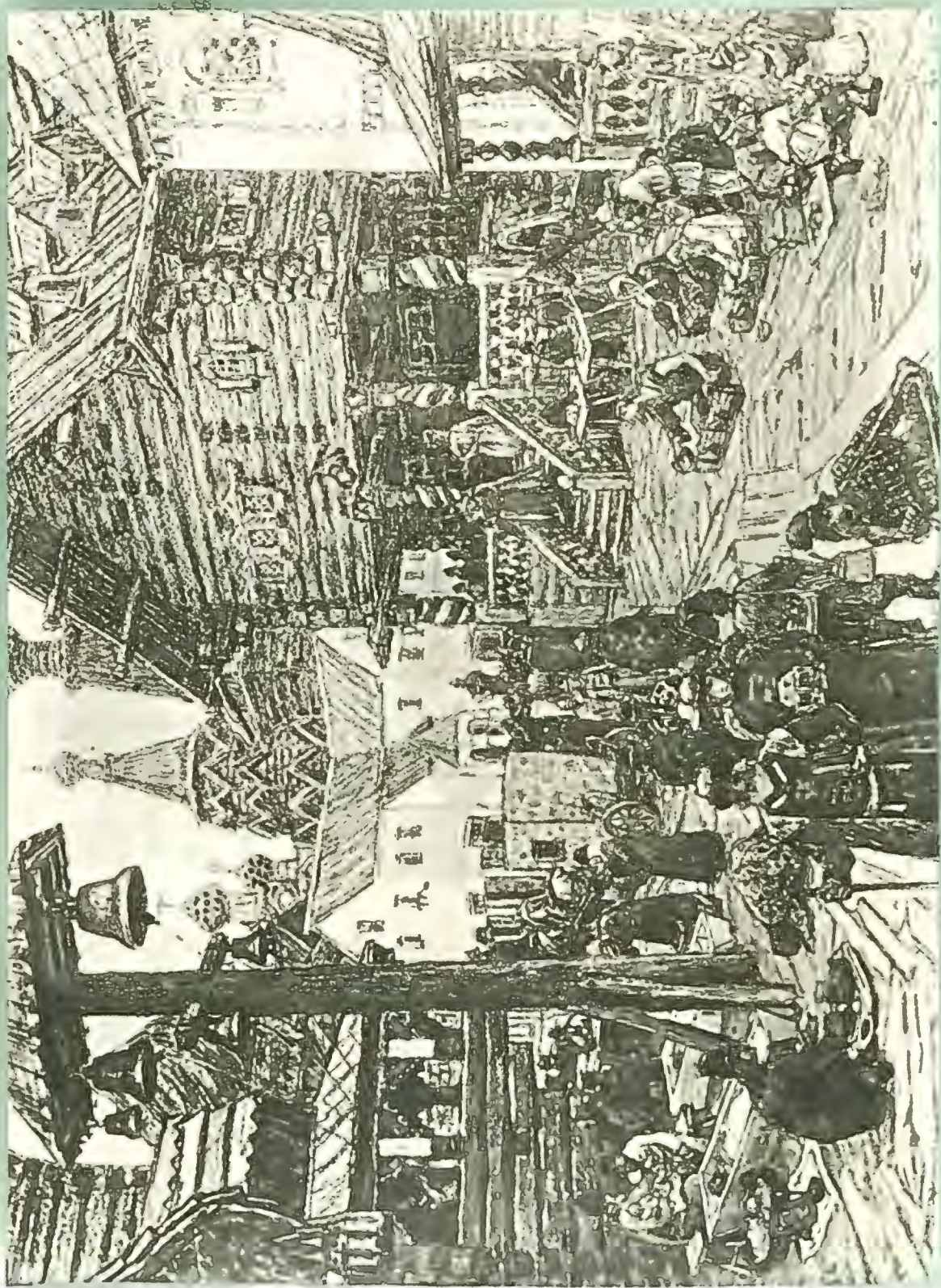

государя изъ династїи Романовыхъ казачьимъ царемъ. Но въ настоящее время установленъ фактъ, что во время царствованїя Михаила Ѳеодоровича большое вліяніе на дѣла принадлежало «тушинскимъ» дѣльцамъ *).

Съ избраніемъ 21-го февраля 1613 года на Московскій престолъ Михаилъ Ѳеодоровича Романова Смуту, на ликвидированье слѣдовъ которой пошло и потомъ не мало времени, можно было считать оконченной. Эта смута имѣла рядъ важныхъ послѣдствій. Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ было торжество среднихъ классовъ населенія и организованность ихъ, приведшая къ большой роли земскихъ соборовъ въ первую половину XVII вѣка.

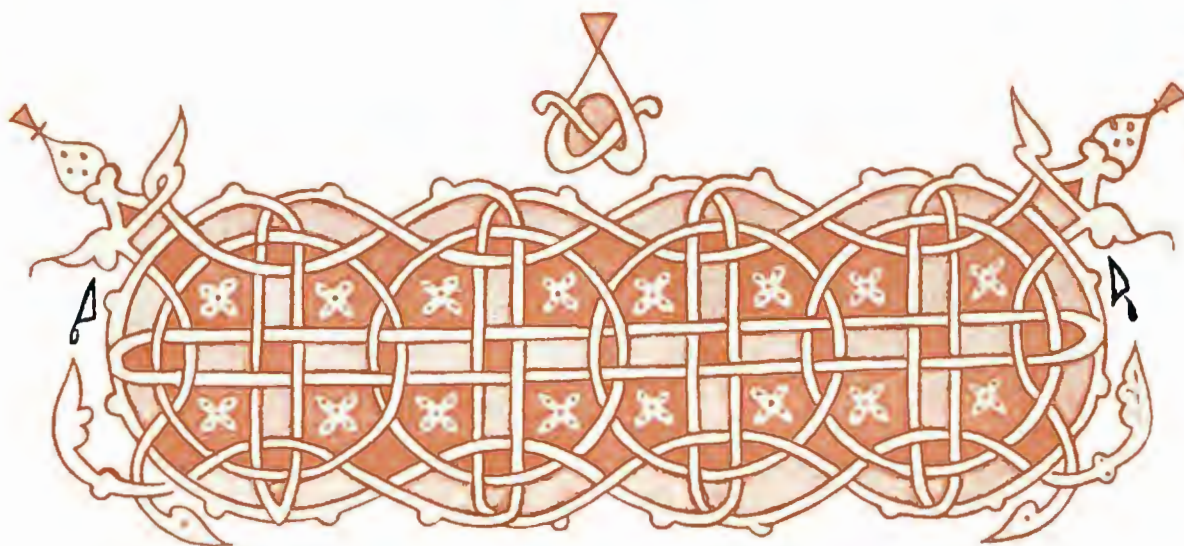
---

*) См. С. Ѳ. Платоновъ, «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», Ж. М. Н. Пр. январь 1906 года и отдѣльно.

А. ВАСНЕЦОВЪ—НА КРЕСТЦѢ.

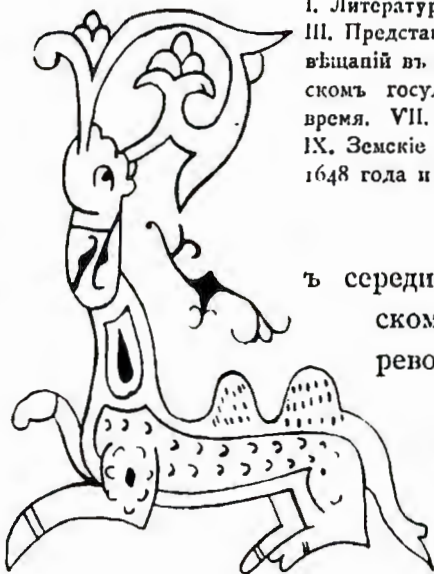

Изъ Псалтыря, писан. около 1500 г.

Московскіе земскіе соборы.

Проф. С. О. Платонова.

I. Литература о земскихъ соборахъ. II. Происхожденіе земскихъ соборовъ. III. Представительство на первомъ земскомъ соборѣ. IV. Другія формы совѣщаній въ XVI вѣкѣ. V. Начало выборнаго представительства въ Московскомъ государствѣ. VI. Роль выборнаго представительства въ Смутное время. VII. Земскіе соборы Смутнаго времени. VIII. Соборъ 1613 года. IX. Земскіе соборы времени царя Михаила Феодоровича. X. Земскій соборъ 1648 года и Уложеніе. XI. Конецъ земскихъ соборовъ и ихъ замѣстители.

I.

Въ середины XVI до середины XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ рядомъ съ постоянною государевою думою дѣйствуетъ другой совѣщательный органъ, называемый въ наукѣ «земскимъ соборомъ», а въ памятникахъ того времени «совѣтомъ вся земли», «всею землею», или просто «соборомъ». Очень давно этотъ «совѣтъ» вся земли сталъ интересовать ученыхъ изслѣдователей, и они пытались дать ему научное

опредѣленіе. Нашъ извѣстный юристъ, недавно умершій Б. Н. Чичеринъ отнесъ соборы къ тому типу сословныхъ представительныхъ собраній, который развился въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ и исчезъ съ усиленіемъ монархическаго начала въ концѣ среднихъ вѣковъ*). Полную параллель нашихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями старался установить В. И. Сергѣевичъ, полагавшій, что и причины возникновенія соборовъ на Руси были одинаковы съ причинами, породившими сословныя собранія на Западѣ: и тамъ, и здѣсь народное представительство служило

*) Б. Н. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. М. 1866. (Второе изданіе: М. 1899).

орудіємъ государственнаго объединенія. Монархическая власть въ своей объединительной дѣятельности искала опоры себѣ въ сословіяхъ и созывала на совѣтъ ихъ представителей; когда же объединеніе достигалось, тогда необходимость въ такой опорѣ упразднилась, и сословныя собранія исчезали изъ практики *). Но въ то время, какъ Чичеринъ смотрѣлъ отрицательно на политическое значеніе московскихъ соборовъ и думалъ, что они исчезли «просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества», проф. Сергѣевичъ наблюдалъ въ соборахъ «условія жизненности». По его словамъ, «въ патріотической дѣятельности ихъ (т. е. соборовъ) Московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ». Самъ г. Сергѣевичъ это стороннее вліяніе приписывалъ московскимъ боярамъ. Взглядъ г. Сергѣевича былъ принятъ послѣдующими изслѣдователями соборовъ, и среди нихъ стало господствовать желаніе возможно полнѣе представить дѣятельность соборовъ и возможно яснѣе доказать ихъ жизнеспособность. Первой цѣли думали достигнуть тѣмъ, что въ изложеніе исторіи соборовъ включали не только дѣйствительные соборы, но и всѣ тѣ явленія московской жизни, въ которыхъ желали видѣть ту или иную форму «обращенія къ народу», или же проявленіе «соборнаго начала». Такимъ способомъ создано было понятіе о соборахъ «неполныхъ» и «фиктивныхъ», иначе говоря, о соборахъ, которые вовсе не были соборами. Внѣшняя исторія соборовъ, благодаря этому, стала запутанной и сбивчивой и не давала (напримѣръ, въ наиболѣе «полномъ» изложеніи г. Латкина **) никакого понятія о внутреннемъ развитіи изучаемаго учрежденія. Второй цѣли думали достигнуть тѣмъ, что доказывали активную роль соборовъ въ строеніи государственнаго порядка и не считали возможнымъ представлять ихъ «чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ» при монархѣ. Но такъ какъ ограничительнаго значенія соборы явно не имѣли, то оставалось утверждать, что ихъ роль была велика, но точно не опредѣлима, и что въ основѣ соборовъ «лежалъ фактъ, а не право». Это утвержденіе редактировалось иногда и иначе, словами извѣстнаго славянофила К. С. Аксакова, говорившаго, что на соборахъ «отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія» ***). Подобными формулами правовое значеніе соборовъ, конечно, не могло быть точно выяснено; но существенно важная роль соборовъ въ жизни государства все-таки была показана.

Новый періодъ въ изученіи нашихъ соборовъ насталъ тогда, когда появились труды М. Ф. Владимірскаго-Буданова («Обзоръ исторіи русскаго права») и В. О. Ключевскаго («Составъ представительства на земскихъ

*) В. И. Сергѣевичъ. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ («Сборникъ Государственныхъ Знаній», т. II, Спб. 1875).

**) Земскіе соборы древней Руси В. Латкина (Спб. 1885).

***) Исторія права Московскаго государства. Н. И. Заюскаина. Томъ I, Казань, 1877, стр. 336 и слѣд. Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова. Т. I, М. 1861, стр. 150, 296 (по второму изданію: М. 1889, стр. 147, 283).

соборахъ древней Руси»)*)). Первый изъ этихъ ученыхъ съ чрезвычайною точностью и ясностью мысли подвергъ критикѣ выводы своихъ предшественниковъ въ изученіи соборовъ, далъ правильное опредѣленіе самаго понятія о земскомъ соборѣ, бросилъ новый свѣтъ на обстоятельства происхожденія и прекращенія соборной практики, представилъ впервые строго научный обзоръ дѣятельности соборовъ и ихъ компетенціи,—словомъ, далъ прекрасный очеркъ изучаемаго учрежденія, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ ученой критики. Немногимъ позже В. О. Ключевскій поставилъ заново вопросъ о составѣ представительства на земскихъ соборахъ и пришелъ къ выводу, что въ XVI вѣкѣ московская жизнь не знала еще выборнаго представительства въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его себѣ теперь представляемъ. На соборахъ XVI вѣка «изъ городовъ выборъ» могъ и не означать выбранныхъ мѣстными обществами представителей; составъ представителей опредѣлялся самимъ московскимъ правительствомъ, которое звало на совѣщаніе тѣхъ провинціальныхъ людей, которыхъ оно само знало и считало способными судить о мѣстныхъ нуждахъ и взглядахъ, хотя никто ихъ къ тому и не выбиралъ и не уполномочивалъ. Мысль о выборномъ сословномъ представителѣ, уполномоченномъ представлять на соборѣ нужды и желанія своихъ избирателей, выработалась среди смуты, въ началѣ XVII в., и соборы при государяхъ новой династіи сложились уже по иному типу. Этотъ выводъ В. О. Ключевскаго, принятый затѣмъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ, открылъ смыслъ внутренняго развитія въ жизни соборовъ. Въ исторіи соборовъ обнаружено было извѣстное движеніе, и старый взглядъ, что соборы не пережили своей зачаточной фазы, былъ окончательно осужденъ.

Предлагаемая статья имѣетъ свою цѣль, воспользовавшись накопившимся въ нашей наукѣ матеріаломъ, представить въ возможно краткомъ очеркѣ изложеніе того, какъ возникли соборы, какія внутреннія перемѣны въ нихъ произошли за время ихъ столѣтняго существованія и какія причины повели къ прекращенію соборовъ. Краткій очеркъ внутренней исторіи соборовъ имѣетъ въ виду познакомить читателя съ самымъ существеннымъ и любопытнымъ въ жизни изучаемаго учрежденія—съ внутреннимъ ростомъ соборной практики и съ обстоятельствами ея паденія.

II.

Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ «совѣта всея земли» входилъ *освященный соборъ* русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патриархомъ во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ

*) Первые два изданія «Обзора» проф. Владимірскаго-Буданова появились въ 80-хъ годахъ, третье — въ 1900 году. Статьи проф. Ключевскаго напечатаны въ «Русской Мысли» 1840 года (январь), 1891 г. (январь) и 1892 г. (январь). Онѣ, къ сожалѣнію, не окончены; нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ могутъ служить страницы 377—379 третьяго изданія книги г-на Ключевскаго «Боярская дума древней Руси» (М. 1902).

группы соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась *болярская дума*, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свою «старину и пошлину». Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили *земскіе люди*, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ «совѣтъ всея земли». Безъ земскихъ людей «соборъ» изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою «всю землю» и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ-либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это—не «земскій соборъ», а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора; «отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ» (слова проф. Владимірскаго-Буданова).

Соединеніе въ одномъ совѣщаніи думы и духовнаго собора было исконнымъ древнерусскимъ обычаемъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной практики и церковной жизни государь съ своимъ «синклитомъ» и митрополитъ (позже — патріархъ) «со властями» (такъ назывались іерархи) сходились вмѣстѣ и сообща обсуждали подлежащее дѣло. Вопросъ о времени происхожденія земскихъ соборовъ есть въ сущности вопросъ о томъ, когда именно къ экстреннымъ совѣщаніямъ «властей» и бояръ стали призываться новые совѣтники — «всякихъ чиновъ люди», взятые изъ среды управляемаго общества. Такъ поставленный вопросъ избавляетъ насъ отъ необходимости разсуждать о томъ, были ли земскіе соборы продолженіемъ и замѣною вѣча, или не были. Всѣ серьезнѣйшіе изслѣдователи сошлись на одномъ мнѣніи, что между вѣчемъ и соборомъ нѣтъ непосредственнаго реального преемства. Шумъ вѣчевыхъ собраній затихъ на Руси раньше, чѣмъ созрѣлъ и окончательно сложился тотъ политическій порядокъ, котораго плодомъ и выраженіемъ были земскіе соборы. Вмѣсто того, чтобы выслѣживать пережитки вѣчевыхъ традицій въ позднѣйшую пору московскихъ порядковъ, основательнѣе будетъ посмотрѣть, не было ли въ древнѣйшія времена чего-либо, напоминающаго земскій соборъ, т. е. совѣщаній княжескихъ бояръ и церковныхъ властей съ представителями земщины. Еслибы мы нашли такіа совѣщанія, то для насъ были бы обнаружены родоначальники изучаемыхъ нами соборовъ, и намъ стало бы понятно, что соборы идутъ не отъ вѣчевыхъ традицій, а отъ иной формы княжескаго народо-совѣтія.

Мы не будемъ долго останавливаться на извѣстіи лѣтописи подъ 1096 годомъ о томъ, что князья, враждовавшіе съ Олегомъ Святославичемъ, звали его на миръ такими словами: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьтѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градъскими». Въ этомъ перечнѣ нельзя, конечно,

Серебряная золоченая кружка, украшенная эмалью.

Кубокъ раковинный царя Алексѣя Михайловича

Чаша 1630 года.

Серебряная братина В. К. Иоанна III.

видѣть ни вѣча, ни земскаго собора. Ученые согласны въ томъ, что это— совѣщаніе «властей» и думы, къ которому предполагалось привлечь «градскихъ людей», т. е. тѣхъ «старѣйшинъ», которые тогда постоянно призывались въ княжескія совѣщанія. Интересно здѣсь, однако, установить, что и въ эпоху вѣчевыхъ собраній существовали такія независимыя отъ вѣча формы совѣщаній, въ которыхъ правительственный элементъ сходилъ съ земскимъ. Для насъ гораздо важнѣе извѣстіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ подъ 1211 г. о томъ, какъ великій князь Всеволодъ укрѣпилъ за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ, мимо старшаго сына Константина, городъ Владиміръ. «Князь великій Всеволодъ», говоритъ лѣтописецъ, «созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимеръ по себѣ». На первый взглядъ, здѣсь дѣйствуетъ прямой земскій соборъ: и бояре, и «власти», и «вси люди», при чемъ на совѣтѣ созваны даже лица «съ городовъ и волостей». И. Е. Забѣлинъ, поддаваясь первому впечатлѣнію, написалъ прямо: «былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.)» *). Но свойства приведеннаго извѣстія таковы, что заставляютъ быть осторожными въ выводѣ. Прежде всего, не во всѣхъ лѣтописяхъ дѣло изложено одинаково: есть разсказъ о данномъ дѣлѣ, по которому передача Владиміра Юрію была рѣшена по совѣту однихъ бояръ и епископа. На основаніи этого послѣдняго разсказа проф. Ключевскій склоненъ думать, что при Всеволодѣ не было «всесловнаго собора или земскаго вѣча, ни законодательнаго, ни совѣщательнаго» **). На это можно было бы замѣтить, что въ двухъ лѣтописныхъ разсказахъ переданы два разныхъ момента дѣла: сначала съ епископомъ и боярами князь выработалъ рѣшеніе («много совѣтоваша о семъ»); затѣмъ на общемъ соборѣ это рѣшеніе получило окончательную санкцію («да сыну своему Юрью»). Но въ извѣстіи о соборѣ все-таки есть нѣчто сомнительное. Оно слишкомъ исключительно для данной эпохи, слишкомъ одиноко: въ лѣтописномъ матеріалѣ удѣльнаго періода не встрѣчается извѣстій, съ нимъ однородныхъ. Невольно является мысль, не перенесъ ли редакторъ даннаго лѣтописнаго свода въ изображаемую эпоху чертъ своего времени? Онъ работалъ въ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV: въ его пору скорѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ, могли существовать совѣщанія, подобныя тому, какое онъ изобразилъ въ 1211 году ***). Мы знаемъ, что въ 1471 году, предъ походомъ на Новгородъ, Иванъ III «разосла по всю братію свою и по *всѣ* епископы земли своя, и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по *всѣ* воя своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И *мыслившие* о томъ *не мало* и конечное положыша упованіе на Господа Бога. И князь великій приемъ благословеніе отъ

*) И. Е. Забѣлинъ. Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія («Историч. Вѣстникъ», 1881, февраль, стр. 256—257).

**) В. О. Ключевскій. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М. 1902, стр. 46.

***) Въ этомъ извѣстіи Воскресенскаго и лицеваго Никоновскаго сводовъ сомнительно для XIII вѣка упоминаніе «дворянъ» послѣ «купцовъ». Терминъ «дворяне», обычный въ московское время, рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ болѣе раннихъ эпохъ; но и въ нихъ онъ означаетъ княжескихъ слугъ, упоминанія о которыхъ мы ждали бы прежде упоминанія о купцахъ.

митрополита... и отъ *всего священнаго собора* и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братіа его, и вси князи его и бояря, и воеводы и *вся воя* его». Въ этихъ словахъ предъ нами рисуется картина многолюднаго совѣщанія. Въ немъ участвуетъ «весь священный соборъ», затѣмъ дума («князи и бояря») и сверхъ того «воеводы и вся воя», т. е., та служилая среда, которая не входила въ составъ постояннаго государева совѣта. Если даже не вѣрить разсказу о соборѣ 1211 г. и считать, что онъ редактированъ лѣтописцемъ позднѣйшимъ, то разсказъ о 1471 годѣ заставляетъ насъ повѣрить тому, что въ XV вѣкѣ Московская Русь знала уже форму народосовѣтія, близкую къ нашему опредѣленію земскаго собора. Правда, земскіе люди на совѣтѣ 1471 года представлены только воеводами и «воями», т. е. одними служилыми людьми; но мы увидимъ, что таково или почти таково были представительство и на первыхъ точно намъ извѣстныхъ земскихъ соборахъ XVI столѣтія. Таковъ былъ земскій элементъ и на знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года, гдѣ вмѣстѣ съ духовными отцами сидѣли «князи и бояре и воины». Царь Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ участникамъ этого собора, взывалъ не къ одному духовенству: «весь священный соборъ (говоритъ онъ) и иноцы и прочіи вси Божіи молебницы, такоже и братія моя вси любиміи мои князи, и бояре и воины, и все православное христіанство, помогайте ми и пособствуйте вси единодушно икупѣ!» Присутствіе на Стоглавомъ соборѣ свѣтскихъ чиновъ, и, повидимому, не однихъ думныхъ, заставило такого осторожнаго изслѣдователя, каковъ былъ покойный проф. И. Н. Ждановъ, признать этотъ соборъ «церковно-земскимъ» *). Къ тому же заключенію ведетъ и программа занятій Стоглаваго собора, выходящая изъ сферы собственно церковныхъ вопросовъ въ область государственно-земскую.

Представленные здѣсь примѣры правительственныхъ собраній, въ составъ которыхъ входили, сверхъ обычныхъ освященнаго собора и боярской думы, еще совѣтники изъ управляемаго общества, показываютъ намъ, гдѣ намъ надобно искать предшественниковъ земскихъ соборовъ. Ими были не вѣча, а соединенныя собранія «властей» и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ. Еслибы удалось показать, что эти постороннія лица были изъ разныхъ общественныхъ классовъ и почитались за представителей «всей земли», можно было бы говорить, что мы знаемъ земскіе соборы еще въ XV вѣкѣ и что ихъ возникновеніе, пожалуй, позволительно возводить и на два вѣка далѣе, въ самое начало удѣльной поры. Но въ томъ то и дѣло, что представительный элементъ въ разсмотрѣнныхъ собраніяхъ слишкомъ неопредѣленъ и случаенъ. Поэтому никто изъ ученыхъ и не рѣшается начать исторію земскихъ соборовъ ранѣе XVI столѣтія. Разсматривая же болѣе ранніе примѣры совѣщаній широкаго состава, ученые (И. Н. Ждановъ и В. О. Ключевскій) подмѣчаютъ, что доминирующее въ нихъ положеніе занимаетъ освященный

---

*) Объ излагаемыхъ извѣстіяхъ см.: *М. А. Дьяконовъ*. Несколько словъ по поводу новаго историко-юридическаго изслѣдованія (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1885 г. № 3, стр. 173—185) и *И. Н. Ждановъ*. Церковно-земскій соборъ 1551 года (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 г., февраль; перепечатано въ «Сочиненіяхъ И. Н. Жданова», томъ I, Сиб. 1904).

Царь

Вешній выїздъ Царицы на богомолье.

соборъ, и потому ставятъ вопросъ: «Не имѣлъ ли вліянія, какъ примѣръ и образецъ, на зарожденіе мысли о земскомъ соборѣ и на самую его организацію совѣтъ іерарховъ?» «Это вліяніе болѣе чѣмъ вѣроятно (говоритъ В. О. Ключевскій), только трудно опредѣлить его степень и указать его слѣды». «Земскій соборъ (говоритъ И. Н. Ждановъ) появляется въ Московскомъ государствѣ какъ будто незамѣтно; учрежденіе это вырастаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ» *). Ходъ мысли нашихъ изслѣдователей, очевидно, таковъ. Освященный соборъ у насъ съ глубокой древности былъ благоустроеннымъ, канонически опредѣленнымъ, учрежденіемъ. Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе. Сходясь въ такихъ случаяхъ съ «властями» въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали «властямъ» первое мѣсто и поддавали дѣйствию тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ «властей». Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній «властей» и думы — подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ.

Таковъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникли внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изъ «всѣхъ людей».

III.

Поэтому то земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ и появились «какъ будто незамѣтно» (по выраженію проф. Жданова). Первый земскій соборъ, отъ котораго дошелъ до насъ документъ съ точными свѣдѣніями о составѣ собора и его предметѣ, былъ соборъ 1566 года. Составъ его, какъ увидимъ, весьма близокъ къ составу тѣхъ совѣщаній, которыя мы только что наблюдали, и весьма мало походитъ на позднѣйшіе, болѣе благоустроенные земскіе соборы XVII столѣтія. По типу своему этотъ земскій соборъ есть нѣчто промежуточное между старымъ совѣщаніемъ широкаго состава и представительнымъ собраніемъ позднѣйшимъ.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, начиная нашу рѣчь о соборахъ соборомъ 1566 года, мы забываемъ знаменитый «соборъ» 1550 года, на которомъ Грозный искалъ примиренія между «землей» и боярами, собравъ «свое государство изъ городовъ всякого чину» и лично обѣщавъ народу правый судъ и оборону. Именно этимъ соборомъ прежде и начинали исторію земскихъ соборовъ на Руси. Въ особыхъ обстоятельствахъ созванія этого собора искали объясненія причинъ возникновенія соборовъ вообще. Верховная власть искала будто бы въ земскомъ представительствѣ опоры противъ боярства съ его бюрократическими злоупотребленіями. Приведен-

*) В. О. Ключевскій въ «Русской Мысли» 1892, I, стр. 143; И. Н. Ждановъ въ «Истор. Вѣстникъ», 1880, II, стр. 302, и въ «Сочиненіяхъ» т. I, стр. 368.

ная Карамзинимъ рѣчь Грознаго, произнесенная земскому собору на Красной площади съ Лобнаго мѣста, въ сѣни хоругвей, въ окруженіи духовенства и бояръ, легла въ основаніе яркой психологической характеристики Грознаго, данной славянофилами. Вообще моментъ перваго обращенія царя къ народу въ 1550 году признавался столь важнымъ и знаменательнымъ, что даже попалъ въ учебники. Тѣмъ досадише необходимость разоблачить истину. Разсказъ объ обращеніи царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ находится всего въ одной лишь рукописи, въ такъ называемой Степенной книгѣ Андрея Хруцова, и составляетъ въ ней позднѣйшую вставку, сочиненную въ концѣ XVII вѣка или началѣ XVIII на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ пособій. Это—вымыселъ, которому нельзя вѣрить, потому что онъ произволенъ и даже не всегда искусенъ. Если тщательно разобратся въ обстоятельствахъ дѣла *), то слѣдуетъ прийти къ заключенію, что въ 1550 году не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ «землей» и никакой рѣчи на Красной площади къ людямъ «изъ городовъ всякаго чину». Гражданскія реформы, которыми были заняты тогда Грозный и о которыхъ онъ говорилъ Стоглавому собору, были обсуждаемы и рѣшаемы на совѣщаніяхъ стараго порядка съ «властями», боярами и «воиннами». Дѣятельность этихъ совѣщаній хорошо освѣщена въ талантливыхъ статьяхъ покойнаго проф. Жданова, который, не зная еще о подложности разсказа Хруцовой книги, тѣмъ не менѣе ставилъ знаменитую рѣчь Грознаго народу въ рядъ второстепенныхъ и несущественныхъ эпизодовъ преобразовательной дѣятельности Грознаго, и писалъ еще четверть вѣка назадъ: «До 1566 года мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе земскаго собора».

Итакъ, первый достовѣрный земскій соборъ—это соборъ 1566 года. Отъ него до насъ дошли «приговорный списокъ» съ именами участниковъ собора и съ изложеніемъ соборныхъ мнѣній и, кромѣ того, лѣтописная запись о соборномъ приговорѣ. Сопоставленіе обоихъ документовъ ведетъ къ точнымъ заключеніямъ о составѣ собора и его дѣятельности **). Созванъ былъ соборъ для того, чтобы обсудить желательныя и возможныя условія мира съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Въ составъ собора вошелъ освященный соборъ безъ митрополита («а митрополита у того приговора не было, что Оеонасей митрополитъ въ то время митрополию оставилъ»); духовные отцы этого собора подали особое отъ другихъ чиновъ мнѣніе «всѣ соборитѣ» и подписали соборный приговоръ, архіереи же сверхъ того приложили свои печати къ приговору. Затѣмъ въ составъ собора вошла государева дума («всѣ бояре»), въ коей сверхъ боярскихъ чиновъ поименованы государевы казначеи и дьяки. Отъ бояръ послѣдовало также особое по дѣлу мнѣніе. Далѣе въ составъ собора поименованы: «дворяне первая статья» (97 человекъ), «дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи» (99 человекъ), «Торопецкіе и Луцкіе помѣщики» (9 человекъ служилыхъ

*) Это сдѣлано въ статьѣ *И. Г. Васенка* «Хруцовскій списокъ Степенной книги» (въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1903, апрѣль).

***) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, I, № 192; Русская Историческая Библиотека, III, стр. 277—278.

людей изъ Торопца и Великихъ Лукъ), «діаки и приказные люди» (33 человекъ). Всѣ эти группы можно разсматривать, какъ представителей служилого класса. Наконецъ, на соборѣ были «гости и купцы и Смоленяне» (всего 75 человекъ), о которыхъ лѣтопись дважды выражается: «гости и купцы и *всѣ торговые люди*». Въ этой группѣ надлежитъ видѣть представителей торгово-промышленнаго класса, ставшаго наверху «тяглыхъ», то есть податныхъ слоевъ московскаго населенія. Еслибы этой послѣдней группы не значилось въ числѣ участниковъ собора, мы имѣли бы полное основаніе отнести соборъ къ числу совѣщаній стараго типа, въ которыхъ къ «властямъ» и думѣ присоединялись одни «воинны», то есть служилые люди. Только участіе въ совѣтѣ новаго элемента, «всѣхъ торговыхъ людей», выдѣляетъ этотъ совѣтъ изъ ряда предшествующихъ совѣщаній XV—XVI вѣковъ. Тѣмъ болѣе близокъ соборъ 1566 года къ старымъ соборамъ, что на немъ мы не видимъ *выборнаго* представительства; нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что земскіе представители явились на соборъ въ силу общественнаго выбора. Самыя обстоятельства той минуты, когда былъ созванъ соборъ, косвенно указываютъ на то, что какъ будто и не было времени требовать и ждать выборныхъ отъ провинцій. Соборъ собрался для обсужденія обстоятельствъ, которыя выяснились въ переговорахъ съ литовскими послами, прибывшими въ Москву. Переговоры происходили 17—25 іюня; соборъ состоялся 28 іюня; его приговоръ былъ составленъ 2 іюля; переговоры съ послами продолжались съ 5 іюля *). Въ такіе промежутки времени нельзя было и думать о созывѣ выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ государства. Очевидно, на соборъ были призваны, въ качествѣ земскихъ представителей, только тѣ дворяне и торговые люди, которые были, такъ сказать, подъ рукою, въ самой Москвѣ.

Однако, если на соборѣ не было выборнаго представительства, все-таки нельзя считать составъ собора случайнымъ. Вѣдь было же какое-нибудь основаніе, по которому изъ всей массы служилого люда, бывшаго въ Москвѣ, на соборъ позвали съ небольшимъ двѣсти человекъ, а изъ торгово-промышленнаго населенія Москвы всего 75 человекъ. Такое основаніе обнаружено и указано проф. Ключевскимъ. Не прибѣгая къ выборному началу въ устройствѣ представительства, московское правительство все же желало слышать голосъ «всѣя земли», и само позвало на соборъ совѣтниковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли представлять собою различныя мѣстности страны и разные слои населенія. В. О. Ключевскій приходитъ къ догадкѣ, что «дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и

*) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 71, стр. 336 и слѣд. (Посольство наповѣ Хоткевича и Тышкевича). Послы пріѣхали въ Москву 30 мая (стр. 316); переговоры начались 9-го іюня (стр. 353), но получили дѣловой характеръ не ранѣе 17-го іюня, когда бояре съ государемъ приговорили вести дѣло не къ вѣчному миру, а къ перемирію (стр. 377 и 380). Именно о возможныхъ условіяхъ этого перемирія и шла рѣчь на земскомъ соборѣ, какъ это видно изъ боярскаго отвѣта на соборѣ. См. М. Ключкова «Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г.» (въ «Вѣстникѣ Права», 1904, ноябрь); авторъ не совсѣмъ точно указываетъ на перерывъ переговоровъ до 12-го іюля.

къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ (ранѣе перевода на службу въ самую Москву)). Иначе говоря, человѣка, служившаго въ Москвѣ, звали на соборъ не просто, а потому, что онъ имѣлъ ту или иную связь съ какою-либо областью и могъ за нее представлять на соборѣ. Равнымъ образомъ изъ торгово-промышленнаго класса были позваны на соборъ, по словамъ В. О. Ключевскаго, «сосредоточенные въ столицѣ мѣстные капиталисты»; но это высшее столичное купечество, собранное въ Москву со всей страны, представляло на соборѣ всѣ низшіе слои своего класса, и московскіе и провинціальныя, почему лѣтопись и называетъ его «*всѣми* торговыми людьми». Мы не будемъ останавливаться на изложеніи того метода, которымъ проф. Ключевскій пришелъ къ своему цѣнному выводу, но отмѣтимъ, что этотъ выводъ даетъ намъ новую точку зрѣнія на соборъ 1566 года. Прежде этотъ соборъ считался неполнымъ въ томъ смыслѣ, что на немъ была представлена не вся земля, а столица да два-три провинціальныя города; зато бывшіе на соборѣ представители считались выборными, каждый отъ своего чина и мѣста. Теперь мы отрицаемъ присутствіе выборнаго начала на этомъ соборѣ, но признаемъ, что призванные на соборъ общественные представители были подобраны такъ, что представляли собою въ глазахъ правительства цѣлыя десятки уѣздовъ и городовъ и всѣ важнѣйшіе «чины» свободнаго населенія государства. Поэтому соборъ и можетъ почитаться «земскимъ», представляющимъ собою «всю землю». Только въ соборномъ представителѣ надлежитъ видѣть, по выраженію г. Ключевскаго, «не столько *уполномоченнаго* какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько *призваннаго* правительствомъ отъ такой корпораціи». «Соборъ 1566 года (продолжаетъ г. Ключевскій) былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства со своими собственными агентами». Въ этомъ отношеніи, прибавимъ мы, соборъ 1566 года совершенно походилъ на старыя совѣщанія XV—XVI вв., на которыхъ являлись въ качествѣ экстренныхъ совѣтниковъ представители мѣстной администраціи. Отличался же соборъ 1566 года отъ старыхъ совѣщаній тѣмъ, что имѣлъ общеземскій характеръ. Впервые мы видимъ на немъ опытъ представительства—хотя бы и своеобразный опытъ—за всю страну и за всѣ классы свободнаго населенія. Въ этомъ то и заключается важное значеніе собора 1566 г. въ исторіи земскихъ соборовъ.

IV.

Другихъ соборовъ такого же состава, какъ соборъ 1566 года, мы въ царствованіе Грознаго болѣе не видимъ. Зато можемъ указать, что старая форма совѣщаній «властей» съ «синклитомъ» не была забыта. Соборъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ 1580 года имѣлъ именно такую форму. Съ царемъ Иваномъ и съ царевичемъ Иваномъ митрополитъ Антоній «со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ» уложили свой приговоръ по дѣлу. Такое же соединеніе высшихъ учреждений, собора и синклита, произошло тотчасъ послѣ смерти Грознаго, когда его преемникъ, царь Θεодоръ и митрополитъ Діонисій 28 іюля 1584 г.

уложили, «чтобъ впередъ тарханомъ не быти» *). Для насъ важно отмѣтить, что вѣковой обычай «смѣстныхъ» засѣданій «властей» и бояръ по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ не былъ вытѣсненъ изъ жизни новою формою земскаго собора. Мы увидимъ, что въ XVII вѣкѣ значеніе этого вѣкового обычая какъ бы воскресло съ новою силою, и послѣ 1653 г. соборы «властей» и бояръ замѣнили собою вышедшіе изъ обычая земскіе соборы.

/ Съ другой стороны, намъ важно отмѣтить въ эпоху Грознаго существованіе еще одного типа совѣщаній, примѣненнаго при обсужденіи вопроса о лучшемъ способѣ обороны южной границы государства отъ набѣговъ татаръ. Извѣстно, что все лѣто 1570 года татары беспокоили южную Московскую Украину, и отношенія Москвы и Крыма испортились. Подъ вліяніемъ татарскихъ угрозъ Московское правительство поставило себѣ задачею «поустроить станицы и сторожи», то есть привести въ порядокъ и улучшить ту сѣть сторожевыхъ разъѣздовъ и неподвижныхъ наблюдательныхъ постовъ, которая давно была раскинута на южной украинѣ государства и оказывалась теперь не вполне состоятельной. Дѣло было поручено боярину князю М. И. Воротынскому. Въ началѣ января 1571 года онъ потребовалъ себѣ «прежніе списки» сторожевыхъ постовъ и разъѣздовъ и распорядился вызвать изъ южныхъ городовъ въ Москву опытныхъ въ сторожевой службѣ лицъ, «которые прежь сего ѣзживали (сторожить по украинѣ) лѣтъ за десять или за пятнадцать». Эти лица, «изъ всѣхъ украинныхъ городовъ дѣти боярскіе, станичники и сторожи и вожи, въ генварѣ, а иные въ февралѣ къ Москвѣ всѣ съѣхались». О нихъ было доложено государю, и онъ велѣлъ Воротынскому ихъ «распросити» и съ ними составить новый планъ сторожевой охраны границъ. Въ исполненіе этого приказа Воротынскій «съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и съ станичными и съ вожи (то есть съ проводниками)» въ февралѣ 1571 года постановилъ рядъ «приговоровъ», опредѣлявшихъ новый порядокъ сторожевой службы, мѣста расположенія наблюдательныхъ пунктовъ («сторожъ») и маршруты сторожевыхъ разъѣздовъ («станецъ»). Возникавшіе при этой технической работѣ административные вопросы передавались боярской думѣ, которая и разрѣшала ихъ своими «приговорами»**). Такимъ порядкомъ выработанъ былъ цѣлый сводъ правилъ украинной службы, цѣлесообразность которыхъ была оправдана дальнѣйшимъ ходомъ событій на украинѣ. Въ этой любопытной комиссіи знатоковъ пограничныхъ мѣстъ и сторожевой службы мы имѣемъ примѣръ обращенія правительства къ свѣдущимъ людямъ за техническими свѣдѣніями и совѣтомъ въ дѣлѣ ихъ специальности. Свѣдущіе люди, призванные въ Москву, дѣйствуютъ подъ руководствомъ боярина и находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи боярской думы. Попадаютъ они въ составъ комиссіи по выбору и указанію правительства, а не вслѣдствіе полномочій отъ мѣстныхъ корпорацій.

*) Собраніе Госуд. Граматъ и Договоровъ, I, № 200 и № 202. «Тарханы»—льготы, принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ въ сферѣ податей и повинностей.

***) Документы, относящіеся къ этому дѣлу изданы въ «Актахъ Московскаго Государства» т. I, (Сиб. 1890), №№ 1—14.

Итакъ, рядомъ съ новою формою народосовѣтія, земскимъ соборомъ, въ XVI вѣкѣ существовали старые «соборы» духовныхъ властей съ боярами и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ. Всѣ эти три вида совѣщаній перешли и въ XVII вѣкѣ. Ни въ одномъ изъ нихъ практика XVI столѣтія не выработала выборнаго представительства, и участники этихъ совѣщаній приходили на совѣтъ не уполномоченные тѣми земскими мірами, которые они иногда представляли въ глазахъ призвавшаго ихъ правительства.

Начало выборнаго представительства стало примѣняться въ московскомъ обществѣ только на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, а первые его твердые опыты заставило произвести Смутное время.

V.

Первыхъ представителей по выбору мѣстныхъ обществъ проф. Ключевскій видитъ на земскомъ соборѣ 1598 года, избравшемъ въ цари Бориса Годунова. Составъ этого собора г. Ключевскій признаетъ однороднымъ съ составомъ собора 1566 года по основанію представительства и значенію представителей, въ огромномъ большинствѣ призванныхъ, а не избранныхъ на соборъ. Но въ массѣ представителей, явившихся на соборъ въ силу своего должностнаго положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій, г. Ключевскій различаетъ группу дворянъ, названныхъ въ перечнѣ соборныхъ участниковъ общимъ наименованіемъ «изъ городовъ выборъ». Ихъ всего 34. Слово «выборъ» въ приложеніи къ служилымъ людямъ тогда могло значить не «выборные отъ городского дворянства», а «отборные изъ состава городскихъ дворянъ». Нѣкоторое число такихъ «отборныхъ» дворянъ призывалось въ то время изъ городовъ на постоянную столичную службу на срокъ до трехъ лѣтъ. Именно такіе «отборные», а не выборные, и могли разумѣться въ соборномъ спискѣ. Однако, проф. Ключевскій рядомъ соображеній приводитъ читателя къ выводу, что эти 34 человекъ «были выборные депутаты провинціального дворянства, а не провинціальные дворяне выборнаго чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они занимали въ минуту призыва». Можно признать этотъ выводъ за правильный, и тогда можно повторить за г. Ключевскимъ, что «присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI вѣка и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство». Но можно и усомниться въ томъ, что въ Москвѣ въ 1598 году, составляя соборъ изъ 500 человекъ по старому принципу должностнаго представительства, предоставили новое право быть выборными представителями всего трехъ десяткамъ провинціальныхъ дворянъ. Въ случаѣ такого сомнѣнія, придется отодвинуть возникновеніе выборнаго представительства у дворянъ всего на семь лѣтъ позднѣе. Интересъ, какой для насъ представляетъ въ настоящую минуту соборъ 1598 года, заключается не въ этомъ вопросѣ о порядкѣ представительства, а въ томъ, что изслѣдованіе В. О. Ключевского окончательно установило правильность органи-

Шаров.

Юаннь Грозный на соколиной охотѣ.

Три яроск гдася

зації земскаго собора 1598 года. Въ прежнее время историки (И. Д. Бѣляевъ, Н. И. Костомаровъ) съ легкимъ сердцемъ объявляли этотъ соборъ нгрушкою въ рукахъ Бориса и недостойною комедіей; теперь г. Ключевскій доказаль, что «въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтити никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ». Если вѣрить современнымъ сообщеніямъ о такой агитаціи, то надо, вмѣстѣ съ г. Ключевскимъ, сказать, что «подстроены были ходъ дѣла, а не составъ собора». Изъ недавно обнаруженныхъ матеріаловъ, польскихъ и нѣмецкихъ по преимуществу, относящихся къ избранію Бориса, стало хорошо видно, кто и какъ хотѣлъ вліять на ходъ дѣла въ 1598 году. Борьба за престолъ шла тогда главнымъ образомъ между Борисомъ Годуновымъ и Ѳеодоромъ Никитичемъ Романовымъ, и обѣ стороны одинаково упорно стремились къ власти и побѣдѣ; однако, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пытался нарушить законную форму собора*). Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, и съ значительной полнотою представительства, при чемъ на соборъ прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ та общественная среда, въ которой Борисъ имѣлъ популярность и которую поляки означали однимъ словомъ «поспольство» (простонародье) въ противоположность панству (боярству). Соборъ по характеру представительства былъ аристократическимъ и столичнымъ; такой его составъ, судя отвлеченно, слѣдуетъ признать мало благопріятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благопріятнымъ для него, чѣмъ для Романовыхъ. Правильно составленный земскій соборъ съ формальной стороны совершенно правильно отдалъ вѣнецъ Борису не потому, чтобы былъ подтасованъ въ своемъ составѣ, а потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить. Возможна различная оцѣнка политики собора, но невозможно сомнѣніе въ ея правомѣрности и въ правильности самого собора. А это очень важно для моральной оцѣнки изучаемаго нами учрежденія.

Кончая свою рѣчь о соборахъ XVII вѣка, В. О. Ключевскій осторожно замѣчаетъ, что «въ составѣ соборовъ XVI вѣка мало замѣтенъ выборный элементъ, *если* только онъ присутствовалъ». Первое прямое указаніе на его присутствіе, по мнѣнію г. Ключевского, относится къ 1605 году и читается у иностранцевъ, наблюдавшихъ московскіе порядки при Самозванцѣ. Здѣсь мы разойдемся съ г. Ключевскимъ въ томъ, что предпочтемъ неопредѣленнымъ указаніямъ иноземцевъ русское, и при томъ официальное свидѣтельство 1606 года. Оно таково. При Самозванцѣ, какъ извѣстно, были оказаны большія милости помѣстному дворянству: дворянъ по городамъ верстали землями и одѣляли деньгами «для его государева царскаго вѣнца (коронаціи) и многолѣтняго здоровья». Въ связи, очевидно, съ этимъ верстаньемъ весною 1606 года было послано изъ Москвы въ Деревскую пятину распоряженіе: «Велѣно дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ изъ

*) Обстоятельства избирательнаго періода 1598 г. изложены въ моей книгѣ «Очерки по исторіи смуги въ Московскомъ государствѣ» (глава III, § 3).

Деревскіе пятины выбрали дворянъ и дѣтей боярскихъ къ Москвѣ съ челобитными о помѣстномъ верстаніи и о денежномъ жалованьи, и бити челомъ государю царю и великому князю Дмитрію Ивановичу». Мы не знаемъ, состоялись ли выборы и ѣздили ли выборные въ Москву отъ Деревской пятины; не знаемъ и того, были ли вызываемы выборные изъ другихъ областей и предполагалось ли ихъ соединеніе въ Москвѣ въ одну коллегію. Но передъ нами безспорный фактъ: Москва требуетъ представителей отъ мѣстнаго дворянскаго общества и указываетъ порядокъ ихъ назначенія — общественный выборъ; для чего бы ни требовались эти лица въ Москву, они — выборные представители своего класса *). Вполнѣ возможно предположеніе, что такое требованіе выборныхъ отъ помѣстнаго дворянства случилось именно при Самозванцѣ по той причинѣ, что дворъ Самозванца былъ подъ сильнымъ вліяніемъ литовско-польскимъ. Какъ самъ Самозванецъ, такъ и его друзья, получившіе вліяніе въ Москвѣ, легко переносили на московскую почву литовско-польскія понятія. Какъ «дума» превратилась на ихъ языкѣ въ «раду», а «бояре» — въ «сенаторовъ» («ordo senatorum»), такъ дворянскій представитель получилъ въ ихъ глазахъ видъ земскаго посла, избираемаго шляхтою въ повѣтахъ и воеводствахъ для посылки отъ мѣстнаго сеймика на государственный сеймъ. Какъ шляхта изъ своей среды *выбирала* «людей бачныхъ и росторонныхъ» (разсудительныхъ и благоразумныхъ), такъ и дворяне должны были *выбрать* своихъ представителей для посылки въ Москву. Разумѣется, это лишь догадка; но она позволительна потому, что освѣщаетъ намъ нѣсколько тотъ кругъ понятій и идей, въ которомъ легче всего могла оформиться мысль о выборномъ порядкѣ служилаго представительства въ Московскомъ государствѣ **). Что касается до выборнаго представительства московскихъ тяглыхъ классовъ, то врядъ ли оно нуждалось въ примѣрѣ Рѣчи Посполитой. Выборное начало издавна процвѣтало въ общественной жизни московскихъ податныхъ общинъ. Можно не сомнѣваться, что присутствовавшіе на соборѣ 1598 года старосты и сотскіе купеческихъ и черныхъ сотенъ были мірскіе выборные люди; но они были избраны не для собора, а для веденія хозяйственно-податныхъ дѣлъ своихъ сотенъ; на соборъ же они попали, вѣроятно, по своимъ должностямъ, а не по особому мірскому полномочию. Въ Смутное время, вынужденныя къ самодѣятельности политическою безурядицею, тяглыя общины сами перенесли выборное начало изъ хозяйственной въ политическую сферу и создали представительство, которымъ и воспользовалась позднѣе государственная власть.

VI.

Переходимъ къ поворотному моменту въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ — къ Смутному времени.

*) Акты юридическіе, Спб. 1838, № 365. С. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, глава IV § 2 и примѣч. 101.

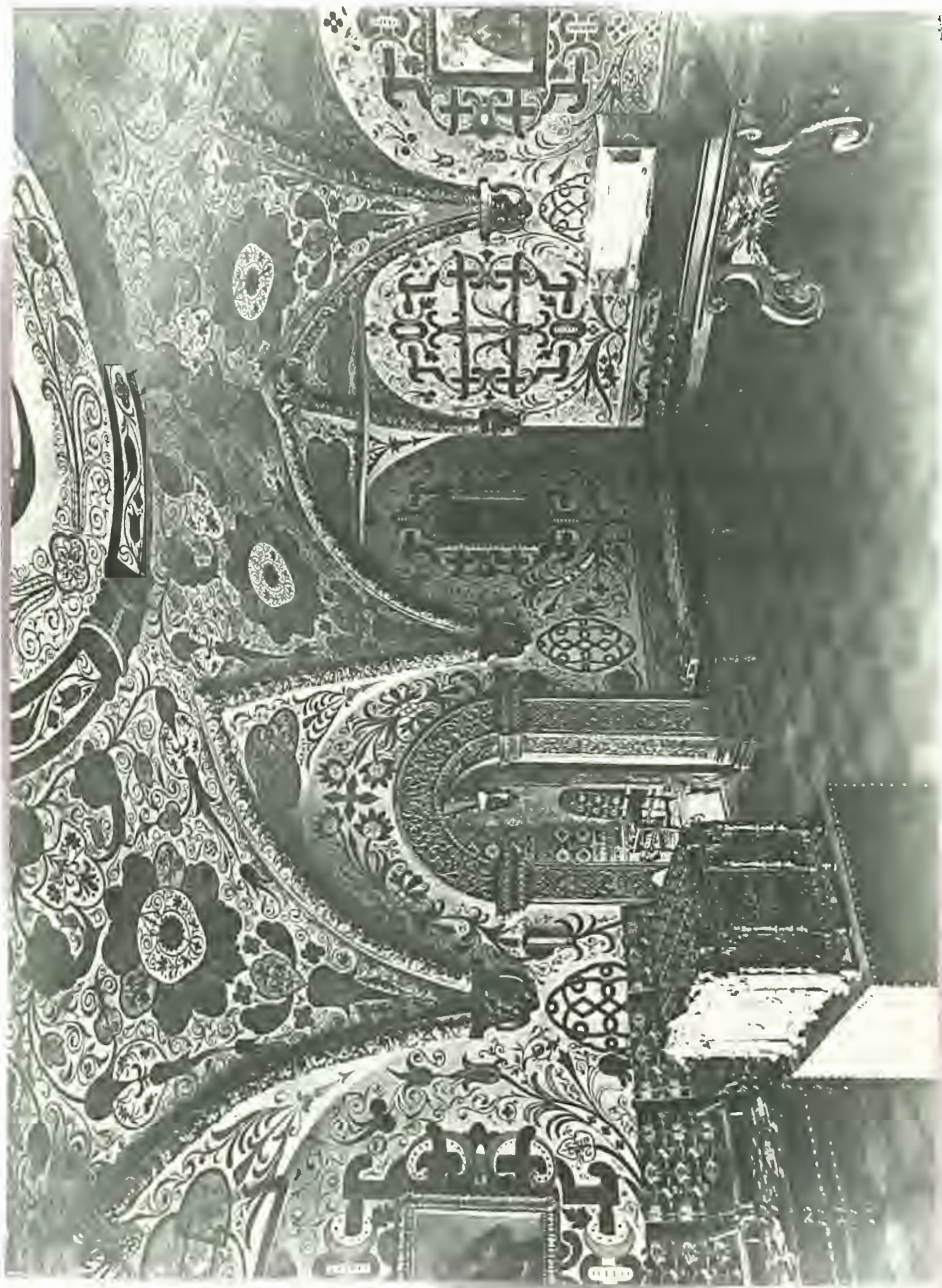
**) Выбираемые въ XVI вѣкѣ дворянами въ уѣздахъ «окладчики» не кажутся намъ представителями корпораціи: это эксперты, необходимые администраціи для точнаго учета служебныхъ силъ уѣзда, и только.

Въ Смутное время мы видимъ слѣдующіе земскіе соборы: соборъ стараго типа, созванный въ іюнѣ 1605 года для суда надъ Шуйскими, и намъ очень мало извѣстный; избирательный соборъ 1610 года, важный потому, что его хотѣли образовать по новому началу выборнаго представительства, «сослався съ городы»; собраніе ратныхъ уполномоченныхъ въ подмосковномъ лагерѣ 1611 года, почитавшее само себя за «совѣтъ всея земли»; соборъ въ нижегородскомъ ополченіи 1612 года и, наконецъ, избирательный соборъ 1613 года. Изъ этихъ пяти соборовъ нѣтъ нужды говорить о первомъ, повторившемъ, повидимому, образцы XVI вѣка; бесѣды же объ остальныхъ необходимо предпослать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Они помогутъ намъ уяснить себѣ, какимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ практика представительства въ странѣ могла сдѣлать столь значительные шаги впередъ и на соборѣ 1613 г. явилась уже съ большимъ развитіемъ.

Податное самоуправленіе «тяглыхъ» общинъ въ Московской Руси было «исконивѣчнымъ» явленіемъ. Князь налагалъ на общину общую сумму податныхъ платежей; разнести эту сумму по частямъ на отдѣльныя податныя хозяйства было дѣло самой общины. Изъ этого дѣла вытекала необходимость извѣстнаго мірскаго устройства, такого, которое бы позволило распределить податное бремя равномерно на всѣхъ членовъ общины и собрать во-время податныя взносы отъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Дѣлалось это посредствомъ выборныхъ «земскихъ старостъ», ведшихъ мірское хозяйство. Въ серединѣ XVI вѣка правительство Грознаго нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мірамъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: и полицію, и судъ, и финансы; если община просила о дарованіи ей самоуправления, правительство уже не назначало въ данную мѣстность своего намѣстника, а разрѣшало мѣстному населенію самому избрать изъ своей среды административный штатъ и самому вѣдать какъ податныя дѣла, такъ и судъ и администрацію въ своей волости. Размѣры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Такъ, Важская «земля», или Важскій уѣздъ, получившій въ 1552 году право самоуправления, охватывалъ бассейнъ р. Ваги, большого притока Сѣв. Двины. Этотъ старый «уѣздъ» соотвѣтствовалъ двумъ нынѣшнимъ—Шенкурскому и Вельскому, и дѣлился тогда на семь становъ. Дѣлаясь въ такомъ составѣ округомъ самоуправления, Вага получала право избрать двѣ коллегіи уполномоченныхъ «о всякихъ дѣлахъ земскихъ управа чинить»—одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уѣзда. Понятно, что каждый членъ такой коллегіи являлся въ ней какъ бы представителемъ той части уѣзда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномочила. Кругъ дѣлъ такихъ коллегій былъ очень широкъ, и «излюбленныя головы», «судейки» и «старосты» иногда превращались въ мѣстное представительное собраніе не только по текущимъ дѣламъ, но и по дѣламъ особымъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ намъ извѣстенъ случай, когда въ городѣ Устюгѣ собрались изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и составили челобитье государю о томъ, чтобы отдѣлить ихъ крестьянское самоуправленіе отъ городского и учредить всеуѣздную земскую избу отдѣльно отъ посадской избы города Устюга. Ихъ челобитье было удовлетворено, несмотря на противодѣйствіе горожанъ.

Если мы будем помнить, что такого рода земскія учрежденія существовали на всемъ московскомъ сѣверѣ и не только въ черныхъ (государственныхъ) тяглыхъ общинахъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и боярскихъ,—то мы поймемъ, что выборное начало было хорошо извѣстно московскому обществу. Нельзя поэтому удивляться той роли, какую стали себѣ усваивать земскія организаціи московскаго сѣвера въ Смутное время. Царь Василій Шуйскій, растерявъ въ борьбѣ съ Тушинскимъ вормъ свои обычныя воинскія средства, сталъ искать экстренныхъ и, между прочимъ, сталъ возбуждать къ дѣятельности сѣверное население, прося его своими силами отстаивать свои мѣста отъ тушинцевъ, а если будетъ возможно, то идти черезъ Ярославль на помощь Москвѣ. Здѣсь ясенъ расчетъ на дѣйствіе мѣстныхъ организацій; но еще яснѣе сказанъ этотъ расчетъ въ мѣропріятіяхъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго, посланнаго царемъ Васиіемъ въ Новгородъ за войскомъ. Изъ Новгорода, черезъ Каргополь и еще чаще черезъ Вологду, Скопинъ входилъ въ сношенія съ сѣверными тяглыми мірами отъ Перми до Соловковъ, посылалъ туда своихъ агентовъ, давалъ руководящія указанія и объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ее къ освобожденію Москвы отъ Тушина. Сѣверъ воодушевился. Изъ многихъ мѣстъ земскія рати, собранныя и снабженныя тяглыми общинами, становились подъ начальство излюбленныхъ міромъ «головъ», служилыхъ людей и неслужилыхъ, даже вдовыхъ поповъ, и шли на югъ, на бой противъ «воровъ». За ними оставались въ тылу, руководя походомъ и собирая новыя дружины и средства для борьбы, мірскіе совѣты или обычнаго состава, изъ старостъ и «лучшихъ людей», или же составленные особымъ порядкомъ. Въ Вологдѣ, которая по многимъ причинамъ получила значеніе одного изъ главныхъ центровъ земскаго движенія, образовался совѣтъ особенный совѣтъ. Зимой 1608—1609 года въ Вологдѣ собралось много иностранныхъ купцовъ и «все лучшіе люди, московскіе гости»; они ѣхали съ товарами и казною изъ Архангельска въ Москву и, не понавъ туда по причинѣ смутъ и осады Москвы тушинцами, зазимовали въ Вологдѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Василій приказалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды этихъ иноземцевъ и гостей: выборные отъ нихъ должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями «съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ».

Въ одной «думѣ», стало быть, сошлись представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, а не одни тяглые люди мѣстной податной общины. Двумя годами позднѣе, когда правительственный порядокъ въ странѣ исчезъ вовсе и области были предоставлены самимъ себѣ, такіе общесловные совѣты образовались по всеѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера. Они не только вѣдали оборону своего города, но стремились къ освобожденію Москвы отъ враговъ и вступали въ письменныя сношенія съ другими городскими мірами съ цѣлью достигъ общеземскаго согласія и устройства. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался ярославскій совѣтъ, граматы котораго, отлично написанныя, свидѣтельствуютъ, что ярославскій «міръ» считалъ себя въ ту минуту (1611 г.) средоточіемъ всеѣхъ сѣверныхъ областей. Изъ этихъ гра-

Крестовая палата в теменахъ.

матъ, подписанныхъ мірскими совѣтниками, мы видимъ, что въ ярославскомъ совѣтѣ участвовали люди всѣхъ сословій: духовенство, дворяне, посадскіе люди. Такъ было и въ другихъ городахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, всѣмъ міромъ, отъ архимандритовъ и воеводъ до стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, снаряжали гонцовъ къ патріарху Гермогену съ «совѣтными челобитными». Отъ всесловныхъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ же 1611 году городскіе міры усвоили обычай посылать «для добраго совѣта» въ другіе города своихъ представителей. Такъ, знаменитый рязанскій воевода Ляпуновъ послалъ въ Нижній «для договора» дворянина Биркина съ дякомъ, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, а въ Калугу—своего племянника съ дворянами. Изъ Казани на Вятку ѣздили послами сынъ боярскій, два стрѣльца и посадскій человекъ. Пермь отправила двухъ «посыльщиковъ» въ Устюгъ «для совѣту о крестномъ цѣлованьѣ и о вѣстехъ». Изъ Галича на Кострому «для добраго совѣта» прислали дворяне одного дворянина, а посадскіе люди одного посадскаго человека. Изъ Ярославля «отъ всего города» дворянинъ да посадскій человекъ посланы были въ Вологду. Изъ Владиміра въ Суздаль отравили «на совѣтъ» дворянъ и посадскихъ «лучшихъ» людей. Словомъ, посылка представителей, выбранныхъ мѣстными обществами, изъ одного города въ другой стала обычаемъ, и соединеніе въ одномъ всесловномъ «совѣтѣ» представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно вслѣдствіе исключительныхъ событій Смутной эпохи. Мѣстная самоуправляющаяся община съ своей выборной «земской избою» служила какъ бы основою, на которой возникалъ сначала всесловный совѣтъ «всего города», а затѣмъ совѣтъ и нѣсколькихъ городовъ, образуемый выборными всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, именно: духовенства, дворянства и тяглыхъ людей. На этой же основѣ возникъ и выборный «совѣтъ всея земли» — въ тотъ моментъ, когда совѣтные люди изъ городовъ соединились впервые въ общеземскомъ соборѣ. Произошло это не сразу, но очень скоро, въ 1610—1612 г.

VII.

Лѣтомъ 1610 года царю Василю Шуйскому, по старому выраженію, былъ «обрядъ»: его лишили власти и постригли въ монахи. На его мѣсто московскіе бояре желали избрать государя «всѣмъ за одинъ, всею землею, сослався со всѣми городами». Изъ Москвы въ іюль 1610 г. пошли въ города, даже самыя дальніе, грамоты съ приглашеніемъ прислать къ Москвѣ «изо всѣхъ чиновъ выбравъ по человеку» для избранія царя. Въ первый разъ мы видимъ такія призывныя грамоты, которыя требуютъ *выборныхъ* представителей отъ *всѣхъ* чиновъ для участія въ соборѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда, помимо всякихъ отвлеченныхъ соображеній о выборномъ принципѣ представительства (если только они были), на выборное начало указывала вся практика сѣверныхъ городовъ за послѣдніе годы, содѣйствовавшая освобожденію Москвы отъ Тушина. Но исключительныя обстоятельства той минуты помѣшали земщинѣ воспользоваться московскимъ

приглашеніемъ, и Москва, осажденная и поляками и Воромъ, не получила областныхъ представителей. Черезъ мѣсяць послѣ приглашенія выборныхъ, въ августѣ 1610 года, боярская дума свидѣтельствовала сама, что въ Москву «изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали». Между тѣмъ земскій соборъ былъ необходимъ боярамъ для того, чтобы утвердить избраніе предположеннаго «царя» Владислава Сигизмундовича. Тогда, повидимому, въ Москвѣ составили земскій соборъ старымъ порядкомъ: къ «властямъ» и думѣ присоединили московскихъ дворянъ и людей придворныхъ чиновъ, затѣмъ человекъ около 40 «дворянъ съ городовъ, которые служатъ по выбору» (какъ было на соборѣ 1598 года), и, наконецъ, выборныхъ отъ московскаго торговаго и тяглаго населенія. Соборъ оказался, по старымъ понятіямъ, правильнымъ и правомочнымъ. Поэтому московскіе послы къ Сигизмунду объ избраніи Владислава говорили, что Владиславъ избранъ не одними боярами, а «всѣми людьми». Они отказывались повиноваться приказамъ боярской думы, потому что бояре, по словамъ пословъ, «пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха и всего освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства». Послы же считали себя уполномоченными именно отъ всего земскаго собора: «а отъ однихъ бы бояръ (говорилъ кн. Голицынъ) я, князь Василій, и не поѣхалъ». Считая себя послами собора, старшіе послы, правя свое посольство подъ Смоленскомъ, собирали на совѣтъ къ себѣ прочихъ членовъ соборнаго посольства и во вражескомъ лагерѣ устраивали нѣчто въ родѣ маленькаго «совѣта всея земли», говоря литовско-польскимъ дипломатамъ, что они безъ общаго совѣта ничего не предпринимаютъ и не рѣшаютъ. Въ словахъ и поступкахъ соборнаго посольства мы впервые слышимъ отъ московскихъ людей признаніе непререкаемаго авторитета земскаго собора и свидѣтельство того, что въ безгосударное время не бояре и даже не патріархъ, а лишь «вся земля» и «совѣтъ всѣхъ людей» имѣетъ значеніе верховной власти. Съ тѣхъ поръ, говоря словами В. О. Ключевскаго, «о земскомъ соборѣ думаетъ каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него, какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка; среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и этотъ образъ не похожъ на земскій соборъ прежняго времени». Въ 1610 г. въ Москвѣ хотѣли, но не могли создать выборное представительство, «сослався съ городы». Въ 1611—1612 г. г. сами «городы» успѣли изъ знакомыхъ имъ формъ мѣстнаго выборнаго представительства создать выборный «совѣтъ всея земли» и передать въ его руки верховное руководство дѣлами страны.

Кандидатура королевича Владислава на московскій престолъ не удалась. Сигизмундъ не принялъ московскихъ условій, а московскіе люди не приняли его власти на иныхъ условіяхъ. Занятая польскимъ гарнизономъ Москва подверглась осадѣ со стороны земскихъ ополченій, желавшихъ изгнать «литву» и выбрать всею землею новаго государя. Со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ подходили отряды народныхъ войскъ, въ которыхъ группировались три общественныхъ слоя: во-первыхъ, московскіе люди стараго порядка, ранѣе державшіеся Шуйскаго, во-вторыхъ, ратные люди, тушинцы,

со смертью Тушинскаго вора потерявшіе предводителя и программу дѣйствій и, въ-третьихъ, казачьи скопища. Изъ многихъ вождей перваго слоя выдѣлялся Прокопій Ляпуновъ, второго—князь Дм. Т. Трубецкой, а третьяго—Заруцкій. Когда всѣ отряды московскаго войска установились подъ Москвою въ постоянныхъ лагеряхъ, «таборахъ», обжились и осмотрѣлись въ исключительной обстановкѣ осадной войны, то московскіе люди поняли, что имъ необходима какая-либо прочная организація. За осадною ратью была вся Русь, которая потеряла обычное свое правительство, плѣненное въ Москвѣ поляками, и которой надо было дать новые органы управленія. Ратнымъ людямъ мало было устроиться самимъ, но надо было «строить» и самую землю. Послѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, названные воеводы рѣшили общимъ совѣтомъ обдумать ратный и земскій порядокъ и собрали 29—30 іюня 1611 года въ своемъ ратномъ станѣ «всю землю». Приговоръ всей земли 30-го іюня и даетъ нѣкоторую возможность судить о томъ, что это былъ за ратный совѣтъ. Судя по тексту приговора, въ составъ совѣта вошли представители разныхъ частей подмосковной рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Но такъ какъ ратные отряды представляли собою свои города и уѣзды, то ратный совѣтъ почиталъ себя представителемъ не одного ополченія, но всей земли, и дѣйствовалъ за все государство, называя себя совѣтомъ всея земли и дѣлая постановленія общегосударственнаго характера. Онъ установилъ подъ Москвою новыя государственныя учрежденія, «приказы», административныя, финансовыя и судебныя, и сдѣлалъ рядъ распоряженій по служилому землевладѣнію и мѣстному управленію. Эти учрежденія и распоряженія упраздняли прежнее московское правительство, запертое въ осажденной Москвѣ, и отмѣняли всѣ признанныя неудобными, ранѣе дѣйствовавшія законоположенія. Словомъ, «совѣтъ всея земли» считалъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами всей страны и видѣлъ въ себѣ самомъ законнаго выразителя народной мысли и воли.

Однако, намъ нельзя видѣть въ этомъ совѣтѣ нормальнаго земскаго собора. Онъ состоялъ изъ ратныхъ людей, большинство которыхъ принадлежало къ служилому классу, и лишь нѣкоторая часть вышла изъ рядовъ городского и уѣзднаго податнаго класса, посланшаго подъ Москву свои дружины. Но эти представители городского населенія могли сами не быть горожанами и «мужиками», а всего вѣрнѣе, что въ огромномъ большинствѣ были тоже служилыми людьми, только «излюбленными», то есть выбранными въ «голова» къ тяглымъ ратамъ тяглыми людьми. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного упоминанія о выборныхъ тяглецахъ въ составѣ ратнаго собора 1611 года, и это даетъ намъ основаніе сказать, что земскіе представители на этомъ соборѣ, если и представляли оба сословія, служилое и тяглое, сами принадлежали только къ первому. О составѣ совѣта 1611 года какъ упоминается, такъ и самый приговоръ 30 іюня выражаются такъ: «всякіе служилые люди и дворовые и казаки»; о торговыхъ же и черныхъ людяхъ они ни разу не говорятъ. Стало быть, представительство на совѣтѣ далеко не было полнымъ и нормальнымъ. Кромѣ того, въ составѣ «совѣта всея земли» не вошли ни патріархъ съ властями, ни

боярская дума: патриархъ и бояре были затворены въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей теоріи, совѣтъ 1611 года никакъ не могъ именовать себя «всею землею» и почитаться за земскій соборъ. Если ратное совѣщаніе и усвоило себѣ право думать за всю землю и заботиться о всей землѣ, то, конечно, не потому, что представители рати считали себя земскимъ соборомъ нормальнаго состава, а потому, что имъ удалось соединить въ своемъ приговорѣ представителей очень многихъ мѣстныхъ всеословныхъ совѣтовъ, отъ которыхъ пришли подъ Москву городскія и волостныя рати. Однословный по составу *ратный* совѣтъ отражалъ собою *всесловные городскіе міры*, дѣйствовали по ихъ довѣрію, стремился обезпечить ихъ интересы, наконецъ, преслѣдовалъ общую народную задачу—освобожденіе Москвы. Чувствуя за собою общенародное довѣріе, а предъ собою общенародную цѣль, совѣтъ 1611 года съ увѣренностью въ правотѣ называлъ себя «всею землею» и законодательствовалъ за всю землю.

Судьба этой первой попытки всеземскаго единенія была, однако, очень печальна. Внутренняя рознь казачества и консервативныхъ слоевъ населенія погубила ляпуновское ополченіе. Служилые люди побѣжали изъ ополченія послѣ того, какъ Ляпуновъ былъ убитъ казаками, и казаки остались одни въ своихъ таборахъ подъ Москвою. Въ ихъ рукахъ оставалась правительственная организація, созданная приговоромъ 30-го іюня 1611 года; но казачьему правительству не желали повиноваться городскіе міры, хорошо узнавшіе разрушительность казачьихъ инстинктовъ и тенденцій. Въ городахъ искали новаго центра и новыхъ вождей, и когда изъ Нижняго Новгорода послышался призывъ къ новому единенію, онъ вызвалъ быстрое сочувствіе земщины. Въ Нижнемъ дѣло пошло обычнымъ въ то время порядкомъ. Воззванія патриарха Гермогена возбудили прежде всего городскую тяглую общину Нижняго съ ея выборнымъ старостою Козьмою Мининымъ во главѣ. Рѣшивъ собирать средства и людей «для московскаго очищенія», посадскіе люди передали дѣло въ прочіе слои нижегородскаго населенія. Въ городскомъ соборѣ протопопъ Савва и Мининъ объявили дѣло всему городу, и нижегородцы всѣмъ городомъ поручили устройство рати и организацію похода князю Пожарскому съ «товарищемъ» Биркинымъ (рязанскимъ посломъ въ Нижній) и дьякомъ Юдинымъ. Этотъ «приказъ» отъ имени всего Нижняго тотчасъ же, въ концѣ 1611 года, вступилъ въ сношенія съ окрестными городами и объявилъ имъ свою программу, состоявшую въ томъ, чтобы идти одинаково противъ поляковъ и противъ казаковъ и не повторять роковой ошибки Ляпунова, считавшаго возможнымъ союзъ съ казачествомъ. Отъ городовъ Пожарскій просилъ присылки средствъ и людей въ помощь нижегородцамъ. Люди требовались не только ратные: «для справки» (то есть, для соглашенія и устройства) и «для земскаго совѣта» Пожарскій просилъ города и волости прислать въ Нижній «дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изо всѣхъ чиновъ по человѣку». Съ самаго начала дѣла нижегородцы желали имѣть у себя всеословный «земскій совѣтъ», и мы знаемъ, что онъ образовался и началъ дѣйствовать, распространяя свое вліяніе и

Домъ царя
Волна нестиль.
Сопрениш. ра фид.

власть на весь тотъ районъ, который присоединялся къ нижегородскому движенію.

Такъ было въ началѣ дѣла. Когда же, весною 1612 года, Пожарскій отбилъ отъ казаковъ Ярославль и распространилъ вліяніе Нижняго на весь сѣверъ и Поволжье, то онъ сдѣлалъ центромъ своей рати именно Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ всего средняго Поволжья, а въ Ярославлѣ собралъ уже не мѣстный «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій соборъ. Въ началѣ апрѣля 1612 года изъ Ярославля пошла по городамъ грамота Пожарскаго и того «общаго совѣта», который при немъ находился. Въ грамотѣ, послѣ изложенія происшедшихъ событій и усвоенной ярославскимъ ополченіемъ программы, было приглашеніе поскорѣе прислать въ Ярославль «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписать за своими руками». Все государство приглашалось прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, «какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударственными». Пожарскій, видимо, не смѣшилъ идти подъ Москву и думалъ въ Ярославлѣ создать общеземское правительство и избрать государя, представляя своимъ врагамъ подъ Москвою, полякамъ и казакамъ, истощать свои силы въ долгой борьбѣ. Призывъ Пожарскаго не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ, на самомъ дѣлѣ, сформировался соборъ правильнаго состава. Интересны свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, къ сожалѣнію, только косвенныя и приблизительныя: точныхъ данныхъ нѣтъ, потому что документовъ отъ практики собора 1612 г. не сохранилось. Разумѣется, освященнаго собора въ его правильномъ и полномъ составѣ тогда собрать было нельзя: патріархъ Гермогенъ уже умеръ, а старшіе митрополиты были въ плѣну, новгородскій—у шведовъ, а ростовскій—у поляковъ. Однако, въ Ярославлѣ непремѣнно хотѣли имѣть освященный соборъ и создали его такимъ порядкомъ, что призвали въ Ярославль бывшаго на покоѣ стараго ростовскаго митрополита Кирилла и при немъ составили духовный совѣтъ. Сносаясь по важнѣйшимъ дѣламъ съ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, этотъ духовный совѣтъ вѣдалъ церковное управленіе и именовалъ себя «священнымъ соборомъ». Въ этомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, не было узурпаціи: въ 1563 году, напримѣръ, при взятіи Полоцка, въ рати Грознаго, бывшаго тамъ коломенскаго владыку Варлаама съ состоявшимъ при немъ духовенствомъ тоже называли «освященнымъ соборомъ». Точно также не могло быть въ Ярославлѣ нормальной боярской думы, «всѣхъ бояръ», такъ какъ «всѣ бояре» сидѣли съ поляками въ Москвѣ, но и они уже не считались законнымъ «синклитомъ». Однако, въ Ярославлѣ хотѣли имѣть и синклитъ. Въ рати Пожарскаго были два лица съ боярскимъ саномъ: В. П. Морозовъ и князь В. Т. Долгорукій. Съ ними вмѣстѣ въ высшемъ административно-военномъ совѣтѣ Пожарскаго дѣйствовали старшіе ратные предводители. Это и былъ «синклитъ», который называли тогда опредѣленными терминами: «бояре и воеводы», «начальники». Начальники и замѣняли собою «бояръ всѣхъ». Къ этимъ двумъ постояннымъ органамъ ярославскаго правительства, то есть къ митрополиту Кириллу со властями (освященный соборъ) и Пожарскому съ начальниками

(синклитъ) были присоединены выборные земскіе представители служилаго и тяглаго сословія,—и получился полный земскій соборъ. Онъ самъ считалъ себя «совѣтомъ всея земли»; на его «приговоры» опиралась исполнительная власть въ ополченіи; его почитали верховнымъ правительствомъ не только русскіе города, шедшіе за земскимъ ополченіемъ, но и иностранцы, именно шведы, начавшіе изъ занятаго ими Новгорода переговоры съ Пожарскимъ и «московскими чинами» (die Musscowitischen Stände).

Такъ впервые въ Московскомъ государствѣ былъ осуществленъ земскій соборъ на началѣ выборнаго представительства. Это начало было воспитано Смутнымъ временемъ, тою самодѣятельностью мѣстныхъ міровъ, которая развилась вслѣдствіе паденія государственнаго порядка. Съ уничтоженіемъ привычнаго правительственнаго строя, самую силою вещей въ важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ на замѣну приказной власти являлось мірское полномочіе и довѣріе, и вмѣсто приказнаго человѣка дѣйствовалъ мірской выборный человѣкъ. Когда мѣстные міры успѣли соединить свои силы въ одномъ общемъ порывѣ къ возстановленію народной независимости и государственнаго порядка, ихъ выборные люди соединились въ «общій совѣтъ», дѣйствовавшій уже за «всю землю». Вверху этого совѣта былъ, «по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства», стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій, съ нимъ рядомъ «выборный человѣкъ всею землею» Козьма Мининъ, а внизу—простые «изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ» выборные люди. Эти излюбленные люди и государя желали избрать всею землею, «кого намъ Богъ дастъ».

VIII.

Однако, Ярославскому собору не пришлось избрать государя, и «царское обирание» совершено было уже другимъ земскимъ соборомъ послѣ «московскаго очищенія». Освободивъ Москву, отогнавъ далеко одну часть казаковъ и добившись подчиненія другой, временное правительство распустило выборныхъ ярославской сессіи и грамотами (до 15 ноября 1612 г.) созывало въ Москву «изо всякихъ чиновъ», «изо всѣхъ городовъ», «по десяти человѣкъ отъ городовъ» для «государственныхъ и земскихъ дѣлъ», а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться «всякими людьми отъ мала и до велика». Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ общепринятая и вполне выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной грамотѣ, опредѣляется такъ. Священный соборъ включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя «выборными»,—знакъ, что они являлись на соборѣ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и которые втягивали духовенство въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ

земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. «Начальники» изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подѣ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но «начальники», очевидно, относились къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ. Одинъ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осадѣ сидѣли, «въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ города ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?» И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21 февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а «начальники», которые, по свидѣтельству современника, снова восхотѣли себѣ царя «отъ иновѣрныхъ» и въ этомъ разошлись съ земскими людьми, хотѣвшими избирать царя изъ своихъ. Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій. Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія; это — придворные чины, «большіе дворяне» и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ «договорами», то есть съ инструкціями избирателей и «съ выборами за всякихъ людей руками», то есть съ документами, удостоверяющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣленію, «изо всѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоянные люди». Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной грамотѣ Пожарскій просилъ, какъ мы видѣли, по десяти человекъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать «изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по сколько человекъ пригоже». Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной грамоты ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ — 238 подписей, а въ нихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ *).

Но это не есть точное число. Выборные подписывали грамоту одинъ за многихъ товарищей, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19-ти, а подписали грамоту всего 5 человекъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому думать, что число участниковъ собора, и въ частности выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что всего собор-

*) «Утвержденная грамота объ избраніи М. О. Романова», изданная въ Москвѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1904).

ныхъ людей могло быть до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ подписи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулось много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 г. Для того времени это очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территориальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 года самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей и тяглыхъ горожанъ, были еще «уѣздные люди». За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ— 11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ уѣздныхъ людей обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на Московскомъ сѣверѣ, какъ мы уже видѣли, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для остальныхъ мѣстъ, отъ которыхъ явились представители «уѣздныхъ людей», это сомнительно. За исключеніемъ Устюжны «Желѣзныя», во всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предполагать существованія свободныхъ отъ вотчинной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста Московскаго юга (Тула, Брянскъ, Новосиль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилаго землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исключавшихъ въ то время возможность развитія свободного крестьянскаго владѣнія и самостоятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣздахъ подъ «уѣздными людьми» надлежитъ разумѣть скорѣе всего низшіе разряды служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ, а обеспеченныхъ участками пахотной земли и угодьями внѣ городовъ. Осторожниѣе будетъ не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ соборахъ одинаково крестьяне не пользовались правомъ отдѣльнаго представительства и на всѣхъ соборахъ одинаково были представлены уѣздные люди. Представительство сѣверныхъ областей сливалось въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они иногда сливались и въ отношеніи податнаго самоуправления, а представительство южной половины государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ въ одну среду «всякихъ служилыхъ людей». Такое пониманіе дѣла кажется намъ единственнымъ возможнымъ.

Такъ опредѣлился составъ собора, избравшаго новую московскую династію. «Власти» и дума вошли въ соборъ цѣликомъ, какъ въ XVI вѣкѣ. Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то по старому порядку — на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство (съ низшими слоями служилаго люда) и городское податное населеніе (съ близкими къ нему слоями свободного сѣвернаго крестьянства) были привлечены къ участию въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избирав-

шее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ. Въ такомъ приблизительно видѣ земскіе соборы сложились и дѣйствовали въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича. Въ новой своей фазѣ они были продуктомъ тѣхъ условій, которыя образовались въ московскомъ обществѣ благодаря бурямъ Смутнаго времени и которыя измѣнили не только составъ соборовъ, но и ихъ политическое значеніе.

IX.

Политическое значеніе собора 1613 года заключалось не въ томъ одномъ, что онъ избралъ новаго государя, но и въ томъ, что онъ образовалъ новый порядокъ въ странѣ. На основаніи всего сказаннаго выше не трудно понять, что земскіе соборы 1612 года и 1613 года, Ярославскій и Московскій, были органами той общественной среды, которая сплотилась для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ, но и съ казаками, желавшими радикальнаго общественнаго переворота. Въ противоположность аристократическому слою боярства и демократическому слою казачества общественные слои, соединившіеся въ ярославскомъ ополченіи, представляли собою общественную середину, средніе классы, совершенно равнодушные къ кружковымъ стремленіямъ боярства и враждебные казачьему радикализму. Органомъ этихъ среднихъ классовъ и стали какъ Ярославскій соборъ въ ополченіи Пожарскаго, такъ и избирательный Московскій соборъ 1613 года. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвою и въ Москвѣ, освободивъ столицу и ставъ распорядителями дѣлъ въ государствѣ, средніе слои населенія стремились закрѣпить побѣду избраніемъ царя, который могъ бы стать внѣшнимъ символомъ ихъ единенія и торжества. Выразитель этихъ стремленій, земскій соборъ, въ отсутствіе большихъ бояръ успѣлъ отстранить кандидатуру иноземныхъ принцевъ на московскій престолъ, хотя «начальники» и хотѣли себѣ царя «отъ иновѣрныхъ». Равнымъ образомъ покончено было и съ самозванщиной, которая служила для казаковъ средствомъ узаконивать разрушительныя вождедѣнія. Соборъ избралъ *своего* царя изъ такого рода, который въ серединѣ XVI вѣка боярами-князьями назывался иногда «рабскимъ», но который въ то же время почитался стариннымъ «великимъ» московскимъ родомъ. Избравъ царя не отъ королей и князей, а отъ бояръ, соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, готовый въ немъ защищать свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны, избранный соборомъ, государь не видѣлъ возможности безъ содѣйствія собора править страной и унять «всемірный мятежъ» и даже не желалъ принимать власти и «идти къ Москвѣ», пока соборъ не достигнетъ прочнаго успокоенія государства. Выходило такъ, что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего авторитета, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшей солидарности, обращало государя и соборъ въ одну политическую силу,

боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Соборъ не стремился раздѣлить съ верховною властью ея прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; напротивъ, государь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможные неудачи. Такимъ образомъ, вопросъ о формальномъ опредѣленіи отношеній царя и собора не имѣлъ тогда поводовъ возникнуть, и мы лично совершенно не вѣримъ въ существованіе такъ называемой ограничительной записи, будто бы данной Михаиломъ боярству.

Правительственное значеніе земскаго собора было основаніемъ новаго порядка, возникшаго въ Московскомъ государствѣ послѣ Смуты. Первые шаги новой власти дѣлались не иначе, какъ «по совѣту всея земли», и официально и гласно признавалось, что важныхъ дѣлъ вообще нельзя было рѣшать «безъ совѣту всего государства». Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовые и податные, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательные— вотъ сфера дѣйствія «совѣта всея земли» при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. Въ первое десятилѣтіе его царствованія соборъ, повидимому, существовалъ непрерывно. Избравъ царя, соборъ 1613 года оставался при немъ до 1615 г. Въ концѣ 1615 г. была призвана новая сессія выборныхъ, дѣйствовавшая до 1619 г. Въ серединѣ 1619 г. самъ соборъ рѣшилъ созваніе новой сессіи представителей ему на смѣну, и эта новая сессія существовала въ Москвѣ до 1622 г. Повидимому, какъ ранѣе, въ XVI вѣкѣ, «изъ городовъ выборъ» (намъ уже извѣстный) командировался въ Москву на трехлѣтній срокъ, такъ въ первые годы царя Михаила выборные представители мѣстныхъ обществъ, замѣнившіе на соборахъ старый «выборъ», призывались въ Москву тоже на трехлѣтіе. Въ послѣдующее время, позднѣе 1622 года, непрерывности соборныхъ сессій не наблюдается, но соборы все-таки остаются весьма частымъ явленіемъ правительственной практики. У правительства какъ будто всегда находится подъ рукою контингентъ представителей «городовъ», и оно имѣетъ возможность въ короткій срокъ созвать ихъ на совѣщаніе хотя бы и по частному вопросу, случайно возникшему въ сферѣ внѣшнихъ сношеній или во внутренней жизни государства. При этомъ прежнее стремленіе возможно полнѣе устроить представительство областей къ концу царствованія Михаила какъ будто слабѣетъ. Такъ, въ началѣ 1642 г., при осложненіи отношеній съ турками и татарами, по вопросу о крѣпости Азовъ земскій соборъ созвали менѣе, чѣмъ въ недѣлю, и при этомъ обошлись безъ епархіальныхъ архіереевъ въ освященномъ соборѣ и безъ выборныхъ отъ провинціальныхъ посадовъ. Мало того, къ избранію представителей были призваны не мѣстныя общества въ ихъ полномъ составѣ, а лишь тѣ провинціальные дворяне, которые находились въ ту минуту въ Москвѣ. Правда, въ январѣ 1642 года въ Москвѣ по нѣкоторымъ причинамъ былъ значительный съѣздъ провинціальныхъ дворянъ; вѣроятно, этотъ съѣздъ и послужилъ основаніемъ для того, чтобы организовать выборы на соборъ въ самой Москвѣ. Меньшее напряженіе соборной дѣятельности къ

концу правленія Михаила Феодоровича и меньшая забота о полнотѣ представительства объясняются, конечно, общимъ успокоеніемъ государства. Внѣшнія войны были кончены, казачество перестало грозить государству, общественное благоустройство сдѣлало нѣкоторые успѣхи, и вмѣсто непрерывнаго ряда экстренныхъ усилій и тревогъ для правительства наступила будничная рутина, при которой не было уже побужденій непрерывно обращаться къ совѣту всея земли. Въ началѣ царствованія Михаила, въ періодъ наибольшей энергіи земскихъ соборовъ, они ни разу не пытались взять на себя инициативу въ законодательствѣ или политикѣ и всегда лишь отвѣчали на обращенный къ нимъ запросъ государя. Даже соборъ 1619 года, выработавшій замѣчательно стройную программу внутренней политики, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ подъ вліяніемъ и руководствомъ государева отца, патріарха Филарета и въ сущности лишь давалъ отвѣты на вопросы, поставленные «владительнымъ» патріархомъ. Этой неизмѣнною пассивностью соборовъ достаточно уясняется то обстоятельство, почему соборы, насколько мы знаемъ, не заявляли сами о желательности урегулировать сроки ихъ созыва тогда, когда власть перестала ихъ регулярно созывать, и дѣятельность соборовъ ослабѣла. Однако, предлагая правительству свой совѣтъ и свою помощь въ той мѣрѣ, въ какой оно ихъ желало, соборы всегда пользовались правомъ челобитій въ той мѣрѣ, въ какой они сами считали это нужнымъ для себя. Рутинная обстановка послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Михаила вела къ нѣкоторому забвенію тѣхъ повседневныхъ тяготъ и нуждъ, которыя угнетали сословную жизнь. На соборѣ 1642 г. сословные представители обнаружили эти тяготы и нужды съ полною откровенностью и указывали безъ обиняковъ на недостатки административнаго строя, отъ которыхъ терпѣло московское общество. Такимъ образомъ, не стремясь къ сохраненію исключительной роли постоянного правительственнаго органа — роли, усвоенной имъ Смutoю,—соборы не потеряли съ теченіемъ времени своего значенія «совѣта всея земли», служащаго точнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго настроенія этой земли.

Х.

Итакъ, при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ земскій соборъ былъ выразителемъ среднихъ слоевъ московскаго общества, а самъ Михаилъ былъ царемъ этихъ же среднихъ слоевъ, которые противопоставили его боярскому царю «иновѣрному» (Владиславу) и казачьему царенку самозванному («Маринкину сыну»). Служа выразителями одного и того же общественнаго элемента, царь и соборъ были въ неразрывномъ союзѣ противъ общихъ враговъ, пока эти враги имѣли силу и были опасны. Замиреніе государства дѣлало этотъ союзъ менѣе напряженнымъ и сознательнымъ. Въ правительствѣ, вокругъ государя, заново сформировался разбитый Смutoю «приказный», бюрократическій классъ; получивъ силу, онъ пользовался возможностью обходиться въ управленіи безъ «совѣта всея земли», злоупотреблялъ своимъ дѣловымъ вліяніемъ и незаконно обогащался. Недовольный администраціей, земскій людъ на соборахъ обличалъ ее, противопоставая свой земскій интересъ «московской волокитѣ». На счетъ администраціи относили земскіе люди мно-

гія существенныя нестроєнія своеі сословной жизни и били челомъ государю объ искоренєніи безпорядковъ и насильствъ со стороны «сильныхъ людей», т.-есть самоуправцевъ изъ дворцовой знати и приказныхъ дьяковъ. Жизнь разводила такимъ образомъ старыхъ союзниковъ, власть и земство, и иногда вела къ столкновєніямъ довольно остраго свойства.

При Михаилѣ Феодоровичѣ эти столкновєнія были словесными: (земщина посредствомъ заявленій («сказокъ») на соборахъ и подачи коллективныхъ челобитій просила охраны своихъ правъ и интересовъ. Со вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя дѣло стало серьезнѣе.

Царь Алексѣй былъ очень молодъ, неопытенъ и мягокъ для того, чтобы понимать дѣла и руководить ими. Около него образовалась такая клика дѣльцовъ, которая своимъ произволомъ и наглостью превзошла всѣхъ «сильныхъ людей» времени царя Михаила. Держась за сильнаго покровителя, «дядьку» царя, боярина Б. И. Морозова, эти приказные люди хвалились, что у нихъ вся Москва «въ рукѣ,»—и довели Москву до открытаго бунта. Морозовъ едва уцѣлѣлъ, остальные насильники погибли. За Москвою толпа и въ другихъ городахъ произвела безпорядки. Предъ царемъ Алексѣемъ стала задача—найти средство умиротворить общество и примирить его съ правительственною средою, съ которою оно разошлось. Трудно сказать, по чьей мысли было указано хорошее средство, состоявшее въ томъ, чтобы собрать, привести въ порядокъ и пересмотрѣть дѣйствовавшіе тогда законы.

Не распространяясь объ этомъ сложномъ сюжетѣ, можно опредѣлить значеніе намѣченнаго предпріятія такъ. Страна не имѣла тогда не только печатнаго текста законовъ, но и рукописнаго ихъ сборника. Сборникъ XVI вѣка, такъ называемый Судебникъ, устарѣлъ. Дополненія къ нему записывались по вѣдомствамъ («указныя книги» приказовъ) не въ системѣ, а въ хронологическомъ порядкѣ, и составляли достояніе однихъ канцелярій. Пробѣлы въ законахъ пополнялись не всегда правильнымъ порядкомъ, чрезъ указъ государевъ, а произвольнымъ примѣненіемъ подходящихъ статей Литовскаго статута, Кормчей или же приказнаго обычая. Эти источники права, можетъ быть, и доброкачественные, были такъ же невѣдомы населенію, какъ и указъ государевъ, сказанный въ думѣ и записанный для себя дьякомъ. Поэтому была настоятельная нужда дать законъ въ руки населенію, составивъ кодексъ и опубликовать его посредствомъ печати. Но одною кодификаціей дѣйствовавшаго права нельзя было тогда обойтись. Недовольное своеі обстановкою, общество въ челобитіяхъ просило улучшеній своего быта. Именно средніе классы населенія, на которыхъ тогда покоился государственный порядокъ, съ особенною настоятельностью указывали на желательныя имъ перемѣны. Служилый людъ желалъ равномернаго распредѣленія служебныхъ тяготъ и укрѣпленія своего имущественнаго положенія. Онъ жаловался на духовенство и знать, которыя отбирали у рядовыхъ служилыхъ людей ихъ земли и крестьянъ; онъ жаловался на администрацію, вносившую своимъ произволомъ безпорядокъ въ отправленіе служебъ дворянами; онъ жаловался, наконецъ, на крестьянъ, не сидѣвшихъ на мѣстахъ и подрывавшихъ своимъ уходомъ помѣщичье хозяйство. Сокращеніе земельвладѣльческихъ правъ духовенства и его исключительной подсудности; обу-

зданіе произвола «сильныхъ» людей, льготныхъ землевладѣльцевъ бояръ и безконтрольной администраціи, наконецъ, прикрѣпленіе крестьянъ — вотъ къ чему стремился служилый людъ. Тяглые черные люди, свободные обыватели посадовъ, желали того же въ своемъ быту, чего желали дворяне въ своемъ: равномернаго распредѣленія платежей и повинностей и укрѣпленія имущественнаго положенія. Они жаловались на духовенство и знать, которыя вторгались съ своими торгово-промышленными операціями въ посады и увлекали къ себѣ изъ тягла городскихъ людей и земли; они жаловались на администрацію, угнетавшую своимъ произволомъ общину; они жаловались, наконецъ, на свою же братью, недобросовѣстныхъ или малодушныхъ тяглецовъ, не сидѣвшихъ на своихъ тяглыхъ участкахъ и подрывавшихъ незаконнымъ уходомъ общинное хозяйство. Сокращеніе судебныхъ льготъ духовенства и земельныхъ захватовъ на посадахъ духовенства и знати, обузданіе произвола и злоупотребленій «сильныхъ людей», наконецъ, прикрѣпленіе тяглыхъ людей къ посадамъ и недопущеніе на посады крестьянъ и вообще постороннихъ тяглой общинѣ элементовъ,— вотъ къ чему стремились тяглые люди. Къ этимъ пожеланіямъ торговый классъ присоединилъ еще одно—уничтоженіе на русскихъ рынкахъ торговой конкуренціи иноземныхъ купцовъ. Полное соотвѣтствіе стремленій служилыхъ людей и тяглыхъ придавало имъ особую силу и заставляло серьезно подумать о созданіи въ законѣ такихъ нормъ, которыя могли бы на дѣлѣ обезпечить интересы средняго московскаго люда. Не трудно замѣтить, что эти новыя нормы, удовлетворяя общественную середину, должны были неизбѣжно направиться противъ общественныхъ вершинъ (духовенства и знати) и противъ общественныхъ низовъ (крестьянства и частновладѣльческихъ людей, боярскихъ и иныхъ «закладчиковъ»).

Такимъ образомъ правительству царя Алексѣя Михайловича предстояла не только кодификація, но и реформа. Ходъ ея былъ опредѣленъ такъ. 16-го іюля 1648 года государь съ освященнымъ соборомъ и думными людьми рѣшилъ вопросъ о кодексѣ: боярину князя Н. И. Одоевскому съ четырьмя помощниками было поручено собрать старый законодательный матеріалъ, тѣ «статьи», которыя «пристойны къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ», т. е. еще не утратили практической приложимости. Обнаруженные же въ старомъ законѣ пробѣлы предположено было пополнить «общимъ совѣтомъ», съ помощью земскаго собора, составъ котораго былъ тщательно обдуманъ. На соборъ къ 1 сентября 1648 года призывались выборные люди: отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей «изъ чину по два человѣка»; дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ по одному человѣку; гостей три человѣка; отъ гостиной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку. Въ такомъ видѣ составъ земскаго собора нѣсколько отличался отъ соборовъ болѣе раннихъ. Раньше придворные и столичные чины являлись на соборы въ большемъ числѣ и, повидимому, не по выбору. Въ 1642 г. впервые мы видимъ указаніе, что эта среда приглашалась выбрать своихъ представителей наравнѣ съ низшими

служилыми чинами; но желательное количество выборныхъ изъ этихъ «большихъ статей» указано было тогда значительно большее, чѣмъ отъ прочихъ. На соборѣ 1642 года и было выборныхъ отъ стольниковъ 10, отъ жильцовъ 12, отъ московскихъ дворянъ 22; провинціальныя же дворяне выбрали всего по 3—4 человѣка отъ города. Въ 1648 г. было рѣшено уравнять московскіе чины съ провинціальными дворянами въ отношеніи количества представителей, чѣмъ достигался, конечно, полный перевѣсъ провинцій надъ Москвою и рядового дворянства надъ высшими служилыми чинами. Въ то же время провинціальныя посады, не всегда представляемые на соборахъ, призывались всѣ къ участию въ «общемъ совѣтѣ», что также усиливало провинцію на соборѣ. Краснорѣчивы цифры, установленныя изслѣдователями: на 6 московскихъ выборныхъ дворянъ на соборѣ 1648 года было болѣе 150 провинціальныхъ и на 15 московскихъ гостей и тяглыхъ людей было не менѣе 80 посадскихъ изъ городовъ. Такое большое число мѣстныхъ представителей получилось потому, что къ представительству было приглашено и приглашеніемъ воспользовалось очень много городовъ и уѣздовъ: число представленныхъ городовъ на соборѣ 1648 года доходитъ до 120, если не болѣе.

Итакъ, подготовительная работа собранія законодательныхъ матеріаловъ была въ 1648 г. возложена на «приказъ» князя Н. И. Одоевскаго и велась канцелярскимъ порядкомъ; обсужденіе же новыхъ «статей» будущаго кодекса предоставлено было «общему совѣту», который созывался на 1 сентября 1648 года въ Москву. Приблизительно съ 1 сентября и началась дѣятельность земскаго собора. Соборъ былъ раздѣленъ на двѣ палаты. Одну составляли дума и освященный соборъ, съ которыми царь и патріархъ «слушали» законопроектъ Одоевскаго. Другую составляли всѣ выборные люди, сидѣвшіе въ Отвѣтной палатѣ дворца подъ предсѣдательствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. При чтеніи сдѣланнаго Одоевскимъ «собранія» выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіи дѣйствующаго закона и заявляли о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Заявленія выборныхъ, въ формѣ челобитій «всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли», восходили въ верхнюю палату, къ государю, а тамъ обыкновенно получали санкцію, послѣ чего и обращались въ новыя «статьи» закона, находившія себѣ мѣсто въ кодексѣ. Эти новыя статьи, ранѣе обнародованія ихъ въ составѣ законодательнаго сборника, публиковались въ видѣ особыхъ государевыхъ указовъ и обращались къ немедленному исполненію, такъ что земщина могла по нимъ слѣдить за ходомъ и направленіемъ законодательныхъ работъ. Къ 29 января 1649 года дѣло было окончено, и «Уложенная книга» была готова. Она получила названіе «Соборнаго уложенія», потому что была совершена соборомъ и скрѣплена подписями соборныхъ людей.

Нетрудно, конечно, догадаться, о чемъ просили выборные люди въ своихъ соборныхъ челобитныхъ. Мы видѣли, что главнымъ ихъ желаніемъ было упорядоченіе ихъ служебъ, повинностей и платежей и укрѣпленіе ихъ имущественнаго положенія. Стремясь къ этому, они били челомъ: объ уничтоженіи исключительной подсудности духовенства; о воспрещеніи ду-

ховенству приобрѣтать служилыя вотчины и объ отобраніи въ казну вотчинъ, приобрѣтенныхъ имъ съ 1584 года; о воспрещеніи духовенству и боярству (вообще льготнымъ землевладѣльцамъ) принимать въ закладъ тяглые участки въ городахъ и брать за себя тяглыхъ людей (закладчиковъ); о воспрещеніи духовенству и боярамъ селить на посадскихъ «выгонныхъ» земляхъ своихъ людей и ставить для нихъ подгородныя слободы; о прикрѣпленіи къ тяглымъ участкамъ посадскихъ людей и о запрещеніи имъ выхода изъ посадовъ въ другія сословныя группы; объ уничтоженіи срока давности для исковъ; о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, иначе говоря, о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, и наконецъ, объ уничтоженіи даннаго при царѣ Михаилѣ иноземнымъ купцамъ права льготнаго торговаго на внутреннихъ рынкахъ государства. Большая часть этихъ ходатайствъ имѣла значеніе для одного какого-либо сословія: для служилыхъ людей, или для тяглыхъ, или для торговыхъ; но обыкновенно «вся земля» поддерживала односословное ходатайство, и челобитье являлось отъ имени всѣхъ сословій. Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ слоевъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, «за себя стала» и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія «статьи», которыя бы дѣйствительно охраняли до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ. За исключеніемъ одного пункта (отобрание земель, приобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584—1648 гг.), всѣ остальные челобитья были удовлетворены государемъ и обратились въ статьи Уложения. Такихъ новыхъ статей на 1000 приблизительно статей Уложения насчитывается около 80; это можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе о напряженности законодательной энергіи соборныхъ людей.

Такова была побѣда среднихъ классовъ на соборѣ 1648 года. Отъ новаго закона они выигрывали, а проигрывали ихъ житейскіе соперники, стоявшіе наверху и внизу тогдашней соціальной лѣстницы. Какъ въ 1612—1613 г. средніе слои общества возобладали благодаря своей внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ и въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенія и дѣйствія и численному преобладанію на соборѣ. И всѣ участники «великаго земскаго дѣла», какимъ было составленіе Уложения, понимали важность минуты. Однихъ она радовала: тѣ, въ чью пользу совершалась реформа, находили, что наступаетъ торжество справедливости: «Нынѣча Государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ», писалъ одинъ дворянинъ другому: «и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ!» Нѣкоторые даже находили, что слѣдуетъ идти далѣе по намѣченному пути переменъ. Такъ, курскіе служилые люди были недовольны своимъ выборнымъ на соборѣ Малышевымъ и «шумѣли» на него, по одному выраженію, за то, что «у государева у Соборнаго уложенія по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ», а по другому выраженію, за то, что «онъ на Москвѣ розныхъ ихъ прихотей въ Уложеньѣ не исполнилъ». Но если одни

хотѣли еще больше, чѣмъ получили, то другимъ и то, что было сдѣлано, казалось дурнымъ и зловѣщимъ. Закладчики, взятые изъ льготной частной зависимости въ тяжелое государево тягло, мрачно говорили, что «ходить намъ по колѣно въ крови». По ихъ мнѣнію, общество переживало прямую смуту («міръ весь качается»), и обездоленной Уложеніемъ массѣ можно было покуситься на открытое насиліе противъ угнетателей, потому что этой массы будто бы всѣ боялись. Не одно простонародье думало такимъ образомъ. Патріархъ Никонъ подвергалъ рѣзкой критикѣ Уложеніе, называя его «проклятою» и незаконною книгою. По его взгляду, оно составлено «человѣкомъ прегордымъ», княземъ Одоевскимъ, несоотвѣтственно царскому указанію и передано земскому собору изъ боязни предъ мятежнымъ «міромъ». Онъ писалъ: «и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ (т. е. соборъ) былъ не по воли, боязни ради и междуособія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Разумѣется, Никона волновали иныя чувства, чѣмъ боярскихъ закладчиковъ. Въ большой запискѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренія государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы «ни въ чемъ же отмѣнно» и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патріарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же «ложнаго законодавца» Одоевскаго и междуособіемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ «указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ» и были допущены вопіющія нарушенія имущественныхъ и судебныхъ льготъ духовенства въ новыхъ законахъ, испрошенныхъ земскими людьми. Поэтому Никонъ не признавалъ законности Уложенія и не разъ просилъ государя Уложеніе «отставить», т. е. отмѣнить. Таково было отношеніе къ собору и его Уложенной книгѣ у самага яркаго представителя тогдашней іерархіи. Можемъ быть увѣрены, что ему сочувствовали и прочіе: реформа Уложенія колебала самый принципъ независимости и особенности церковнаго строя и подчиняла церковныя лица и владѣнія общегосударственному суду; мало того, она больно затрогивала хозяйственные интересы церковныхъ землевладѣльцевъ. Сочувствія къ ней въ духовенствѣ быть не могло, какъ не могло быть и сочувствія къ самому земскому собору, который провелъ реформу. Боярство также не имѣло оснований одобрять соборную практику 1648 года. Къ срединѣ XVI столѣтія изъ развѣянныхъ Смутою остатковъ стараго боярства, какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ «отечествомъ», успѣла сложиться новая аристократія придворно-бюрократическаго характера. Не питая никакихъ политическихъ притязаній, это боярство приняло «приказный» характеръ, обратилось въ чиновничество и, какъ мы видѣли, повело управленіе мимо соборовъ. Хотя новые бояре и ихъ помощники, дьяки, сами происходили изъ рядового дворянства, а иногда и ниже, тѣмъ не менѣе у нихъ былъ свой гоноръ и большое стремленіе наследовать не только земли стараго боярства, но и земледѣльческія льготы стараго типа, когда то характеризовавши собою удѣльно-княжескія владѣнія. Обработанные И. Е. Забѣлинымъ документы вотчинъ знаменитаго Б. И. Морозова*) вводятъ насъ въ точное разумѣніе

*) И. Е. Забѣлинъ. «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г.).

тѣхъ чисто государственныхъ пріемовъ управленія, какіе существовали во «дворѣ» и въ «приказахъ» Морозова. Вотъ эта то широта хозяйственнаго размаха, поддерживаемая льготами и фактической безотвѣтственностью во всемъ, и послужила предметомъ жалобъ со стороны мелкопомѣстнаго служилаго люда и горожанъ. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью («чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меншаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна») и этимъ становилось противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку провинціальныхъ міровъ. Притязанія этой сошки охранить себя посредствомъ соборныхъ челобитій отъ обидъ насильниковъ московская администрація свысока называла «шумомъ» и «разными прихотями», а шумѣвшихъ—«озорниками». Тенденція Уложенія и челобитья соборныхъ людей никакъ не могли правиться московской боярской и дьяческой бюрократіи.

Такъ, съ ясностью обнаруживается, что, созванный для умирненія страны, соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достигшіе своей цѣли, соборные представители провинціального общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ тяглу и къ помѣщику, стала протестовать «гилемъ» (т. е. безпорядками) и выходомъ на Донъ, готовя тамъ Разиновщину,—то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ.

XI.

Земскій соборъ 1648 года былъ самымъ полнымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ соборовъ при новой династіи. Почетно поставленные и обеспеченные казною на все время работъ въ Москвѣ, выборные люди привлекались иногда въ ряды московской администраціи не только для отдѣльныхъ порученій, но и на должности по мѣстному и центральному управленію. Имъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ почетомъ, оказывалось и довѣріе. Но въ то же время въ обстоятельствахъ собора 1648 года крылись уже причины быстрой развязки, конца соборовъ. Конецъ этотъ пришелъ такъ неожиданно, что позднѣйшему наблюдателю онъ можетъ показаться какъ бы переворотомъ въ правительственной системѣ.

Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый изъ нихъ занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ тогда шло очень острое броженіе. Два послѣднихъ были посвящены вопросу о присоединеніи Малороссіи. Послѣднее засѣданіе собора 1653 года происходило 1 октября,—и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались. Можно думать, что отъ нихъ московское правительство отказалось сознательно. Послѣ 1653 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ обратиться къ мнѣніямъ свѣдущихъ людей, въ Москвѣ созывали на совѣтъ уже не «всѣхъ чиновъ выборныхъ людей» а представителей только того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу. Такъ, въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ

гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежного и экономического кризиса. Въ 1672 году въ Посольскомъ приказѣ высшее московское купечество было привлечено къ обсужденію армянскаго торго шелкомъ; въ 1676 году тотъ же вопросъ былъ предложенъ гостямъ въ Отвѣтной палатѣ. Въ 1681—1682 годахъ въ Москвѣ были двѣ однословныя комиссіи: одна, служилая, занималась вопросами военной организаціи; другая, тяглая,—вопросами податного обложенія; обѣ были подъ руководствомъ одного предсѣдателя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились въ одну палату выборныхъ. Только однажды члены служилой комиссіи вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ и думою составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны мѣстничества; но это, конечно, не былъ земскій соборъ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать этотъ терминъ. Прибѣгая къ совѣту съ экспертами въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались спеціальныя свѣдѣнія, московская власть въ общихъ дѣлахъ, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась «соборомъ» властей и бояръ. Такъ, въ 1673 и 1679 годахъ экстренные денежные сборы въ виду войны съ турками были назначены приговорами освященнаго собора и думы. Ранѣе же такіе сборы назначались неизмѣнно земскими соборами. Словомъ, послѣ 1653 г. московское правительство систематически стало замѣнять соборы другими видами совѣщаній, на которые ему указывала традиція. Мы видѣли, что и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ и «соборы» властей и бояръ существовали еще до Смутнаго времени и были освящены еще большею давностью, чѣмъ выборные «совѣты всея земли». Признавъ послѣдніе нежелательными, легко обратились къ первымъ, видя въ нихъ не меньше смысла, но больше удобствъ и безопасности.

Однако, земскіе люди, замѣтивъ перемѣну въ отношеніи власти къ земскимъ соборамъ, не скрыли при случаѣ, что съ своей стороны они дорожатъ опальнымъ учрежденіемъ. Когда въ 1662 году, въ смутную пору тяжелаго денежнаго кризиса, московское правительство неоднократно звало на совѣтъ московскихъ гостей, людей гостиной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ и слободъ, то всѣ эти люди въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса предлагали созвать соборъ. «То дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ», говорили гости и торговые люди: «и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человекъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно». Черные люди просили того же: «О томъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей; а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей». Но судьба соборовъ была уже рѣшена, и великій государь соборовъ болѣе не созывалъ.

Послѣ сказаннаго нами нѣтъ надобности много говорить о причинахъ прекращенія соборовъ. Служа въ XVII вѣкѣ политическимъ органомъ среднихъ классовъ московскаго общества, соборы были сначала въ тѣсномъ единеніи съ монархомъ, который въ моментъ избранія своего самъ былъ

излюбленнымъ вождемъ тѣхъ же среднихъ классовъ. Дружное соправительство двухъ родственныхъ политическихъ авторитетовъ, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась отъ сословныхъ вліяній и пока вокругъ нея не сложилась придворно-аристократическая бюрократія. При первыхъ же признакахъ разлада между земскимъ представительствомъ и «сильными людьми», между нижнею и верхнею палатами земскаго собора 1648 года, правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и прибѣгаетъ къ другимъ видамъ совѣщаній, существовавшимъ издавна въ московскомъ обиходѣ. Земскому собору перестаютъ довѣрять, потому что связываютъ его дѣятельность съ тѣмъ «въ міру великимъ смятеніемъ», которое колебало государство въ 1648—1650 годахъ. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: начинается бюрократизація управления, торжествуетъ «приказное» начало, которому Петръ Великій далъ такое полное выраженіе въ своихъ учрежденіяхъ.

Такова была внутренняя причина паденія соборовъ. Не сомнѣваемся, что главнымъ виновникомъ перемѣны правительственнаго взгляда на соборы былъ патріархъ Никонъ. Присутствуя на соборѣ 1648 года въ санѣ архимандрита, онъ самъ видѣлъ знаменитый соборъ; много позднѣе онъ выразилъ свое отрицательное къ нему отношеніе въ очень рѣзкой запискѣ. Во второй половинѣ 1652 года сталъ Никонъ патріархомъ. Въ это время малороссійскій вопросъ былъ уже переданъ на сужденіе соборовъ. Когда же въ 1653 году соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, новыя дѣла уже соборамъ не передавались. Временщикъ и іерархъ въ одно и то же время, Никонъ не только пасъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ.

Очеркъ исторіи земскихъ соборовъ показываетъ намъ, что вопреки старымъ утвержденіямъ, будто бы соборы не пережили своей зачаточной формы, можно наблюдать въ жизни этого учрежденія извѣстное движеніе, ростъ и совершенствованіе. Въ первое время нашего знакомства съ соборами, въ 1566 году, соборъ является предъ нами какъ бы чрезвычайнымъ засѣданіемъ боярской думы, въ которое приглашены свѣдущіе люди, выбранные самимъ правительствомъ изъ лицъ, находившихся въ ту минуту въ столицѣ и принадлежавшихъ къ верхамъ двухъ основныхъ сословій страны, служилаго и тяглаго. Представительства, въ нашемъ обычномъ пониманіи этого слова, еще не существуетъ; его замѣняетъ правительственное приглашеніе. Провинціальное общество, если не считать дворянъ изъ Торопца и В. Лукъ, вовсе не представлено прямыми представителями. Исслѣдователямъ приходится пускаться въ ходъ все свое остроуміе для того, чтобы объяснить, почему подобнаго рода собраніе могло почитаться въ XVI вѣкѣ за совѣтъ всея земли. Прошло столѣтіе, и на своемъ закатѣ земскій соборъ предстаётъ предъ нами совѣмъ въ иной формѣ. Въ составѣ собора 1648 г. столица побѣждена провинціей и общественные верхи побѣждены общественною серединою. Прежде составъ собора опредѣлялся приглашеніемъ правительства, имѣвшимъ въ виду лишь столичныхъ обывателей, постоянныхъ и временныхъ. Позднѣе мы видимъ, что дворянскія уѣздныя общества и тяглыя

городскія общины путемъ правильныхъ выборовъ посылаютъ на соборъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ; и городъ Москва наряду съ провинціей посылаетъ отъ себя тѣмъ же порядкомъ избранныхъ въ его сословныхъ организаціяхъ представителей. Раньше на соборахъ бывали сотни москвичей и десятки «городовыхъ» людей; въ 1648 году мы видимъ на соборѣ сотни городовыхъ людей и десятки москвичей. Начало выборнаго представительства, выработанное въ буряхъ Смутнаго времени, привело къ тому, что соборы стали отражать въ себѣ, вмѣсто одной столицы, все государство. Съ нашей точки зрѣнія, устройство представительства было въ 1648 г. мало совершенно; сравнительно же съ XVI вѣкомъ оно сдѣлало громадныя успѣхи. Оно превратило земскіе соборы изъ вспомогательнаго правительственнаго совѣщанія въ политическій органъ среднихъ классовъ московскаго общества. Собственно говоря, одно учрежденіе какъ бы смѣнилось другимъ, хотя оба они и носили одно и то же имя «совѣта всея земли».

Въ томъ и въ другомъ своемъ видѣ, то есть и тогда, когда соборъ былъ правительственною комиссіей свѣдущихъ людей, и тогда, когда соборъ сталъ собраніемъ земскихъ уполномоченныхъ,—онъ игралъ роль по преимуществу совѣщательную. Руководство московскою правительственною практикою сосредоточивалось въ боярской думѣ. Одинаково при государяхъ и въ безгосударное время дума стояла во главѣ текущаго управленія; совѣтъ же всея земли былъ совѣщаніемъ экстреннаго порядка, въ которое обращались только дѣла чрезвычайной важности. Изъ своей пассивной роли совѣтника соборъ выходилъ лишь въ исключительныя минуты государственной жизни, когда ему усваивалась, можно сказать, верховная власть. Мы видѣли, что въ эпохи междуцарствія она принадлежала ему нераздѣльно; при новой династіи, въ важнѣйшіе моменты ея дѣятельности (мѣропріятія 1619 года, Соборное уложеніе, присоединеніе Малороссіи и т. п.), сами государи сливали свой авторитетъ съ авторитетомъ «всея земли». Но проходилъ исключительный моментъ, наступало затишье,—и соборы опять входили въ свою обычную роль совѣтника, ожидающаго призыва со стороны власти. Мы видѣли, чѣмъ объяснялась эта пассивность земскихъ соборовъ въ пору ихъ наибольшаго процвѣтанія и значенія. Соборы были органомъ тѣхъ же среднихъ общественныхъ классовъ, представительницею и выразительницею которыхъ была сама новая династія. Въ общей «разрухѣ» царь и соборъ представляли одну политическую сторону, были одною политическою силою, имѣли однихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это были не противники, готовые спорить между собою за власть, а союзники, готовые дружно защищать общее добро. Не ревнивый контроль, а спокойное довѣріе характеризовало ихъ взаимныя отношенія, и не желаніе верховодить, а стремленіе «заложиться» другъ за друга господствовало въ нихъ. Таковъ былъ историческій моментъ, длившійся, прибавимъ, недолго. Въ срединѣ XVII вѣка жизнь стала разводитъ друзей. Власть постепенно освобождалась отъ вліянія среднихъ слоевъ населенія, бывшихъ ранѣе ея поддержкою. Она видѣла въ себѣ руководительницу всего замиреннаго послѣ Смуты московскаго общества, представительницу всего государства. Задачи ея, естественно, становились болѣе ши-

роками и шли далѣе односторонней защиты интересовъ того или иного сословія. А соборы продолжали быть органомъ общественной середины и выразителями интересовъ именно среднихъ классовъ. Съ другой стороны, вокругъ государя постепенно образовалась «приказная», бюрократическая среда, своего рода «средостѣніе» между властью и обществомъ. Раздражаемая злоупотребленіями приказныхъ людей, земщина стала мѣнять тонъ на соборахъ; въ 1648—1649 гг. она явно стала противъ «сильныхъ людей», и въ борьбѣ съ ними инстинктивно потянулась къ тому, что называется законодательною инициативой. Пассивный прежде совѣтникъ теперь становился неудобнымъ для приказно-бюрократическихъ круговъ и потому былъ очень скоро устраненъ. Стало быть, какъ въ отношеніи состава, такъ и въ отношеніи политической роли, исторія соборовъ представляетъ картину быстрыхъ переменъ. Будучи собраніемъ чиновниковъ (правительственныхъ агентовъ, какъ выражается В. О. Ключевскій) въ началѣ своей дѣятельности, соборъ затѣмъ является собраніемъ земцевъ правительственной партіи, а въ концѣ показываетъ возможность обратиться и въ оппозиціонную организацію.

Со всеѣмъ тѣмъ, какъ ни быстро мѣнялась фізіономія изучаемаго нами учрежденія, оно во всеѣхъ фазахъ своихъ признавалось всеѣми цѣннымъ и полезнымъ участникомъ московской государственной работы. Мы видѣли, какъ часто и охотно прибѣгала власть къ созыву соборовъ и какъ высоко ставился «совѣтъ всея земли» всеѣми временными правительствами Смутной эпохи. Соборы давали возможность власти точно узнать мнѣніе и настроеніе общества и достигъ увѣренности, что принятое на соборѣ рѣшеніе будетъ принято и исполнено всеѣмъ обществомъ. Для земщины соборъ былъ средствомъ довести до власти свои жалобы, нужды и желанія, «разсказать про неправды и разоренія», достигъ справедливости и порядка въ своей жизни. На соборѣ населеніе смотрѣло, какъ на лучшей свой органъ, безъ котораго нельзя было рѣшать важныхъ дѣлъ, «великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно», какъ выражались наши предки. Какъ средство общенія власти съ управляемымъ обществомъ, соборы сослужили Москвѣ большую службу. Московскій государственный порядокъ, изъ котораго ведетъ свое начало новая Россія, былъ созданъ и укрѣпленъ, послѣ ужасной смуты начала XVII вѣка, болѣе всего авторитетомъ земскаго собора.

Таково значеніе и заслуги московскаго «совѣта всея земли». Отвѣчая потребностямъ и условіямъ своей эпохи, этотъ совѣтъ былъ движущимъ началомъ московской исторіи. Для насъ, съ нашими злобами дня, онъ только любопытный архаизмъ. Оживить его ветхія формы невозможно, какъ невозможно возстановить сословную жизнь Московской Руси. Но изучать старыи «совѣтъ всея земли» намъ очень полезно: для разрѣшенія вѣковой проблемы объ идеальномъ отношеніи власти и народа онъ даетъ наблюдательно цѣнный и свѣтлый матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что наши предки умѣли находить отвѣчавшія потребностямъ ихъ времени формы «общаго совѣта» и совершенствовать ихъ сообразно съ успѣхами своей общественности.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА.

	Стр.
В. П. Пичета. Вы́шняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ	5
Проф. В. М. Довнаръ-Запольскій. Московскіе гуманис-ты и обскуранты	22
П. Г. Васенко. Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія	58
Проф. С. Ѡ. Платоновъ. Московскіе земскіе соборы	101

Петр Александрович

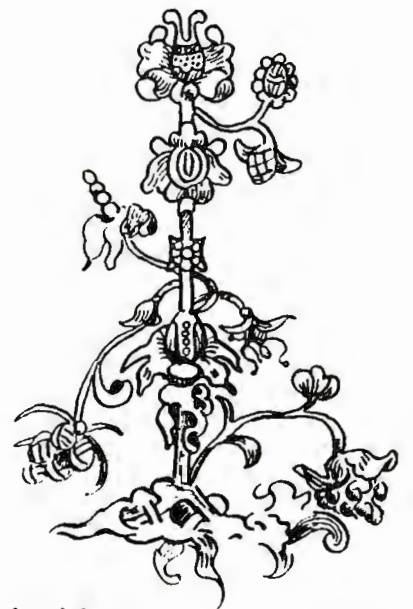
ОСѢВА

ВЪ ЕЯ

ПРОШЛОМЪ
И НАСТОЯЩЕМЪ.

ИЗДАНИИ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Ю. П. Айхенвалъвъ, г-ръ Н. П. Баженовъ, С. К. Богоявленскій, пр.-доц. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, акад. А. Н. Веселовскій, В. Е. Вѣтринскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, П. Э. Грабаръ, пр.-доц. Н. В. Давидовъ, А. К. Джигалеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. Р. Зоммеръ, П. П. Пнатовъ, В. В. Каллашъ, пр.-доц. А. А. Кизеветтеръ, пр.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князковъ, проф. Л. Г. Коноваловъ, проф. М. К. Любавскій, членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, А. П. Новицкій, проф. С. Э. Платоновъ, В. П. Пичета, инж.-арх. В. П. Рубановъ, пр.-доц. П. Н. Сакулишъ, проф. М. П. Сперанскій, пр.-доц. В. Н. Сторожевъ, ин. А. П. Сумбатовъ, Н. П. Тимковскій, директоръ Археол. инст. А. П. Успенскій, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, П. М. Шестаковъ, проф. Е. Н. Щенкинъ, П. Е. Эфросъ и м. др.

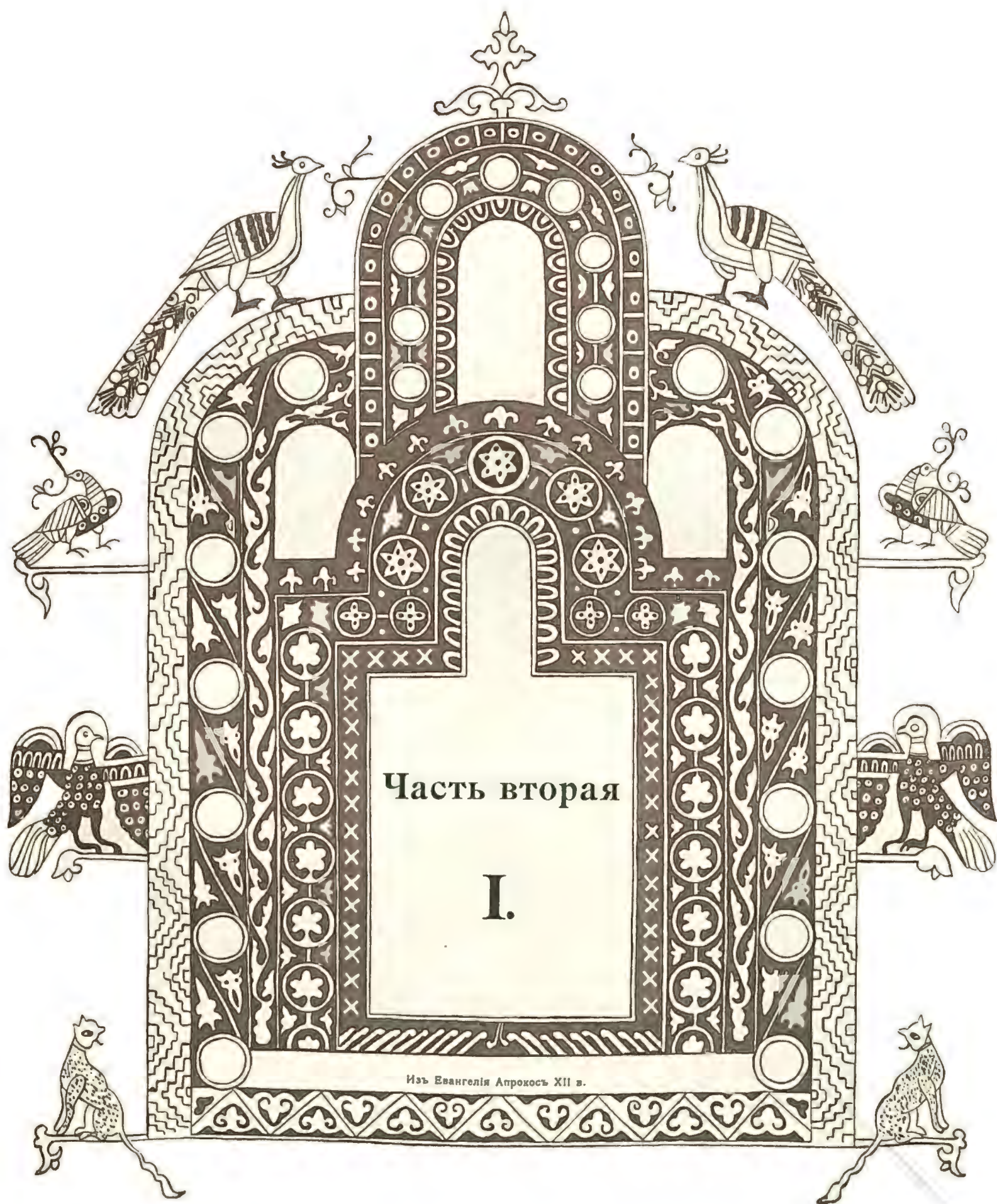
РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ИСТОРИКА МОСКВЫ **И. Е. ЗАБЪЛИНА.**

МОСКОВСКОЕ КНИЗДАТЪ ТОВАРИЩЕСТВО

„ОБРАЗОВАНИЕ“

Часть вторая

I.

Изъ Евангелія Апрохось XII в.

ДВОРЕЦЪ ВЪ С. АРХАНГЕЛЬСКОМЪ. ИМЪНІЕ ЮСУПОВЫХЪ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Псалтыря Суздальскаго монастыря XVI в.

Общій видъ и внѣшній ростъ Москвы за XVI— XVII вѣка.

В. В. Печасова.

ъ началѣ XVI в. Москва уже производила впечатлѣніе крупнаго города. Герберштейнъ говоритъ, что она—городъ довольно обширный и издали представляется еще обширнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что въ ней много незастроенныхъ мѣстъ подъ садами и огородами; еще болѣе увеличиваютъ городъ облегающіе его поселки служилыхъ людей и ремесленниковъ. Сорокъ пять лѣтъ спустя послѣ вторичнаго пребыванія Герберштейна въ Россіи, въ 1571 г. Москва была опустошена страшнымъ пожаромъ во время нашествія крымской орды, но, несмотря на это, въ концѣ XVI в. Флетчеръ могъ констатировать, что Москва была въ то время немного болѣе Лондона. Городъ не успѣлъ еще обстроиться послѣ пожара 1571 г., какъ вновь былъ почти выжженъ въ 1611 г., въ Смутное время. Слѣды разрушенія, произведеннаго этими двумя пожарами, долго не могли изгладиться, но Москва тѣмъ не менѣе продолжала производить попрежнему внушительное впечатлѣніе на посѣщавшихъ ее европейцевъ. Рейтенфельсъ, видѣвшій ее въ началѣ 70-хъ гг. XVII в., заявляетъ, что она славится «почти громаднѣйшими» размѣрами и должна быть отнесена къ числу величайшихъ городовъ на земномъ шарѣ.

Приведенные отзывы о Москвѣ важны уже потому, что они исходятъ отъ людей, подступавшихъ къ ней съ европейскимъ масштабомъ, и основаны на непосредственномъ впечатлѣніи. Но за XVI и XVII вв. мы обладаемъ и цифровыми данными, характеризующими размѣръ территоріи и населенность Москвы. Герберштейнъ со словъ москвитянъ сообщаетъ, что при вел. князѣ Василии Ивановичѣ было переписано въ Москвѣ болѣе

41500 домовъ. Ту же цифру находимъ у Флетчера. Но Герберштейнъ сопровождаетъ свое сообщеніе оговоркою, что такое число домовъ едва ли вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, грандіозный пожаръ 1571 г. долженъ былъ значительно понизить это число; и дѣйствительно, Поссевинъ насчитывалъ въ Москвѣ не болѣе 30 тыс. жителей. Въ теченіе XVII в. число московскихъ дворовъ должно было подвергаться значительнымъ колебаніямъ въ связи съ разореніемъ города въ Смутное время и усиленнымъ ростомъ населенія при первыхъ царяхъ изъ династїи Романовыхъ (по явно преувеличенному подсчету Рейтенфельса въ Москвѣ было болѣе 600 тыс. жителей). Отрывочныя статистическія данныя за этотъ вѣкъ не даютъ намъ возможности прослѣдить на протяжении его исторію развитія Москвы, но итоги послѣдняго нашли себѣ вполне точное выраженіе въ результатахъ переписи московскихъ дворовъ, произведенной въ 1701 г.: во всѣхъ частяхъ города было насчитано 16358 дворовъ.

Точныя свѣдѣнія о размѣрѣ городской территорїи восходятъ ко второй половинѣ XVI в. О пожарѣ 1571 г. Горсей и Флетчеръ говорятъ, что имъ былъ истребленъ почти весь городъ, имѣвшій до 30 верстъ въ окружности; Горсей при этомъ вполне опредѣленно говоритъ о пожарѣ въ городѣ и предмѣстьяхъ, т. е. въ посадѣ и подгородныхъ слободахъ. Въ опредѣленіи размѣра площади Москвы сходится, въ сущности, съ англійскими писателями и Олеарій, который сообщаетъ, что, по словамъ московскихъ жителей, окружность лѣвобережной части города, до сожженія его татарами, равнялась 25 верстамъ или 5 нѣмецкимъ милямъ; размѣра замоскворѣцкихъ слободъ Олеарій не даетъ. Въ его время, т. е. въ 30-40-хъ гг. XVII в., городъ былъ почти вдвое меньше и имѣлъ по его расчету,—причемъ Замоскворѣчье, очевидно, опять не принимается во вниманіе,—3 нѣмецкихъ мили или 15 верстъ въ окружности. Иначе опредѣляетъ размѣры Москвы Мейербергъ (1661 г.), по показанію котораго окружность Москвы равнялась съ одной стороны 12 тыс. саж., а съ другой, замоскворѣцкой,—7 тыс.; такъ какъ версту Мейербергъ принимаетъ равной 1000 саж., то выходитъ, что Москва имѣетъ у него до 38 верстъ въ окружности. Разницу между показаніями Олеарія и Мейерберга можно объяснить тѣмъ, что послѣдній принималъ въ расчетъ не только Замоскворѣчье, но, по всей вѣроятности, и другія подгородныя слободы и села, которыя Олеарій не включаетъ въ составъ городской территорїи. Впрочемъ, и показаніе Мейерберга едва ли можетъ претендовать на безусловную точность: припомнимъ, что Камеръ-коллежскій валъ, охватившій (1752 г.) приблизительно ту самую территорію, какую Мейербергъ имѣетъ въ виду, простирается на 32 в. съ лишкомъ.

Въ 20-хъ гг. XVI в. территорія Москвы еще не имѣла, по словамъ Герберштейна, никакихъ опредѣленныхъ границъ. Каменная ограда окружала только московскую крѣпость—Кремль. Это исконное гнѣздо московскихъ властителей имѣло чрезвычайно важное значеніе не только для нихъ, но, порой, и для московскаго посада, жители котораго во время непріятельскихъ нашествій искали убѣжища въ стѣнахъ Кремля. Укрѣпленіе послѣдняго было тѣмъ болѣе настоятельной задачей для московскихъ вели-

кихъ князей, что они почти никогда не отваживались встрѣтить врага въ полѣ. Неудивительно поэтому, что уже въ 1367 г. на мѣстѣ прежней деревянной ограды былъ заложенъ каменный «городъ» (ограда) вокругъ Кремля. Этотъ городъ простоялъ до времени Ивана III, который воспользовался присутствіемъ въ Москвѣ итальянскихъ зодчихъ для того, чтобы замѣнить обветшавшія стѣны Кремля новыми, построенными по всѣмъ правиламъ европейской фортификаціи. Постройка совершилась въ 1485—1495 гг. Съ 1508 г., уже при сынѣ Ивана III Василии, началось рытье рва вдоль восточной стѣны Кремля между Неглинной и Москвой-рѣкой и устройство плотинъ на Неглинной. Ровъ былъ наполненъ водою, и съ этого времени Кремль оказался стоящимъ какъ бы на островѣ: съ двухъ сторонъ его обтекали рѣки, съ третьей—отдѣлялъ отъ посада каналъ, величиною не

Терема отъ церкви спаса на Бору. Съ гравюры Fr. Dürfeld (1796 г.).

уступавшій рѣкѣ. Рва давно уже нѣтъ, Неглинная течетъ теперь въ подземной трубѣ, но построенныя при Иванѣ III стѣны съ ихъ башнями и стрѣльницами сохранились, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ, до нашихъ дней.

Значительно позже, чѣмъ Кремль, получила ограду торговая часть московскаго посада, примыкавшая къ Кремлю съ восточной стороны. Только въ 1534 г. она была обнесена землянымъ городомъ, т. е. насыпью, скрѣпленною оплетавшимъ ее хворостомъ. Но уже въ слѣдующемъ, 1535 г. было приступлено къ замѣнѣ насыпи каменною стѣною, которую строилъ итальянскій мастеръ Петрокъ Малый. Новый каменный городъ вокругъ торговаго получилъ названіе Китай-города *). Стѣна сохранилась до нашего времени

*) Значеніе этого имени представляется спорнымъ. Снегиревъ (Москва, т. I, стр. XVII) полагаетъ, что «къ наименованію его (города) Китаемъ давали поводъ, прозвища св. Андрея Боголюбскаго, кievскій Китай и самая родина супруги великаго князя Василия IV Іоанновича Елены Китау-

почти цѣликомъ: сломаны только ея части, ближайшія къ Кремлю, т. е. съ одной стороны часть, пересѣкавшая теперешній проѣздъ у Историческаго музея, съ другой, противоположной, часть, замыкавшая проѣздъ отъ Москворѣцкаго моста къ рядамъ и церкви Василя Блаженнаго. Кромѣ того, уже въ XIX в. разобрана часть стѣны на мѣстѣ Третьяковскаго проѣзда. Въ стѣнѣ было пять воротъ: Неглинныя или Воскресенскія, Срѣтенскія (Никольскія), Троицкія (Ильинскія), Всесвятскія (Варварскія) и Москворѣцкія (Спасскія-водяныя); изъ нихъ не существуютъ теперь только послѣднія. Передъ Воскресенскими воротами былъ мостъ черезъ р. Неглинную.

Вслѣдъ за Китаемъ, въ 1586—1593 гг. былъ построенъ укрѣпленный городъ вокругъ части посада, облежавшей Кремль и Китай съ запада, сѣвера и востока, на мѣстѣ прежняго земляного вала, тянувшагося по линіи теперешнихъ бульваровъ. Строителемъ былъ русскій мастеръ Федоръ Конь. Воздвигнутый имъ бѣлокаменный городъ былъ прозванъ Бѣлымъ или Царевымъ (у иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, Царь-городъ); онъ далъ имя и той части посада, которую онъ опоясывалъ. Бѣлый городъ имѣлъ ворота: Чертольскія, переименованныя при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Дмитровскія, Петровскія или Неглинныя на Трубѣ, Срѣтенскія, Фроловскія или Мясницкія, Покровскія и Яузскія. Всѣ эти ворота показаны на планахъ Москвы XVII в., и память о нихъ сохранилась въ названіяхъ теперешнихъ площадей и перекрестковъ между бульварами. Въ части стѣны, примыкавшей съ запада къ Кремлю, были еще ворота Всесвятскія, показанныя только на планѣ Мичурина 1739 г.; о нихъ напоминаетъ въ наше время Всесвятская улица, ведущая къ Каменному мосту. Рейтенфельсъ, видѣвшій Бѣлый городъ въ 70-хъ гг. XVII в., говоритъ, что это была бѣлая, высочайшая и толстѣйшая стѣна. Она простояла до времени Екатерины II, по указу которой была разобрана; послѣдней была снесена въ 1792 г. башня у Арбатскихъ воротъ.

Въ 1591 г. была построена еще стѣна, опоясавшая московскій посадъ по линіи теперешнихъ Садовыхъ и улицъ, служащихъ продолженіемъ послѣднихъ въ Замоскворѣчѣ. Стѣна была деревянная, имѣла высокія башни и ворота, соответствовавшія воротамъ Бѣлаго города и носившія тѣ же названія (Яузскія ворота назывались также Таганскими); не было только воротъ Фроловскихъ. Въ Замоскворѣчѣ были ворота Калужскія и Серпуховскія. Вслѣдствіе необычайной скорости постройки стѣны, а по ней и опоясанная ею часть Москвы прозвалась Скорodomомъ или Скородумомъ, т. е. городомъ, скоро задуманнымъ и скоро построеннымъ. Въ 1611 г. стѣна была уничтожена пожаромъ. При Михаилѣ Федоровичѣ на мѣстѣ ея былъ устроенъ земляной валъ со рвомъ, и на валу поставленъ острогъ или частоколь изъ бревенъ. Это сооруженіе стало называться Землянымъ городомъ.

---

grad, Kitaugrad въ подольскомъ воеводствѣ». Забѣлинъ (Опыты изученія русск. древностей и исторіи, ч. II, стр. 155 пр.) сближаетъ имя *Китай* со словомъ *кита* или *кита*, которымъ называется веревка, свитая изъ травы, соломы или хвороста, и думаетъ, что этимъ именемъ ограда торговаго посада обязана своему первоначальному устройству.

ПАРКЪ ВЪ С. АРХАНГЕЛЬСКОМЪ. ИМѢНІЕ ЮСУПОВЫХЪ.

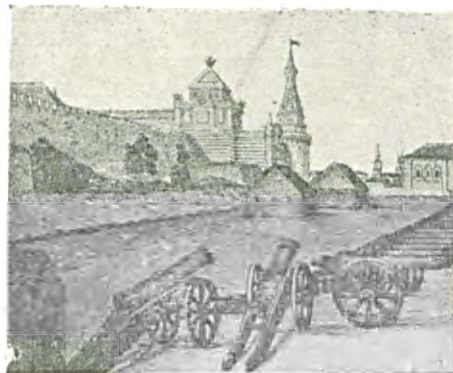

Такъ были постепенно отмѣчены стѣнами основныя линіи на планѣ Москвы. Но даже крайняя изъ этихъ линій не фиксировала окончательно границъ городской территоріи, которая продолжала расти за чертою Скородома. Мало того,—внѣ его стѣны, въ самый моментъ ея закладки, осталось нѣсколько поселеній, тяготѣвшихъ къ Москвѣ и сливавшихся съ нею въ бытовомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что сооруженіе стѣнъ диктовалось соображеніями, которыя почти не считались съ интересами городского быта. *Городъ* имѣлъ по преимуществу военное значеніе; это была линія укрѣпленій, постройка которой вызывалась потребностями обороны. Укрѣплялись стѣнами тѣ части Москвы, которыя въ данное время наиболѣе нуждались въ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ. Если Скородомъ не охватилъ всѣхъ поселеній, примыкавшихъ къ московскому посаду, то это нужно объяснить тѣмъ, что въ виду малой компактности нѣкоторыхъ изъ нихъ оборона ихъ во время сооруженія стѣны не признавалась очередною задачей. Съ теченіемъ времени, въ связи съ удаленіемъ отъ Москвы границъ государства, линіи московскихъ укрѣпленій потеряли значеніе, и городская территория продолжала расти, уже не замыкаясь въ ограды.

Мы видѣли, что Герберштейнъ объяснял впечатлѣніе обширности, производимое Москвою, разбросанностью городского поселенія, множествомъ садовъ и незастроенныхъ площадей среди городскихъ построекъ. Вслѣдъ за Герберштейномъ эту особенность Москвы отмѣтили и другіе иностранцы, писавшіе о Россіи. Несомнѣнно, что обиліемъ растительности въ значительной степени обуславливалась своеобразная красота панорамы Москвы, видимой издали. Постройки терялись среди садовъ, надъ которыми тамъ и сямъ возвышались главы множества церквей, а въ самомъ центрѣ картины красовался Кремль, представлявшійся въ тогдашней обстановкѣ гораздо болѣе грандіознымъ, чѣмъ въ наше время. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ Москвою впечатлѣніе рѣзко измѣнялось. Спутники Олеарія говорили: «снаружи городъ кажется Иерусалимомъ, а внутри онъ точно Вилеємъ», — Москва поражала европейцевъ своимъ деревенскимъ убожествомъ. Дѣйствительно, Москва была деревня громаднаго размѣра, хранившая въ своихъ стѣнахъ всѣ особенности великорусской деревни съ ея пренебрежительнымъ отношеніемъ къ удобствамъ жизни, съ ея почти органическимъ отвращеніемъ къ внѣшнему благоустройству.

Городъ былъ почти сплошь деревянный. Въ началѣ XVI в. каменныя постройки были наперечетъ: это были, кромѣ церквей въ Кремлѣ и на посадѣ,—послѣднихъ насчитывалось не больше 10-15,—палаты вел. князя и митрополита и четыре дома частныхъ лицъ въ Кремлѣ. Правда, въ теченіе XVI в. и особенно въ XVII в. каменное строительство, главнымъ образомъ церковное, сдѣлало большіе успѣхи. Рейтенфельсъ говоритъ, что

Красная площадь.

церкви въ Москвѣ, которыхъ онъ насчитываетъ до двухъ тысячъ, почти всѣ каменные. Въ его время попадалось немало и каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ боярамъ и иноземцамъ, не говоря уже о помѣщеніяхъ правительственныхныхъ учреждений. Но все же до самаго конца XVII в. громадное большинство городскихъ построекъ было изъ дерева, и преобладающимъ архитектурнымъ типомъ была изба. Такой домъ-изба обыкновенно стоялъ во дворѣ, иногда очень просторномъ, къ которому примыкалъ садъ или, вѣрнѣе, огородъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Этого типа жилья москвичи держались съ поразительнымъ, на нашъ взглядъ, упорствомъ, несмотря на страшные пожары, постоянно опустошавшіе деревянный городъ. Въ этомъ случаѣ сказывалась, конечно, присущая русскимъ и въ наше время косность, обусловленная отсутствіемъ потребностей, воспитываемыхъ культурой, но не слѣдуетъ забывать и того, что дерево все же было наиболѣе дешевымъ и сподручнымъ строительнымъ матеріаломъ: къ услугамъ погорѣльцевъ всегда были на лѣсномъ рынкѣ вполне готовые, срубленные дома, которые стоило только перевезти на погорѣлыя мѣста, чтобы обезпечить себя жильемъ до новаго пожара.

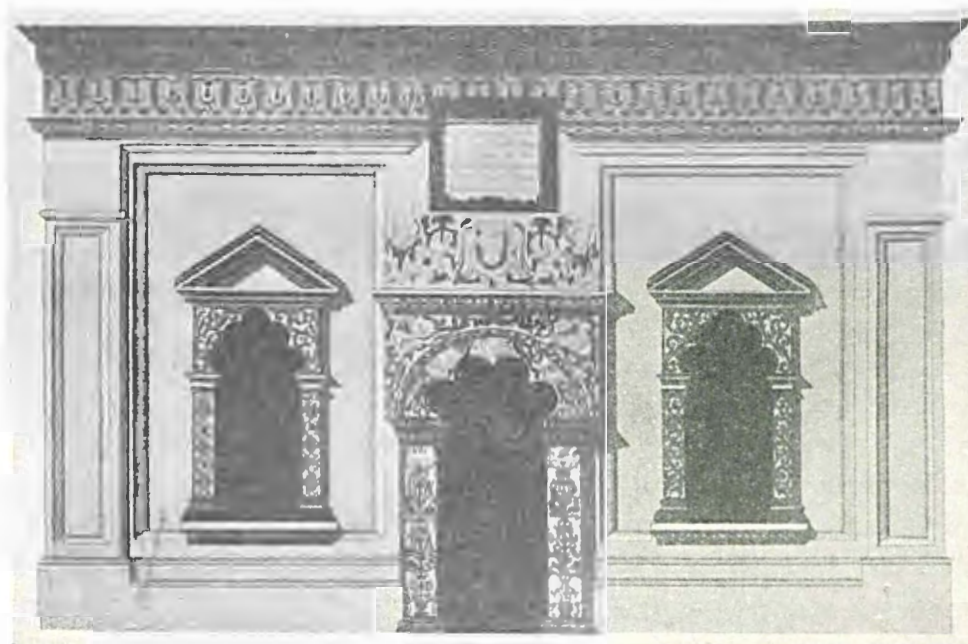
При размѣщеніи домовъ по улицамъ домовладѣльцы соображались только со своимъ вкусомъ или собственнымъ удобствомъ: всякій строился, гдѣ ему было сподручнѣе. Не рѣдко были дома, перегораживавшіе улицу своими углами, стоявшіе, какъ говорилось, «на вымлѣ», какъ бы на выступѣ. Проѣзды между домами поэтому имѣли обыкновенно самое прихотливое направленіе, которое къ тому же часто измѣнялось послѣ пожаровъ, при возобновленіи построекъ на выгорѣвшихъ улицахъ. Время отъ времени правительство пыталось регулировать московскія улицы, но эти попытки дѣлались безъ всякой системы и потому мало отражались на общемъ характерѣ городскихъ проѣздовъ. При Иванѣ III, около 1500 г., впервые были проведены двѣ болѣе или менѣе прямыя улицы въ Кремлѣ отъ Фроловскихъ и Никольскихъ воротъ къ соборамъ. При Федорѣ Ивановичѣ были установлены размѣры проѣздовъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, но послѣ пожара 1611 г. эти проѣзды оказались настолько застроенными, что правительство въ 1626 г. должно было вновь приступить къ обмѣру и регулированію ихъ. Вообще, болѣе или менѣе постояннымъ направленіемъ и извѣстною широтой обладали только улицы, соединявшія центръ съ окраинами и служившія цѣлямъ междугороднаго сообщенія. Всѣ же остальные улицы подвергались постояннымъ измѣненіямъ, и преобладающимъ типомъ проѣздовъ были кривоколѣнные переулки съ тупиками, ставшіе настолько хроническою особенностью плана Москвы, что выпрямленіе ихъ и въ наше время является задачей, еще ожидающей своего разрѣшенія.

О замощеніи городскихъ проѣздовъ заботились мало, и невылазная грязь на улицахъ была обычнымъ явленіемъ. Были, впрочемъ, и «мостовыя» улицы, замощенныя бревнами, иногда очень тонкими (колыями, по выраженію Рейтенфельса), которыя укладывались болѣе или менѣе плотно въ рядъ поперекъ проѣзда. Такія мостовыя до сихъ поръ можно видѣть въ болотистыхъ мѣстностяхъ на проселочныхъ дорогахъ. Въ Москвѣ эти мостовыя улицы едва ли были сноснѣе незамощенныхъ,—Рейтенфельсъ пишетъ,

что онѣ «постоянно покрыты грязью или толстымъ слоемъ пыли и бываютъ довольно гладки лишь зимою, когда снѣгъ и ледъ сравняютъ все». Улицы, по которымъ совершались обычныя поѣздки царя, устилались досками поверхъ бревенчатой мостовой.

Такое состояніе московскихъ улицъ обуславливалось въ значительной степени характеромъ мѣстности, на которой строилась Москва. О нивелировкѣ и дренажѣ населеніе старой Москвы не заботилось. Вырубался постепенно лѣсъ, покрывавшій территорію, на которой разрастался городъ, но самый рельефъ ея оставался нетронутымъ, благодаря чему сохранялись въ неприкосновенности все связанныя съ послѣднимъ особенности мѣстности.

Существенной чертой облика старой Москвы было обиліе церквей. Мы видѣли, что Рейтенфельсъ насчитывалъ ихъ до двухъ тысячъ. Олеарій

Деталь стѣны теремовъ (верхъ).

утверждаетъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, въ 1653 г. въ Москвѣ было болѣе 2000 церквей, монастырей и часовенъ; на этой цифрѣ онъ настаиваетъ во второмъ изданіи своей книги о Московіи въ виду того, что, когда въ первомъ изданіи имъ была показана меньшая цифра, 1500, онъ уже былъ заподозрѣнъ въ преувеличеніи. Изъ словъ Олеарія, впрочемъ, видно, что онъ включилъ въ счетъ и все домовыя церкви—или часовни, какъ онъ ихъ называетъ,—которыхъ было такъ много, что по одной приходилось на каждые пять домовъ; возможно, что именно эти церкви такъ повысили общій итогъ. Архидіаконъ Павелъ Алепскій (1655 г.) пишетъ, имѣя въ виду, вѣроятно, только приходскія церкви, что «въ Москвѣ есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ, бываетъ даже болѣе (одного праздника въ день)»,—слѣд. насчитываетъ болѣе 365 церквей. Эта цифра, надо полагать, близка къ дѣйствительности. Въ 1604 г. приходскіе поны, а въ лицѣ ихъ церкви, были распределены по *софокамъ*, и всѣхъ со-

роковъ установлено восемь,—значитъ, приходскихъ церквей считалось 320. Въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго приказа, составленныхъ въ 1627 г. и 1626 г. послѣ пожаровъ Смутнаго времени, показано въ Москвѣ за исключеніемъ Кремля 196 церквей. Въ дѣлахъ того же приказа 1670 г. однѣхъ ружныхъ церквей въ Москвѣ уже насчитывается 248. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ видно, что хотя число московскихъ церквей и колебалось, все же оно было постоянно очень крупнымъ.

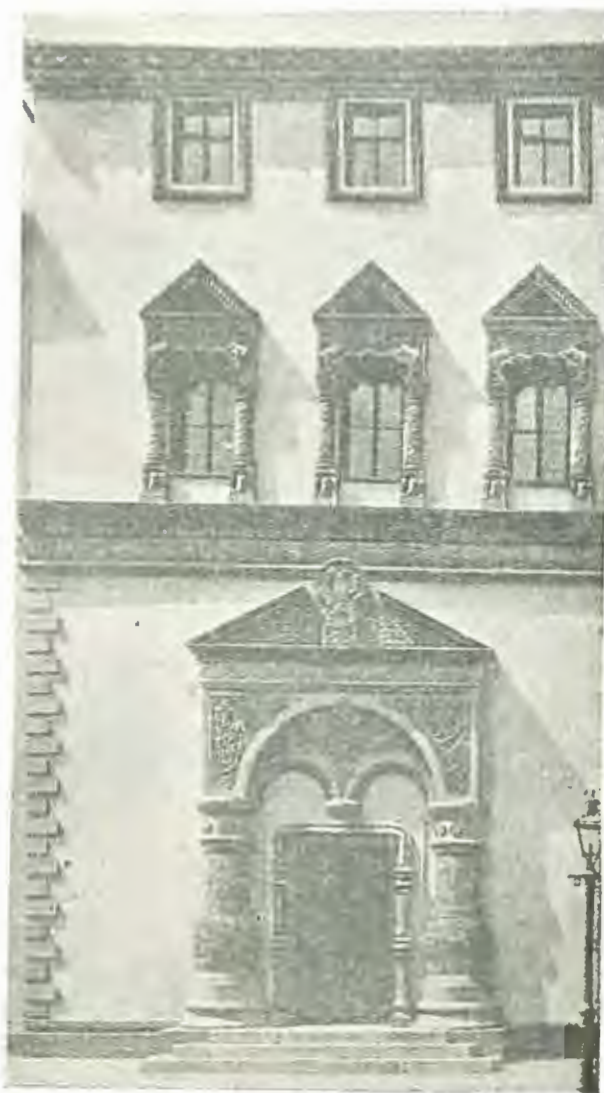
Среди громадной деревни, которую красили только церкви да сады, рѣзко выдѣлялся своею нарядною внѣшностью возвышавшійся на окраинѣ центральнаго московскаго холма Кремль. Это впечатлѣніе значительно усиливала бросающаяся въ глаза изолированность Кремля, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою и эспланадами. Противъ южной кремлевской стѣны за Москвою-рѣкой разстилалась обширная площадь, устроенная Иваномъ III, которымъ былъ разведенъ здѣсь садъ, существовавшій до конца XVII в. подъ именемъ Царицына луга. Такая же эспланада тянулась по правому берегу Неглинной. Очищая, въ интересахъ обороны, мѣстность подъ стѣнами Кремля, Иванъ III не остановился даже передъ разрушеніемъ многихъ церквей и уничтоженіемъ кладбищъ, чѣмъ навлекъ на себя сильное нареканіе со стороны духовенства. Съ востока Кремль отдѣляла отъ посада Красная площадь, прорѣзанная вдоль кремлевской стѣны ровомъ, наполненнымъ водою. Ровъ былъ выложенъ бѣлымъ камнемъ и кирпичомъ и обнесенъ съ обѣихъ сторонъ стѣнками съ зубцами; глубина рва была 4-6 саж., ширина на днѣ 14-16 саж., вверху—17 саж. На р. Неглинной были устроены плотины и пруды, послѣдній изъ которыхъ соединялся съ Москвою-рѣкой каналомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья самой рѣчки. На Неглинной стояли водяныя мельницы.

Что касается кремлевской стѣны, то видъ ея въ XVI и XVII вв. былъ значительно иной, чѣмъ въ наше время. Стѣна имѣла деревянную кровлю на два ската и была уставлена пушками. Облицовка стѣны много разъ мѣнялась, такъ что до нашихъ дней сохранилась нетронутой только внутренняя каменная толща, сложенная еще при Иванѣ III. Въ стѣнѣ было пять воротъ: *Боровицкія*, *Ризположенскія* или *Куретныя*, *Никольскія*, *Фроловскія* и *Константиновскія* или *Константино-Еленскія*. Всѣ они, за исключеніемъ Боровицкихъ, обязаны своими именами церквамъ, находившимся въ ихъ сосѣдствѣ или вообще имѣвшимъ къ нимъ какое-нибудь отношеніе. Никольскія ворота получили свое прозваніе отъ церкви Николы Стараго въ монастырѣ на Никольской (теперь греческій монастырь), Константиновскія—отъ церкви Константина и Елены, стоявшей какъ разъ противъ нихъ на подолѣ Кремля, Ризположенскія - отъ церкви Ризположенія, которая была въ Бѣломъ городѣ близъ Арбатскихъ воротъ и въ древности стояла, вѣроятно, на прямомъ пути изъ Кремля; Куретными Ризположенскія ворота прозывались нѣкоторое время въ XVII в. по сосѣднимъ Куретнымъ воротамъ царскаго двора. Фроловскимъ воротамъ дала имя, вѣроятно, церковь Флора и Лавра у Мясницкихъ воротъ, въ тогдашней слободѣ *Мясникахъ*, стоявшая на Фроловской улицѣ, сообщавшейся съ Кремлемъ посредствомъ Ильинской улицы Китая-города. Въ 1658 г. царь Але-

кѣй Михайловичъ велѣлъ переименовать кремлевскія ворота и называть Боровицкія *Предтеченскими*, Ризположенскія—*Троицкими*, Фроловскія—*Спасскими*; вопреки царскому указу Боровицкія ворота, однако, сохранили свое имя до нашего времени. Константиновскія ворота теперь заложены. Въ XVI в. кремлевскія ворота не имѣли высокихъ башенъ, украшающихъ ихъ теперь, и представляли изъ себя четверугольныя сооруженія очень простаго вида. На Фроловскихъ и Ризположенскихъ воротахъ башни были построены въ XVII в.; башня Фроловскихъ воротъ была сооружена въ 1624—1625 гг. англичаниномъ Христофоромъ Галовеемъ, устроившимъ въ ней часы съ боемъ. Къ Фроловскимъ-Спасскимъ, Троицкимъ, Константиновскимъ и Никольскимъ воротамъ вели со стороны посада каменные мосты. Мостъ у Троицкихъ воротъ, который при разведеніи Александровскаго сада былъ замѣненъ аркою въ стилѣ того времени, недавно реставрированъ приблизительно точно въ первоначальномъ видѣ. Круглое сооруженіе передъ этимъ мостомъ, имѣвшее нѣкогда назначеніе предмостнаго укрѣпленія, *tête de pont*, называется *Кутяфьей*. Въ отводной башнѣ Константиновскихъ воротъ, *ныточной*, помѣщался застѣнокъ. Въ каждахъ воротахъ, по словамъ Павла Алеппскаго, было нѣсколько дверей изъ чистаго желѣза, а по срединѣ была еще рѣшетчатая желѣзная же дверь, которая опускалась и поднималась посредствомъ машины. Кромѣ перечисленныхъ воротъ общаго пользованія въ башнѣ, стоящей противъ церкви Благовѣщенія на Житномъ дворѣ, были еще ворота, служившія исключительно потребностямъ дворцоваго обихода, — *Портмойныя* (въ XVII в. называвшіяся также *Благовѣщенскими*), черезъ которыя вывозилось для стирки на Москву-рѣку царское бѣлье. Специальное назначеніе имѣли также ворота въ *Тайничкой* башнѣ, устроенныя для доставки воды въ Кремль, почему онѣ назывались въ XV в. *Водяными*. Подъ этой башней былъ выведенъ къ рѣкѣ тайный подземный ходъ

Деталь Потѣшнаго дворца.

или тайникъ, которому она обязана своимъ именемъ. Подобныя же тайники были подъ наугольными башнями—*Свибловой*, теперь *Водовзводной*, занимающей уголъ стѣны, обращенный къ Каменному мосту, и *Собакиной* надъ Неглинной, противъ зданія Историческаго музея. Третья угольная башня, у Москворѣцкаго моста, называлась *Беклемишевской*. Старыя названія остальныхъ кремлевскихъ башенъ или стрѣльницъ не сохранились до нашего времени, кромѣ названія небольшой *Царской* башенки рядомъ со Спасскими воротами, въ которой помѣщался набатный колоколъ.

Въ XVII в. кремлевскія стѣны оказались значительно обветшавшими. Къ концу царствованія Михаила Федоровича онѣ, какъ видно изъ составленнаго въ 1646—1647 гг. описанія ихъ, во многихъ мѣстахъ осѣли, а своды въ башняхъ грозили разрушеніемъ. Было приступлено къ ремонту стѣнъ, но онъ очень затянулся, а между тѣмъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго, вода кремлевскихъ рвовъ и Москвы-рѣки продолжала подмывать стѣны, которыя то и дѣло разрушались, и ихъ приходилось возводить вновь. Ремонтъ былъ законченъ только въ 1680 г., когда для замаскированія разныхъ поправокъ, пестрившихъ стѣну, было указано выбѣлить ее известью.

Стѣны Кремля, построенныя, по опредѣленію Герберштейна, на итальянскій ладъ, имѣли видъ европейскаго сооруженія. Не таково было впечатлѣніе, производимое постройками, наполнившими Кремль въ XVI—XVII вв. Это былъ цѣлый городокъ, густо заселенный и густо застроенный, представлявшій смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ типовъ построекъ. Здѣсь были дворцовыя зданія, — часть которыхъ была построена тоже на «италийскій ладъ», — хоромы главы русской церкви — митрополита, потомъ патриарха, приказы, боярскіе дворы, дома кремлевскаго духовенства, соборы, приходскія и домовныя церкви, монастыри и монастырскія подворья. Всякій строился, какъ могъ и хотѣлъ: показное великолѣпіе царскихъ хоромъ уживалось здѣсь почти бокъ о бокъ съ деревенской непритязательностью боярскихъ усадебъ и деревенскимъ убожествомъ поповскихъ дворовъ. Постройки были мѣстами чрезвычайно скучены, и ориентироваться въ тогдашнемъ Кремлѣ было несовсѣмъ легко.

Площадь Кремля имѣетъ видъ треугольника, углы котораго отмѣчены башнями: Собакиной (сѣв.-восточный уголъ, надъ Неглинной), Беклемишевской (юго-вост. уголъ) и Свибловой (юго-зап. уголъ). Вдоль стѣны Кремля внутри его проходила улица отъ Свибловой башни до Никольскихъ воротъ. Въ южной части кремлевскаго треугольника, между наугольными башнями Свибловой и Беклемишевской, она шла по низменности, кремлевскому *подолу*, продолженіемъ котораго по ту сторону стѣны былъ низкій берегъ Москвы-рѣки. Площадь возвышавшагося надъ подоломъ кремлевскаго холма тоже имѣла треугольную форму. У Боровицкихъ воротъ холмъ оканчивался крутымъ оврагомъ, который былъ срубанъ только въ 1847 г. при планировкѣ мѣстности передъ новымъ кремлевскимъ дворцомъ, а на противоположной сторонѣ образовывалъ нѣкогда пологій скатъ, съ теченіемъ времени покрытый искусственной насыпью, занятой постройками. На срединѣ кремлевскаго холма, почти на равномъ разстояніи отъ Боровицкихъ воротъ и

Константиновской башни, находится площадь, въ центрѣ которой стоитъ Иванъ Великій. Эта площадь была какъ разъ на границѣ между царскимъ дворомъ и соборами, съ одной стороны, и восточной частью Кремля, заселенной преимущественно боярами и кремлевскимъ духовенствомъ, — съ другой. Къ югу отъ центральной площади, тоже на границѣ этихъ двухъ частей Кремля, помѣщались съ конца XVI в. приказы.

Дворъ великаго князя занималъ уже въ началѣ XVI в. всю мѣстность между Боровицкими воротами и соборами. Здѣсь при Иванѣ III были частью возведены, частью заложены постройки, окружавшія со всѣхъ сторонъ внутренний дворъ, на которомъ стояла древняя церковь Спасъ-Преображеніе *на бору*. Со стороны Боровицкихъ воротъ эти постройки были отгорожены стѣной отъ помѣщавшагося въ углу у воротъ конюшеннаго двора великаго князя, *аргамачихъ конюшенъ*.

Со стороны рѣки на горѣ также была построена стѣна до самыхъ Боровицкихъ воротъ, примыкавшая къ церкви Иоанна Предтечи, стоявшей на самомъ взгорьѣ (эта церковь снесена въ 1847 г.). Василий Ивановичъ докончилъ постройку той части хоромъ, которая сохранилась до нашего времени въ видѣ нижнихъ

В. Васнецовъ. Площадь въ Кремлѣ.

этажей теремнаго дворца. Всѣ дворцовыя зданія, построенныя при Иванѣ III, были каменные. Иванъ IV построилъ въ 1561 г. для своихъ дѣтей деревянныя хоромы съ церковью Срѣтенья на склонѣ кремлевскаго холма, «на взрубѣ», т. е. деревянныхъ, наполненныхъ землею срубахъ, прислоненныхъ къ горѣ. На мѣстѣ этого взруба царь Борисъ Годуновъ выстроилъ каменные палаты, заслонявшія холмъ до самаго верха, длиною въ 50 саж., а на палатахъ поставилъ деревянный дворецъ. Этотъ дворецъ былъ разрушенъ Самозванцемъ, который въ свою очередь на томъ же мѣстѣ построилъ для себя деревянныя хоромы, сгорѣвшія при царѣ Михаилѣ. Впослѣдствіи вмѣсто хоромъ на годуновскихъ каменныхъ палатахъ былъ устроенъ набережный дворцовый садъ, вѣроятно, около 1633 г., когда была проведена во дворецъ вода изъ Москвы-рѣки. Въ XVII же в. построены были палаты для царевича Алексѣя Михайловича (теремный дворецъ), Потѣшный дворецъ за конюшеннымъ дворомъ, у стѣны между Боровицкими и Троицкими воротами, и, въ самомъ концѣ вѣка, хоромы царевенъ.

Дворцовыя зданія примыкали съ запада къ соборной площади. Соборы Успенскій и Благовѣщенскій были построены при Иванѣ III въ XV в., Архангельскій соборъ былъ построенъ въ 1508 г. одновременно съ колокольней, которая стала прозываться Иваномъ Святымъ, потому что въ ней помѣщалась церковь во имя Иоанна Лѣствичника. На мѣстѣ этой колокольни, имѣвшей видъ столпа, Борисъ Годуновъ въ 1600 г. выстроилъ еще болѣе высокій «столпъ», прозванный Иваномъ Великимъ; по всей вѣроятности, эта колокольня играла роль дозорной башни. Рядомъ съ Ивановскимъ столпомъ въ 1543 г. было выстроено зданіе типа древнерусскихъ стѣнообразныхъ колоколенъ съ помѣщеніемъ для большихъ колоколовъ и съ церковью Воскресенія, а патріархъ Филаретъ Никитичъ пристроилъ къ этому зданію еще четверугольную башню съ шатровымъ верхомъ, по которой все зданіе стало называться Филаретовской пристройкой. Царь Михаилъ выстроилъ близъ Ивана Великаго деревянную колокольню для колокола громадныхъ размѣровъ, который былъ жертвою нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ и претерпѣлъ много измѣненій, пока, наконецъ, не превратился въ «Царь-колоколъ».

За Успенскимъ соборомъ, къ сѣверу отъ него, помѣщался митрополичій, потомъ патріаршій дворъ. Въ концѣ XVI в., кромѣ жилыхъ построекъ и службъ, на немъ были три церкви. Патріархъ Никонъ построилъ себѣ новыя хоромы и при нихъ церковь во имя ап. Филиппа (теперь — 12 апостоловъ); при Никонѣ же границы патріаршихъ владѣній были значительно расширены въ сторону улицы, проходившей отъ Троицкихъ воротъ въ мѣстности, отчасти занятой въ настоящее время кремлевскими казармами. Старыя постройки составляютъ часть синодальнаго дома, стоящаго теперь на мѣстѣ патріаршаго двора.

Ивановскій столпъ и Архангельскій соборъ стояли на западной окраинѣ *Ивановской площади*, замыкавшей съ юга зданіемъ приказовъ. Постройка приказовъ началась въ 1565 г., когда была сооружена одна посольская палата, и закончилась, послѣ долгаго перерыва, только при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Зданіе было выстроено покоемъ, открытая сторона котораго была обращена къ Архангельскому собору. Къ концу XVII в. оно оказалось чрезвычайно обветшавшимъ и было замѣнено новымъ, гораздо болѣе обширнымъ, построеннымъ въ 1675 — 1680 гг. Черезъ дворъ этого зданія проходила улица, спускавшаяся къ Тайницкимъ воротамъ.

Ивановская площадь соединялась со Спасскими и Никольскими воротами улицами *Спасской* и *Никольской*; послѣднюю пересѣкала *Троицкая* улица, начинавшаяся отъ Троицкихъ воротъ, за *Никольскимъ крестцомъ*, мѣстомъ встрѣчи ея съ Никольской, круто загибавшаяся и почти параллельно Спасской доходившая, подъ именемъ *Чудовской* улицы, до кремлевской стѣны близъ Спасскихъ воротъ. Эти три улицы были главными артеріями восточной и сѣверо-восточной части Кремля.

По лѣвой сторонѣ Спасской улицы, въ самомъ началѣ ея, стоялъ Чудовъ монастырь. Далѣе за монастыремъ были два боярскіе двора съ церквями, одна изъ которыхъ, Ховринская, прозывавшаяся такъ по имени владѣльца двора въ XV в. Ховрина, простояла до начала XIX в. Оба двора въ XVII в.

ДЕРЖАВА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЩИТЬ.
СКИПЕТРЪ БОЛЬШОГО НАРЯДА.

Δ.

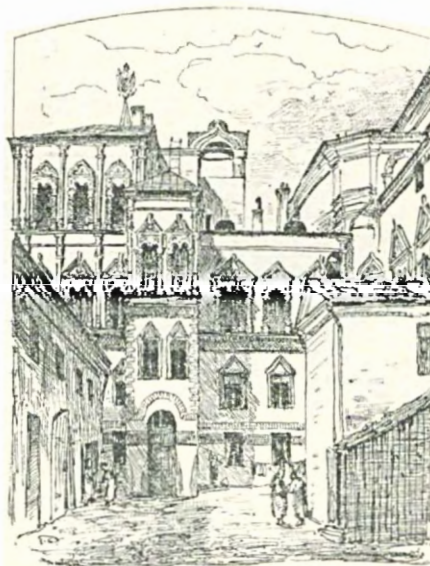

были отданы Чудову монастырю. За ними слѣдовалъ Вознесенскій монастырь, а у самыхъ Спасскихъ воротъ стояла небольшая церковь во имя св. Георгія, разобранная въ 1808 г. Правая сторона улицы была занята соборомъ Николы Гостунскаго, одною изъ древнѣйшихъ кремлевскихъ церквей, перестроенной въ 1506 г. и существовавшей до 1817 г., когда она, ради своеобразно понимаемаго благообразія Кремля, была снесена, и двумя монастырскими подворьями—Крутицкимъ и Кирилловскимъ (Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря). Мѣстность между соборомъ и подворьями съ одной стороны, и окраиною кремлевскаго холма, съ другой, въ настоящее время пустынная, въ XVI—XVII вв. была вся застроена. Именно здѣсь на прежде пологомъ скатѣ холма была постепенно устроена искусственная насыпь, «зарубь», укрѣпленный сваями и срубами, на которомъ расположились постройки. При Годуновѣ въ этой мѣстности, неподалеку отъ Спасскихъ воротъ, былъ арсеналъ, помѣщавшійся во дворѣ *Хобро*. Въ XVII в. она была занята боярскими дворами.

Чудовъ и Вознесенскій монастыри выходили задами на Чудовскую улицу; на эту улицу съ противоположной стороны выходитъ теперь боковой фасадъ зданія судебныхъ учреждений, построеннаго на мѣстѣ, которое въ XVII в. было почти все подъ усадьбою кн. Трубецкихъ, между Чудовской и Никольской улицами. Последняя проходила по линіи главнаго, обращеннаго къ площади фасада зданія суда. Мѣстность между Никольской улицей и кремлевской стѣной, въ настоящее время занимаемая площадью и зданіемъ арсенала, была вся застроена. По Никольской улицѣ, противъ двора Трубецкихъ, были расположены въ первой половинѣ XVII в. дворы соборнаго духовенства и два подворья—Симонова и Новодѣвичьяго монастырей. Далѣе были: боярскій дворъ, въ XVI в. принадлежавшій Богдану Бѣльскому, въ XVII в.—Стрѣшневымъ, и кладбище съ церковью, затѣмъ, на мѣстѣ арсенала, дворы, въ XVII в. принадлежавшіе разнымъ боярскимъ родамъ, въ началѣ вѣка—Годуновымъ, потомъ—кн. Лыкову, Шереметеву, кн. Одоевскому; въ XV—XVI вв. вдоль стѣны были расположены городскія житницы, запасные хлѣбные магазины, сохранившіеся отчасти и въ началѣ XVII в. въ углу у Собакиной башни. При Алексѣѣ Михайловичѣ во дворѣ, ближайшемъ къ Троицкимъ воротамъ, помѣщались дворцовыя житницы. Вся эта мѣстность была прорѣзана безымянной улицей, близъ Никольскихъ воротъ отдѣлявшейся подъ острымъ угломъ отъ Никольской улицы и противоположнымъ концомъ упиравшейся въ Троицкую улицу недалеко отъ Троицкихъ воротъ.

У самыхъ воротъ, на правой сторонѣ Троицкой улицы (если идти отъ воротъ) находился дворцовый судный приказъ, за нимъ было подворье

Потѣшный дворецъ со двора.

Троицкаго Сергіева монастыря, разобранные въ 1807—1808 гг. На концѣ улицы, на мѣстѣ двора синодальной конторы и кремлевскихъ казармъ стояли хоромы Бориса Годунова во дворѣ, прозывавшемся въ XVII в. Цареборисовскимъ; въ этихъ хоромахъ Борисъ жилъ до воцаренія. Въ началѣ XVI в. дворъ принадлежалъ вел. кн. Василю Ивановичу, въ Смутное время служилъ жильемъ начальникамъ польскаго отряда, занимавшаго Кремль, а въ 1652 г. былъ присоединенъ къ владѣніямъ патріарха.

На подолѣ Кремля въ углу у Беклемишевской башни въ первой половинѣ XVI в. находился дворъ Беклемишевыхъ, далѣе къ западу—дворъ Угрѣшскаго монастыря съ церковью, которая въ XVII в. была перенесена въ башню, стоящую противъ монастырскаго двора. Церковь во имя Константина и Елены окружали со всѣхъ сторонъ дворы соборнаго духовенства, составлявшіе цѣлую поповскую слободу. Западная часть подола, отгороженная у Тайницкихъ воротъ заборомъ, была въ XVI в. занята подъ дворцовое хозяйство,—здѣсь въ углу у Свибловой башни помѣщался дворцовый житный дворъ. По ту сторону кремлевской стѣны берегъ Москвы-рѣки былъ также застроенъ. Здѣсь, кромѣ дворовъ частныхъ лицъ, близъ

Тайницкой башни были въ XVII в. оружейный амбаръ и *бархатный дворъ*—казенная бархатная фабрика.

Видъ Кремля въ XVII в.

Перейдемъ теперь изъ Кремля въ смежный съ нимъ *Китай-городъ*. За ровомъ, тянувшимся вдоль кремлевской стѣны, разстилалась обширная площадь между соборомъ *Покрова на рву*, по-

строеннымъ въ 1555—1561 гг. (Василій Блаженный), и лобнымъ мѣстомъ, съ одной стороны, и Китайгородскою стѣною съ Неглинскими или Воскресенскими воротами, съ другой. За Фроловскимъ мостомъ, т. е. мостомъ Спасскихъ воротъ, шла по направленію къ Ильинкѣ деревянная мостовая, отдѣлявшая отъ Василя Блаженнаго лѣвую часть площади, которая называлась, въ память пожаровъ, опустошавшихъ Китай-городъ, *Пожаромъ*, а позже, не ранѣе 1662 г., *Красною* площадью. Вдоль рва между Фроловскими и Никольскими воротами стояли пятнадцать небольшихъ деревянныхъ церквей *на крови*,—на мѣстахъ совершившихся здѣсь при Иванѣ Грозномъ казней. Впрочемъ, Пожаръ былъ не только мѣстомъ казней, но и бойкой торговой площадью, гдѣ шла главнымъ образомъ мелочная торговля въ разнось, а въ небольшихъ лавкахъ на Фроловскомъ мосту продавались книги и листы печатные и рукописные. На спускѣ отъ Покровскаго собора къ Москвѣ-рѣкѣ помѣщались лавки и обывательскіе дворы, внизу на подолѣ былъ рыбный рынокъ и, у самыхъ Москворѣцкихъ воротъ, *мытный дворъ*. Близъ Воскресенскихъ воротъ на мѣстѣ Историческаго музея находился *земскій дворъ* или приказъ, главное полицейское управленіе. У Воскресенскихъ воротъ былъ каменный мостъ съ лавками черезъ Неглинную, построенный Борисомъ Годуновымъ.

Главныя улицы Китай-города сохранили до нашего времени свои имена и свое направлѣніе. Онѣ соединялись между собою многими переулками, образовавшими на всемъ протяженіи ихъ крестцы, отчего и самыя улицы прозывались крестцами — Никольскимъ, Ильинскимъ, Варварскимъ. Отъ Варварки переулки спускались на подоль къ Зачатской улицѣ, шедшей отъ Москворѣцкихъ воротъ къ церкви Зачатія *что въ углу* почти у самой стѣны Китай-города. Переписная книга 1626 г. содержитъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о ширинѣ всѣхъ этихъ улицъ и переулковъ. Оказывается, что въ названномъ году ширина, напр., Варварки колебалась между $2\frac{1}{2}$ и $6\frac{1}{4}$ саж. Тогда же была сдѣлана попытка выпрямить улицы и установлены обязательныя размѣры ихъ поперечника: для Никольской 5 (межъ каменныхъ лавокъ)— $6\frac{1}{2}$ саж., Ильинки—6-10 саж., Варварки на всемъ протяженіи— $6\frac{1}{2}$ саж., Зачатской улицы—4 саж.; послѣдняя мѣра—4 саж.— была принята также для большинства переулковъ, но нѣкоторые изъ нихъ, менѣе значительныя, напр., въ Зарядьѣ, остались при ширинѣ не болѣе $2-2\frac{1}{4}$ саж.

Китай-городъ былъ московскимъ торговымъ центромъ. На площадь выходили торговые ряды, тянувшіеся вглубь Китай-города между его улицами. Въ концѣ XVI в. впервые были построены каменныя зданія рядовъ, но и въ XVII в. оставалось еще немало деревянныхъ лавокъ. Олеарій и Рейтенфельсъ съ похвалою отзываются объ этомъ рынкѣ, гдѣ

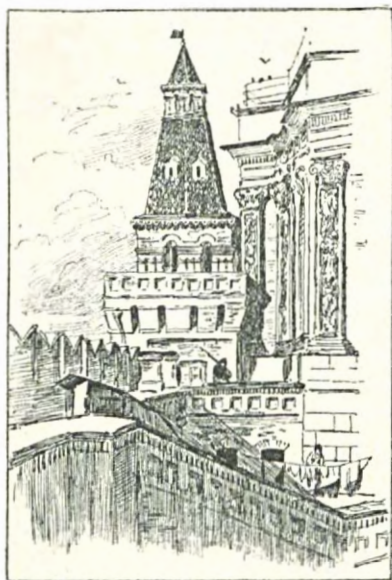
Старыя ряды въ XVII вѣкѣ.

однородные товары сосредоточивались въ опредѣленныхъ мѣстахъ, такъ что покупатель безъ труда могъ ориентироваться и находить то, что ему было нужно. Несмотря на громадныя измѣненія, испытанныя въ теченіе трехъ столѣтій внѣшностью торговыхъ помѣщеній, старая рядская группировка послѣднихъ сохранилась въ общихъ чертахъ до нашего времени. Иноземныя купцы торговали въ гостиномъ дворѣ на Варваркѣ, съ XVII в.—въ каменныхъ зданіяхъ, построенныхъ при Михаилѣ Федоровичѣ и его преемникѣ. Рейтенфельсъ говоритъ о трехъ «обширѣйшихъ» гостиныхъ дворахъ: въ первомъ, болѣе древнемъ, продавались, по его словамъ, дешевые товары для ежедневнаго потребленія, во второмъ, новомъ, взималась пошлина по вѣсу («мытоимница» Михаила Федоровича) и хранились главнымъ образомъ товары нѣмецкіе, въ третьемъ или персидскомъ—армяне, персы, татары содержали около 200 лавокъ. Англійскіе купцы имѣли, тоже на Варваркѣ, свой дворъ, отведенный англійской торговой компаніи еще Иваномъ IV

На Никольской улицѣ находился *печатный дворъ*, каменныя палаты котораго (зданіе синодальной типографіи) были построены въ 40-хъ годахъ XVII в. На углу Ильинки и Посольскаго—теперь Юшкова—переулка былъ *дворъ посольскій*, помѣщеніе для иноземныхъ пословъ. У китайской стѣны на Варваркѣ стояли тюрьмы.

Среди лавокъ было немало и жилыхъ дворовъ. На Никольской проживали въ XVII в. Шереметевы, князя Буйносовы, Хворостинины, Сицкіе, на Ильинкѣ—бояринъ Шенинъ, кн. Барятинскій, на Варваркѣ—Романовы и Булгаковы.

Въ половинѣ XVII в. въ Китай-городѣ насчитывалось до 20 церквей (изъ нихъ двѣ соборныя: Казанской Богородицы на углу Никольской и Покрова на рву) и четыре монастыря. Древнѣйшими монастырями были Спасскій за иконнымъ рядомъ на Никольской или Заиконоспасскій, Бого-явленскій въ переулкѣ того же имени за ветошнымъ рядомъ и Николы Чудотворца Старого, что у крестнаго цѣлованія (въ церкви этого монастыря цѣловали крестъ по судебнымъ дѣламъ). Послѣдній монастырь въ XVII в. былъ уступленъ греческимъ монахамъ, имѣвшимъ близъ него свое подворье, которое, по словамъ Рейтенфельса, немного уступало греческому подворью въ Римѣ. Знаменскій монастырь былъ основанъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ при церкви Знаменія на Романовскомъ дворѣ на Варваркѣ.

Башня Оружейная.

Китай-городъ, заключавшій въ своихъ стѣнахъ древнѣйшій московскій торгъ, былъ частью московскаго посада, которая носила *городской* характеръ въ гораздо большей степени, чѣмъ Бѣлый городъ и Скородомъ. Эти двѣ части города въ XVI—XVII вв. еще сохраняли черты, ясно говорившія о роли, какую играло въ исторіи Москвы вотчинное хозяйство великаго князя. Его московская вотчина слагалась изъ отдѣльных селъ и дворовъ, группировавшихся вокругъ резиденціи хозяина — Кремля; вблизи послѣдней селился многочисленный служебный персоналъ, занятый въ различныхъ отрасляхъ дворцоваго хозяйства. Поселенія этого персонала, среди котораго было немало ремесленниковъ разныхъ специальностей, образовали вошедшія въ составъ московскаго посада слободы. Дворцовая стража, стрѣльцы, селилась преимущественно въ слободахъ, отодвинутыхъ на окраины посадской территоріи. Въ чертѣ и за чертой ея обзаводились усадьбами ближайшіе слуги великаго князя, бояре, и духовныя власти. Таковы были элементы, вошедшіе въ составъ московскаго посада и сообщавшіе ему еще въ XVI—XVII вв. своеобразный характеръ, который ясно свидѣтельствовалъ о возникновеніи его въ условіяхъ вотчиннаго быта.

Исторія городского поселенія въ предѣлахъ Бѣлаго и Земляного города еще ждетъ своего изслѣдователя. Источники не только мало разработаны, но и неполнѣ еще приведены въ ясность; добытыя изъ нихъ свѣдѣнія о состояніи отдѣльных частей посада за тотъ или другой промежутокъ времени имѣютъ настолько отрывочный характеръ, что пока нѣтъ возможности детально прослѣдить исторію послѣднихъ. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что попытаемся сгруппировать въ бѣгломъ очеркѣ по крайней

МИНИНЪ ПРИЗЫВАЕТЪ НИЖЕГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ.

Картина находится въ Н. Новгородѣ въ Музеѣ.

мѣръ то, что извѣстно о главнѣйшихъ московскихъ урочищахъ внѣ Кремля и Китай-города.

Китай-городъ примыкалъ непосредственно къ одному изъ древнѣйшихъ урочищъ—*Кучкову полю*. Такъ называлась мѣстность, по которой теперь проходятъ улицы Лубянка и Срѣтенка и которая простиралась на сѣверъ до границы Земляного города, на востокъ—до теперешней Мясницкой. Въ XVI в. эта мѣстность была еще слабо заселена,—Китай-городъ граничилъ съ *полями мѣстоми*, у котораго стояла вошедшая въ его черту церковь Троицы у *старыхъ полей* или полей. По Кучкову полю шла большая владимирская дорога, прозванная въ предѣлахъ посада Срѣтенкою съ основанія въ 1395 г. Срѣтенскаго монастыря, отъ котораго получили названіе также ворота Бѣлаго города и Китая (Срѣтенскія ворота послѣдняго—теперь Никольскія). Къ Фроловскимъ воротамъ Бѣлаго города направлялась отъ Китая улица, называвшаяся въ XVI в. Ильинскою. Эта улица пересѣкала слободу *мясниковъ*, возникшую около скотопригоннаго двора, близъ церкви Флора и Лавра; но слободѣ прозвались Мясницкими Фроловскія ворота Бѣлаго города и Мясницкой—Ильинская улица. Замѣтимъ кстати, что Флоръ и Лавръ, наравнѣ съ св. Георгіемъ, почитались патронами скота, почему церкви во имя этихъ святыхъ ставились у скотопригонныхъ дворовъ или площадей и всполий, т. е. выгоновъ. Кромѣ Фроловской церкви у Мясницкихъ воротъ въ Москвѣ есть еще церковь того же имени за Москвой-рѣкой на Зацѣпѣ, гдѣ въ XVI в. пріѣзжіе татары торговали конями на своемъ *Ногайскомъ дворѣ*. Церкви св. Георгія на вспольѣ отмѣчаютъ въ двухъ мѣстахъ границы прежнихъ выгоновъ: одна изъ нихъ находится на Малой Никитской близъ Кудрина, другая—на Ордынкѣ. Слѣдующая за Ильинскою, теперь Мясницкой, въ южномъ направленіи улица Бѣлаго города, Маросѣйка, становится извѣстною подъ этимъ именемъ не ранѣе XVII в., когда въ этой мѣстности возникло малороссійское подворье, по которому и улица стала прозываться Малороссійскою или, сокращенно, Маросѣикою. Возможно, впрочемъ, что улица обязана своимъ именемъ столько же подворью, сколько мѣстному питейному дому, тоже прозывавшемуся въ народѣ Маросѣикою. Но въ большинствѣ случаевъ перенесеніе на улицы прозвищъ питейныхъ домовъ, очень обычное въ старой Москвѣ, восходитъ не далѣе первой половины XVIII в., когда по городу были устроены въ значительномъ количествѣ *фартины*, штофныя лавки (фарта— кварта, штофъ). Такая фартина, несомнѣнно, дала имя улицѣ Солянкѣ, шедшей отъ Китая-города къ Яузѣ нѣсколько южнѣе древняго урочища *Боръ*, на границѣ котораго находился Ивановскій монастырь *подъ боромъ*. Далѣе, до берега Москвы-рѣки разстилалась низменная мѣстность Кулижка (*кулига*—лужа) и Васильевскій лугъ. На послѣднемъ во второй половинѣ

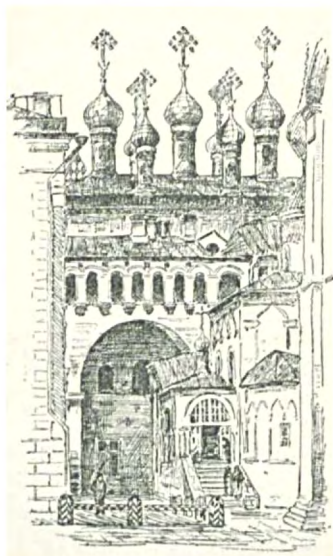

Улица въ Кремлѣ.

XVII в. былъ разведенъ царскій садъ, тоже называвшійся Васильевскимъ, а въ XVIII в. построенъ Воспитательный домъ на мѣстѣ, гдѣ въ XVI—XVII вв. находились *бражныя тюрьмы*, арестный домъ для пьяницъ.

Западная окраина Кучкова поля постепенно переходила въ скатъ, мѣстами довольно пологій, къ р. Неглинной, протекавшей посреди Бѣлаго города. На сѣверномъ концѣ этого ската въ XIV в. былъ основанъ Рождественскій монастырь, по которому улица, шедшая отъ него къ Китайгороду, прозвалась Рождественкою. На берегу Неглинной находилась Кузнецкая слобода у моста того же имени черезъ рѣчку, а на мѣстѣ Театральной площади стоялъ *пушечный дворъ*, отмѣченный въ XVII в. иностранцами, какъ одна изъ достопримѣчательностей Москвы.

Часть Бѣлаго города, прилегавшая къ правому берегу Неглинной, состояла изъ нѣсколькихъ урочищъ, которыя вмѣстѣ образовали крупное урочище *Занеглименье*. Высокопетровскій монастырь (въ концѣ Петровки,

Церковь Спаса за золотой рѣшеткой.

у Петровскихъ воротъ) стоялъ на взгорьѣ, называвшемся *Высокимъ*. Другое *Высокое* было на тверской дорогѣ у Воскресенскаго монастыря (теперь упраздненнаго) и Саввинскаго подворья (почти на углу Тверской и Камергерскаго переулка). *Красною горкой* называлось урочище, гдѣ находится университетъ. Далѣе къ западу были урочища *Островъ* съ Воздвиженскимъ монастыремъ (теперь приходская церковь на Воздвиженкѣ) и *старое Ваганьково*. Последнее было государево село, при которомъ еще въ XVII в. состояла царская псарня; *Островъ* нѣкогда былъ дѣйствительнымъ островомъ въ охотничьемъ смыслѣ, т. е. участкомъ лѣса, отведеннымъ для охоты.

Занеглименье пересѣкалось дорогами, которыя соединяли Москву съ городами, лежащими къ сѣверу и западу отъ нея: тверскою, дмитровскою, волоколамскою и смоленскою. Двѣ послѣднія прозвались по монастырямъ, первая — Никитскою, вторая — Воздвиженкой; впрочемъ, Воздвиженка продолжала еще называться Смоленскою улицей во второй половинѣ XVII в.

Кромѣ пушечнаго двора, въ этой части города вниманіе иностранцевъ привлекали къ себѣ два зданія — пороховой дворъ, сооруженный въ первой половинѣ XVI в. Алевизомъ на Успенскомъ вражкѣ, на мѣстѣ теперешняго Газетнаго переулка, и *опричный дворъ* Ивана IV. Извѣстно, что, учредивъ опричнину, царь со своими охранниками перебрался на житье изъ Кремля въ посадъ, но установить точно мѣсто жительства его въ посадѣ едва ли возможно. Рейтенфельсъ, который самъ видѣлъ опричный дворъ въ 70-хъ годахъ XVII в., говоритъ только, что онъ находился въ Царь (Бѣломъ) — городѣ на той сторонѣ рѣчки Неглинной. Въ виду того, что опричники были поселены за чертою Бѣлаго города между Арбатомъ и Никитскою, можно думать, что Иванъ основалъ свою резиденцію по софдству съ ними близъ Никитской.

Противъ пушечнаго двора на правомъ берегу Неглинной находился Охотный рядъ и, въ концѣ его, Моисеевскій монастырь, упраздненный въ XVIII в. Далѣе вдоль берега тянулась низменность, нѣкогда моховое болото, о которомъ напоминаетъ теперь проходящая въ этой мѣстности Моховая улица. Здѣсь на окраинѣ кремлевской эспланады, между Троицкими и Боровицкими воротами была стрѣлечья слобода съ церковью Николая Стрѣлечкаго (на углу Знаменки и Волхонки), а передъ слободою въ XVI в. былъ устроенъ на берегу Неглинной такъ называемый Аптекарскій дворцовый садъ, въ которомъ разводились медицинскія растенія. Ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, на мѣстѣ Лебяжьяго переулка, былъ дворцовый Лебяжій прудъ.

На западѣ Занеглименье граничило съ урочищемъ *Черторью* или *Чертольемъ*, получившимъ свое названіе отъ потока Черторья. *) Этотъ потокъ, пересѣкавшій площадь Пречистенскихъ воротъ и впадавшій въ Москву-рѣку немного выше мѣста, гдѣ выстроенъ храмъ Спасителя, отдѣлялъ Бѣлый городъ отъ Земляного. Въ Чертольѣ находился Алексѣевскій монастырь, переведенный въ XIX в. въ Красное село.

Чертолье продолжалось по ту сторону Черторья въ *Земляномъ городѣ*. Ближе къ границѣ послѣдняго находилось урочище *Остожье*, самымъ названіемъ своимъ (Остожье—отъ слова *стогъ*) свидѣтельствующее о существованіи здѣсь встарь сѣнныхъ покосовъ. Еще въ XVII в. въ этой мѣстности былъ Остожный конюшенный дворъ и стояли боярскія усадьбы, имѣвшія вполне загородный характеръ. Отъ Остожья шла къ Чертольскимъ воротамъ улица, прозванная Остоженкою. Другая улица, соединявшая Чертолье съ окраинною посадою, называлась Чертольской до второй половины XVII в., когда, вслѣдъ за переименованіемъ Чертольскихъ воротъ въ Пречистенскія, это имя было вытѣснено новымъ—Пречистенка. Въ концѣ Чертольской улицы и далѣе къ сѣверу отъ нея, вдоль землянаго вала, были расположены стрѣлечья слободы, память о которыхъ сохранилась въ именахъ урочищъ Зубово, Левшино, Коковинское, происшедшихъ отъ прозваній стрѣлечьихъ головъ. Ближайшая къ Чертольской крупная улица Земляного города въ XVI в. уже извѣстна подъ именемъ Арбата. Происхожденіе этого имени, явно татарскаго, представляется загадочнымъ; во всякомъ случаѣ, напрасно было бы искать объясненія его въ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, и сближеніе его, напр., съ арбами, будто бы, неизвѣстно откуда, появившимися въ этой мѣстности, слѣдуетъ признать продуктомъ досужей этимологизирующей фантазіи.

Отъ Чертольской улицы до Тверской тянулся рядъ слободъ, населенныхъ дворцовыми слугами и ремесленниками, работавшими на дворецъ.

*) Снегиревъ (Москва, т. I стр. 97), сопоставивъ Черторій съ нѣмецкими Teufelsgraben, доказалъ, что это имя означаетъ *Чортовъ ровъ*.

Спасская и Набатная башни.

Спеціальности этихъ слобожанъ открываются изъ именъ улицъ и урочищъ въ мѣстности, гдѣ были слободы: Поварская, Столовый, Скатертный, Ножевый, Трубниковскій, Старокопюшенный переулки, Кречетники, Бронныя улицы, Палаши или Палачи (обычна и та, и другая формы; возможно, что жители этого урочища были палачи, но въ виду сосѣдства его съ Бронною можно также думать, что они были оружейные мастера, спеціальностью которыхъ были палачи). Учредивъ опричнину, Иванъ IV вывелъ слобожанъ въ другія части посада и поселилъ на ихъ мѣстѣ опричниковъ. Между Бронной слободой и землянымъ валомъ находилась патриаршая слобода на *Козьмь болотъ* (Козихъ). Вообще *коза* фигурируетъ, въ какомъ то неясномъ для насъ значеніи, въ прозваніяхъ болотистыхъ мѣстъ: въ Чертольѣ было урочище *Козья борода* или *Козье болотцо*, и замоскворѣцкое болото тоже называлось, по словамъ Рейтенфельса, *Козимъ*. По патриаршему Козьему болоту текъ ручей, впадавшій въ рѣчку Прѣсно. Въ слободѣ, вѣроятно, при патриархѣ Іоакимѣ (1674—1690 гг.) были выкопаны такъ называемые *патриаршіе* пруды, изъ которыхъ до нашего времени уцѣлѣлъ только одинъ.

Церковь «Спасъ на - Бору».

На правомъ берегу Неглинной, выше Трубной площади (мѣстность Цвѣтного бульвара), находился *лѣсной рядъ*, обращавшій на себя вниманіе иностранцевъ. Здѣсь, по ихъ словамъ, кромѣ разнороднаго строевого лѣса можно было найти вполне готовые срубленные дома. Далѣе въ концѣ Срѣтенки у вала мы опять находимъ стрѣлцкое

поселеніе, на мѣстѣ котораго Петромъ I была построена въ 1692—1695 гг. Сухарева башня въ память, будто бы, заслугъ Сухарева стрѣлцкаго полка, оставшагося вѣрнымъ царю во время мятежа стрѣльцовъ. Рядомъ съ этимъ поселеніемъ была *пушкарская слобода* въ мѣстности, прозывавшейся *Драчи*, гдѣ въ XVI—XVII вв. существовалъ Никольскій Драчевскій монастырь (теперь приходская церковь Николы въ Драчахъ).

Срѣтенка и Мясницкая обозначаютъ границы древняго урочища *Дербь* или *Дербь*, о которомъ напоминаютъ церковь Николы Дербенскаго и Дербенскій переулочекъ. По урочищу протекалъ ручей Рачка, образовавшій *Поганый*, теперь—Чистый прудъ. Рейтенфельсъ сообщаетъ, что на этомъ прудѣ или «проклятомъ болотѣ» (*palus maledicta*) пришлые язычники поклонялись своимъ богамъ. У пруда находилась *огородная слобода* съ церковью Харитона въ Огородникахъ, далѣе, за Покровской улицей—*барашевская слобода* (бараши—шапочники). На Воронцовомъ полѣ на Яузѣ стоялъ загородный дворецъ Ивана III, въ XVII в., повидимому, уже не существовавшій.

Въ заяузской части Земляного города жили слободами гончары и кузнецы. Здѣсь же близъ Швивой или Вшивой горки находилось урочище *Болвановка* или *Болвановье*, отъ котораго Яузскія ворота Земляного го-

рода прозывались также Болванскими, какъ видно изъ помѣты на годовскомъ чертежѣ Москвы. За Москвой-рѣкой есть другая Болвановка между Пятницкой и Кузнецкою улицами. Въ виду того, что неподалеку отъ замоскворѣцкой,—а, можетъ быть, и заяузской,—Болвановки было нѣкогда татарское становище, были сдѣланы попытки установить связь этого урочища съ татарскими «болванами», при чемъ, однако, остался неразъясненнымъ вопросъ о томъ, къ какимъ именно «болванамъ» она имѣла отношеніе,—къ тѣмъ ли, которымъ поклонялись татары до принятія магометанства, или къ привозимымъ татарскими послами изображеніямъ хана.

Въ предѣлахъ *Замоскворѣчья* населеніе Земляного города состояло изъ разнородныхъ элементовъ. Въ западной части Замоскворѣчья были стрѣлецкія слободы. Начало военнымъ поселеніямъ здѣсь было положено вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ, который, по словамъ Герберштейна, построилъ за Москвой-рѣкой своимъ тѣлохранителямъ новый городъ *Нали*,—такъ пишетъ Герберштейнъ русское *налей*,—потому что только имъ была предоставлена свобода пить и ихъ въ виду этого слѣдовало изолировать, чтобы ихъ примѣръ не соблазнялъ сосѣдей. Вслѣдъ за Герберштейномъ этотъ рассказъ о возникновеніи поселка *Налей* или *Налейка* повторяютъ прочіе иностранцы, писавшіе о Московіи, добавляя, что стража Василя Ивановича состояла изъ иноземныхъ солдатъ—нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ. Одно урочище близъ Калужскихъ воротъ до сихъ поръ прозывается Наливками (церковь Спаса въ Наливкахъ). Въ XVII в. на мѣстѣ иноземнаго поселка мы находимъ стрѣлецкія слободы, тянувшіяся вдоль Якиманки вплоть до Калужскихъ воротъ. О существованіи въ этой мѣстности польскаго поселенія свидѣтельствуетъ урочище *старые Паны* близъ Якиманки.

Видъ теремовъ со стороны Кавалерскаго двора.

Другая крупная улица Замоскворѣчья, *Ордынка*, составляла городской участокъ большой ордынской дороги. На этой улицѣ и по сосѣдству съ ней селились послы изъ Орды, но въ той же мѣстности были и постоянныя татарскія поселенія, напр., на *Татарской улицѣ*. О Ногайскомъ дворѣ въ юго-восточной части Замоскворѣчья мы уже упоминали выше. Необходимость частыхъ сношеній съ татарами вызвала появленіе за Москвой-рѣкой *толмацкой слободы*, существовавшей еще въ XVII в. Толмачи, т. е. переводчики, жили на Татарской улицѣ (Никита въ старыхъ Толмачахъ) и—вѣроятно, въ позднѣйшее время,—ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, въ урочищѣ Толмачи (Толмачевскіе переулки). Татары крымскіе имѣли свой дворъ въ другой части Замоскворѣчья, въ мѣстности, до сихъ поръ прозывающейся *Крымокъ*, близъ Крымскаго моста.

Кромѣ татаръ въ восточной половинѣ Замоскворѣчья жили слободами *кузнецы*, *овчинники*, *садовники*,— послѣдніе по берегу рѣки, противъ устья Яузы. Главная мѣстная улица, Пятницкая, получила свое названіе отъ церкви Пятницы-Параскевы; на этой улицѣ еще въ началѣ XVI в.

стоялъ Ивановскій монастырь *подъ боромъ*, обращенный впоследствии въ приходскую церковь во имя Черниговскихъ чудотворцевъ.

На рѣкѣ Москвѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были мосты, въ большинствѣ — на деревянныхъ сваяхъ. Въ самомъ концѣ XVII в., въ 1687—1692 гг. былъ построенъ грандіозный по тогдашнему времени каменный мостъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь есть мостъ, прозывающійся *Каменнымъ*.

Мѣстность за чертою Земляного города была уже отчасти заселена ко времени постройки его деревянной стѣны и продолжала быстро заселяться въ XVII в. Здѣсь были кромѣ монастырей загородные дворы государя и духовныхъ властей, дворы боярскіе, слободы государевы и частновладѣльческія. Заселенію послѣднихъ значительно способствовала свобода отъ городского тягла, привлекавшая на частновладѣльческія земли много торговцевъ и ремесленниковъ. Къ половинѣ XVII в. ростъ этихъ слободъ принялъ уже такіе размѣры, что вызвалъ жалобы со стороны посадскихъ тяглыхъ людей, поставленныхъ относительно промысловъ въ менѣе благоприятныя условія, и правительство включило въ Уложеніе 1649 г. постановленіе, по которому всѣ частновладѣльческія слободы отписывались на государя. Тогда же былъ нормированъ городской выгонъ, вскорѣ, впрочемъ, опять застроившійся.

О томъ, насколько были удалены въ XVI в. отъ городской черты заселенныя подгородныя мѣстности, намъ даютъ возможность судить названія нѣкоторыхъ урочищъ за Землянымъ городомъ, несомнѣнно, извѣстныхъ ранѣе XVII в.: Три Горы, Кудрино, Новое мѣсто или Новинское, Дорогомилово, Сущево, Напрудское (за Самотечной Садовой, по рѣкѣ Напрудной), Красное село подъ великимъ прудомъ у города, Крутицы, Новое Симоново (Спасскій Симоновъ монастырь).

Въ *Дорогомиловой* рыбной слободѣ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки въ XV в. былъ уже дворъ ростовскихъ архіереевъ близъ церкви Благовѣщенія на *Бережкахъ*, построенной въ 1412 г. Ближе къ Новодевичьему монастырю, основанному въ 1525 г., находилась Саввинская слободка у монастыря того же имени (теперь приходской церкви Саввы Освященнаго), къ которой шла улица Саввинская или Смоленская, прозванная въ началѣ XVIII в. Плющихой по мѣстной фартинѣ.

Кудрино и Новинское были митрополичьи села на Прѣснѣ. Послѣднее получило свое названіе отъ монастыря на Новомъ или Новинскаго, основаннаго въ XV в. Пруды на Прѣснѣ появились въ XVII в.: въ концѣ его они были устроены на патриаршей землѣ, а ранѣе, около 1632 г., — въ царскихъ владѣніяхъ. Въ послѣдней четверти XVII в. на Прѣснѣ возникаютъ новыя царскія села — *Воскресенское* съ загороднымъ деревяннымъ дворцомъ и *Новое Ваганьково*.

Въ половинѣ XVI в. основалась на Яузѣ *нѣмецкая слобода*, но и послѣ того иноземцы продолжали жить въ городѣ и имѣли въ немъ свои церкви. Въ 1652 г. правительство окончательно выселило нѣмцевъ за черту города, и тогда устроилась на мѣстѣ прежней *Новая иноземская слобода* или Кукуй (отъ ручья Кукуя, протекавшаго въ этой мѣстности). Невда-

лекъ отъ слободы, въ селѣ Преображенскомъ царь Алексѣй построилъ себѣ загородный дворецъ.

Ближе къ городской чертѣ была слобода *Басманная*, населенная, по словамъ Рейтенфельса, «всякаго рода людьми и называемая поэтому слободою перекрестовъ, т. е. тѣхъ, которые, принявъ вторично крещеніе, перешли изъ иноземныхъ христіанъ въ вѣру московитовъ.» Названіе этой слободы дали, вѣроятно, дворцовые пекаря-басманники, изготовлявшіе особый сортъ хлѣба, басманъ.

Въ разныхъ мѣстахъ загородной территоріи въ XVI—XVII вв. были расположены ямскія слободы,—по тверской дорогѣ (Тверскія-ямскія), въ Рогожской. Слободы *мыщанскія*, въ мѣстности теперешнихъ Мыщанскихъ улицъ, возникли не ранѣе второй половины XVII в., когда въ Москвѣ появились переселенцы изъ западной и южной Россіи, принесшіе съ собою самый терминъ *мыщане* (въ западно-русскомъ языкѣ—горожане).

Окрестности допетровской Москвы.

Пр.-доц. **Ю. В. Готье.**

Взглянуть лишь бросить взглядъ на планъ Москвы, составленный въ началѣ XVII вѣка, по преданію царевичемъ Федоромъ Борисовичемъ, планъ, который много разъ позднѣе воспроизводился въ сочиненіяхъ о Москвитинѣ, чтобы видѣть, насколько Москва въ то время отличалась по занимаемой ею территоріи отъ современной намъ Москвы. Городъ оканчивался стѣнами Скородома, а послѣ того какъ онѣ сгорѣли въ смуту, — землянымъ валомъ, по линіи нынѣшней Садовой. Далѣе начинались уже загородныя мѣста, въ московскіе планы они впервые включаются въ XVIII столѣтіи. Было бы, однако, ошибкою думать, что городская жизнь до Петра останавливалась у воротъ столицы, съ послѣдними домами Земляного города. Давно успѣвшіе намѣтиться искривленные радіусы, — главныя улицы Москвы, — вели отъ ея ядра, Кремля и Китай-города, къ воротамъ Бѣлаго города и далѣе къ воротамъ города Земляного, которыя находились почти всегда на одной линіи съ первыми. За Землянымъ городомъ, по обѣимъ сторонамъ дорогъ, ведущихъ въ большой муравейникъ — Москву, тянулись на довольно большое разстояніе жилища всякаго мелкаго люда, льнушаго къ большому городу, питавшагося имъ и кормившаго его своимъ трудомъ. Эти пригородныя поселенія расплзались далѣе въ ширь по мѣрѣ роста самаго города. Взглядъ на планъ столицы болѣе поздняго времени лучше уяснитъ сказанное. Возьмемъ, напр., «планъ столичнаго города Москвы, сочиненный подъ смотрѣніемъ архитектора Мичурина» въ 1739 году, и мы сейчасъ же увидимъ, какъ за городскими воротами узкой лентой вытягивались по направленію къ нынѣшнему камеръ-коллежскому валу продолженія городскихъ улицъ, носившія обыкновенно названіе слободъ. Слободы не примыкали одна къ другой; вытянутыя по продолженіямъ радіусовъ, шедшихъ отъ центра города, онѣ отдѣлялись другъ отъ друга засѣянными полями и пустырями, однимъ изъ послѣднихъ воспоминаній о кото-

MARIA MNISZCHOWNA ZONADEI
1609

Марина Мнишекъ.
Оригиналъ находится въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

рыхъ служить до сихъ поръ громадная Миусская площадь, или же оврагами и рѣками, какъ, на примѣръ, между слободами новой Дмитровской и селомъ Сущевымъ, съ одной стороны, и Троицкой слободкой съ другой, гдѣ протекали рѣчка Неглинная и ручей Самотека.

Приглядимся поближе къ слободамъ, окружавшимъ Москву; посмотримъ, какъ онѣ были расположены и какъ текла жизнь въ этихъ придаткахъ могучаго организма Москвы, при помощи которыхъ онъ завоевывалъ постепенно деревенскій просторъ. Выѣхавъ изъ воротъ Земляного города по Тверской, путешественникъ, покидавшій Москву, попадалъ въ Тверскую ямскую Слободу, состоявшую при царѣ Михаилѣ изъ 60 дворовъ «ямскихъ охотниковъ», т.-е. ямщиковъ, содержавшихъ сообщеніе между Москвою и Тверью для надобностей Московскаго правительства. Въ слободѣ была своя церковь, вблизи которой стояли дворы причта, ямского прикащика и церковныхъ бобылей, — мелкихъ ремесленниковъ, жившихъ на церковной землѣ. Всѣ ямскіе дворы занимали совершенно одинаковое пространство по 15 саж. въ длину и ширину да «въ огородѣ и въ огуменникѣ» 25 сажень по длиннику и 15 въ поперечникѣ. Ямская слобода была настоящей деревней. Ямскіе дворы были окружены пашней, занимавшей подъ самой слободой «и съ тѣмъ, что подъ новой слободой межъ старой Дмитровской и новой дороги», 192 десятины. Влѣво ямская земля простиралась въ перемежку съ огородами московскихъ обывателей до Кудринской слободы или «оселка» и Волоцкой дороги, какъ называли въ то время нынѣшнюю большую Прѣсную. Если повернуть вправо отъ Тверской и ѣхать вдоль нынѣшней Каретной Садовой, можно было, миновавъ сначала новую, а потомъ и старую Дмитровскую дорогу, «что ѣзживали въ Петровскія ворота», попасть на дорогу, по которой «ѣздить отъ Тверскихъ воротъ на большую Троицкую дорогу». Ёдучи этимъ путемъ, надо было проѣхать сначала мимо пахотныхъ угодій Тверскихъ ямщиковъ; за ними на лѣвой сторонѣ оставалась Новая Дмитровская слобода, потомъ новая слободка Воротниковская и старинное большое село или слобода Сущево, упоминаемое въ качествѣ княжеской вотчины еще въ удѣльные вѣка. Помянутая выше дорога, соединявшая Тверскія ворота съ Троицкой дорогой, проходила далѣе черезъ убогіе дома, — своеобразную особенность древней Москвы, — гдѣ складывались и хоронились тѣла самоубійцъ, казненныхъ, погибшихъ насильственной смертью и неизвѣстныхъ. «Убогіе дома», отъ которыхъ получила свое названіе Божедомка, были расположены вблизи ручья Самотеки; здѣсь съ нашей дорогой скрещивалась другая, ведшая изъ города въ село Напрудное съ его уже въ XVII в. чтимою церковью св. великомученика Трифона и въ возникшую еще въ XVI вѣкѣ на землѣ князя Черкаскаго, тянувшей къ его вотчинѣ с. Останкину, слободку Марьину, населенную ремесленниками, непашенными бобылями и дворовыми людьми князя. Отъ убогихъ домовъ дорога, ведшая съ Тверской, поднималась вверхъ къ старинной Переяславской ямской слободѣ, оставляя направо подмосковную слободку Троицкаго монастыря съ подворьемъ, на которомъ останавливались пріѣзжавшія въ Москву власти этой обители. Громадное пространство между валомъ города и слободами Сущевской, Марьиной, Троицкой и Переяславской и се-

ломъ Напруднымъ оставалось долгое время пустымъ и было въ XVII вѣкѣ, кромѣ убогихъ домовъ, занято пашней ямщиковъ Переяславской слободы, и отдѣльными частновладѣльческими участками, самые крупные изъ которыхъ еще носили привычное для русской деревни названіе пустошей.

Переяславская ямская слобода вмѣстѣ съ появившейся рядомъ съ нею въ половинѣ XVII столѣтія слободой Мѣщанской, предназначавшейся для западно-русскихъ переселенцевъ, занимала высокую мѣстность за Срѣтенскими воротами. Ея устройство ничѣмъ не отличалось отъ устройства Тверской и другихъ ямскихъ слободъ. Пахотныя земли переяславскихъ ямщиковъ, начинаясь, какъ уже сказано, подъ Суцевымъ, простирались къ востоку до нынѣшнихъ Красныхъ воротъ и Краснаго пруда, гдѣ встрѣчались съ подгородными частновладѣльческими участками и съ большой группой дворцовыхъ сельъ и слободъ, непосредственно примыкавшихъ къ городу, составляя какъ бы его продолженіе къ сѣверо-востоку. Это были слободы старая и новая Басманныя и Сыромятническая и села Елохово, Красное, Покровское-Рубцово, Преображенское и Семеновское; за ними не въ далекомъ разстояніи находились старинная вотчина Чудова Монастыря, село Черкизово, и вотчина бояръ Романовыхъ, Измайлово, перешедшее въ 1650-хъ годахъ, послѣ кончины боярина Н. И. Романова, въ собственность царя Алексѣя. Вблизи помянутыхъ дворцовыхъ сельъ, между ручьемъ Чечоркой и рѣчкой Яузой, возникла послѣ смутнаго времени новая Нѣмецкая слобода, куда были переселены изъ города всѣ иностранцы. Объ этомъ сильно старалось высшее Московское духовенство, мечтавъ уменьшить до предѣловъ возможнаго общеніе русскихъ съ иновѣрцами; мечта, однако, не осуществилась; непрерывный рядъ улицъ соединялъ Нѣмецкую слободу съ Москвою, а близость дворцовыхъ сельъ, ставшихъ въ концѣ столѣтія царскими резиденціями, сдѣлала изъ нея первое окно, черезъ которое сталъ смотрѣть на Европу юный царь Петръ.

Продолжая нашъ путь далѣе на востокъ, мы встрѣтимъ за Сыромятниками, на лѣвомъ берегу Яузы, новый видъ подмосковнаго поселенія, нами еще не отмѣченный. Съ юга Москва, подобно современной крѣпости, была опоясана линіей фортовъ-монастырей, своими стѣнами и бойницами прикрывавшихъ подступы къ посаду и оказывавшихъ не малую защиту столицѣ во время набѣговъ татаръ, прекратившихся только къ концу XVI столѣтія. Монастыри эти—Андроньевъ, Новоспасскій, Крутицкій, Симоновъ въ Заяузѣ, Даниловъ и Донской за Москвою рѣкой, Новодѣвичій и Новинскій на юго-западѣ—охраняя столицу, жили своими особыми мірками. Они были окружены дворами служекъ, служебниковъ, дѣтенышей, трудниковъ, какъ называли всѣхъ тѣхъ мірянъ, которые по личному усердію, по экономической необходимости или по холопству должны были работать на иноковъ и доставлять обителямъ довольство и спокойную жизнь. Служа монастырю, слуги подмосковныхъ обителей были по большей части мелкими ремесленниками, для которыхъ близость къ столицѣ была постояннымъ источникомъ работы.

Громадное пространство по лѣвому берегу Яузы между Семеновскимъ и Андроньевымъ монастыремъ, съ его слободкой «Вороньей», оставалось

въ XVII столѣтіи, повидимому, незастроеннымъ. По рѣкѣ Яузѣ въ мѣстахъ, гдѣ позднѣе выросли царскіе дворцы, стояли лишь мельницы, какъ стояли онѣ, впрочемъ, и по другимъ рѣчкамъ близъ города и даже внутри его — по Прѣснѣ, Ходынкѣ, Неглинной. Наоборотъ, высокая мѣстность въ Заяузѣ, за Таганскими воротами была покрыта если не сплошными, то во всякомъ случаѣ значительными поселеніями, не сливавшимися въ допетровское время ни со столицей, ни другъ съ другомъ. Это была, прежде всего, Рогожская ямская слобода, получившая свое названіе отъ села Рогожъ (нынѣ г. Богородскъ), расположеннаго по большой Владимірской дорогѣ, которую она обслуживала; ея пашни и огороды тянулись отъ Яузы до Калитникова болота и «убогихъ домовъ», находившихся близъ Крутицкаго монастыря. Далѣе—дворцовая слобода Алексѣевская, память о которой сохранилась въ названіи улицъ, соединяющихъ Андроньевъ монастырь съ Та-

А. П. Рябушкинъ. Московская улица допетровскаго времени въ праздничный день.

ганкой, Каменщики, вдоль Москвы рѣки отъ стѣнъ города до Новоспасскаго монастыря, наконецъ, слободки Монастырей Симонова и Новоспасскаго и владѣнія Крутицкаго митрополита, носившія названія деревень Малыхъ Крутиць и Кожухова и слободокъ Арбатецкой и Дубровки.

Въ Замоскворѣчѣ за валомъ находимъ по берегу Москвы рѣки, противъ Каменщиковъ и Новоспасскаго монастыря, слободу Кожевники и монастырскую слободку Даниловскую; вокругъ Донскаго монастыря, болѣе молодого, чѣмъ другіе подмосковные монастыри, также завязывается въ XVII столѣтіи узелъ подмонастырнаго поселенія; но преобладающей по пространству и значенію является въ Замоскворѣчѣ Коломенская ямская слобода, обслуживавшая дорогу на югъ отъ столицы; ея уголья съ обѣихъ сторонъ упирались въ Москву-рѣку.

Выйдя изъ города по Калужской дорогѣ, спустившись вправо по крутому берегу Москвы и перейдя послѣднюю около основаннаго въ половинѣ XVII столѣтія Ѡ. М. Ртищевымъ Андреевскаго монастыря, гдѣ кіевскіе

иноки работали надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, мы опять попадаемъ въ непосредственную близость города. Расположенный противъ дворцоваго села Воробьева и находившейся подъ нимъ слободки Лужниковской блисталъ главами своихъ церквей Новодѣвичій монастырь, отдѣленный отъ города громаднѣмъ полемъ, остатки котораго еще памятны теперешнимъ москвичамъ. Вправо отъ дороги изъ монастыря въ Москву лежала черная Хамовническая слобода, поставлявшая на Большой Дворецъ полотна и скатерти; влѣво вытянулась вдоль «бережковъ» и «овражковъ» Москвы-рѣки патриаршая Саввинская слобода, а за нею Дорогомилово, которое подѣлено было между Ямскою слободой, обслуживавшей Смоленскую дорогу, и Благовѣщенской слободой Ростовскаго митрополита, гдѣ жили его старинные домовые крестьяне; первая была за рѣкою, вторая находилась на лѣвомъ, городскомъ берегу Москвы вокругъ церкви Благовѣщенія въ «бережкахъ». Далѣе, отъ устья Прѣсни вверхъ по ея лѣвому берегу, раскинулась слобода патриаршаго Новинскаго монастыря, примыкавшая къ Кудрину, а за Прѣсней, между Москвою-рѣкою и Волоцкою дорогою была «великаго государя слобода Садовничья, да солодяной да свинарный дворы, потѣшный дворъ и псарскіе и всякихъ охотничьихъ людей дворы». Таковъ былъ внѣшній видъ и составъ ближайшихъ окрестностей Москвы.

Внутренній бытъ и занятія подмосковныхъ слободъ въ значительной степени зависѣли отъ ихъ происхожденія и той специальной цѣли, которой онѣ служили, того тягла, которое онѣ тянули. Ямскія слободы имѣли свое дѣло, важное въ общемъ распорядкѣ жизни того времени, но болѣе узкое сравнительно съ торговою дѣятельностью черныхъ слободъ и сотенъ Москвы. Специальныя занятія сосѣднихъ съ городомъ дворцовыхъ селъ и слободъ опредѣлялись ихъ отношеніемъ къ царскому хозяйству и состояли въ изготовленіи для Кремля запасовъ и въ доставкѣ продуктовъ — бѣлья въ Хамовникахъ, кожаныхъ издѣлій въ Кожевникахъ и Сыромятникахъ — или же въ отбываніи барщины или уплатѣ оброка во дворецъ: такъ было въ селахъ Красномъ, Покровскомъ и другихъ. Наконецъ, назначеніемъ Монастырской слободки была работа на братію. Однако, специальными тягловыми работами не исчерпывались занятія жителей подмосковныхъ селъ и слободъ. Рядомъ съ подневольной работой на государство, дворецъ или монастырь была вольная работа на большой городъ, который требовалъ торговцевъ, промышленниковъ, ремесленниковъ. Черныхъ сотенъ внутри города не хватало для надобностей московскаго рынка. Извѣстно, что въ самой Москвѣ торговлею и промыслами занимались и черныя дворцовыя слободы и стрѣльцы и другіе мелкіе служилые люди въ свободное отъ походовъ и службы время. То же можно сказать и о пригородныхъ поселеніяхъ. Переписи подмосковныхъ слободъ, при всей ихъ сухости и краткости, рисуютъ яркую и интересную картину. Ямщики и мелкіе служилые люди торгуютъ, государевы оброчные крестьяне въ какомъ-нибудь селѣ Красномъ или Елоховѣ оказываются портными, серебряниками, калашниками, а служки и дѣтеньши монастырскихъ слободъ — печниками, сѣдельниками, сапожниками, дровосѣками, мясниками, плотниками, словомъ, въ каждой такой слободкѣ или селѣ оказывались въ наличности чуть ли не всѣ ремесла, какія

Шествіе въ Успенскій Соборъ

Торжественный обѣдъ въ Кремлевскихъ Палатахъ.

Изъ книги: „Избраніе на царство слѣд. Георг. Романова“, съ экземпляра, находящагося въ Б.л. арх. Мин. Иностран. Дѣл въ Москвѣ.

могутъ существовать въ большомъ городѣ. Можно, кажется, подмѣтить и нѣкоторую спеціализацію, вызываемую или условіями мѣста, или случайными причинами. Такъ, въ слободкѣ Новинскаго монастыря жило довольно много «могиляковъ», обслуживавшихъ монастырское кладбище, а также довольно значительное число московскихъ извозчиковъ. Непашенные бобыли Крутицкой слободки Дубровки занимались кирпичнымъ дѣломъ, что, быть можетъ, объяснялось свойствами почвы. Промыслами поддерживало себя и низшее духовенство: въ 1646 году была «на рѣкѣ на Москвѣ у Воробьевыхъ кручь церковь Андрея Стратилата, да на ея церковной землѣ сарай, а въ немъ жгутъ кирпиче, сарай пона Ивана Кондратьева, а въ немъ кирпичъ жжетъ самъ попъ на продажу, да другой сарай пона Алексѣя Денисова, да въ томъ же сараѣ жеребей дяконовъ и тотъ жеребей въ спорѣ у пона Алексѣя съ церковнымъ дячкомъ Тимошкою Ивановымъ».

Такъ, между Москвою и ея деревенскими окрестностями простирался довольно широкій поясъ поселеній, непосредственно связанныхъ съ городомъ, жившихъ съ нимъ одною жизнью и работавшихъ на него. Уже въ XVII столѣтіи Москва была обширнымъ рынкомъ, не довольствовавшимся тѣмъ, что производилось внутри его и поглощавшимъ производство окрестныхъ селеній. Селенія эти были прямымъ и естественнымъ продолженіемъ столицы, и ихъ внутренній бытъ мало чѣмъ отличался отъ быта посадскихъ общинъ внутри города. Какъ и тамъ преобладали мелкіе интересы самой слободки, ограниченной двумя-тремя улицами съ деревянной мостовой и грязью по колѣно; нарушали однообразіе посѣщеніе церкви по праздникамъ и развлечения въ кабакѣ. Обыденная жизнь лишь изрѣдка заслонялась общею жизнью столицы. Собщеніе, несмотря на близость, было тяжелымъ и часто затруднительнымъ. Въ Москву ходили и ѣздили за дѣлами или за зрѣлищами: посмотреть на празднества, выходы царей, приѣздъ иноземцевъ. Болѣе сильный отголосокъ на далекихъ городскихъ окраинахъ находили крупныя событія, происходившія въ стѣнахъ Москвы и потрясавшія подчасъ всю страну. Къ такимъ событіямъ, какъ показываетъ намъ исторія Смутнаго времени, умѣло чутко прислушиваться все русское населеніе; умѣло оно и отзываться на нихъ.

Постепенно, однако, большой городъ поглощалъ самостоятельность окраинъ. Важнымъ моментомъ въ исторіи пригородовъ старой Москвы былъ 1649 годъ., когда, съ введеніемъ въ силу Соборнаго Уложенія, обитатели патриаршихъ и монастырскихъ подмосковныхъ слободокъ были взяты въ Московскій посадъ и расписаны по городскимъ сотнямъ и слободамъ. Постановление «впредь опричь государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ не быть» было распространено и на московскіе пригороды: только государевы дворцовыя села да государственныя ямскія слободы сохранили и позднѣе отдѣльное отъ Москвы существованіе.

За поясомъ слободъ и подмосковныхъ селъ разстилался до южной степи, польскихъ границъ, Бѣлаго моря и Урала деревенскій просторъ. Что считать окрестностями Москвы, чѣмъ отличались эти окрестности отъ остальной страны, напоминалъ ли тогдашній видъ ихъ то, что мы теперь видимъ вокругъ города? Вотъ вопросы, которые сами собою становятся на очередь.

Окрестности Москвы, условно, конечно, можно ограничить Московским уездомъ. Уездъ—основное областное дѣленіе Московскаго государства, округъ, который князь объѣзжалъ для сбора дани; уездъ возникъ въ удѣльное время, пережилъ всю Московскую эпоху и, несмотря на многочисленныя перемѣны при Петрѣ, благополучно дожилъ до Екатерининскаго Учрежденія о губерніяхъ. Тогда уезды, сохранивъ названіе, почти вездѣ измѣнили свои границы. Старинный Московскій уездъ значительно отличался отъ современнаго и обнималъ не только Московскій, но также и нынѣшніе Подольскій, Бронницкій, Богородскій и части Дмитровскаго, Звенигородскаго, Верейскаго и Серпуховскаго уездовъ. Онъ сложился въ такомъ видѣ изъ ближайшихъ къ столицѣ волостей и изъ отдѣльныхъ подмосковныхъ селъ, которыя въ удѣльную эпоху давались обыкновенно порознь всѣмъ наследникамъ Московскаго князя. Къ этимъ волостямъ и селамъ были позднѣе присоединены части старинныхъ удѣловъ Боровскаго и Серпуховскаго. Московскій уездъ распадался болѣе чѣмъ на 60 мелкихъ дѣлений, носившихъ названіе волостей и становъ. Перечислимъ тѣ изъ нихъ, которые непосредственно прилегали къ городу. По лѣвому берегу Москвы-рѣки, выше города, тянулся Горетовъ станъ, примыкавшій къ городскому валу между Дорогомиловымъ и Тверской дорогой; на территоріи его были расположены Ирѣсенская, Кудринская и Новинская слободы. Между Тверской и Троицкой дорогами подходилъ къ Москвѣ простиравшійся далеко на сѣверъ станъ Манатыинъ Быковъ и Коровинъ; станъ этотъ составилъ изъ трехъ ранѣе отдѣльныхъ волостей; къ нему принадлежали подгородныя слободы: Новая Дмитровская, Сущевская, Троицкая и село Напрудное.

Къ сѣверо-востоку отъ Москвы, вдоль Троицкой дороги и вправо отъ нея до селъ Черкизова и Измайлова, была расположена дворцовая волость Тайнинская, въ составъ которой входили и большіе лѣса, донинѣ сохранившіеся близъ Москвы подъ названіями Сокольниковъ и Лосинаго острова. Съ востока отъ границъ дворцовыхъ земель до Симонова монастыря, на Москвѣ-рѣкѣ прилегалъ къ столицѣ станъ Васильцовъ, въ который входили пригородныя слободки Заяузья. Съ Замоскворѣчьемъ граничилъ Ратуевъ станъ, а Воробьевы горы и Дорогомилово принадлежали къ стану Сѣтунскому, получившему свое названіе отъ рѣчки Сѣтуни. На западѣ Сѣтунскій станъ отдѣлялся рѣкою Москвой отъ Горетова стана.

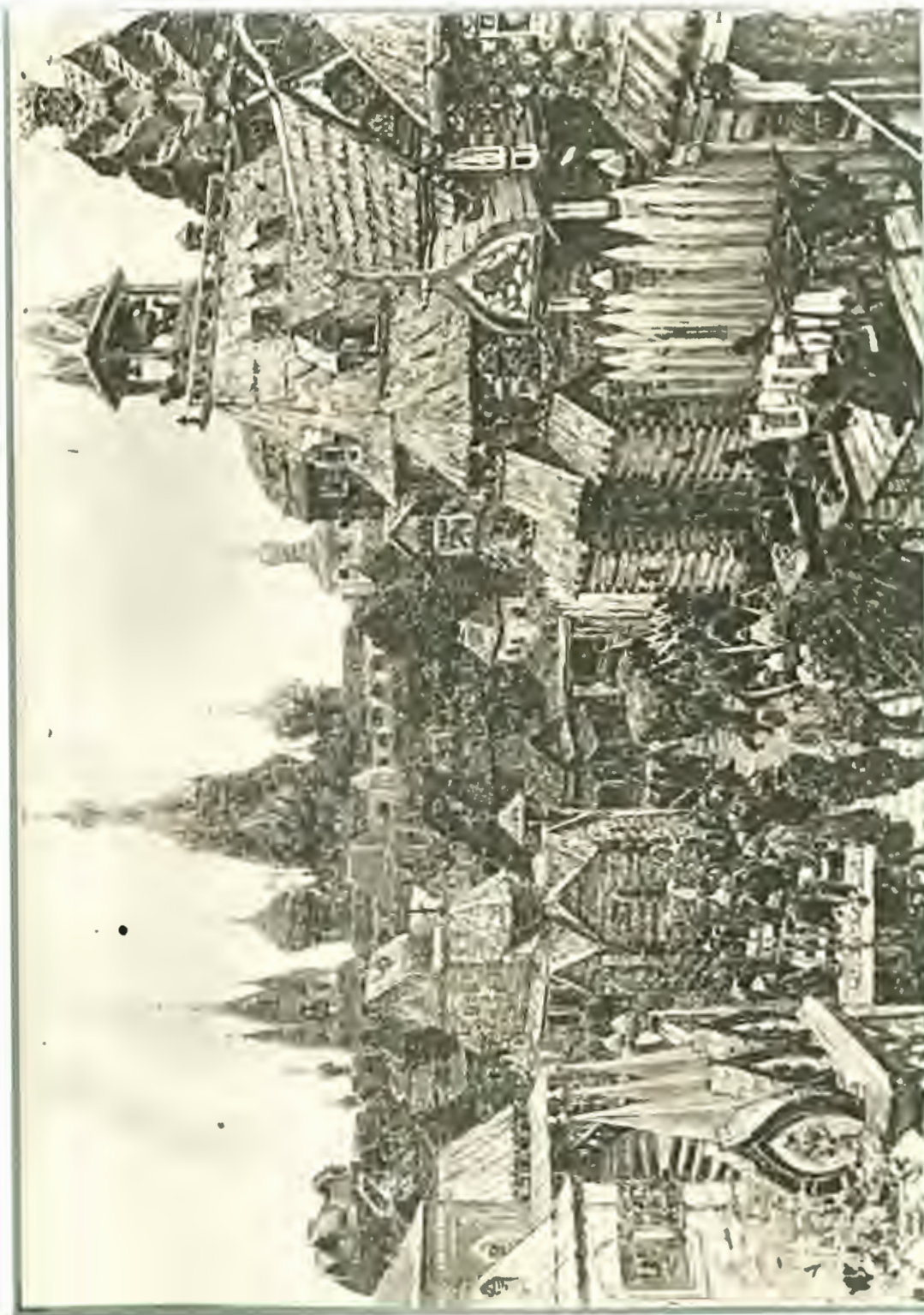
Въ XVI столѣтіи Московскій уездъ еще подвергался опустошеніямъ татаръ, какъ это было, напримѣръ, въ 1571 и 1591 годахъ, но это обстоятельство не мѣшало ему быть одною изъ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностей страны. Лишь къ концу столѣтія въ окрестностяхъ столицы дало себя чувствовать пагубное вліяніе затяжнаго экономическаго истощенія, отъ котораго страдало Московское государство при царѣ Иванѣ. Смуга ураганомъ промчалась надъ окрестностями Москвы. Не миновали безслѣдно для нихъ самозванцы, народныя вожди вродѣ Болотникова, казаки, поляки. Описанія Московскаго уезда въ 10-хъ годахъ XVII столѣтія всегда сопровождаются безотраднымъ заключеніемъ: «а нынѣ все пусто», «села и деревни запусѣли отъ Литовскихъ людей», «а по новому

дозору все пусто». Подъ Троицкимъ монастыремъ заустѣли двѣ женскихъ обители: на «троицкой землѣ, въ Хотьковѣ былъ монастырь, а нынѣ стоитъ церковь Покрова Пресвятой Богородицы, да на монастырѣ 27 мѣстъ келейныхъ порожихъ; да на троицкой землѣ былъ монастырь Богородицкій Подсошеньемъ, разоренъ отъ Литовскихъ людей». Этотъ послѣдній монастырь такъ и не былъ возстановленъ послѣ смуты. Такая же участь постигла цѣлыя села, деревни, усадьбы. Населеніе за смуту убыло и едва начало оправляться въ 20-хъ годахъ XVII вѣка. Это лучше всего видно на примѣрѣ. Въ троицкихъ вотчинахъ Московскаго уѣзда, занимавшихъ, не включая огромныхъ лѣсовъ, пространство до 40.000 десятинъ, въ 1593 году было 280 селеній, съ 1545 населенными дворами; въ 1614 г. ихъ оставалось лишь 91 съ 215 дворами; въ 1625 году цифры эти повысились до 155 и 934. Лишь послѣ «королевичева прихода»,—такъ называли въ Москвѣ походъ Владислава на Москву въ 1618 г.,—окрестности Москвы получили, наконецъ, тотъ миръ и тишину, въ которыхъ онѣ такъ нуждались, и стали оправляться отъ перенесенныхъ потрясеній. Лишь съ большимъ трудомъ можно себѣ представить численность населенія Московскаго уѣзда за время отъ смуты до Петра. По мѣрѣ того, какъ страна оправлялась отъ разоренія, прежніе жители, распуганные и разогнанные смутой, возвращались на старыя мѣста; строились деревни, распахивались заустѣвшія поля, расчищались нови. Правительство царя Михаила имѣло въ своемъ распоряженіи очень мало денегъ и очень много пустыхъ земель. Естественно, что наряду съ другими способами эксплоагации этихъ земель должна была возникнуть мысль объ использованіи ихъ путемъ продажи частнымъ лицамъ. Этимъ пополнялась истощенная казна и оказывалось косвенное содѣйствіе экономическому подъему страны: предоставляя частнымъ лицамъ пріобрѣтать пустыя земли, правительство передавало имъ заботу о хозяйственной ихъ эксплоатации. Въ такихъ именно цѣляхъ былъ изданъ указъ 7 февраля 1628 года, разрѣшавшій продажу порожнихъ земель въ вотчины «боярамъ и приказнымъ людямъ и служилымъ и не служилымъ людямъ и мочнымъ гостямъ» по полторы десятины за рубль, «чтобы изъ пуста въ живущее выходило». Практическое дѣйствіе закона 1628 года было довольно замѣтнымъ, особенно въ первое время: за годъ съ небольшимъ въ Московскомъ уѣздѣ было продано 75 участковъ. Среди лицъ, пріобрѣтавшихъ ихъ, встрѣчаются громкія имена князя Д. М. Пожарскаго, боярина И. Н. Романова, Шереметевыхъ и другихъ видныхъ дѣятелей эпохи. Внутренняя колонизація не могла не оказать вліянія на подъемъ хозяйственнаго состоянія окрестностей столицы и на увеличеніе подмосковнаго населенія. Землевладѣльцы различными способами привлекали рабочія руки на пустыя земли. Видное мѣсто въ первое время послѣ смуты занимало возвращеніе сельскихъ жителей, разошедшихся въ лихолѣтіе. Еще болѣе распространеннымъ явленіемъ былъ переводъ крестьянъ изъ многолюдныхъ селеній во вновь возникавшія. Встрѣчаются также случаи своза крестьянъ, хотя свозъ въ XVII вѣкѣ принадлежалъ къ отмиравшимъ явленіямъ. Въ годы польскихъ войнъ царя Алексѣя Михайловича пустыя земли нерѣдко колонизовались «полонными людьми», вывозимыми изъ западной Россіи. Въ результатѣ, вмѣсто «пустошей, что были деревни»,

столь характерныхъ для конца XVI и начала XVII столѣтій, все чаще и чаще стали встрѣчаться «деревни, что были пустоши». Непрерывный ростъ сель и деревень вокругъ Москвы не замедилъ отразиться и въ официальныхъ документахъ: переписчики 1646 г. насчитали въ уѣздѣ до 13800 тяглыхъ дворовъ съ населеніемъ 70.000 человекъ обоого пола. Въ 1678 году населеніе уѣзда уже превышало 90.000, т.-е. за 32 года возросло на одну треть. Правда, цифры эти имѣютъ относительное значеніе. Техника переписного дѣла не была высока; въ переписи не включались неподатныя группы населенія, — дворянство, духовенство, а это повышаетъ истинную цифру населенія. Однако взаимное отношеніе приведенныхъ цифръ не измѣняется; онѣ ясно показываютъ, что, подобно населенію самой Москвы, росло и населеніе ея окрестностей, по мѣрѣ того, какъ сглаживались слѣды смуты.

Итакъ, сравнительная населенность была отличительнымъ свойствомъ окрестностей столицы. Москва въ то время была во всѣхъ отношеніяхъ центромъ страны. Въ нее отовсюду сходились большія дороги. Кромѣ пяти главныхъ дорогъ, перечисленныхъ выше, по которымъ была организована ямская гоньба, въ Москву вели и другія, второстепенныя. Это были дороги—Калужская, Коломенская вдоль лѣваго берега Москвы-рѣки, Волоцкая, Дмитровская, Киржацкая. Подвигаясь по любой изъ этихъ дорогъ къ Москвѣ, путникъ еще задолго долженъ былъ замѣтить близость большого города. Однообразіе безграничныхъ лѣсовъ и пустырей, которые такъ поражали иностранцевъ, ѣхавшихъ въ Москву, смѣнялись болѣе оживленными картинами. Сѣрья, крытая тесомъ, деревни попадались чаще; чаще видѣлись усадьбы бояръ, дворянъ; ярко блестѣли среди деревянныхъ построекъ и лѣсовъ каменные церкви, воздвигнутыя усердіемъ богатыхъ вотчинниковъ; наконецъ, за нѣсколько верстъ, съ Поклонной горы, существовавшей почти на каждой ведшей въ столицу дорогѣ, открывался видъ на Москву, одинаково изумлявшій, хотя по разнымъ причинамъ, и русскаго, и иностранца. Видъ Москвы изумляетъ и теперь; онъ не потерялъ своей красоты и оригинальности, своего стариннаго облика. Можно думать, что и подмосковныя окрестности не утратили вполне всѣхъ чертъ, отличавшихъ ихъ въ старое время. Еще очень велики лѣса, окружающіе Москву, еще сѣрѣютъ деревянные избы среди каменныхъ и кирпичныхъ строеній; и еслибы не было фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и всего того, что внесено въ жизнь культурными пріобрѣтеніями новѣйшаго времени, то москвичъ временъ царя Михаила, чудомъ проснувшійся въ XX вѣкѣ, могъ бы безъ большого труда узнать привычную для него мѣстность.

Обратимся теперь къ другимъ особенностямъ подмосковныхъ мѣстъ. Въ XVI—XVII вѣкахъ Москва—столица царства и резиденція царя. Дворцовое хозяйство было самымъ сложнымъ и обширнымъ во всемъ государствѣ. Разсыпанныя по всей странѣ дворцовыя села и волости, обслуживавшія различныя нужды царскаго двора, были особенно многочисленны подъ Москвою, гдѣ онѣ тянулись почти непрерывною линіей отъ границъ Звенигородскаго уѣзда, черезъ Павшино, Хорошово, Крылатское, Воробьево, до города, и далѣе внизъ по рѣкѣ, гдѣ мы находимъ дворцовыя села Коломенское, Борисово, Островъ, Быково, Верхнее и Нижнее Мячково, Софь-

ВАСНЕЦОВЪ--СТАРАЯ МОСКВА

ино, Бронницы. Дворцовыя земли лежали также, какъ мы уже знаемъ, и къ сѣверо-востоку отъ Москвы. Не считая пригородныхъ дворцовыхъ селъ, вдоль Троицкой дороги, въ перемежку съ заповѣдными царскими лѣсами, расположены были временныя резиденціи, гдѣ дворъ останавливался во время государевыхъ богомольныхъ походовъ. Это были—Алексѣевское, Тайнинское, Пушкино, Братовщино, Воздвиженское и другія; въ иныхъ изъ нихъ и донинѣ еще сохранились слѣды царскихъ дворцовъ. Нѣсколько да-

лѣе отъ столицы встрѣчаемъ конюшенныя волости Домодѣдовскую и Бронницкую и Черноголовскую волость ловчаго пути, несшія специальную службу дворцу; сплошной территоріей лежали дворцовыя земли на южной окраинѣ уѣзда вокругъ села Хотуни (нын. Серпуховскаго у.) и на юго-востока, гдѣ подъ названіями Гвоздны, Сельны, Гуслицы, Гжели, Куньей, Загарья занимали значительную часть нынѣшнихъ Богородскаго и Бронницкаго уѣздовъ.

Дворцовыя села и волости были обложены

различными повинностями въ пользу дворца; мы только что упоминали о дворцовыхъ конюшенныхъ и ловчихъ волостяхъ; подобно этимъ волостямъ особыя спеціальныя повинности на дворецъ отбывало с. Семеновское (вл. нын. Дмитровскомъ у., неподалеку отъ Пушкина и Братовщина), поставившее въ Кремль дрова. Повинностью большинства другихъ дворцовыхъ селъ уѣзда была доставка хлѣбныхъ запасовъ, отбытіе барщины въ двор-

Башня въ селѣ Коломенскомъ.

цовыхъ имѣнійхъ, гдѣ существовала «государева пашня» или уплата денежнаго оброка. Какъ общее правило, можно установить, что оброкъ платили села, расположенныя у воротъ города, вродѣ Краснаго, Покровскаго; барщина была распространена въ другихъ близкихъ къ Москвѣ селахъ. Таковы были Коломенское, Измайлово, Воробьево, Алексѣевское.

Болѣе отдаленныя села и волости пахали государеву пашню у себя дома и доставляли во дворецъ хлѣбъ въ зернѣ. Независимо отъ сказаннаго, всѣ дворцовыя села обязаны были доставлять «столовые запасы»—мясо, сыръ, яйца, домашнюю птицу, орѣхи, грибы и прочую снѣдь, быстро потреблявшуюся безчисленнымъ населеніемъ Кремлевскаго дворца. Для болѣе далекихъ селъ такая повинность замѣнялась дополнительнымъ денежнымъ оброкомъ. Что такое было большое дворцовое село подѣ Москвою, покажетъ намъ лучше всего взглядъ на село Измайлово, старинную вотчину Романовыхъ и одну изъ резиденцій царя Алексѣя. Бояринъ Н. И. Романовъ и его наслѣдникъ царь Алексѣй Михайловичъ завели въ Измайловѣ образцовое хозяйство съ запашкой свыше 700 десятинъ; сверхъ того, отведены были особо 34 десятины для посѣва гречихи. Въ описаніяхъ с. Измайлова встрѣчаются слѣдующія строенія, принадлежавшія къ сельскому хозяйству: каменныя риги, житный дворъ, льняной дворъ, скотный дворъ длиною 45, шириною 24 сажени; въ немъ содержалось быковъ 903, дойныхъ коровъ 128, телокъ и телятъ 272, барановъ 284. На конномъ дворѣ стояло 700 лошадей: на птичьемъ было 484 лебедя, павлина, гуся, утки и разныхъ куръ. Въ запасныхъ складахъ хранилось 500 заступовъ, 192 косы, 400 сохъ, 900 серповъ и т. д.¹⁾ Таковую же приблизительно картину представляло и другое любимое село царя Алексѣя—Коломенское, особенностью котораго была не только большая дворцовая запашка, но также громадныя фруктовые сады и поемныя луга, куда на сѣнокосъ собирался рабочій людъ со всѣхъ почти дворцовыхъ волостей Московскаго государства.

Дворцовыя вотчины были капиталомъ, на который существовало громадное хозяйство Московскихъ царей. Государи XVI вѣка знали это и дорожили дворцовыми землями. Такъ же поступали и первые два царя изъ дома Романовыхъ, которые даже въ годы устроенія государства послѣ смуты сумѣли сберечь дворцовыя имѣнія. Но со смертью Алексѣя Михайловича дѣло мѣняется. У кормила правленія становятся временщики, опекуны, родственники малолѣтнихъ царей. Власть на долгое время переходитъ въ руки придворныхъ кружковъ, не заботившихся объ интересахъ государства. Начинается безумная и беспорядочная раздача дворцовыхъ земель. Въ числѣ получившихъ земли находимъ Апраксиныхъ, Милославскихъ, Салтыковыхъ, Нарышкиныхъ, Лопухиныхъ, патріарха Іоакима съ его родственниками, дѣятелей переворотовъ 1682 и 1689 гг.—Хованскихъ, Голицыныхъ, Стрѣшневыхъ. Петръ, взявъ въ свои руки правленіе, не измѣнилъ этой политики. Упразднивъ старый дворцовый обиходъ, онъ щедро раздавалъ и дворцовыя имѣнія. Достаточно сказать, что Меншикову

¹⁾ Мартыновъ и Снегиревъ. Русская старина въ памятникахъ гражданскаго и церковнаго водчества, годъ 4-й (1853), Стр. 101—104.

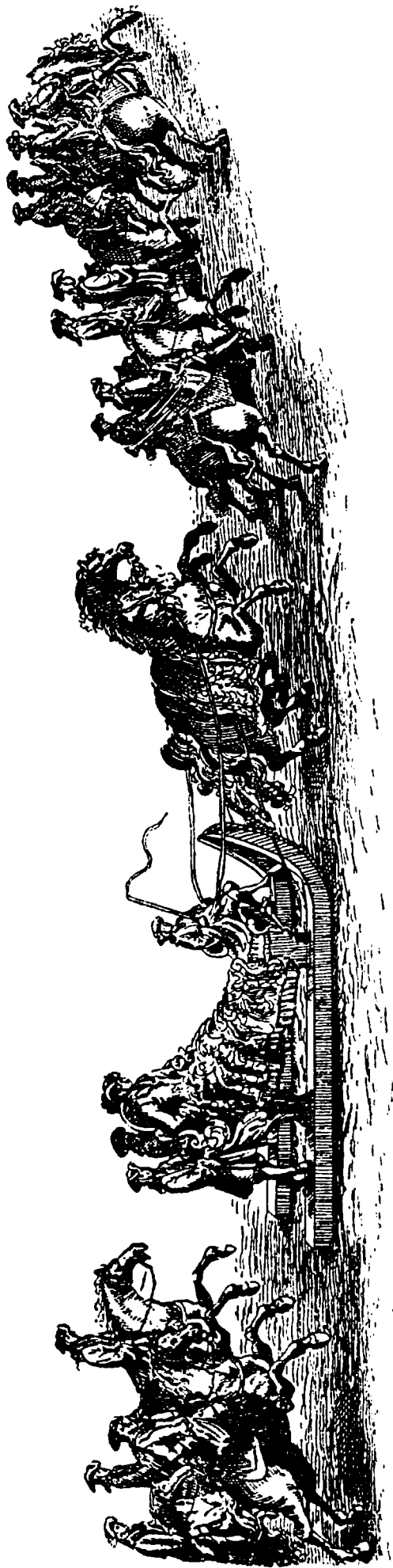
въ Московскомъ уѣздѣ были подарены волости Домодѣдовская, Гуслица и Гвоздна и села Верхнее и Нижнее Мячково съ 1270 дворами крестьянъ и 20000 десятинъ одной только пахотной земли, а князь Г. Ѡ. Долгорукій получилъ Хотунскую волость съ 700 дворовъ и 5700 десятинъ пахотной земли. Можно думать, что въ теченіе 35 лѣтъ съ 1676 до 1711 года было роздано до милліона десятинъ дворцовой земли, при чемъ Подмоскowie пострадало едва ли не сильнѣе другихъ мѣстностей. Такъ, вмѣстѣ со старымъ Московскимъ дворцомъ рушился и земельный капиталъ, его содержавшій. Дворцовое хозяйство было преобразовано и основано на другихъ началахъ.

Резиденція царя, Москва, была въ то же время и духовной столицей страны, мѣстомъ жительства россійскихъ митрополитовъ и патріарховъ, городомъ сорѣка сороковъ церквей и богатыхъ обителей. Мы уже видѣли, какое значеніе имѣли подмосковныя монастыри съ ихъ торгово-промышленными слободами; мы знаемъ также, какъ велики были имѣнія Троице-Сергіева монастыря въ окрестностяхъ столицы. Насколько велика вообще была площадь церковныхъ имѣній подъ Москвою, можно судить по тому, что эта площадь лишь на 30% была менѣе всѣхъ частновладѣльческихъ дворянскихъ имѣній. XVI столѣтіе было, временемъ особенно сильнаго роста монастырскихъ имѣній, роста, встревожившаго и взволновавшаго правительство настолько, что еще царь Иванъ счелъ нужнымъ закономъ оградить ростъ монастырскаго землевладѣнія. Но законъ этотъ плохо исполнялся первое время. Въ событіяхъ смуты общественное мнѣніе видѣло наказаніе за грѣхи всей земли. Эта мысль укоренилась въ умахъ современниковъ: русская земля въ грѣхахъ; ей ниспослано тяжелое испытаніе; въ смиреніи и покаяніи надо каждому молить о прощеніи грѣховъ, потому что каждый несетъ свою долю вины въ общихъ бѣдахъ. Чѣмъ же замолить грѣхи? Тѣмъ, что чаще всего составляло богатство русскаго челоувѣка того времени: землею, недвижимымъ имѣніемъ, отдавая его въ монастырь, какъ искупительную жертву. Такой образъ мыслей долженъ былъ вызвать и дѣйствительно вызвалъ новый приливъ земельныхъ вкладовъ въ монастыри. Нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго дѣятеля того времени, который бы не пожертвовалъ земли въ чтимую имъ обитель: въ одинъ только Троицкій монастырь между 1594 и 1614 годами было пожертвовано въ Московскомъ уѣздѣ 1900 десятинъ земли. Лишь постепенно въ общественномъ мнѣніи, а затѣмъ и въ законодательствѣ совершается переворотъ. Съ 30-хъ годовъ XVII вѣка вклады уменьшаются, а позднѣе, послѣ того какъ Соборное Уложеніе запретило всякія земельныя дачи въ духовныя учрежденія, жертвователями подмосковныхъ земель остаются только государи, не прекращавшіе своихъ земельныхъ вкладовъ въ обители, и даже разрѣшавшіе духовнымъ властямъ расширять свои владѣнія покупкою. Такъ было, напримѣръ, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который позволилъ своему любимцу Никону покупать земли для воздвигаемаго имъ Новоіерусалимскаго монастыря.

Частновладѣльческія имѣнія подъ столицей, «подмосковныя», какъ ихъ привыкли называть, появились въ большомъ числѣ только въ царствованіе

Ивана IV, когда правительство, желая усилить число военно-служилыхъ людей, приписанныхъ къ столицѣ, раздавало въ частное владѣніе огромныя пространства земли въ Московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ. Во второй половинѣ XVI вѣка по всеѣмъ направленіямъ вокругъ Москвы уже видѣлись усадьбы или, какъ тогда говорили, «усадища» бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Смута не измѣнила положенія дѣла, а послѣдующее время, съ раздачей дворцовыхъ имѣній и продажей свободныхъ земель, увеличило число дворянъ землевладѣльцевъ подъ столицей. Первоначально юридическая природа подмосковныхъ имѣній мало чѣмъ отличалась отъ другихъ мѣстъ страны; вотчины чередовались съ помѣстьями, и послѣдній видъ владѣнія, условный, обезпеченный дѣйствительной военной службой владѣльца, вѣроятно, даже преобладалъ. Позднѣе, однако, съ распространеніемъ обычая жаловать помѣстья въ вотчину и съ развитіемъ покупокъ вотчинниками запущенныхъ участковъ подмосковныя мѣстности ранѣе другихъ отразили на себѣ послѣдствія этихъ явленій. Въ концѣ XVII столѣтія помѣстное владѣніе подъ столицей—рѣдкость, и можно навѣрное сказать, что знаменитый законъ Петра, слившій въ 1714 году помѣстья и вотчины въ одну дворянскую собственность, не создалъ здѣсь почти ничего новаго.

Подмосковными имѣніями владѣли всѣ тѣ, чья служба протекала въ Москвѣ. По всеѣмъ дорогамъ отъ города можно было встрѣтить вотчины и мелкихъ и крупныхъ московскихъ дѣятелей, были эти вотчины и у воротъ столицы. Такъ, на примѣръ, князья Мстиславскіе владѣли Филями и Кунцевымъ, Останкино принадлежало князьямъ Черкасскимъ, такъ же какъ село Никольское по большой тверской дорогѣ. Шереметьевы еще при царѣ Иванѣ владѣли Кусковымъ; вблизи большой троицкой дороги была вотчина князя Пожарскаго, село Медвѣдково, а далѣе лежали вотчины боярина Шеина, героя Смоленской осады, и историка смуты князя Катырева-Ростовскаго. Неподалеку отъ тверской дороги расположена была вотчина родни царя Михаила Стрѣшневыхъ — село Покровское; по той же дорогѣ можно было встрѣтить владѣнія ки. Воротынскихъ, а въ концѣ XVII вѣка также вотчину Б. Ѳ. Годунова; другая вотчина царя Бориса, с. Вяземы, лежала по смоленской дорогѣ. Подобнымъ перечисленіемъ можно было бы занять цѣлыя страницы. Мы бы, однако, очень ошиблись, предполагая въ имѣніяхъ большихъ московскихъ бояръ найти ту роскошь, которою прославились ихъ правнуки въ Екатерининское время. Вотъ какъ описываетъ И. Е. Забѣлинъ вотчину старѣйшихъ московскихъ бояръ, князей Мстиславскихъ, с. Фили или, по тогдашнему, Хвили, на Москвѣ рѣкѣ, «усть рѣчки Хвилки». «Подъ селомъ былъ прудъ, а въ селѣ церковь Покровъ Богородицы, деревянная строенная клѣтски, т.-е. какъ клѣть, изба. Вблизи церкви стоялъ дворъ вотчинниковъ—боярскій дворъ. По всеѣмъ вѣроятію, хоромы князей Мстиславскихъ не отличались отъ общаго типа боярскихъ сельскихъ домовъ. Хоромный составъ такого двора заключался въ нѣсколькихъ горницахъ съ комнатами, раздѣленныхъ сѣнями и стоявшихъ на жилыхъ подклѣткахъ, т.-е. на нижнемъ служебномъ этажѣ; черезъ сѣни же стояли повалуши, родъ жилыхъ высокихъ башенъ въ три яруса. Въ богатомъ дворѣ строился третій ярусъ—чердаки и терема. Таковы были части

Катане Австрійскаго посольства къ Новодѣвичьему монастырю.

жилыхъ хоромъ, находившіяся въ одной связи. Боярскія хоромы стояли всегда въ глубинѣ двора, огороженнаго заборомъ. Во дворъ вели одни или двое воротъ, переднія съ прїѣзда и заднія, съ поля. Кромѣ хоромъ на томъ же дворѣ помѣщались разныя служебныя и обиходныя избы и клѣтки, конюшни и скотныя дворы. Со стороны двора поближе къ хоромамъ раскидывался садъ, обыкновенно плодовый, огороженный тоже заборомъ или плетнемъ. У воротъ же всегда строилась сторожевая изба, а если вотчина была большая и населенная, то тутъ же у воротъ ставилась изба схожая для крестьянскихъ сходокъ, которая называлась также и судебною, потому что здѣсь происходилъ вотчинный судъ». Едва ли подмосковную вотчину Мстиславскихъ слѣдуетъ считать очень большой и очень населенной; въ составъ ея, кромѣ села Филей, вошло или еще 4 деревни, Гусарево, Ипское, Кунцево и Мазилово, и 8 пустошей, въ которыхъ кромѣ двора вотчинникова и приказчикова было 5 дворовъ холоповъ, 15 дворовъ крестьянскихъ и 9 дворовъ бобыльскихъ съ населеніемъ въ 40 душъ мужскаго пола ¹⁾. Сравнимъ съ Филеями рядовую вотчину средняго служилаго человѣка. Вотъ описаніе вотчины дворянина Воронцова-Вельяминова сельца Федоскина въ Манатынѣ стану подъ Москвою. «Дворъ вотчинниковъ, а на дворѣ дворовыя строенія, хоромъ; горница на подклѣтѣ бѣлая, осиновая, получетверты сажени, крыта драницами; въ горницѣ печь бѣлая кирпичная съ трубою, въ подклѣтѣ печь косячатая, передъ горницей сѣни, а въ сѣняхъ чуланъ дощеной, на сѣняхъ чердакъ дощатый. На переднемъ дворѣ житница осиновая и конюшня, крыты соломой да на заднемъ дворѣ баня осиновая, 2 сажени, погребъ дубовой, поварня», также крытые соломой. Отдѣльно стояли дворы скотный и конюшенный съ избой, житница «да изба ветченая, мшена, для хлѣбнаго ссыпища». Въ житницѣ было 118 четвертей ржи и овса; на дворахъ стояли 24 лошади, 35 головъ рогатаго скота, 30 овецъ и 30 свиней; да пашни было 36 десятинъ. Въ вотчинѣ было 9 дворовъ крестьянъ съ населеніемъ въ 37 человѣкъ мужскаго пола. Разница между вотчинами перваго боярина и простаго дворянина сравнительно невелика и во всякомъ случаѣ не отвѣчаетъ разницѣ въ ихъ состояніяхъ и ихъ социальномъ положеніи. Это не обманъ зрѣнія и не простая случайность. И большой бояринъ и простой дворянинъ были одинаково безсмѣнными царскими слугами. Первый входилъ въ дворецъ черезъ боярскую площадку, засѣдалъ въ думѣ, предводительствовалъ войскомъ; дѣятельность второго протекала въ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ дворца, въ приказахъ, въ рядахъ войска. Но мѣстомъ постоянного жительства обоимъ были ихъ московскіе дворы. Выѣздъ изъ Москвы означалъ походъ, служебное порученіе, назначеніе въ провинцію; отпуски давались рѣдко и бывали кратковременными, такъ что основаться въ подмосковной надолго удавалось не часто. Былъ лишь одинъ случай, когда имѣніе могло на долгій срокъ стать резиденціей московскаго служилаго человѣка — это была государева опала; но въ подмосковныя не ссылали опальныхъ; чаще всего государь указывалъ лицамъ, навлекшимъ его гнѣвъ, ѣхать въ дальнія деревни, подальше отъ столицы и царскаго двора.

¹⁾ Забѣлинъ. Кунцево и древній Съгунскій станъ, 158—161.

Чѣмъ же были подмосковныя въ XVI—XVII столѣтіяхъ? Какъ дворцовыя имѣнія служили для поддержанія громаднаго дворцоваго хозяйства, такъ имѣнія частныхъ лицъ были сельско-хозяйственными фермами, которыя доставляли на московскіе дворы своихъ хозяевъ всякіе запасы. Лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ и притомъ ненадолго, служили онѣ мѣстомъ отдыха и развлечения; сюда пріѣзжали, отпросившись на нѣсколько дней, осмотрѣть хозяйство, полюбоваться на деревенскій просторъ да позабавиться охотой, псовой и соколиной, составлявшей любимую утѣху знатнаго москвича той эпохи. Едва ли, впрочемъ, московскіе бояре и дворяне ощущали сильную потребность жить въ деревнѣ. Ихъ московскіе дворы были цѣлыми помѣстьями съ просторными хоромами, теремами, повалушами, безчисленными клѣтками, подклѣтками, кладовыми, амбарами, съ тѣнистыми садами, большими огородами. Такой московскій дворъ и былъ центромъ, гдѣ протекала частная жизнь московскаго служилаго человѣка, а его загородныя имѣнія были, главнымъ образомъ, источникомъ его матеріальнаго благосостоянія и поддержкой его московскаго хозяйства. Подмосковная вотчина управлялась обыкновенно приказчикомъ, жившимъ въ особомъ дворѣ, неизмѣнно упоминаемомъ во всѣхъ описаніяхъ имѣній. Приказчикъ, довѣренное лицо изъ своихъ же крѣпостныхъ, полновластно распоряжался въ имѣніи, подъ постояннымъ, впрочемъ, опасеніемъ попасть подъ «государевъ гнѣвъ и опалу» и получить «кнутъ и чѣпъ». Главною обязанностью приказчика было получить и доставить въ Москву то, что вносили своему господину крестьяне и дворовые. «Государю Володимиру Ивановичу и Государынѣ Ѳедорѣ Алексѣевнѣ, холопъ вашъ, государей своихъ, Гришка да староста Ивашко Захаровъ, челомъ быють. Здѣсь, государи, въ вотчинѣ вашей, по сю грамотку все, далъ Богъ, здорово. Да послали къ вамъ, государи, десять барановъ, да кадку творогу, да оброчныхъ дворовыхъ Оленкиныхъ да Матренкиныхъ 200 яицъ, да съ Оксиньею послано, что прошлаго году пряла, ея оброку двѣ новины, а оброчныя новины еще не поспѣли. Да ярового, государи, всякаго хлѣба выслано, овса 65 четвертей съ осминою, ячменя 16 четвертей съ осминою, гороху полторы четверти, гречи четыре четверти, пшеницы съ полчетверикомъ четверть, сѣмени коноплянаго двѣ третницы, да льнянаго сѣмени выслано осьмина плавуну да полосмины ростуну. Да милости у тебя, государыня, просимъ, прикажи, государыня, пожаловать рубашенокъ, ободрался, нагъ. Да послано, государи, вамъ грибовъ ведро». Вотъ обычное содержаніе донесеній управляющихъ подмосковныхъ имѣній, сельско-хозяйственныхъ фермъ съ даровымъ трудомъ, «на государевъ дворъ» въ Москву.

Расцвѣтъ подмосковныхъ, появленіе въ нихъ роскоши и затѣй, съ которыми у насъ неразрывно связано представленіе о старомъ барствѣ, относится къ болѣе позднему времени, когда законъ о вольности дворянства, изданный императоромъ Петромъ III, освободилъ дворянъ отъ ихъ вѣковой обязательной службы, а политика императрицы Екатерины II открыла имъ широкій доступъ къ дѣятельности въ провинціи.

Мы ничего не говорили о недворянскихъ имѣніяхъ по той причинѣ, что ихъ не было вовсе. Гости, высшій слой московскаго посадскаго насе-

ленія, были единственной группой недворянскаго населенія, которая имѣла право владѣть недвижимыми имѣніями, но вотчины гостей, которыя часто встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ страны, напримѣръ, на сѣверѣ, совершенно отсутствуютъ въ окрестностяхъ столицы.

Выше уже много приходилось говорить о подмосковномъ крестьянствѣ. Житель ближайшихъ къ Москвѣ селеній—ремесленникъ, работающій на дворецъ, монастырь и на московскаго обывателя. Если мы отойдемъ далѣе отъ города, картина измѣнится въ подробностяхъ, но основныя ея черты останутся тѣ же. Свободное крестьянство рано исчезло изъ Подмосковья. Въ XVII вѣкѣ всякій подмосковный крестьянинъ былъ крепостнымъ, работалъ на владѣльца той земли, на которой онъ сидѣлъ, и везъ всякіе запасы на дворъ своего вотчинника или помѣщика, а оттуда, на своихъ же подводахъ, свозилъ эти запасы въ Москву, въ Кремль, на патриаршій дворъ, въ монастырь, на московскій дворъ боярина, захватывая съ собою и тотъ излишекъ, который онъ могъ продать въ городѣ въ свою пользу. Надо было отѣхать очень далеко, за нѣсколько десятковъ, можетъ быть, за сотню верстъ, чтобы выйти за черту мѣстности, работавшей на столицу. Если въ Москву свозились сельско-хозяйственные продукты очень значительной территоріи, то можно сказать и обратное: Москва была рынкомъ, гдѣ жители окрестностей добывали себѣ все то, чего не могло имъ доставить ихъ домашнее хозяйство. Свозя припасы въ Москву, крестьянинъ запасался въ ней, чѣмъ могъ, для своего деревенскаго обихода. То же достигалось черезъ посредство ярмарокъ и торжковъ, происходившихъ періодически во всѣхъ наиболѣе значительныхъ селахъ. Такъ вліяніе Москвы, какъ крупнаго рынка, чувствовалось на далекомъ отъ нея разстояніи еще задолго до того, когда кругомъ столицы начала зараждаться фабрично-заводская промышленность.

Изъ Псалтыря начала XV в.

Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вв.

Пр.-доц. *М. М. Богословскаго.*

е сохранилось документовъ, которые показывали бы число жителей Москвы за XVI и XVII вѣка. Сохранившіяся свидѣтельства людей того времени передаютъ не сколько-нибудь точную величину ея населенія, а лишь то общее впечатлѣнiе, которое размѣры города производили на очевидцевъ. Такъ, Герберштейнъ, посолъ римскаго цесаря, посѣтившій Москву дважды и первый разъ попавшій въ нее

въ 1517 г., заноситъ въ свои любопытныя записки, что «число домовъ въ этомъ городѣ (Москвѣ) показываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего приѣзда въ Москву всѣ дома были переписаны по повелѣнiю князя и что ихъ число превосходило 41.500». Прежде всего неясно, что понимаетъ Герберштейнъ подъ «домами»; надо полагать, что *дворы*, которые обыкновенно и вносились въ переписи городовъ. Самая цифра указана лишь приблизительно; Герберштейнъ говоритъ, что число домовъ превосходитъ 41.500, но, насколько превосходитъ, остается неизвѣстнымъ. Замѣтимъ далѣе, что цифру эту онъ почерпнулъ не изъ какого-либо документа, а приводитъ ее по наслышкѣ отъ лицъ, сообщавшихъ ему объ итогахъ московской переписи, и притомъ и самъ считаетъ ее мало достойной довѣрiя. Наконецъ, еслибы даже цифра эта была и близка къ истинѣ, то все же по ней можно составить только общее, очень расплывчатое впечатлѣнiе о величинѣ города, а не отчетливое представленiе о его населенности. Въ самомъ дѣлѣ, *дворъ* въ XVI—XVII вѣкахъ въ Москвѣ—это совсѣмъ не то, что обыкновенный посадскiй дворъ въ любомъ провинциальномъ городѣ того времени съ его населенiемъ въ нѣсколько душъ. Наряду съ посадскимъ дворомъ такого типа, въ Москвѣ также «дворомъ» называлась цѣлая усадьба какого-либо боярина съ ея огромной дворней въ нѣсколько сотъ крѣпостныхъ душъ.

Цифру Герберштейна, записки котораго вообще послужили источникомъ для многихъ позднѣйшихъ описанiй Московскаго государства, повторяетъ въ своемъ сочиненiи Флетчеръ, англiйскiй посолъ, бывшiй въ Мо-

Бояринъ А. Л. ОРДИНЪ-НАШОКИНЪ.

Оригиналы находятся въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

Бояринъ АРТАМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МАТВѢЕВЪ.

сквѣ въ концѣ XVI в. въ царствованіе Федора Ивановича. Онъ говоритъ, что число домовъ въ Москвѣ до осады и сожженія города крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 г. простиралось до 41.500, но что послѣ этого нашествія и пожара Москва сильно опустѣла. Флетчеру Москва тогда казалась все же *«не много болѣе Лондона»*.

Нѣкоторое, хотя и очень отдаленное понятіе о населенности Москвы въ самомъ началѣ XVII в. можетъ дать цифра погибшихъ отъ голода, постигшаго столицу, какъ и все государство, при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Эту цифру довольно согласно приводятъ два современника: служившій въ отрядѣ тѣлохранителей Годунова, и потомъ Самозванца, французъ Маржеретъ, а, съ другой стороны, извѣстный келарь Троицкаго Сергіева монастыря, совершившій такой видный патріотическій подвигъ въ Смутное время—Авраамій Палицынъ. «Голодь при Борисѣ», пишетъ первый, свирѣпствовалъ съ такою силой, что... въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120.000 человѣкъ. Ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ иждивеніемъ государя». Палицынъ также отмѣчаетъ, что за два года и четыре мѣсяца, пока тянулся голодь, было схоронено въ трехъ скудельницахъ 127.000 труповъ по повелѣнію царя, не считая погребенныхъ частными лицами у приходскихъ церквей. Согласіе, съ которымъ говорятъ о числѣ около 120 тысячъ умершихъ два такіе далекіе и независимые другъ отъ друга источника, какъ капитанъ Маржеретъ и инокъ Палицынъ, внушаетъ довѣріе къ этому числу. Такъ какъ городъ, несмотря на силу голода, все же не весь вымеръ, и погибшіе составляли только извѣстную часть его населенія, то очевидно, что самымъ осторожнымъ будетъ вытекающее отсюда заключеніе, что населеніе Москвы въ началѣ XVII вѣка превышало 120.000 человѣкъ. Совершенно фантастичное число погибшихъ даетъ третій современникъ голода, лютеранскій пасторъ Мартинъ Беръ, самъ будто бы слышавшій «отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500.000 человѣкъ, которыхъ его величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи». Конечно, на это свидѣтельство надо смотрѣть, какъ на результатъ преувеличенныхъ слуховъ; оно все же не лишено интереса потому, что указываетъ на то, какое внушительное впечатлѣніе вызывали размѣры города у иностранца-очевидца.

Съ такою же приближенностью можно судить и о количествѣ московскаго населенія въ теченіе всего XVII вѣка. По своему общественному составу оно очень сложно, гораздо сложнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ Московскаго государства. Мы посмотримъ на всѣ его отдѣльные разряды.

Москва—столица. Въ ней постоянно находится Дворъ, и, благодаря этому, въ составъ населенія города входитъ придворное общество, держащееся вблизи государя, и огромный штатъ разнаго рода дворцовыхъ служителей и ремесленниковъ. Значительную долю Кремля занимаетъ зданіе дворца, это громадное причудливое строеніе, состоявшее изъ безчисленнаго количества палатъ, жилыхъ теремовъ и разнаго рода хозяйственныхъ службъ, крупныхъ и мелкихъ, каменныхъ и деревянныхъ, въ хаотическомъ

безпорядкѣ примыкавшихъ другъ къ другу и сплетавшихся въ лабиринтъ, который нарасталъ въ теченіе столѣтій. Зданіе это должно было поражать зрителя своею пестротой и оригинальностью, золочеными куполами находившихся внутри его церквей, шатровыми и бочкообразными кровлями, башенками, флюгерами, рѣзными украшеніями, многочисленными крыльцами, сѣнями, переходами и потѣшными садиками, расположенными на кровляхъ. По многолюдству своего населенія, по той хлопотливой суетѣ, которою оно было постоянно оживлено, оно должно было походить на человѣческой муравейникъ. Оно кишмя кишѣло людьми—постоянными обитателями: придворными, дворцовыми служителями и многочисленными являвшимися во дворецъ по разнымъ дѣламъ ежедневными посѣтителеми, толпы которыхъ то приливали сюда, то отливали. Въ своихъ теремахъ и хозяйственныхъ службахъ оно ютило цѣлое населеніе придворныхъ, состоявшихъ при царѣ и членахъ царскаго семейства, и огромный штатъ дворцовыхъ служителей, ремесленниковъ и мастеровъ разнаго рода. Дворцовое хозяйство было огромной и сложной машиной, для приведенія которой въ дѣйствіе нужны были многочисленныя руки. Оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣловъ или вѣдомствъ, и каждое изъ нихъ было снабжено внушительнымъ персоналомъ. Кормовой дворъ, напр.,—отдѣлъ дворцоваго управленія, завѣдывавшій царскимъ столомъ,—долженъ былъ, по свидѣтельству московскаго подъячаго Котошихина, бѣжавшаго въ 60-хъ годахъ XVII вѣка за границу и тамъ составившаго описаніе московскаго управленія и придворнаго обихода—долженъ былъ озаботиться ежедневнымъ приготовленіемъ 3000 блюдъ для царскаго стола и для разсылокъ разнымъ лицамъ, которымъ царь посылалъ блюда съ своего стола въ знакъ своей особой милости, какъ то: иноземнымъ посламъ, пріѣзжимъ греческимъ духовнымъ лицамъ, депутатамъ отъ Малороссійскаго казачества, своимъ придворнымъ людямъ. Неудивительно поэтому, что въ вѣдомствѣ Кормоваго двора тотъ же Котошихинъ насчиталъ огромный штатъ поваровъ съ ихъ помощниками: болѣе 150 «поваровъ, мастеровъ, полумастеровъ, и учениковъ, и судомоевъ, и водовозовъ и сторожей». Сюда слѣдуетъ присоединить еще вѣдомство Хлѣбнаго двора, изготовлявшаго хлѣбы и калачи на царскій обиходъ. Въ этомъ вѣдомствѣ подъ начальствомъ степеннаго ключника съ помощниками состояло 20 человѣкъ подключниковъ и 50 человѣкъ хлѣбниковъ, калачниковъ, пирожныхъ мастеровъ и низшихъ служителей. Государевыми питьями завѣдывало особое отдѣленіе министерства двора—Сытенный дворъ. Расходъ питей такъ же былъ огроменъ, какъ и количество блюдъ. Кромѣ подачи къ царскому столу, они разсылались также въ видѣ пожалованія, на что въ будни исходило до 100 ведеръ вина и до 400—500 ведеръ пива и меду, а въ праздники до 400—500 ведеръ вина и до 2—3 тысячъ ведеръ пива и меду по свидѣтельству того же источника. Соответственно этому въ вѣдомствѣ Сытеннаго двора мы встрѣчаемъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка: 12 человѣкъ чарошниковъ, которые носятъ питье изъ погребовъ во дворецъ, 40 стряпчихъ, которые подъ руководствомъ степеннаго ключника, управлявшаго Сытеннымъ дворомъ, дежурятъ въ царскихъ столовыхъ «при поставцѣ», отпуская питье къ столу, сидятъ у погребовъ «для раздачи

питья всякому чину людемъ, кому давать указано», и завѣдуютъ посудой; далѣе 50 человѣкъ сытниковъ, носящихъ сосуды съ питьемъ во время царскихъ походовъ. Всѣ перечисленные служители были служилые люди дворянскаго достоинства, получавшіе за свою службу, кромѣ денежнаго жалованья, также и помѣстья. Сверхъ этихъ высшихъ чиновъ дворцоваго вѣдомства питей, при дворцѣ состояло до 200 человѣкъ низшаго персонала: винокуровъ, пивоваровъ, бочкарей и сторожей, разносящихъ пожалованныя питья.

Еще многочисленнѣе былъ штатъ дворцоваго конюшеннаго вѣдомства, гдѣ значилось 15 столповыхъ приказчиковъ, наблюдавшихъ за разными частями конюшеннаго хозяйства, 50 стреманныхъ конюховъ, которые подавали и принимали царскаго верхового коня, ходили «у стремани» и сопровождали царскіе экипажи; 40 человѣкъ задворныхъ конюховъ, бывшихъ ближайшими помощниками столповыхъ приказчиковъ, и человѣкъ 200 простыхъ «стряпчихъ конюховъ», низшихъ конюшенныхъ служителей, которые чистили, кормили и поили лошадей, закладывали царскіе экипажи, ѣздили кучерами и т. п. Число лошадей въ дворцовыхъ конюшняхъ въ Москвѣ было громадно. Для царя содержалось ихъ 150, для царицыныхъ экипажей 50, для посольствъ и для нуждъ самого конюшеннаго вѣдомства и, кромѣ всего этого, всегда въ запасѣ состояло «добрыхъ же и береженныхъ лошадей съ 3000». При Казенномъ дворѣ, завѣдывавшемъ царской казной: золотой и серебряной посудой и запасами драгоценныхъ матерій: бархата, атласа, шелка, сукна и др., которыя брались частію на царскій обиходъ, частію для пожалованій, состояло скорняковъ и портныхъ мастеровъ около 100 человѣкъ. Штатъ царицы съ ея придворными, прислужницами и мастерицами, состоявшими при гардеробѣ, исчислялся до 300 человѣкъ. Несмотря на такія внушительныя цифры, это былъ все же далеко еще не весь ремесленный персоналъ, состоявшій на дворцовой службѣ. Его все-таки не хватало для удовлетворенія всѣхъ потребностей дворцоваго хозяйства. Кромѣ перечисленнаго люда, непосредственно обслуживавшаго дворецъ, къ дворцовому же вѣдомству приписаны были цѣлыя слободы московскаго посада, отдѣленные отъ прочихъ посадскихъ слободъ и сотенъ, именовавшихся «черными». Населеніе этихъ дворцовыхъ слободъ вмѣсто государственныхъ повинностей было обложено податями и повинностями въ пользу разныхъ статей дворцоваго хозяйства. Такъ, въ вѣдомствѣ Казеннаго двора, кромѣ указанныхъ выше 100 человѣкъ скорняковъ и портныхъ, состояло еще около 500 человѣкъ посадскихъ людей. Въ вѣдомствѣ царицыной мастерской палаты, кромѣ мастеровыхъ людей, непосредственно въ ней работавшихъ, состояла еще въ Москвѣ цѣлая Кадашевская слобода, въ которой числилось болѣе 2000 дворовъ населенія. Эта слобода избавлена была отъ денежныхъ податей; но вмѣсто того должна была поставлять на царскій обиходъ полотняныя произведенія: полотна, скатерти, платки и т. п. Кромѣ Кадашевской, такими же дворцовыми слободами въ Москвѣ были: Барашевская (бараша-шатерники), Басманная, Бронная, Гончарная, Конюшенная, Казенная, Котельная, Овчинная, Большіе Лужники, Напрудная, Огородная, Таганная, Хамовная (хамовники

поставляли на дворецъ бѣлье), Красное село. Названія большей части этихъ слободъ указываютъ на занятія ихъ жителей и, слѣдовательно, на тѣ отрасли дворцоваго хозяйства, которыя ими обслуживались.

Царскій дворецъ съ его службами и приписанными къ нему слободами составлялъ, какъ мы видимъ, особую и притомъ обширную группу московскаго населенія. Слѣдующая группа московскаго населенія это—служилые люди, окружавшіе государя. Въ Москвѣ почти безотлучно отъ царя

жили высшіе правительственные чины—члены боярской думы: бояре, окольнічьи, думные дворяне, тотъ общественный классъ, который назывался боярствомъ. Здѣсь жило также и высшее дворянство: стольники, стряпчие и дворяне московскіе, составлявшіе особый корпусъ царской гвардіи. У всѣхъ этихъ чиновъ были и подмосковныя, и отдаленныя отъ столицы вотчины и помѣстья, но туда они наѣзжали лишь рѣдкими гостями, въ отпускъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія государя, отдохнуть отъ службы или привести въ порядокъ хозяйственныя дѣла. Будучи принуждены постоянно жить въ Москвѣ, они въ своихъ московскихъ дворахъ

Тронъ царя Алексѣя Михайловича.

устроивались совершенно по-деревенски, какъ бы переноса свои деревенскія усадьбы въ городъ.

Боярскій дворъ въ Москвѣ ничѣмъ не отличался отъ боярской усадьбы въ деревнѣ. Тѣ же жилища хоромы боярина, окруженныя многочисленными людскими избами и постройками для разныхъ хозяйственныхъ службъ: конюшнями, погребями, амбарами, неизбѣжною домашнею банею и др., съ примыкавшимъ къ нимъ «огородомъ», т.-е. фруктовымъ садомъ. Всѣ эти по-

А. Д. Литовченко.

СОКОЛЬНИЧИ ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

стройки располагались, совершенно не считаясь ни съ направлениемъ улицы, на которой находились, ни вообще съ какимъ-либо городскимъ планомъ, такъ какъ обязательные планы городовъ стали вводиться только въ XVIII в. До сихъ поръ еще въ Москвѣ, и не рѣдко, встрѣчается этотъ старинный типъ дома-особняка, съ флигелями и службами, совершенно напоминающими собою дворянскую усадьбу въ деревнѣ; хотя за послѣдніе годы его все болѣе вытѣсняетъ современный доходный домъ, эта многоэтажная, унылая, лишенная и лишаящая свѣта, однообразная казарма. Такъ же, какъ и деревенская усадьба, боярскій дворъ въ Москвѣ былъ экономической единицей, самостоятельно удовлетворявшей всѣ свои хозяйственныя потребности, такъ что его население въ значительной степени могло обходиться и безъ услугъ городской торговли. Въ его обширныхъ кладовыхъ, погребахъ и амбарахъ хранились обильные всякаго рода запасы, привезенные изъ деревень; а среди многочисленной дворни, составлявшей необходимую принадлежность каждаго такого двора, были свои ремесленники, знавшіе разнаго рода мастерства. А дворни эти были дѣйствительно громадны! «Вельможи», пишетъ секретарь голштинскаго посольства Олеарій, посѣщавшій Москву въ 30-хъ годахъ XVII в., «живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и палатахъ, держатъ большой дворъ (разныхъ прислужниковъ), на улицахъ показываются всегда съ пышностью, одѣтые въ весьма дорогія одежды и въ сопровожденіи множества слугъ и крѣпостныхъ людей, которые обыкновенно бѣгутъ подлѣ лошадей и саней». О томъ же свидѣлствуетъ и Котошихинъ. «Да бояре жъ», читаемъ мы у него, «и думные, и ближніе люди въ домѣхъ своихъ держатъ людей мужского полу и женскаго челоуѣкъ по 100, и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести».

Число боярскихъ и дворянскихъ усадебъ въ Москвѣ должно было быть очень значительно, соотвѣтственно значительности боярскаго и дворянскаго населенія столицы. Во второй половинѣ XVII в. высшихъ представителей служилаго сословія, членовъ боярскаго думы, насчитывалось болѣе 50 челоуѣкъ. Въ корпусъ такъ называемаго «московскаго дворянства», составлявшій какъ бы царскую конную гвардію, входило челоуѣкъ 500 стольниковъ, 800 стряпчихъ и 2000 жильцовъ, не считая еще особаго чина дворянъ московскихъ. Въ Москвѣ, какъ столицѣ государства, сосредоточивались высшіе органы государственнаго управленія, многочисленные приказы, и поэтому немаловажнымъ элементомъ московскаго населенія былъ служебный персоналъ этихъ учреждений, *приказные люди*: дьяки думные, дьяки и трехъ статей подьячіе: старые, средніе и молодые; число послѣднихъ надо полагать въ нѣсколько сотъ. Наконецъ, въ Москвѣ постоянно находилась и главная масса пѣхотнаго войска, половина всей стрѣлцкой пѣхоты, именно болѣе 20 стрѣлцкихъ полковъ по 800—1000 челоуѣкъ въ каждомъ, размѣщавшихся въ особыхъ стрѣлцкихъ слободахъ, гдѣ стрѣльцы жили по дворамъ со своими семьями, занимаясь нерѣдко торговлей и промыслами на посадѣ. Если число самихъ стрѣльцовъ было около 20.000, то съ семьями: съ женами, дѣтьми и родственниками этотъ

служилый элементъ московскаго населенія надо считать не меньше 50 тысячъ человекъ, а, вѣроятно, значительно больше.

Обширную группу населенія составляло духовенство, черное и бѣлое. Москва XVII в. славилась количествомъ монастырей и церквей, соборныхъ, приходскихъ и домовыхъ. Впечатлѣнїе, которое вызывалось у наблюдателей иностранцевъ этимъ видомъ многочисленныхъ колоколенъ и крестовъ, подавало поводъ къ преувеличеннымъ показанїямъ. Извѣстный уже намъ Маржеретъ, свидѣтельство котораго относится къ началу XVII в., пишетъ, что «съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество». Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, бывший въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ XVII в. въ свитѣ прїѣзжавшаго тогда въ Москву антїохійскаго патріарха, записываетъ въ дневникъ своего путешествія, что царь Алексѣй Михайловичъ имѣетъ обыкновеніе въ день памяти каждаго святого, во имя коего имѣется церковь въ этомъ городѣ, посѣщать ее, а въ Москвѣ *есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ*. Павелъ Алеппскій на этомъ общемъ свѣдѣнїи не остановился, онъ дознался и о точной цифрѣ московскихъ церквей. На свои разспросы онъ получилъ отвѣтъ отъ московскаго патріаршаго архидіакона, что церквей въ Москвѣ болѣе 4000, а престоловъ, на которыхъ совершается ежедневно литургія—болѣе 10.000, ибо каждая церковь имѣетъ по три и болѣе алтаря. Еслибы это показаніе было вѣрно, еслибы дѣйствительно литургія совершалась въ Москвѣ болѣе чѣмъ на 10.000 престолахъ, то въ Москвѣ того времени слѣдовало бы считать болѣе 10.000 однихъ священниковъ. Но всѣ эти цифры, несомнѣнно, очень сильно преувеличены, отчасти, можетъ быть, благодаря обману, въ который былъ введенъ авторъ описанія путешествія, отчасти вслѣдствіе чрезмѣрной пылкости его восточнаго воображенія. Авраамій Палицынъ въ своемъ извѣстїи о погребенїи погибшихъ отъ голода при Борисѣ Годуновѣ говоритъ, что въ Москвѣ болѣе 400 приходскихъ храмовъ. Число соборныхъ церквей въ серединѣ XVII столѣтія казалось Котошихину близкимъ къ 40. Правда, въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ боярскомъ домѣ въ Москвѣ была своя домовая церковь, но все же и съ ними общее число церквей должно было быть много меньше показаннаго Павломъ Алеппскимъ.

Снегиревъ въ своемъ историческомъ описанїи Москвы ссылается на строельную книгу 1689 г., составленную въ Земскомъ приказѣ, вѣдавшемъ столицу, въ которой значилось въ Москвѣ 233 церкви вмѣстѣ съ монастырями. Параллельно съ этимъ онъ приводитъ одно рукописное извѣстіе начала XVIII в.—1702 г., по которому въ Москвѣ находилось 15 соборовъ, 29 монастырей, 425 церквей. Къ этимъ цифрамъ близки и цифры, приводимыя въ статистическомъ описанїи Россійскаго государства, составленномъ статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ въ 1727 г., гдѣ насчитывается въ Москвѣ 22 монастыря и 345 церквей. О числѣ братїи въ монастыряхъ судить трудно. Кромѣ собственно московскихъ монастырей въ Москвѣ были еще «подворья» монастырей иногороднихъ, въ которыхъ останавливались прїѣзжіе изъ этихъ монастырей, часто являвшіеся въ

Москву по разнымъ дѣламъ своихъ обителѣй. По количеству церквей можно, конечно, очень приблизительно, только лишь въ самыхъ общихъ чертахъ судить о количествѣ блага духовенства въ Москвѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что кромѣ священнослужителей при церквахъ въ Москвѣ XVII в. было еще не малое число священниковъ безъ мѣстъ, каждое утро толпившихся у Спасскихъ воротъ и нанимавшихся служить въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ. Къ тому же церковному обществу слѣдуетъ причислить также и мірянъ, находившихся въ вѣдѣніи церкви, какъ, напр., населеніе богадѣленъ и другихъ подобныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія, находившихся при приходскихъ церквахъ. Въ Москвѣ же имѣлъ свое пребываніе и глава всего русскаго церковнаго общества, патріархъ, съ своимъ дворомъ, въ составъ котораго входили не только духовные, но и служилые люди, и съ своими приказами, устроенными наподобіе государственныхъ приказовъ, гдѣ сидѣли патріаршіе дьяки съ подьячими.

Перейдемъ, наконецъ, къ торгово-промышленному населенію Москвы, составлявшему московскій посадъ. Впрочемъ, высшій слой этого торгово-промышленнаго населенія держался особнякомъ отъ московскаго посада, группируясь въ три сословія корпораціи, имѣвшія не московское мѣстное, а всероссійское значеніе. Эти корпораціи были: гости, гостиная сотня и суконная сотня. Въ нихъ жаловались крупные торговцы и промышленники изъ городовъ всей Россіи. Какъ только правительство замѣчало, что какой либо купецъ въ провинціальномъ городѣ расторговался и разбогатѣлъ, оно тотчасъ же жаловало его въ ту или другую сотню, а крупнѣйшихъ капиталистовъ въ званіе гостей, при чемъ такой пожалованный обязанъ былъ переселиться на жительство въ Москву и обзаводиться тамъ дворомъ. По свидѣтельству Котошихина, въ его время гостей было человекъ 30, а въ обѣихъ сотняхъ, гостиной и суконной, считалось человекъ до 200. Корпораціи эти имѣли государственное значеніе: онѣ несли особаго рода государственную службу, которая возлагалась на нихъ, какъ ихъ специальная повинность. Ихъ члены назначались на важнѣйшія должности по финансовому управленію государства: въ таможенные и кабацкіе головы для завѣдыванія торговыми и питейными сборами въ крупныхъ городахъ. Исполняя постоянно такого рода казенную службу, гости и члены обѣихъ сотенъ смотрѣли на себя, какъ на служилыхъ людей, что они и выражали, называя себя въ челобитныхъ «государевыми холопами», какъ обыкновенно назывались служилые люди, а не «сиротами», какъ писались черные, тяглые люди. Того посадскаго тягла, т. е. тѣхъ службъ, которыя лежали на московскомъ посадѣ, они не несли, пользуясь правомъ, упоминавшимся въ жалованныхъ грамотахъ, которыя имъ выдавались: «съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ». Кромѣ этой свободы отъ рядового посадскаго тягла, три высшія корпораціи отдѣлялись отъ обыкновенныхъ посадскихъ людей цѣлымъ рядомъ привилегій: ихъ члены подсудны были исключительно только одному приказу Большой Казны; получали право держать у себя вино, что запрещалось простымъ посадскимъ, такъ какъ вино составляло предметъ казенной моно-

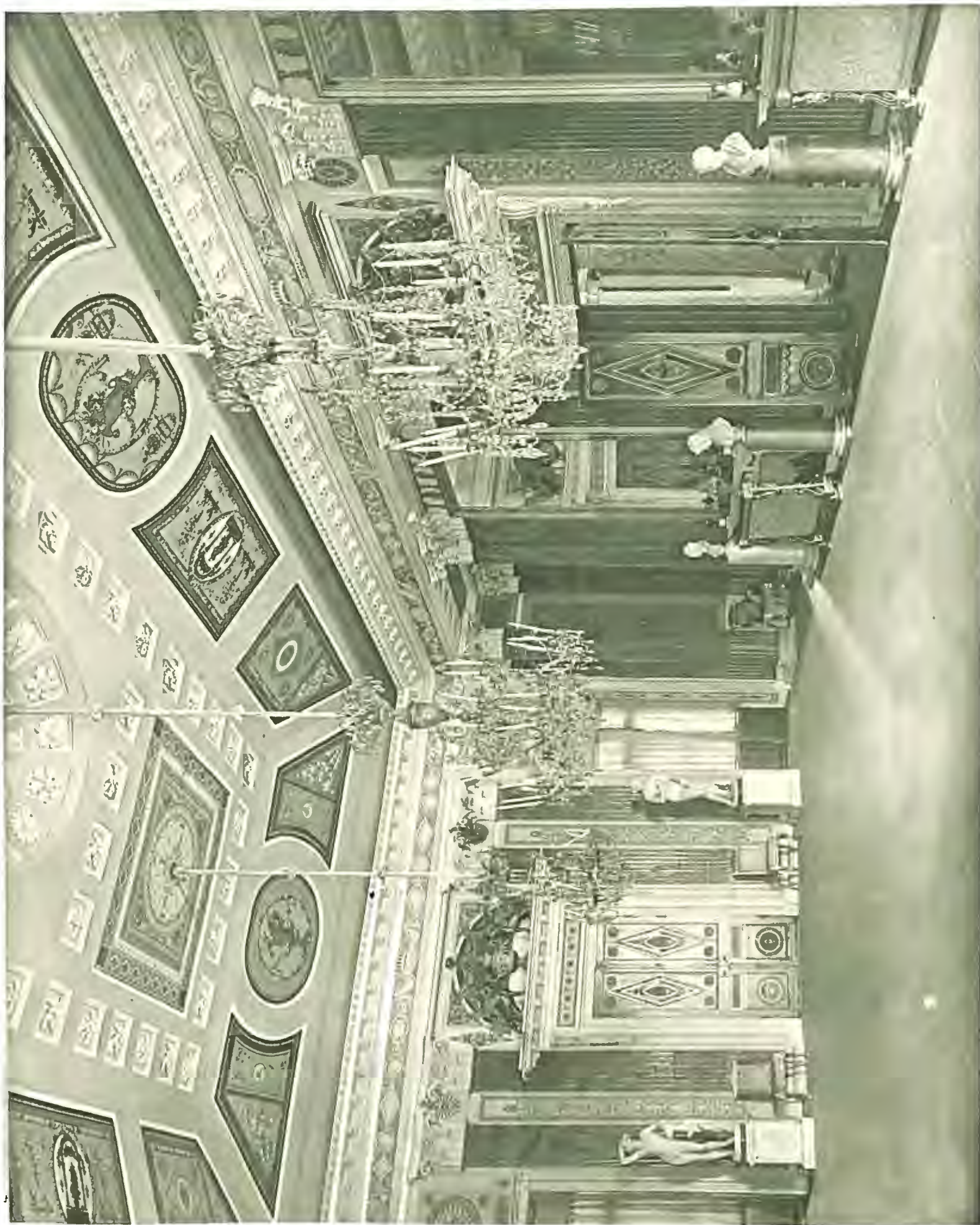
полю; имъ дозволялось топить лѣтомъ свои избы и мыльни—право, котораго лишены были обыкновенные посадскіе въ цѣляхъ безопасности отъ пожаровъ и др. Высшее мѣсто среди трехъ привилегированныхъ корпорацій принадлежало гостямъ. Кромѣ перечисленныхъ уже преимуществъ, они обладали еще двумя: правомъ выѣзда за границу и до 1666 г. правомъ приобрѣтать вотчины. По уложенію 1649 г. штрафъ за нанесеніе имъ оскорбленія «за безчестье» взыскивался въ размѣрѣ 50 руб. За безчестье гостиной сотни взымалось 20, 15 и 10 руб., смотря по тому, къ какой статьѣ: первой, второй или третьей принадлежалъ ся членъ. Безчестье суконной сотни опредѣлялось по тѣмъ же статьямъ въ 15, 10 и 5 руб., тогда какъ за безчестье простого «чернаго» посадскаго человѣка взыскивалось съ такимъ же подраздѣленіемъ на статьи 7, 6 и 5 руб.

Переселяясь на жительство въ Москву, члены высшихъ коммерческихъ корпорацій не порывали, однако, связей и съ своими родными мѣстами, откуда ихъ брали, и продолжали владѣть тамъ имуществами и вести промыслы. Такимъ образомъ, эти три корпораціи представляли изъ себя собранное въ Москвѣ и въ то же время постоянно связанное съ провинціей высшее русское купечество. Гости двигали крупными для той эпохи капиталами. По показанію Котошихина, годовые обороты отдѣльныхъ гостей бывали «тысячъ на 20 и на 40.000, и на 50.000 и на 100.000 руб.», т. е. отъ 300.000 до 1.500.000 на наши теперешнія деньги. Гость-капиталистъ въ Москвѣ XVII в. жилъ на такую же широкую ногу, какъ и иной бояринъ; его дворъ былъ такою же обширною усадьбой, не менѣе богатою всякаго рода дорогимъ имуществомъ и развѣ только менѣе населенною, такъ какъ гости, хотя и владѣли также крѣпостными, но не держали такого количества ненужной и празднои дворни.

Юридически въ составъ посада XVII в. не входили упомянутыя выше дворцовыя слободы, населенныя также торгово-промышленнымъ людомъ, обязаннымъ работою на дворецъ. Не входила въ составъ посада также и все расширявшаяся Нѣмецкая слобода по р. Яузѣ, гдѣ жили служилые и торговые иноземцы. Московскій посадъ XVII в. составляли только *черные* посадскіе люди. Посадъ былъ сложною величиною, составляшеюся изъ отдѣльныхъ «слободъ» и «сотенъ», по которымъ черные посадскіе люди группировались и которыя носили спеціальное наименованіе *черныхъ сотенъ и слободъ*. Слободой называлось особое поселеніе, въ которомъ обыкновенно жили люди одного промысла или одного происхожденія; но ея главный непремѣнный признакъ—территориальное единство. Слобода—территориальный союзъ. Названіе слободъ: Кузнецкая и Кузнечная Новая, Садовая (близъ Покровскихъ воротъ), Сыромятная, Малые Лужники—указываютъ также на единство промысла жителей. Мѣщанская—на единство происхожденія. Остальныя названія: Алексѣевская, Воронцовская, Голутвенная, Панкратьевская, Саввинская, Семеновская—чисто территориальнаго характера. Но что такое *сотня*? Присматриваясь къ московскимъ чернымъ сотнямъ, можно замѣтить среди нихъ только двѣ, названіе которыхъ, подобно тому, какъ и названіе Суконной сотни, указываетъ на союзъ людей одного промысла, на профессиональную кор-

ЗАЛЪ ВЪ ОСТАНИНСКОМЪ ДВОРЦЪ.

Библиотека "Руниверс"

порацію: Мясницкая и Кожевницкая (собственно «полусотни»). Есть далѣе названія сотенъ, которыя позволяютъ предполагать единство немосковского иногородняго происхожденія ихъ членовъ. Таковы сотни: Дмитровская, Устюжская, Ржевская, Новгородская, Ордынская, Ростовская. Это, быть можетъ, когда то были союзы иногороднихъ жителей, переселившихся или переселенныхъ въ Москву. Названія остальныхъ московскихъ черныхъ сотенъ имѣютъ чисто территориальное значеніе: Срѣтенская, Покровская, Никитская, Екатерининская, Арбатская и Чертольская (послѣднія двѣ— «четверть сотни»). Для сотни территориальное единство не существенно, какъ оно было существенно для слободы. Это ясно уже по Гостиной и Суконной сотнямъ, члены которыхъ жили въ разныхъ мѣстахъ города. Эти сотни пополнялись между прочимъ разбогатѣвшими посадскими, взятыми изъ черныхъ сотенъ и слободъ Москвы; въ послѣднемъ случаѣ они продолжали жить на своихъ прежнихъ дворахъ.—По всей вѣроятности, сотня, какъ посадское дѣленіе, древнѣе слободы. Сотни возникали въ томъ исконномъ первоначальномъ посадѣ, въ основной его ячейкѣ, къ которой потомъ постепенно примыкали отдѣльные поселки, слободы, первоначально не входившіе въ составъ посада. Нѣкоторое подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ той послѣдовательности, съ какою московскія сотни и слободы выступаютъ на земскихъ соборахъ. На соборѣ 1598 г. участвовали только сотскіе московскихъ черныхъ сотенъ: Дмитровской, Малоярославской (ее мы впослѣдствіи не встрѣчаемъ), Покровской, Ордынской, Ростовской, Ржевской, Новгородской, Срѣтенской, Мясницкой, Устюжской, Прибылой, Кожевницкой, Митропольей четверть-сотни, Арбатской, Чертольской. Слободы на этомъ соборѣ еще не были представлены. На соборѣ 1642 г. представлены тѣ и другія. Такимъ образомъ посадъ нарасталъ присоединеніемъ къ нему вновь образующихся слободъ.

Это присоединеніе новыхъ слободъ продолжается еще и въ концѣ XVII в. Къ 1671—72 гг. сформирована была въ Москвѣ новая слобода—Мѣщанская. Послѣ Польской войны въ Москвѣ оказалось много выходцевъ—мѣщанъ польскихъ городовъ: Борисова, Мстиславля, Могилева, Орши, Шклова и другихъ, частію взятыхъ въ плѣнъ и потомъ отпущенныхъ на свободу, частію добровольно переходившихъ въ Московское государство. Изъ этихъ то мѣщанъ и была образована особая слобода за Землянымъ городомъ, расположенная четырьмя улицами тамъ, гдѣ теперь находятся четыре же Мѣщанскія улицы. Была отведена вновь поселеннымъ слобожанамъ казенная земля, разбитая на дворовые участки. По переписной книгѣ 1684 г. въ Мѣщанской слободѣ числилось 659 тяглицевъ во дворахъ, да при нихъ дѣтей и родственниковъ 753 человекъ; бездворныхъ мѣщанъ 206 человекъ, у нихъ дѣтей 159 человекъ. Въ число жителей слободы попалъ значительный % евреевъ изъ западныхъ городовъ, людей «еврейскіе родины», какъ иногда обозначала ихъ переписная книга, и изъ Мѣщанской слободы, между прочимъ, вышли: извѣстный дѣятель времени Петра В. вице-президентъ главнаго магистрата Илья Исаевъ и видная коммерческая фамилія Евренновыхъ. Жителей Мѣщанской слободы, занимавшихся разнообразными профессіями: торговлей, разнаго рода ремеслами,

службой въ наймахъ, даже интеллигентными профессіями—здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., лѣкаря, лѣкариху—объединяло происхожденіе изъ польскихъ краевъ; въ слободу ихъ приписывали «по иноземчеству». Самое названіе слободы—иноземное. *Мѣщанами* назывались въ XVII в. только жители литовскихъ и польскихъ городовъ; на русскихъ *посадскихъ* это названіе было распространено позже, уже при Екатеринѣ II. Что и нѣкоторыя изъ другихъ московскихъ слободъ были также недавняго происхожденія и возникали, быть можетъ, незадолго до возникновенія Мѣщанской слободы, показываетъ ихъ названіе «новыми». Таковы: Ново-Алексѣевская, Новая Семеновская.

Въ XVII в. различіе между сотнями и слободами совершенно утратилось и сохранилось только въ ихъ именахъ. Тѣ и другія—одинаковыя тяглыя организациі, несущія посадское тягло. По внутреннему устройству это—самоуправляющіяся единицы. Въ нихъ дѣйствуютъ сотенные и слободскіе сходы. Въ сотняхъ избирались въ качествѣ исполнительныхъ органовъ сотскіе, въ слободахъ—старосты, но, кромѣ разницы въ названіяхъ, различій по существу между сотскими и старостами не замѣтно. Во главѣ Гостиной и Суконной сотенъ стоятъ не сотскіе, а старосты. Каждый союзъ—сотня или слобода—въ значительной степени обособленный міръ, отъ каждой посылаются особые представители на земскіе соборы. Московскій посадъ представляетъ изъ себя лишь внѣшнее соединеніе сотенъ и слободъ. Чтобы стать членомъ московскаго посада, непременно надо было сдѣлаться членомъ какой-либо сотни или слободы. Для обозначенія каждаго посадскаго человѣка Москвы къ его имени, отчеству и фамиліи всегда присоединяется и названіе той сотни или слободы, къ которой онъ принадлежалъ. Обычай этотъ сохраняется и до сихъ поръ среди московскаго мѣщанства.

Въ памятникахъ XVII в. московскій посадъ называется иногда во множественномъ числѣ: «московскіе посады», что также указываетъ на самостоятельность слободъ и сотенъ и на слабое ихъ объединеніе. Однако безъ нѣкотораго объединенія эти самоуправляющіяся единицы все же оставаться не могли, будучи связываемы множествомъ общихъ интересовъ. Въ провинціальныхъ городахъ органомъ такого объединенія отдѣльныхъ частей посада былъ общепосадскій сходъ, на который собирались посадскіе люди. Въ Москвѣ такой общепосадскій сходъ былъ невозможенъ, благодаря слишкомъ большому количеству посадскихъ. Мѣсто общепосадскаго схода занимало общее собраніе сотенныхъ и слободскихъ властей, т. е. сотскихъ и старостъ. На этомъ собраніи и обсуждались общія дѣла посада.

Какъ велико было населеніе московскаго посада въ XVII в.? Первая ревизія, т. е. подушная перепись, производившаяся уже при Петрѣ В. въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, насчитала въ Москвѣ 13.673 души мужскаго пола во всѣхъ сотняхъ и слободахъ, какъ черныхъ, такъ и дворцовыхъ. Не будетъ большой натяжкой предполагать цифру посадскаго населенія въ тѣхъ же слободахъ въ концѣ XVII в. близкою къ этой цифрѣ. Чтобы получить представленіе о посадскомъ населеніи обоихъ половъ, надо эту цифру по меньшей мѣрѣ удвоить.

Какъ видимъ, составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вв. былъ очень пестрымъ и сложнымъ. Царскій дворъ съ его многочисленнымъ персоналомъ и цѣлыми слободами дворцовыхъ ремесленниковъ; боярство и высшее дворянство съ многолюдной крѣпостной дворней; черное и бѣлое духовенство; приказный чинъ; цѣлая стрѣleckая армія; служилые и торговые иноземцы Нѣмецкой слободы; высшее русское купечество, сомкнутое въ привилегированныя корпораціи; наконецъ, черныя сотни и слободы посада. Москву XVII в. по составу населенія нельзя было бы и назвать преимущественно торгово-промышленнымъ центромъ. Посадъ—только одна изъ частей ея населенія, уступающая дворянству и служилымъ людямъ, которые преобладаютъ надъ посадомъ.

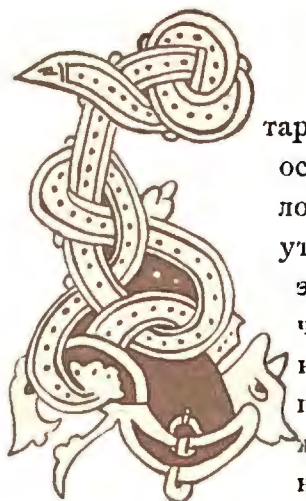

Изъ свангелія недѣльнаго, пис. въ 1409 г

Уличная жизнь Москвы XVI—XVII вв.

В. В. Нечаева.

Старая Москва просыпалась рано. На разсвѣтѣ, а въ осеннее и въ зимнее время и до свѣта, ее будилъ колокольный звонъ, созывавшій населеніе въ церкви къ утреннему богослуженію. Каждое утро начиналось этимъ звономъ, повторявшимся затѣмъ не разъ въ теченіе дня. Кромѣ многочисленныхъ церковныхъ праздниковъ, общихъ для всего населенія, справлялись еще приходскіе храмовые праздники, а ихъ было столько же, сколько дней въ году, даже болѣе, потому что не было дня, къ которому не приурочивалась бы память патрона той или другой приходской церкви. «Въ Москвѣ каждый день праздникъ», говоритъ старая пословица. Москва жила подъ непрерывный звонъ своихъ колоколовъ, но жутко приходилось отъ него непривычнымъ нервамъ. Даже такіе непритязательные люди, какъ арабскіе монахи, сопровождавшіе въ Россію антиохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII ст., люди, относившіеся притомъ съ предвзятымъ оптимизмомъ къ московскимъ порядкамъ, не могли умолчать о тягостномъ впечатлѣніи, которое производилъ на нихъ колокольный звонъ въ Москвѣ.

Около полудня москвичи обѣдали, а потомъ отдыхали. Послѣобѣденное спанье было національнымъ обычаемъ, отступленіе отъ котораго не проходило безнаказанно даже царю: извѣстно, что Димитрій I навлекъ на себя подозрѣніе въ нерусскомъ происхожденіи и самозванствѣ между прочимъ тѣмъ, что послѣ обѣда не спалъ, а занимался дѣлами. Этотъ обычай отражался и на московской уличной жизни. Послѣ обѣда затихало движеніе на улицахъ и замирала торговля,—купцы и ихъ помощники-мальчики ложились спать передъ лавками.

При наступленіи сумерекъ начинался ночной отдыхъ, обязательный до извѣстной степени для московскаго населенія. Главныя улицы запирались рѣшетками и надолбами, которыя охранялись сторожами, набравшими

мися изъ посадскихъ людей. Сторожа были обязаны задерживать подозрительныхъ людей, появившихся ночью на улицахъ, и представлять ихъ властямъ. Герберштейнъ сообщаетъ, что въ его время московскія улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запирались на ночь положенными поперекъ бревнами и что если кто послѣ извѣстнаго часа бывалъ пойманъ сторожами, то его или били и обирали, или сажали въ тюрьму, если только это не былъ человекъ извѣстный и именитый, ибо такихъ людей сторожа обычно провожали къ ихъ жилищамъ. Загражденіе улицъ рѣшотками или бревнами было мѣрою, направленною противъ крайне многочисленныхъ въ Москвѣ ночныхъ грабителей, но эта мѣра, какъ увидимъ ниже, оказывалась совершенно неэффективною.

Днемъ уличная жизнь была довольно бойкая даже въ будни. Наибольшее оживленіе замѣчалось, конечно, въ обычныхъ мѣстахъ наибольшаго скопленія народа—въ Кремлѣ, на Красной площади и въ прилегавшихъ къ ней рядахъ. Но и въ остальныхъ частяхъ города движеніе на улицахъ достигало значительныхъ размѣровъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ большое количество московскихъ извозчиковъ. По словамъ Рейтенфельса, на каждомъ перекресткѣ и у каждаго вѣроу города стояло съ санями или колымагами много извозчиковъ, которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставляли сѣдоковъ во всѣ концы города. Лѣтній извозчикій экипажъ, который Рейтенфельсъ называетъ колымагой, на самомъ дѣлѣ былъ обыкновенной четырехколесной телѣжкой самаго простаго устройства. На приложенномъ къ книгѣ Корба рисункѣ, изображающемъ казни стрѣльцовъ при Петрѣ, извозчикьи телѣжки, въ которыхъ осужденные доставлялись на мѣсто казни, представлены чрезвычайно похожими на крестьянскія телѣги нашего времени. Несомнѣнно, такая телѣжка была типомъ экипажа, наиболѣе отвѣчавшимъ состоянію московскихъ путей сообщенія. Пыльные въ сухую погоду улицы покрывались глубокою грязью во время дождей и оттепели. Корбъ пишетъ въ своемъ дневникѣ въ маѣ 1699 г.: «Нѣсколько дней подрядъ шли дожди, такъ что улицы Нѣмецкой слободы стали непроходимыми; повсюду тамъ разбросаны повозки, которыя такъ глубоко засѣли въ грязи, что лошади безсильны ихъ вытащить». Аргидіаконъ Павелъ Алеппскій сообщаетъ, что во время зимней оттепели арабскіе монахи, жившіе въ Кремлѣ въ Кирилловскомъ подворьѣ, не могли выходить на улицу, потому что грязь и слякоть были глубиною въ ростъ человека.

Люди знатные обыкновенно пользовались для передвиженія по городу верховыми лошадьми. По словамъ Герберштейна, «дворяне» вообще рѣдко показывались въ народѣ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ дойти пѣшкомъ даже до четвертаго или пятаго дома, если за нимъ не слѣдовала лошадь; только зимой они обычно не рѣшались выѣзжать на своихъ неподкованныхъ лошадяхъ. Въ XVII ст. входятъ въ употребленіе разнаго рода колымаги и кареты болѣе или менѣе европейскаго образца, вытѣсняя понемногу, въ качествѣ средства передвиженія, верховую лошадь. Последняя, однако, продолжаетъ неизмѣнно фигурировать въ официальныхъ выѣздахъ лицъ служилаго класса, служа живымъ символомъ его по преимуществу

военнаго характера. По общему правилу, эти лица, являясь ко двору, приѣзжали въ Кремль верхами, и исключеніе дѣлалось только для стариковъ, которые не могли сидѣть на лошади. Женщины того же класса показывались на улицахъ не иначе, какъ въ экипажахъ, лѣтомъ—въ закрытыхъ каретахъ, зимою—въ саняхъ, обтянутыхъ красною тафтою. По словамъ Олеарія, женскіе выѣзды всегда имѣли торжественный характеръ,—боярыня возсѣдала въ саняхъ «съ великолѣпіемъ богини», у ногъ ея помѣщалась дѣвушка-рабыня, по бокамъ саней бѣжало до 30—40 слугъ, упряжная лошадь была увѣшана лисьими хвостами, которые, впрочемъ, были принадлежностью параднаго выѣзда и у мужчинъ, даже у царя.

Отъ XVII ст. дошли до насъ нѣкоторыя свѣдѣнія о регламентаціи уличнаго движенія, относящіяся, впрочемъ, только къ Кремлю. Кромѣ лицъ служилаго класса, никто не имѣлъ права въѣзжать въ Кремль даже верхомъ. Извозчикамъ запрещалось стоять въ Кремлѣ и проѣзжать черезъ него, не допускаясь тамъ и движеніе воевъ съ кладью.

Бояре въ пышныхъ костюмахъ, верхомъ на коняхъ, спѣшившіе въ Кремль, раскрашенныя боярыни, медленно подвигавшіяся по улицамъ въ пестрыхъ повозкахъ, составляли яркіе штрихи въ картинѣ московской уличной жизни, свидѣтельствовавшіе о томъ, что Москва была постояннымъ мѣстопробываніемъ царя и его двора, но не эти штрихи опредѣляли характеръ московской улицы. Придворный элементъ не являлся доминирующимъ въ жизни города и не оставлялъ въ тѣни остальные слои населенія въ такой степени, въ какой это имѣло мѣсто въ Версали или въ Петербургѣ въ XVIII ст. Московской улицей владѣли элементы, мало или совсѣмъ не соприкасавшіеся съ придворной жизнью, «мужики», какъ говорилось въ XVI—XVII ст., и уличная жизнь носила, въ сущности, очень демократическій характеръ.

То, что намъ извѣстно о московской уличной жизни въ XVI и XVII ст., даетъ право прийти къ заключенію, что народный характеръ, поскольку онъ отражается въ уличныхъ нравахъ, мало измѣнился съ того времени. Внѣшнія проявленія, правда, значительно смягчились, но это слѣдуетъ приписать не столько облагораживающему вліянію культуры, сколько полицейской муштрѣ, которая сдѣлала крупныя успѣхи послѣ XVII в. Московская Русь не знала того всесторонняго и всепроникающаго полицейскаго воздѣйствія на жизнь обывателей, какое выработалось въ преобразованной Петромъ Россіи. Съ XVIII в. деспотизмъ, сохраняя свою вполне азіатскую сущность, въ интересахъ самосохраненія принималъ всѣ мѣры для того, чтобы преградить доступъ въ Россію европейской цивилизаціи, но тѣ же интересы понуждали его усиленно заботиться объ усвоеніи европейской техники. Многое удалось ему позаимствовать у Европы и по части техники обузданія и полицейскаго контроля надъ жизнью общества. Возможно ли, напр., въ новѣйшее время такое увѣковѣченіе памяти жертвъ политическаго режима, какое имѣло мѣсто въ XVI в. въ Москвѣ, гдѣ не встрѣтило никакихъ препятствій со стороны правительства сооруженіе на Красной площади церковью «на крови» казненныхъ Иваномъ IV? Возможны ли народныя собранія при церквяхъ,

обсуждающія планъ массоваго политическаго выступленія? А такія собранія происходили въ Москвѣ въ 1648 г., когда начиналось народное движеніе, направленное противъ царскихъ временщиковъ. И это, несмотря на присутствіе въ Москвѣ, кромѣ муниципальной стражи, находившейся въ вѣдѣніи правительства, еще значительныхъ отрядовъ царской гвардіи, стрѣльцовъ,—Олеарій насчитывалъ ихъ до 16 тыс.,—несшихъ также полицейскую службу. Недостаточность полицейскаго надзора сказывалась, конечно, и въ явленіяхъ повседневной жизни—въ поведеніи толпы, наполнявшей московскія улицы, въ уличномъ бытѣ и уличныхъ нравахъ. Не испытывая большого стѣсненія со стороны полиціи, народъ держалъ себя на улицахъ болѣе на распашку, и черты національнаго характера проявлялись съ большою рѣзкостью, чѣмъ въ наше время.

Иностранцу бросались въ глаза въ Москвѣ сварливость и бранчивость русскихъ. Олеарій пишетъ: «Они (русскіе) вообще весьма бранчивый народъ и наскакиваютъ другъ на друга съ неистовыми и суровыми словами, точно псы. На улицахъ постоянно приходится видѣть подобнаго рода ссоры и бабьи передраги, при чемъ онѣ ведутся такъ рьяно, что съ непривычки думаешь, что они сейчасъ вцѣплятся другъ другу въ волосы. Однако, до побоевъ дѣло доходитъ весьма рѣдко, а если уже дѣло зашло такъ далеко, то они дерутся кулачнымъ боемъ». Упрощенный способъ расправы за обиды былъ въ ходу и между людьми болѣе или менѣе знатнаго происхожденія. Тому же Олеарию пришлось наблюдать, какъ двое дѣтей боярскихъ, сидя верхомъ на коняхъ, стегали другъ друга кнутами во время церемониальной встрѣчи турецкаго посольства.

Но если драки на улицахъ происходили не особенно часто, то самымъ обычнымъ явленіемъ были ругательства, ставшія въ Великороссіи національными. Отмѣчая эту особенность московскаго разговорнаго языка, иностранцы единогласно признаютъ ее «постыдной и гнусной». Нельзя сказать, чтобы русскіе совершенно не сознавали зазорности своей національной брани. Церковь постоянно выступала съ суровымъ осужденіемъ «скаредныхъ» ругательствъ, бывали порой и случаи судебного и полицейскаго преслѣдованія ихъ. Олеарій рассказываетъ, что въ его время была предпринята правительствомъ попытка искорененія брани на улицахъ: брань была строго запрещена, подъ страхомъ кнута, публично оповѣщеннымъ указомъ, и на особыхъ агентовъ была возложена обязанность хватать въ толпѣ ругателей и на мѣстѣ наказывать ихъ. «Однако,—замѣчаетъ Олеарій,—эта давно привычная и слишкомъ глубоко укоренившаяся ругань требовала тутъ и тамъ больше надзора, чѣмъ можно было имѣть, и доставляла наблюдателямъ, судьямъ и палачамъ столько невыносимой работы, что имъ надоѣло какъ слѣдить за тѣмъ, чего они сами не могли исполнить, такъ и наказывать преступниковъ». Мѣры, принимавшіяся противъ брани на улицахъ, были обречены на неудачу уже потому, что онѣ не могли встрѣтить сознательнаго сочувствія въ самомъ правящемъ классѣ. Национальныя ругательства были такъ же обычны въ хоромахъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ и среди уличной толпы. Очень характерный въ этомъ отношеніи случай рассказываетъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій.

На утренѣ въ Саввинѣ монастырѣ присутствовали антиохійскій патріархъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Когда чтецъ, приступая къ чтенію житія святого, сказалъ: «благослови, отче», царь, вскочивъ съ кресла, гнѣвно крикнулъ, не смущаясь даже присутствіемъ патріарха: «Что говоришь, мужикъ, бл...инъ сынъ: «благослови, отче? Тутъ есть патріархъ,—скажи: благослови, владыко!» Особымъ вариантомъ національной брани была фраза, которою, по словамъ Олеарія, простонародье преслѣдовало на улицахъ Москвы нѣмцевъ, проживавшихъ въ слободѣ Кокуѣ. Эта фраза такъ понимала ихъ, что они, наконецъ, подали царю челобитную, прося о защитѣ отъ уличныхъ ругателей.

Вообще насмѣшливое и непріязненное отношеніе къ иноземцамъ было обычнымъ явленіемъ. Хотя въ Москвѣ съ XVI в. существовала постоянная европейская колонія, московское населеніе, воспитанное въ условіяхъ замкнутаго національнаго быта, смотрѣло на членовъ ея, какъ на людей иного міра. До самаго конца XVII ст. европеецъ на улицахъ Москвы или собиралъ вокругъ себя любопытныхъ зрителей, разглядывавшихъ его съ нескрытымъ изумленіемъ, или вызывалъ со стороны туземцевъ враждебныя выходки, въ основѣ которыхъ лежало, вѣроятно, раздражавшее русскаго смутное сознаніе превосходства надъ нимъ людей западной культуры. Корбъ говоритъ, что москвиты иногда бываютъ до такой степени поглощены созерцаніемъ иностранцевъ, что, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, сами себя не помнятъ. Обычнымъ браннымъ прозвищемъ нѣмца было «фрыга» или «фря». Рейтенфельсъ говоритъ, что русскіе обзываютъ нѣмцевъ «шишами».

Національная брань была однимъ изъ проявленій нравственной распущенности русскихъ, наблюдавшейся какъ въ частной жизни, такъ и въ уличномъ бытѣ. Иностранцы не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеить поражавшее ихъ безстыдство русскихъ. «Они сняли съ себя всякій стыдъ и всякое стѣсненіе», говоритъ датчанинъ Іаковъ Ульфельдъ. Однимъ изъ наиболее яркихъ примѣровъ уличнаго безстыдства было, по мнѣнію Олеарія, наблюдавшееся имъ въ Москвѣ появленіе голыхъ женщинъ передъ простонародными банями: выходя изъ бани прохладиться по русскому обычаю, онѣ безъ всякаго стѣсненія подходили къ нѣмцамъ и обращались къ нимъ «съ безнравственными рѣчами». Было ли въ Москвѣ въ обычаѣ мытье мужчинъ и женщинъ въ общихъ баняхъ, сказать трудно. Стоглавый соборъ, осудившій такія бани, отмѣтилъ существованіе ихъ только въ Псковѣ. Но во всякомъ случаѣ, судя по оставленному Олеаріемъ описанію русской общественной бани въ Астрахани, едва ли можно предполагать, что въ такихъ баняхъ помѣщенія для мытья обоихъ половъ были достаточно изолированы одно отъ другого. Въ астраханской банѣ мужчины и женщины входили и выходили черезъ одну и ту же дверь, при томъ безъ передниковъ, и женщины «иногда выходили, безъ стѣсненія, голыя поговорить со своими мужьями».

Вообще, на улицахъ Москвы европею нерѣдко приходилось наблюдать сцены, оскорблявшія его нравственное чувство. Всѣ европейцы, писавшіе о Московіи, констатируютъ необыкновенную склонность русскихъ

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

къ чувственнымъ удовольствіямъ. Хотя проституція не была официально терпима въ Москвѣ, контингентъ проституттокъ какъ профессиональныхъ, такъ и случайныхъ всегда былъ очень значителенъ. Павелъ Іовій Новомосквій, писавшій о Москвѣ въ XVI в. со словъ москвича Дмитрія Герасимова, который былъ въ Римѣ въ 1525 г. въ качествѣ посланника, говоритъ: «даже иностранцу можно легко и при томъ за небольшую цѣну склонить къ любовнымъ утѣхамъ всякую женщину изъ простонародья (въ Москвѣ)». Неудивительно, что, при слабой дисциплинированности населенія, уличный развратъ принималъ иногда самыя откровенныя формы. Корбъ пишетъ, что нерѣдко даже монахи, сбросивъ всякую стыдливость, предавались разврату на проезжихъ площадяхъ. Наиболѣе рѣзкія проявленія рас-

С. С. Соломко.

Вечерняя прогулка.

пущенности всегда, конечно, находились въ связи съ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей національнаго быта—пьянствомъ.

Во всѣ времена много говорилось и писалось о пьянствѣ русскихъ. Несомнѣнно, русскій человѣкъ искони проявлялъ влеченіе къ крѣпкимъ напиткамъ и давалъ ему волю при всякомъ удобномъ случаѣ. Характернымъ при этомъ было отсутствіе мѣры, благодаря которому выпивка всегда сопровождалась самыми безобразными послѣдствіями. Яркую картину пьянства въ кievской Руси оставилъ Феодосій Печерскій: «одни,—говоритъ онъ,—ползаютъ на колѣнахъ, будучи не въ состояніи стоять на ногахъ, другіе валяются въ грязи и навозѣ, ежеминутно готовые испустить духъ». Неменѣе рѣзкую характеристику позднеѣшаго пьянства мы находимъ въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора. Съ показаніями туземныхъ источниковъ вполне согласуются сообщенія наиболѣе освѣдомленнаго изъ иностранныхъ наблюдателей русской жизни въ XVII в., Олеарія. Онъ говоритъ, что никто изъ русскихъ

никогда не упуститъ случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, гдѣ бы и при какихъ бы обстоятельствахъ это ни было. При этомъ, когда знатный человѣкъ угощаетъ водкою простолюдина, послѣдній не считаетъ возможнымъ отказываться, сколько бы чарокъ ему ни предлагалось, и продолжаетъ пить, пока не упадетъ на землю и—въ иныхъ случаяхъ—не испуститъ душу вмѣстѣ съ выпивкою; до такого состоянія иногда доводили русскихъ люди изъ свиты голштинскаго посольства, въ составѣ котораго находился Олеарій. Совершенно тотъ же характеръ носило и пьянство знатныхъ людей, даже царскихъ великихъ пословъ, которые въ чужихъ странахъ не знали мѣры, когда представлялся случай выпить: посоль, отправленный въ 1608 г. къ шведскому королю, такъ напился крѣпкой водки, что въ день, когда была назначена ему аудіенція, его нашли мертвымъ въ постели. Такимъ образомъ, пьянство до потери сознанія было обычнымъ явленіемъ въ московской Руси, и если на улицахъ попадались валяющіеся въ грязи пьяные, то, по словамъ Олеарія, на это не обращалось вниманія: развѣ какой-нибудь извозчикъ, наѣхавъ на знакомаго пьянаго, кинетъ его въ свою повозку и отвезетъ домой, гдѣ получитъ деньги за проѣздъ. Набожнаго Корба особенно возмущали часто появлявшіеся на улицахъ пьяные попы, которые не выказывали никакого уваженія къ носимому ими кресту: «очень жаль, — говоритъ онъ, — что драгоценнѣйшій символъ нашего Искупителя, носимый самыми презрѣнными человѣчишками, долженъ часто валяться въ сору и грязи въ рукахъ у ослабѣвшихъ и шатающихся отъ чрезмѣрно выпитой водки людей».

Но если случаи безобразнаго опьянѣнія были довольно обычны на улицахъ Москвы, все же въ непраздничные дни они имѣли спорадическій характеръ уже потому, что не всякій могъ въ любое время раздобыться хмельнымъ питьемъ. Продажа водки съ XVI в., когда этотъ напитокъ впервые появился въ Россіи, была монополизирована правительствомъ, которое, впрочемъ, не сумѣло сосредоточить фактически въ своихъ рукахъ питейное дѣло и должно было дѣлиться правомъ на кабаки съ высшимъ духовенствомъ, монастырями и боярами. Въ Москвѣ продажа питей вѣдалась исключительно въ *новой чети* или (съ 1678 г.) *приказъ новыя четверти*. Первый московскій кабакъ *) былъ основанъ Иваномъ IV въ 1552 г. на Балчугѣ, и съ того времени кабаки начали быстро размножаться въ Москвѣ. Это были заведенія, гдѣ всякій могъ получить любую порцію водки,—за неимѣніемъ денегъ, подъ закладъ вещей, даже платья, такъ что многіе прошивались буквально до нага. Кабакъ былъ обычнымъ пріютомъ «голи кабацкой», среди которой было немало темныхъ личностей, выдавшихъ всякіе виды и промышлявшихъ обираниемъ и обыгрываніемъ въ карты и зернь захмелѣвшихъ посѣтителей. Размноженіе кабаковъ продолжалось до 1652 г., когда правительство всюду закрыло ихъ и сосредоточило продажу водки въ кружечныхъ дворахъ или кружалахъ. Въ каждомъ городѣ былъ открытъ только одинъ такой дворъ. Кружало было виннымъ складомъ, торговавшимъ водкою въ розницу, но водка отпускалась имъ только въ опредѣ-

*) Кабакъ—татарское названіе постоялаго двора съ продажей кушанья и напитковъ.

ленныхъ количествахъ, болѣе или менѣе крупныхъ,—кружками или ведрами. Господствуя почти безраздѣльно на водочномъ рынкѣ, правительство имѣло возможность регулировать потребление водки, насколько это не шло въ разрѣзъ съ интересами фиска, сокращая, напр., число дней, въ которые допускалась продажа питей. Мѣры въ этомъ направленіи дѣйствительно проводились правительствомъ. Уже въ первой половинѣ XVI ст. простому народу разрѣшалось пить только въ большіе праздники, а ихъ насчитывалось тогда очень немного,—Рождество, Пасха, день св. Троицы и еще нѣсколько иныхъ,—и по воскресеньямъ и въ дни менѣе крупныхъ церковныхъ праздниковъ народъ работалъ послѣ утренняго богослуженія. Незадолго до изданія Уложенія 1649 г. воскресенье еще считалось рабочимъ днемъ. Но Уложеніе уже устанавливаетъ обязательное празднованіе извѣстныхъ дней, въ томъ числѣ и воскресенья, что, конечно, могло вызвать усиленіе пьянства. Зато въ 1652 г. правительство, учредивъ кружечные дворы, запрещаетъ продажу водки во время постовъ: въ Великій и Успенскій посты указано не продавать вина даже по воскресеньямъ, а въ посты Рождественскій и Петровъ не продавать по средамъ и пятницамъ. Кружечные дворы запирались и на пасхальной недѣлѣ до среды. Пьяному, схваченному во время поста, грозили кнутъ и тюрьма.

Эти запретительныя мѣры оказались, однако, мало дѣйствительными, и вызванное ими сокращеніе пьянства было далеко не такъ значительно, какъ ожидало правительство. Правда, кружечный дворъ не отпускалъ отдѣльнымъ питухамъ любого количества водки въ любое время, но зато стали устраиваться попойки въ складчину: сосѣди, сложившись, приобрѣтали ведро и вмѣстѣ распивали его. Водку, впрочемъ, можно было доставать и помимо кружечнаго двора, такъ какъ въ продажѣ всегда имѣлось, наряду съ казеннымъ, «корчемное» вино, успѣшно ускользавшее отъ правительственнаго надзора. Дѣло въ томъ, что, монополизировавъ продажу водки, правительство не сумѣло монополизировать заготовку ея: правомъ курить вино пользовались не только духовенство и бояре, но и «лучшіе» посадскіе люди, которымъ разрѣшалось выкуривать извѣстное количество его по случаю большихъ праздниковъ, церковныхъ и семейныхъ, подъ условіемъ *явки* на кружечномъ дворѣ. Нерѣдки были, конечно, злоупотребленія этимъ правомъ, и выкуренное вино поступало въ продажу. Корчмы могли, кромѣ того, запасаться водкой и на кружечномъ дворѣ. Корчемство процвѣтало, несмотря на круглыя мѣры, принимавшіяся противъ него правительствомъ, которое въ Москвѣ для преслѣдованія его организовало особую команду, состоящую изъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ 15 объѣзжихъ головъ. Головы должны были разъѣзжать по улицамъ и слѣдить, чтобъ ни у кого корчемнаго питья не было. Нѣкоторымъ элементамъ населенія, впрочемъ, были нестрашны такіе объѣзды. Головы не имѣли права въѣзжать для розыска корчемнаго питья въ стрѣлецкія слободы. Такимъ же иммунитетомъ фактически пользовались и солдаты, которые открыто торговали водкой, въ постные дни даже на самомъ кружечномъ дворѣ. Какъ трудна была борьба съ солдатскимъ корчемствомъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Нѣмецкой слободѣ. Отрядъ стрѣльцовъ захватилъ

въ слободѣ спрятанную у солдатъ водку, но солдаты отняли ее и прогнали стрѣльцовъ; къ послѣднимъ подошли на выручку товарищи, и завязался бой, разгоравшійся по мѣрѣ того, какъ обѣ стороны получали подкрѣпленія. Въ концѣ концовъ стрѣльцы, которыхъ набралось до 1300, осилили солдатъ и захватили изъ нихъ 22 человекъ. Корбъ рассказываетъ о подобномъ же столкновеніи изъ-за корчемнаго вина между ямщиками и воинской командой, происшедшемъ въ маѣ 1699 г.,—столкновеніи, изъ котораго побѣдителями вышли ямщики: они отразили высланныхъ противъ нихъ солдатъ, троихъ закололи и многихъ ранили. Дерзость ямщиковъ такъ смутила бояръ, правившихъ Москвою въ отсутствіи царя, что они, по словамъ Корба, недоумѣвали, что лучше—дѣйствовать ли сильными мѣрами или не проявлять своей власти. Борьба съ корчемствомъ являлась иногда дѣломъ труднымъ и опаснымъ еще и потому, что корчемники пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. Подметнымъ письмомъ царя Алексѣй Михайловичъ былъ извѣщенъ о дѣйствіяхъ возникшей въ Москвѣ цѣлой компаніи корчемниковъ, которые торговали водкой и табакомъ, принимали въ закладъ краденныя вещи, грабили и обыгрывали въ зерно и карты пьяныхъ. Компанія насчитывала болѣе 1000 членовъ, и выручка ее достигала до 1000 р. и болѣе въ мѣсяцъ. Предпріятіе, такимъ образомъ, оказывалось очень солиднымъ, что объяснялось составомъ его участниковъ, характернымъ для автократическаго режима: это были бѣглецы служилые люди и бѣглецы воры, записавшіеся въ метельщики, а во главѣ дѣла стояли чины Земскаго приказа, т.-е. главнаго полицейскаго управленія.

Картину будничной уличной жизни дополняли еще двѣ характерныя особенности: обиліе нищихъ и публичныя расправы съ преступниками. Если и въ наше время нищіе, въ одиночку и группами, составляютъ необходимую принадлежность московской улицы, то встарь, несомнѣнно, это явленіе имѣло гораздо болѣе крупныя размѣры. Съ недавняго времени въ Москвѣ налаживается мало-по-малу организація общественнаго призрѣнія, и частная благотворительность, проявляясь въ устройствѣ богадѣленъ и пріютовъ, вступаетъ на болѣе вѣрный путь и получаетъ болѣе упорядоченныя формы; въ борьбѣ съ уличнымъ нищенствомъ принимаетъ нѣкоторое участіе и полиція. Въ московской Руси также дѣлались попытки упорядоченія благотворительности, которую, напр., Стоглавый соборъ хотѣлъ ограничить устройствомъ богадѣленъ, но эти попытки не могли имѣть сколько-нибудь замѣтнаго успѣха, потому что онѣ встрѣчали непреодолимое препятствіе въ своеобразномъ взглядѣ русскаго человека на значеніе благотворительности, удержавшемся отчасти до нашего времени. Для русскихъ благотворительность была не средствомъ борьбы съ социальнымъ недугомъ, а благочестивымъ занятіемъ, необходимымъ для спасенія души: въ основѣ акта милосердія лежали, въ сущности, виды на награду, которую благотворитель готовилъ себѣ въ будущей жизни, при чемъ даже альтруистическій моментъ отступалъ для него на задній планъ. При господствѣ такого взгляда, благотворительность могла быть только личнымъ дѣломъ набожнаго человека, и формою, наиболѣе отвѣчавшей этому характеру ее, была раздача милостыни. Для москвича нищій, какъ объектъ

Царица Евдокія Лукьяновна изъ рода Стрѣшневыхъ.

упражнений въ благочестіи, былъ не менѣе необходимъ, чѣмъ икона въ домѣ. Поэтому мы видимъ въ старой Москвѣ громадное развитіе нищенства, поддерживаемаго широко практиковавшейся подачей милостыни. По словамъ Рейтенфельса, въ Москвѣ часто можно было видѣть около домовъ богатыхъ людей цѣлыя толпы нищихъ, получавшихъ пищу или иную какую-либо милостыню. Павелъ Алепскій говоритъ, что нищіе были распределены по боярскимъ дворамъ, каждый изъ которыхъ содержалъ свою группу ихъ. Подобныя же группы нищихъ съ постояннымъ составомъ существовали при московскихъ соборахъ и монастыряхъ: при Успенскомъ соборѣ состояло двѣнадцать успенскихъ, богородицкихъ или пречистенскихъ нищихъ, по столько же чело­вѣкъ было въ группахъ при Чудовѣ монастырѣ и соборѣ Николая Гостунскаго въ Кремлѣ; послѣдняя группа или артель состояла исключительно изъ женщинъ, главнымъ образомъ поповскихъ вдовъ. Артели Архангельскаго собора, Василия Блаженнаго и Богоявленскаго монастыря насчитывали по десяти чело­вѣкъ. Массы нищихъ кормились также около царя и патріарха, служившихъ въ этомъ отношеніи образцомъ для всего общества. Царь Алексѣй Михайловичъ содержалъ постоянно въ самомъ дворцѣ нѣсколько нищихъ стариковъ, которые занимали определенное мѣсто въ дворцовомъ штатѣ, какъ «верховые богомольцы». Патрі-

А. П. Рябушкинъ. Ёдутъ. Ожиданіе посольства въ допетровской Москвѣ. (Музей Александра III.)

архъ при всякомъ своемъ выѣздѣ или выходѣ одѣлялъ милостынею всѣхъ попадавшихся на пути нищихъ. Иногда производились экстраординарныя дачи милостыни, напр., когда патріархъ скликалъ нищихъ въ соборъ на молебствіе о дождѣ. Такъ было въ 1681 г., при чемъ была въ одинъ день раздана очень крупная сумма — болѣе 61 р., слѣд., нищихъ собралось около 600 чел., если дача была по гривнѣ, а, можетъ быть, и болѣе 2000, если она была по алтыну.

Публичныя истязанія преступниковъ были явленіемъ далеко нерѣдкимъ на улицахъ Москвы. Довольно обычнымъ зрѣлищемъ былъ полуообнаженный, окровавленный человѣкъ, котораго палачъ водилъ по торговымъ рядамъ и улицамъ, стегая кнутомъ и громко объявляя его вину. Подобныя же сцены можно было наблюдать у всѣхъ приказовъ въ Кремлѣ. Оларій оставилъ обстоятельное описаніе торговой казни или битья кнутомъ, которому въ его присутствіи подверглись девять корчемниковъ, восемь мужчинъ и одна женщина, передъ приказомъ новой четверти. Преступникъ обнажался до бедеръ и ложился на спину помощника палача, обхватывая его шею руками; другой помощникъ поддерживалъ веревкою связанныя ноги наказываемаго, чтобы онъ не могъ двинуться ни вверхъ, ни внизъ. Палачъ, отступивъ на три шага назадъ, стегалъ изо всей силы истязуемаго по спинѣ длиннымъ толстымъ кнутомъ такъ, что послѣ cadaго удара обильно лилась кровь, а подъячій считалъ удары, слѣдя по выписи за тѣмъ, чтобы каждый получилъ назначенное судьями количество ихъ. Мужчинамъ было дано отъ 20 до 26 ударовъ, женщинѣ—16, послѣ чего она лишилась чувствъ. На спинахъ наказанныхъ не сохранилось кожи даже на палецъ шириною; они были похожи на животныхъ, съ которыхъ содрали кожу. Послѣ наказанія на корчемниковъ навѣсили бумажки съ табакомъ и бутылки и провели ихъ по городу, осыпая ударами. Иногда били кнутомъ «на козлѣ», т.-е. на особой скамейкѣ, на которую клали осужденнаго. Въ извѣстныхъ случаяхъ торговая казнь сопровождалась клейменіемъ, вырѣзаніемъ ноздрей, отсѣченіемъ руки или ноги.

Менѣе тяжкимъ, хотя достаточно мучительнымъ наказаніемъ было битье батогами, т.-е. тонкими палками, которыми преступника, растянутаго на землѣ и раздѣтаго до рубашки, два палача колотили по спинѣ, а иногда и по животу; въ послѣднемъ случаѣ наказаніе, по словамъ Рейтенфельса, иногда имѣло смертельный исходъ. Батоги назначались по суду за менѣе важныя проступки и нерѣдко примѣнялись также въ частномъ быту, какъ обычное орудіе расправы бояръ съ холопами. Немного отличались отъ батоговъ тѣ палки, которыми били стоявшихъ *на правезѣ*. Каждый день передъ приказами можно было видѣть выстроенныхъ въ ряды людей всякаго чина, которыхъ приказные служители били, прохаживаясь вдоль рядовъ, тонкими палками по ногамъ. Это былъ правезъ, принятый въ московскомъ государствѣ способъ *привлеченія* долговъ и казенныхъ недоимокъ. Осужденные на правезъ неплательщики приводились изъ тюрьмы или сами являлись, если имъ удавалось найти поручителей, къ приказу и подвергались битью въ теченіе цѣлаго ряда дней, пока не уплачивали долга. Боль бывала иногда такъ сильна, что стоявшіе на правезѣ громко кричали. Впро-

чемъ, нѣкоторые входили въ сдѣлку съ палачами, а иные клали въ сапоги жезъ или деревянныя дощечки, чтобы сдѣлать удары нечувствительными.

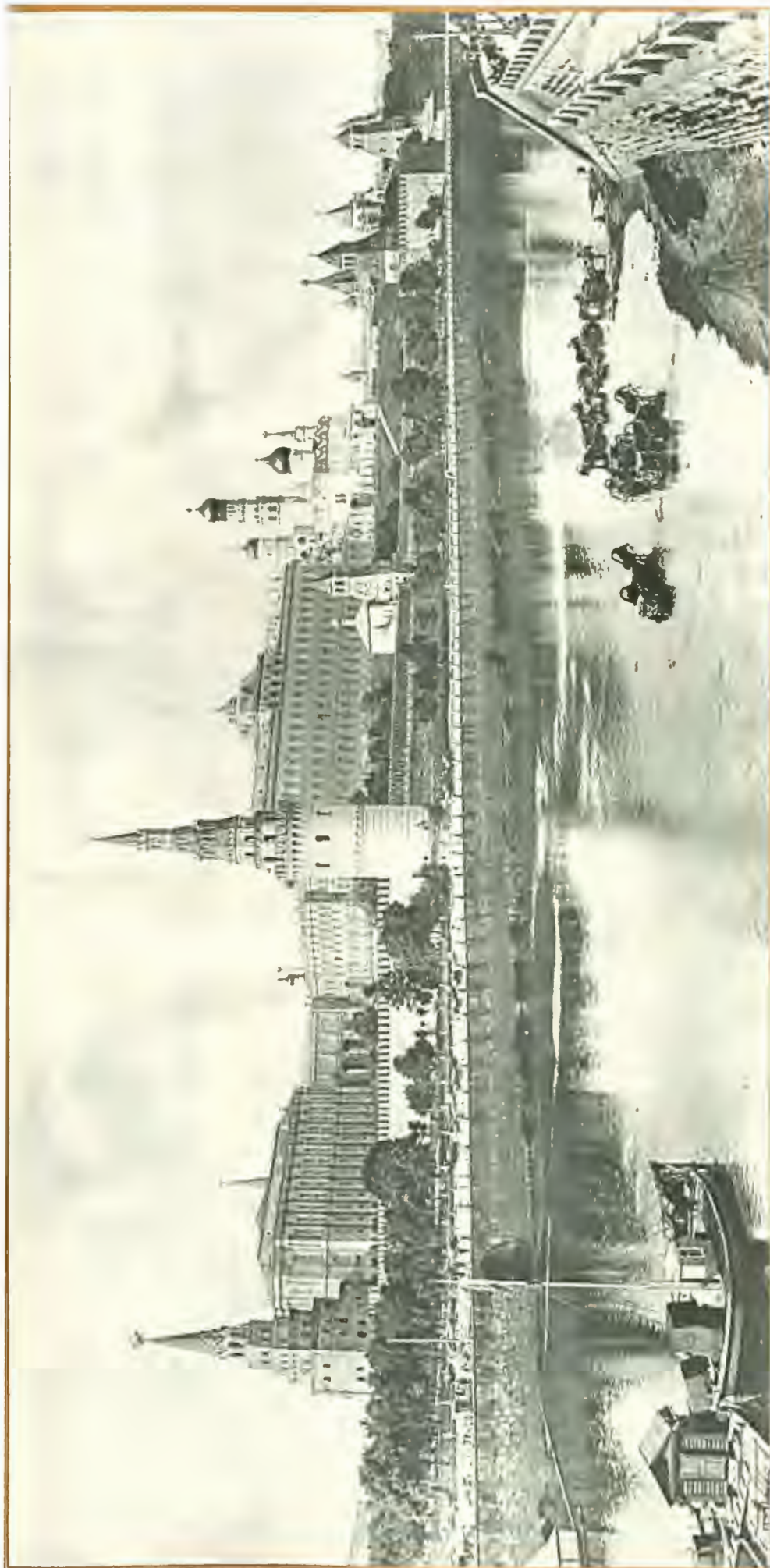
Смертная казнь совершалась такъ же открыто, какъ и прочія расправы, и при томъ съ большею торжественностью, въ духѣ тогдашняго уголовнаго правосудія, насквозь проникнутаго устрашающей тенденціей. Ареной казней были обыкновенно большія городскія площади—Красная или, точнѣе, та часть ея, которая называлась Пожаромъ, и Болото. При Иванѣ Грозномъ массовыя казни совершались даже въ Кремлѣ: такъ, въ 1574 г. онъ казнилъ «у Пречистой на площади», т.-е. на площадкѣ у кремлевскихъ соборовъ многихъ бояръ, архимандрита чудовскаго, протопопа и всякихъ чиновъ людей много. Но вообще Кремль не считался подходящимъ мѣстомъ для казней, и онѣ допускались въ немъ только въ видѣ исключенія. Зато Красная площадь была постоянной свидѣтельницей болѣе или менѣе варварскихъ расправъ до самаго конца XVII ст. Кромѣ отдѣльныхъ казней, на ней имѣли мѣсто массовыя избиенія крамольниковъ при Иванѣ Грозномъ и неменѣе грандіозное по числу жертвъ истребленіе мятежныхъ стрѣльцовъ при Петрѣ I. Вообще можно сказать, что расправа Петра съ участниками стрѣлецкаго мятежа 1698 г. была выдающимся явленіемъ даже въ ряду наиболѣе громкихъ карательныхъ подвиговъ московскаго правительства. Казни начались 30 сентября 1698 г., когда былъ объявленъ у Покровскихъ воротъ, въ присутствіи царя, приговоръ по дѣлу о мятежѣ и была умерщвлена первая партія осужденныхъ стрѣльцовъ, числомъ 201; пятерымъ изъ нихъ Петръ собственноручно отрубилъ головы въ Преображенскомъ. 11 октября было казнено 144 человекъ, 12-го—205, 13-го—141, 17-го—109, 18-го—65, 19-го—106, 21-го—2. Казни происходили въ разныхъ мѣстахъ—въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ, подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и въ Преображенскомъ. Въ бойницы стѣнъ Бѣлаго города были вставлены бревна, на которыхъ вѣшали по два и по четыре человекъ. 195 стрѣльцовъ было повѣшено на тридцати висѣлицахъ передъ кельей царевны Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, при чемъ троимъ, повѣшеннымъ передъ самыми окнами кельи, царь приказалъ вложить въ руки челобитныя, содержавшія въ себѣ призывъ Софьи на царство. Вѣшали и у городскихъ воротъ, по шести человекъ на висѣлицѣ. Многимъ рубили головы; 17 октября въ Преображенскомъ этимъ занимались, по приказанію Петра, его фавориты и бояре. Признанные наиболѣе виновными подверглись колесованію на Красной площади и, съ перебитыми руками и ногами, около сутокъ мучились на колесахъ. Пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣстъ казни, и только въ мартѣ 1699 г. было приступлено къ вывозу ихъ, который, по словамъ Корба, представлялъ зрѣлище ужасное и необычное у болѣе образованныхъ народовъ: тѣла клались на повозки въ безпорядкѣ, многія были полуобнажены, везли ихъ къ могильнымъ ямамъ, какъ заколотый скотъ на рынокъ. Казни возобновились въ февралѣ 1699 г. 1-го, 3-го и 4-го февраля было обезглавлено свыше 400 человекъ; 3-го казнили на Красной площади и на Болотѣ, 4-го—въ Преображенскомъ, гдѣ, какъ говорили, самъ Петръ отсѣкъ головы 84 стрѣльцамъ.

Самыми обычными видами казни были повѣшеніе и отсѣченіе головы; примѣнялось также, въ качествѣ кары за болѣе тяжкія преступленія, сажаніе на колъ, четвергованіе и, въ концѣ XVII в., колесованіе. Женщинъ, убившихъ своихъ мужей, закапывали по шею въ землю и оставляли въ этомъ положеніи до самой смерти. Рейтенфельсъ наблюдалъ въ Москвѣ «потрясающую», по его словамъ, картину такой казни: двумъ женщинамъ, зарытымъ по шею, попы читали молитвы, зажегши вокругъ этихъ живыхъ покойницъ восковыя свѣчи, а возлѣ стояла стража, смѣнявшаяся днемъ и ночью. По ходатайству царицы, эти двѣ женщины, проведя три дня въ своихъ могилахъ, были освобождены изъ ихъ, и, почти здоровыя, поступили въ монастырь. Такой исходъ можетъ быть объясненъ только исключительно сильнымъ заступничествомъ за осужденныхъ, такъ какъ по закону всѣ ходатайства за мужеубійцъ, даже со стороны самыхъ близкихъ родственниковъ, отвергались. Бывали случаи, когда закопанныя женщины томились въ землѣ по шести и даже по двѣнадцати дней.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія типичныя явленія повседневной уличной жизни въ старой Москвѣ. Но кромѣ нихъ были еще неменѣе характерныя въ своемъ родѣ особенности, присущія только мѣстамъ, гдѣ сосредоточивалась дѣловая и официальная жизнь. Такими мѣстами были Кремль и главный московскій рынокъ—Красная площадь съ торговыми рядами.

Съ ранняго утра Кремль представлялъ чрезвычайно оживленную картину. Сюда съѣзжались, по дѣламъ и на поклонъ къ царю, служилые люди всякихъ ранговъ. Большинство являлось верхомъ на коняхъ въ сопровожденіи слугъ, которымъ кони отдавались подъ охрану до отъѣзда изъ Кремля. Скоплялась громадная толпа челяди, и разыгрывались чрезвычайно характерныя сцены: дворовые люди свистали, бранились, скакали на лошадахъ, заводили драки и кулачные бои, всячески задирали прохожихъ, особенно иноземцевъ. Такое безчинство творилось не только на площадяхъ, но и у самага дворца и тѣхъ помостовъ, по которымъ цари проходили изъ собора въ соборъ. На стрѣльцовъ, постоянно охранявшихъ царскій дворецъ, буйная толпа мало обращала вниманія. Только въ концѣ XVII в. были приняты противъ этого безпорядка нѣкоторыя мѣры, сводившіяся главнымъ образомъ къ указанію опредѣленныхъ мѣстъ для стоянки челяди и къ удаленію ея отъ путей, по которымъ совершались царскіе выходы и выѣзды.

Оживленіе иного рода царило на Ивановской площади. На окраинѣ ея въ XVII в. помѣщалось зданіе приказовъ, центральныхъ учреждений московскаго государства, административныхъ и судебныхъ. Приказная дѣятельность начиналась очень рано,—въ декабрѣ, напр., присутствіе открывалось за часъ до разсвѣта, т.-е. приблизительно въ 7¹/₂ часовъ утра. Поэтому съ ранняго утра площадь наполнялась толпой лицъ, «ходившихъ за дѣлами» въ приказы, по тогдашнему выраженію. Здѣсь же отбывали наказаніе осужденные на правѣжъ, работали палачи, приводившіе въ исполненіе судебныя приговоры, и говоръ толпы покрывался порой воплями жертвъ московскаго правосудія. Съ чисто-азіатскимъ характеромъ этой картины вполне гармонировали засѣдавшіе въ особой палаткѣ *площадные*

Общий видъ Кремля отъ Каменнаго моста.

подъячіе, публичные писцы или нотариусы, которые пользовались исключительнымъ правомъ совершенія разнаго рода крѣпостныхъ актовъ. Дѣятельность ихъ, благодаря освященнымъ обычаемъ поборамъ за составленіе актовъ, была очень прибыльной, и наиболѣе чувствительнымъ наказаніемъ считалась для нихъ «отставка отъ площади».

Ивановская площадь была также ареной своеобразной московской гласности. Здѣсь,—а также и на Красной площади,—правительство посредствомъ *ключей* публиковало свои распоряженія и сообщенія во всеобщее свѣдѣніе или, по выраженію народной поговорки, *во всю Ивановскую*. Такъ, напр., здѣсь въ февралѣ 1699 г. царь черезъ кликавшихъ ключъ преображенскихъ солдатъ звалъ москвичей въ Преображенское посмотреть на казнь стрѣльцовъ, обѣщая зрителямъ безопасность. Бывали случаи обращенія къ площадной гласности частныхъ лицъ, которыя имѣли сдѣ-

Ориг. рис. И. С. Горюшкина-Сорокопудова. Выходъ царя отъ обѣдни.

латъ сообщенія, представлявшія общій интересъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ связанъ съ первымъ опытомъ авіаціи въ Россіи, имѣвшимъ, можно сказать, пророческое значеніе для судебъ самобытнаго русскаго воздухоплаванія. Въ апрѣлѣ 1695 г. мужикъ,—имя его осталось неизвѣстнымъ,—закричалъ на площади караулъ, былъ взятъ въ Стрѣлецкій приказъ и въ разпросѣ объявилъ, что сдѣлаетъ крылья и станетъ летать, какъ журавль. Идея мужика заинтересовала царя, и изобрѣтателю были выданы деньги на постройку крыльевъ изъ слюды. Первый опытъ состоялся предъ приказомъ, въ присутствіи начальника приказа кн. Троекурова и толпы любопытныхъ: мужикъ, перекрестившись, сталъ надувать мѣхи своего авіаціоннаго аппарата, но на воздухъ подняться не смогъ и сказалъ, что крылья слишкомъ тяжелы. Были вновь выданы деньги на болѣе легкія крылья, изъ кожи, но и второй опытъ окончился неудачей,—мужикъ не

полетѣлъ. Дальнѣйшихъ опытовъ Троекуровъ не допустилъ, а авіатора присудилъ къ батогамъ и взысканію денегъ, затраченныхъ на осуществленіе его затѣи.

Красная площадь имѣла преимущественно торговый характеръ. На всемъ протяженіи ея цѣлый день шла бойкая торговля въ разность. Здѣсь толклись разносчики со всевозможными товарами, начиная съ принадлежностей костюма и кончая разнаго рода снѣдью, которая тутъ же потреблялась покупателями; работавшіе среди толпы, подъ открытымъ небомъ, портные, сапожники и уличные ювелиры еще болѣе оттѣняли восточный характеръ площадного торга. Близъ Лобнаго мѣста стояли женщины, продавашія холсты и кольца съ бирюзною; онѣ же, по словамъ Олеарія, кромѣ своего товара предлагали покупателямъ «кое-что иное». Рынокъ выдвигался за предѣлы площади и спускался по скату холма внизъ къ рѣкѣ, къ живорыбнымъ садкамъ и москворѣцкому мосту, на которомъ также сидѣли мелочные торговцы, рядомъ съ женщинами, полоскавшими въ рѣкѣ бѣлье. Торговля велась и на мостахъ у кремлевскихъ воротъ, Спасскомъ и Никольскомъ. На первомъ разносчики и небольшія лавочки торговали преимущественно книгами, рукописными тетрадами и картинами на листахъ. Особенно большое скопленіе народа бывало на площади въ базарные дни, среду и пятницу, когда въ городъ съѣзжались крестьяне изъ окрестныхъ деревень, но и въ другіе дни недѣли она привлекала не только толпы торговцевъ и покупателей, но и сотни гуляющихъ или «праздношатающихся», какъ ихъ называетъ Олеарій, для которыхъ рынокъ былъ своего рода демократическимъ клубомъ.

Близъ Спасскаго моста ютилась одна изъ характернѣйшихъ достопримѣчательностей старой Москвы—Спасскій или поповскій крестецъ*). У самага Покровскаго собора (Василія Блаженнаго) стояла патріаршая тиунская изба, въ которой тиунъ взималъ съ духовныхъ лицъ разнаго рода поборы въ пользу патріарха, между прочимъ также пошлину за служеніе обѣдни по найму; эта пошлина упоминается уже въ постановленіяхъ Стоглаваго собора, какъ «исконивѣчная, глаголемая крестецъ», прозванная такъ, очевидно, по мѣсту, гдѣ она взималась. Спасскій крестецъ, благодаря своей близости къ тиунской избѣ, постоянно наполнялся безмѣстными попами, нанимавшимися служить обѣдни въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, торговавшими божественною литургіею, по выраженію патріарха Юва. Нравы, господствовавшіе на этомъ богослужебномъ рынкѣ, обрисованы въ докладѣ, сдѣланномъ въ 1604 г. патріарху его тиуномъ. Безмѣстные попы и дьяконы, по словамъ тиуна, въ поповскую (тиунскую) избу не заходили и передъ литургіею правила не правили, а садились у Фроловскаго (Спасскаго) моста и безчинства чинили великія, бранились, укоризны чинили скаредныя и смѣхотворныя, иные же межъ себя играли, боролись и въ кулачки бились. Безчинство «крестцовскихъ» поповъ было явленіемъ, съ которымъ церковныя власти безуспѣшно боролись въ теченіи

*) Крестцами назывались перекрестки, мѣста, гдѣ улицы пересѣкались переулками или иными проѣздами. Дорога отъ Спасскихъ воротъ до Ильинки, замощенная деревомъ, у самыхъ воротъ пересѣкалась проѣздомъ, направлявшимся мимо Покровскаго собора внизъ къ рѣкѣ.

ніе долгаго времени. Крестецъ пережилъ патріарховъ и въ XVIII в. сумѣлъ, въ борьбѣ съ новыми органами церковнаго управленія, сохранить свои нравы во всей неприкосновенности вплоть до начала 70-хъ г., когда архіепископу Амвросію удалось, наконецъ, искоренить эту интересную особенность московскаго церковнаго быта.

Вдоль кремлевскаго рва, по направленію къ Никольскимъ воротамъ, тянулся рядъ небольшихъ церквей «на крови», при которыхъ было кладбище, обнесенное частоколомъ, а близъ Неглинскихъ или Воскресенскихъ воротъ, на мѣстѣ Историческаго музея, находился Земскій дворъ (приказъ), вносившій свою характерную ноту въ жизнь торговой площади: днемъ и ночью изъ его застѣнка неслись стоны и вопли людей, имѣвшихъ дѣло съ полиціей. Эти звуки были настолько сильны, что немало беспокоили въ 1666 г. опальнаго патріарха Никона, заключеннаго въ Лыковомъ дворѣ въ Кремлѣ близъ Никольскихъ воротъ.

Красная площадь, подобно Ивановской въ Кремлѣ, была мѣстомъ, гдѣ посредствомъ кличей объявлялись правительственныя распоряженія. Для особо важныхъ сообщеній правительство пользовалось Лобнымъ мѣстомъ, съ котораго иногда и цари обращались съ рѣчами къ народу. Такъ, напр., на Лобномъ мѣстѣ Алексѣй Михайловичъ въ 1648 г. произнесъ покаянную рѣчь передъ московскимъ населеніемъ послѣ увѣнчавшагося полнымъ успѣхомъ выступленія народной массы противъ неугодныхъ ей бояръ.

Въ примыкавшихъ къ Красной площади рядахъ сосредоточивалась торговля осѣдлая, прикрѣпленная, въ противоположность площадной «походячей» торговлѣ, къ опредѣленнымъ мѣстамъ, обложеннымъ городскимъ тягломъ. Фискальный интересъ побуждалъ правительство относиться съ особымъ вниманіемъ къ рядской торговлѣ и заботиться о созданіи для нея удобной и безопасной въ пожарномъ отношеніи обстановки. Въ концѣ XVI в. появляются въ рядахъ каменные торговые помѣщенія. Каковы они были, мы точно не знаемъ, но надобно полагать, что въ удобствѣ и изяществѣ они значительно уступали даже тѣмъ, памятнымъ еще населенію Москвы, рядамъ Екатерининской постройки, которые существовали до 1886 г. Наряду съ каменными было много, можетъ быть, даже больше деревянныхъ лавокъ и ларей самаго примитивнаго устройства; о стилѣ ихъ, вѣроятно, дали бы вполне точное представленіе торговые бараки и «кіоски», устроенные въ наше время на московскихъ площадяхъ, еслибы мы были въ состояніи вообразить себѣ эти сооруженія въ болѣе неприглядномъ видѣ. Предупрежденіе пожаровъ въ каменныхъ и деревянныхъ лавкахъ составляло предметъ постоянной заботы для рядскихъ торговцевъ. Ради него не допускались въ лавкахъ жилия помѣщенія и содержались сторожа, дежурившіе по ночамъ на крышахъ. Тѣ же сторожа оберегали лавки отъ грабежей, пользуясь сотрудничествомъ лихихъ псовъ, которые привязывались къ блокамъ, двигавшимся по протянутымъ вдоль лавокъ веревкамъ.

Иноземцы, видѣвшіе московскіе ряды въ XVII ст., съ похвалою отзываются о рядской систематизаціи товаровъ, благодаря которой покупатель безъ труда находилъ въ опредѣленномъ мѣстѣ то, что ему было нужно.

При этомъ европейцы не забываютъ упомянуть о томъ, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, наиболѣе сказывалась *couleur locale*,—рядахъ иконномъ и рыбномъ и «вшивомъ» рынкѣ. Близость рыбнаго рынка давала себя знать специфическимъ запахомъ, который ясно свидѣтельствовалъ о странной для европейца особенности русскаго вкуса, мирившагося съ «тронувшейся» рыбой. «Вшивый» рынокъ, по словамъ Рейтенфельса, назывался такъ потому, что на немъ продавалось старье; Павелъ Алеппскій также говоритъ, что въ ряду, подобномъ Сукъ Эль-камлэ, т.-е. вшивому или ветошному рынку въ Алеппо, торговали всевозможной рухлядью. Вшивый рынокъ былъ мѣсто-пробываніемъ цирульниковъ, которые работали въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корою, а въ хорошую погоду подъ открытымъ небомъ; земля здѣсь была такъ устлана волосами, что казалась покрытой войлокомъ, самые же цирульники и ихъ приемы вызывали у европейца ощущение тошноты. Иная точка зрѣнія сказывается въ отзывѣ о московскихъ рядахъ, исходящемъ отъ азіата. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій проходитъ мимо курьезовъ, отмѣченныхъ европейцами, но останавливается съ интересомъ на техникѣ торговли, и въ его сужденіяхъ о ней слышится компетентный голосъ человѣка, говорящаго о близко знакомомъ ему дѣлѣ. Рассказывая о томъ, какъ арабамъ приходилось торговаться въ рядахъ, онъ отдаетъ должное выдержкѣ и умѣнью русскихъ купцовъ, но не безъ гордости замѣчаетъ, что въ состязаніяхъ съ ними арабы обыкновенно одерживали верхъ. Зато непобѣдимыми оказывались помощники купцовъ, лавочные мальчишки, обладавшіе изумительною смѣтливостью и хитростью; эти мальчишки, по словамъ Павла, были азіаты по происхожденію, выкресты изъ турокъ и татаръ.

Явленіями, особенно часто нарушавшими обычное теченіе уличной жизни въ Москвѣ, были пожары и разбои. Въ XVI и XVII вв. Москва не разъ опустошалась грандіозными пожарами. Едва успѣли изгладиться слѣды пожарнаго разоренія, испытаннаго ею въ 1571 г. во время нашествія крымской орды, какъ городъ вновь выгорѣлъ, вслѣдствіе поджоговъ, въ 1611 г. Въ 1626 г. произошелъ пожаръ, имѣвшій чрезвычайно тяжкія послѣдствія для государственной жизни. Онъ возникъ въ Китай-городѣ на Варваркѣ, загѣмъ распространился на ряды, Покровскій соборъ и перекинулся въ Кремль, гдѣ сгорѣли церкви въ Чудовѣ и Вознесенскомъ монастыряхъ, постройки во дворахъ царскомъ и патріаршемъ и всякія дѣла въ приказахъ. Гибель приказнаго дѣлопроизводства надолго разстроила дѣятельность правительства и тяжело отозвалась на интересахъ массы частныхъ лицъ, утратившихъ вмѣстѣ съ документами доказательства своихъ правъ. Новый пожаръ въ 1629 г. опустошилъ многія части города: выгорѣла мѣстность между Чертольемъ и Тверской, сгорѣли слободы за Бѣлымъ городомъ и множество дворовъ на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1633 и 1634 гг. опять Москва горѣла. Какъ велико было разрушеніе, произведенное всѣми этими пожарами, видно изъ того, что, по словамъ Олеарія, въ его время туземцы насчитывали въ Москвѣ до 40 тыс. пожарищъ. Исключительные по размѣрамъ пожары были, какъ видимъ, вовсе нерѣдки, а менѣе крупные принадлежали къ самымъ обычнымъ явле-

Царица Наталья Кириловна Нарышкина.

Царица Евдокія (въ монашествѣ Елена) Феодоровна Лопухина.

ніямъ городской жизни. Олсарій говоритъ, что въ Москвѣ не проходитъ мѣсяца или даже недѣли, чтобы нѣсколько домовъ, а временами, — если вѣтеръ силенъ, — цѣлыя переулки не уничтожались огнемъ, и что голштинцамъ иногда по ночамъ приходилось видѣть, какъ въ трехъ-четыре-хъ мѣстахъ заразъ поднималось пламя. Въ дневникѣ Корба мы находимъ любопытныя данныя по статистикѣ пожаровъ за время его пребыванія въ Москвѣ. Въ концѣ апрѣля — по старому стилю — 1698 г., на Пасхѣ былъ пожаръ, истребившій до 600 домовъ. Въ концѣ мая сгорѣли два дома въ Нѣмецкой слободѣ, 6 іюня много домовъ было уничтожено «губительнымъ» пожаромъ; въ августѣ въ одинъ день сгорѣло свыше 100 домовъ. Въ 1699 г. 30 марта былъ большой пожаръ близъ Посольскаго двора, 14 апрѣля — «гибельный» пожаръ; 10 іюня сгорѣли два дома въ Нѣмецкой слободѣ и нѣсколько сотъ домовъ въ городѣ, 1 іюля близъ Нарышкинскихъ палатъ въ Бѣломъ городѣ (на Воздвиженкѣ) сгорѣло 130 домовъ. Замѣтимъ, что статистика Корба едва ли можетъ считаться полной, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ отмѣчалъ только пожары, почему-либо особенно заинтересовавшіе его.

Для борьбы съ пожарами принимались разнаго рода мѣры. Предупредительною мѣрой было обязательное прекращеніе топки печей въ домахъ и мыльницахъ въ лѣтнее время: съ весны всѣ печи запечатывались обѣзжими головами. Тушеніе пожаровъ возлагалось на пожарную команду, содержавшуюся на средства города и государства. Пожарные, по-тогдашнему ярыжки, получали жалованье отъ посада до 1629 г., а съ этого года содержаніе ихъ взяло на себя государство, при чемъ число ихъ было увеличено: къ прежнимъ ста чел. прибавлено еще сто. Инструменты для пожарной команды, трубы, бочки и щиты изъ луба, пріобрѣтались на средства казны. Для выѣздовъ на пожары ночью должны были дежурить 20 извозчиковъ, по очереди, на Земскомъ дворѣ, и туда же извозчики, въ томъ же количествѣ, являлись днемъ въ случаѣ пожара. Начавшійся пожаръ возвѣщался набатомъ на колокольнѣ мѣстной церкви, и на эту тревогу откликались сторожа, дежурившіе въ набатныхъ башняхъ кремлевской ограды: начинался набатный звонъ въ башнѣ той стороны ограды, которая была обращена къ части города, гдѣ вспыхнулъ пожаръ. Хотя правительство заботилось о снабженіи пожарной команды трубами и бочками, пожаръ обыкновенно старались не столько тушить, сколько локализовать, ломая ближайшіе къ мѣсту его дома.

Грабежи и разбои были въ Москвѣ неменѣе хроническимъ зломъ,

С. С. Соломко. Уличная жизнь.

чѣмъ пожары. Съ наступленіемъ темноты на улицахъ начиналось господство грабителей, и прохожіе ночью всегда рисковали быть ограбленными, избитыми или убитыми. Олеарій и Корбъ сообщаютъ о нѣсколькихъ случаяхъ дерзкихъ нападеній на иностранцевъ, возвращавшихся ночью домой. Не проходило ночи, чтобы на утро не находили на улицахъ нѣсколькихъ убитыхъ. Во время пребыванія голштинскаго посольства въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, 11 декабря можно было насчитать пятнадцать убитыхъ передъ Земскимъ дворомъ: сюда по утрамъ доставлялись найденные на улицахъ трупы, и лица, не находившія подъ утро своихъ родственниковъ дома, шли на Земскій дворъ осматривать убитыхъ. Неопознанные трупы свозились въ убогіе дома, гдѣ хранились, вмѣстѣ съ трупами казненныхъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, опившихся и бѣдняковъ, скоропостижно умершихъ на улицѣ, до троицкой недѣли, когда совершалось погребеніе всѣхъ такихъ покойниковъ въ общихъ могилахъ. Горожане были настолько терроризованы разбойниками, что, слыша ночью крики людей, подвергнувшихся нападенію на улицѣ, обыкновенно не только не сгѣшили на помощь, но даже не рѣшались выглядывать изъ оконъ. Такъ же обычны, какъ разбои, были ночныя кражи со взломомъ.

Особая статья Уложенія посвящена ворами, которые играютъ въ карты и зернь и, проигравшись, ходятъ по рядамъ и улицамъ, съ прохожихъ шапки срываютъ, грабятъ и разбиваютъ: въ этомъ описаніи нетрудно узнать профессиональных грабителей, апашей того времени, которые, какъ видно изъ той же статьи, были очень многочисленны въ Москвѣ. Но главный контингентъ грабителей поставлялся богатыми боярскими дворами. У бояръ было въ обычаѣ держать десятки и сотни дворовыхъ людей, но не было въ обычаѣ заботиться объ ихъ прокормленіи. Боярская челядь ютилась во дворахъ господъ, въ маленькихъ домикахъ, которые, по словамъ Рейтенфельса, въ другихъ странахъ были бы сочтены за свиные хлѣвы, и жила впроголодь, питаясь, какъ тогда говорилось въ насмѣшку, похлебкою изъ яичной скорлупы. Неудивительно, что, предоставленная самой себѣ, эта челядь, вообще очень буйная и разнузданная,—припомнимъ, какъ она держала себя въ Кремлѣ близъ самыхъ царскихъ хоромъ,—старалась добывать себѣ пропитаніе разбоемъ и грабежомъ. Въ XVII в. на Дмитровкѣ не было ни проходу, ни проѣзду отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Гатева. Люди князя Юрья Ромодановскаго, убившіе старосту серебрянаго ряда, винились въ убійствѣ еще двадцати человекъ.

Полицейская охрана, очевидно, оказывалась недостаточной для успешной борьбы съ грабителями. Особенно ярко сказывалось безсиліе полиціи въ дни общаго разгула на масленицѣ, когда сами караульные напивались, а число уличныхъ убійствъ значительно увеличивалось. Частныя лица старались своими мѣрами обезопасить себя отъ грабежей. Бояре нанимали особыхъ сторожей, которые дежурили въ ихъ дворахъ по ночамъ, ежечасно давая о себѣ знать ударами палки по деревянной доскѣ. Но, по словамъ Олеарія, часто случалось, что подобные стражники сторожили не столько для господъ, сколько для воровъ, помогали послѣднимъ проникать во дворы и убѣгали.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами явленій слагалась будничная жизнь московской улицы, но улица имѣла и свои праздники, неменѣе характерные въ своемъ родѣ, нежели повседневныя городскія происшествія. Праздничный видъ она принимала всякій разъ, когда на ней появлялся царь. Въ XVII в. Москва уже смутно помнила тѣ царскіе выѣзды, которыхъ она была свидѣтельницей въ дни установленной Грознымъ чрезвычайной охраны, когда появленіе царя на улицѣ во главѣ опричныхъ бандитовъ терроризовало населеніе. Романовы XVII в. жили замкнуто въ своемъ дворцѣ, какъ недоступные для народа земные боги, и если показывались на улицѣ, то въ самой обстановкѣ ихъ выѣзда сказывалась ихъ разобщенность отъ народной жизни. Цари ѣздили по извѣстнымъ, опредѣленнымъ улицамъ, покрытымъ бревенчатою мостовою, которая въ ожиданіи проѣзда царя экстренно подметалась. Царскому поѣзду предшествовали стрѣльцы, вооруженные батогами, за ними слѣдовалъ другой отрядъ стрѣльцовъ, царскій экипажъ окружала толпа бояръ и иныхъ придворныхъ чиновъ. Попадавшіеся по дорогѣ горожане или разгонялись батогами, или жались къ стѣнамъ домовъ и кланялись царю въ землю. Иногда народъ при этомъ не оставался безмолвнымъ: Олеарій былъ свидѣтелемъ того, какъ на пути царскаго поѣзда, направлявшагося на богомолье, зрители, осыпаемые палочными ударами, тѣмъ не менѣе съ благоговѣніемъ высказывали пожеланія счастья царю и его женѣ.

Праздничный видъ принимала Москва также въ дни торжественныхъ аудіенцій иноземныхъ пословъ и церковныхъ процессій. На пути пословъ, ѣхавшихъ въ Кремль, правительство собирало громадныя толпы служилыхъ и посадскихъ людей. Лавки въ этотъ день закрывались, продавцовъ и покупателей прогоняли съ рынковъ. Дѣлалось это ради возвышенія престижа московскаго царя въ глазахъ иноземцевъ и населенія: первымъ по расчету правительства должно было импонировать многолюдство царской столицы, а народу демонстрировалось могущество царя, къ которому являлись на поклонъ пышныя посольства отъ иноземныхъ государей.

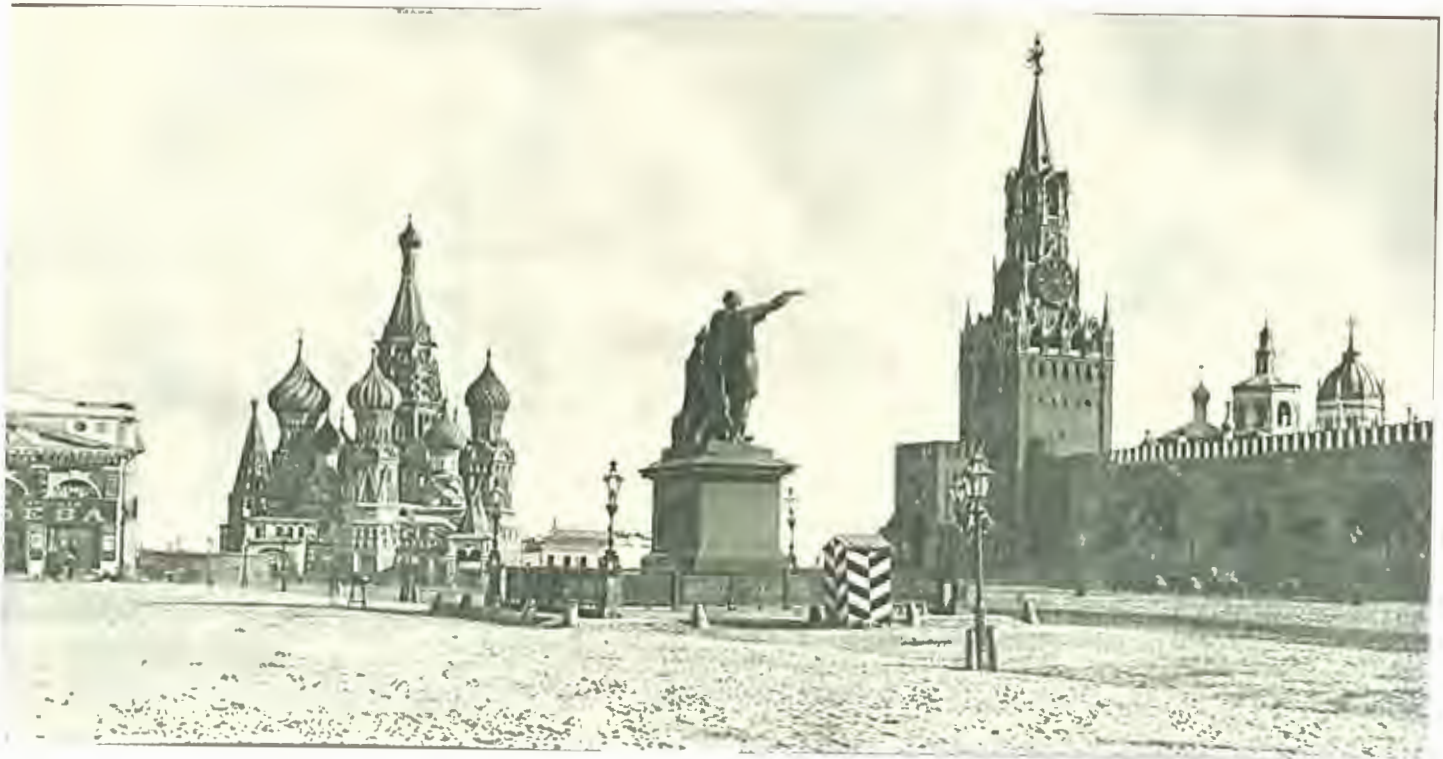
Самые торжественные крестные ходы бывали 6 января, въ день Богоявленія, и въ Вербное воскресенье. 6 января совершалось освященіе воды въ Москвѣ-рѣкѣ у Тайницкой башни — церемонія *іердани*. Въ Кремлѣ и на берегу рѣки разставлялись отряды стрѣльцовъ, въ процессіи шелъ самъ царь въ полномъ царскомъ орнатѣ, за царемъ слѣдовала толпа царедворцевъ, высшихъ воинскихъ чиновъ и гостей въ парадныхъ костюмахъ. Берега рѣки, крыши домовъ и кремлевскія стѣны бывали устѣяны безчисленными зрителями. Въ Вербное воскресенье происходило *шествіе на ослати*, также съ участіемъ царя. Царь, сопровождаемый боярами, выходилъ съ процессіей изъ Кремля черезъ Спасскія ворота и отправлялся на Лобное мѣсто, гдѣ патріархъ подавалъ ему и боярамъ пальмовыя вѣтви и вербу. По прочтеніи евангелія патріарху приводили осла, роль котораго исполняла лошадь съ придѣланными ослиными ушами; патріархъ садился на него и направлялся въ Кремль. Осла велъ, держась за конецъ повода, самъ царь; стрѣльцы разстилали по пути шествія разноцвѣтныя сукна, впереди везли на красныхъ саняхъ большую изукрашенную вербу.

Таковы были официальные торжества, въ которыхъ активно выступали только представители церкви и государства, а народу предоставлялась роль простого зрителя. Но были и чисто-народные праздники, дни, когда на улицѣ хозяйничала сама народная масса въ качествѣ организатора и исполнителя праздничныхъ потѣхъ. Эти праздники всегда встрѣчали суровое осужденіе со стороны церкви, видѣвшей въ нихъ пережитки язычества, а вслѣдъ за церковью и подъ ея вліяніемъ съ XVII в. и свѣтская власть повела съ ними энергичную борьбу, въ концѣ концовъ увѣнчавшуюся значительнымъ успѣхомъ.

Народные праздники большею частію приурочивались къ церковнымъ, но нисколько не теряли вслѣдствіе этого своего чисто-мірскаго характера. Необходимымъ спутникомъ праздничныхъ увеселеній былъ пьяный разгулъ, принимавшій громадныя размѣры. Пьянство становилось повальнымъ: пили мужчины и женщины, духовныя лица и міряне. Корбъ говоритъ, что первыми начинали безобразничать женщины и на Пасхѣ, напр., почти на всѣхъ улицахъ можно было видѣть пьяныхъ женщинъ «блѣдныхъ, полунагихъ и безстыжихъ». Захмелѣвшіе старики смѣшивались съ подростками и вмѣстѣ съ ними качались на доскахъ, — обычная праздничная забава москвичей. На улицахъ во множествѣ валялись опившіеся до потери сознанія, и по утрамъ то и дѣло попадались убитые и донага ограбленные. Безъ болѣе или менѣе крупнаго пожара не обходился ни одинъ праздникъ.

Святки были временемъ уличныхъ маскарадовъ, сопровождавшихся самымъ буйнымъ весельемъ. Въ Рождественскій сочельникъ и затѣмъ въ теченіе двѣнадцати дней, до самаго Крещенія, на улицахъ появлялись ватаги ряженыхъ мужчинъ и женщинъ, въ маскахъ и разнообразныхъ маскарадныхъ костюмахъ: тутъ были, по словамъ патріарха Іоакима (указъ 1684 г.), перемѣнившіе человѣческой образъ, косматые, надѣвшіе бѣсовскія и кумирскія личины и «иными бѣсовскими ухищреніями содѣянныя образы». Обычнымъ маскараднымъ персонажемъ была *кобылка*, возбуждавшая особое негодованіе церковной власти и набожнаго царя Алексѣя, который въ грамотѣ 1648 г. прямо называетъ ее «бѣсовскою». Ряженые плясали и пѣли пѣсни игриваго содержанія, пересыанныя тѣми блестящими національнаго юмора, которыя церковь не безъ основанія приравнивала къ сквернословію.

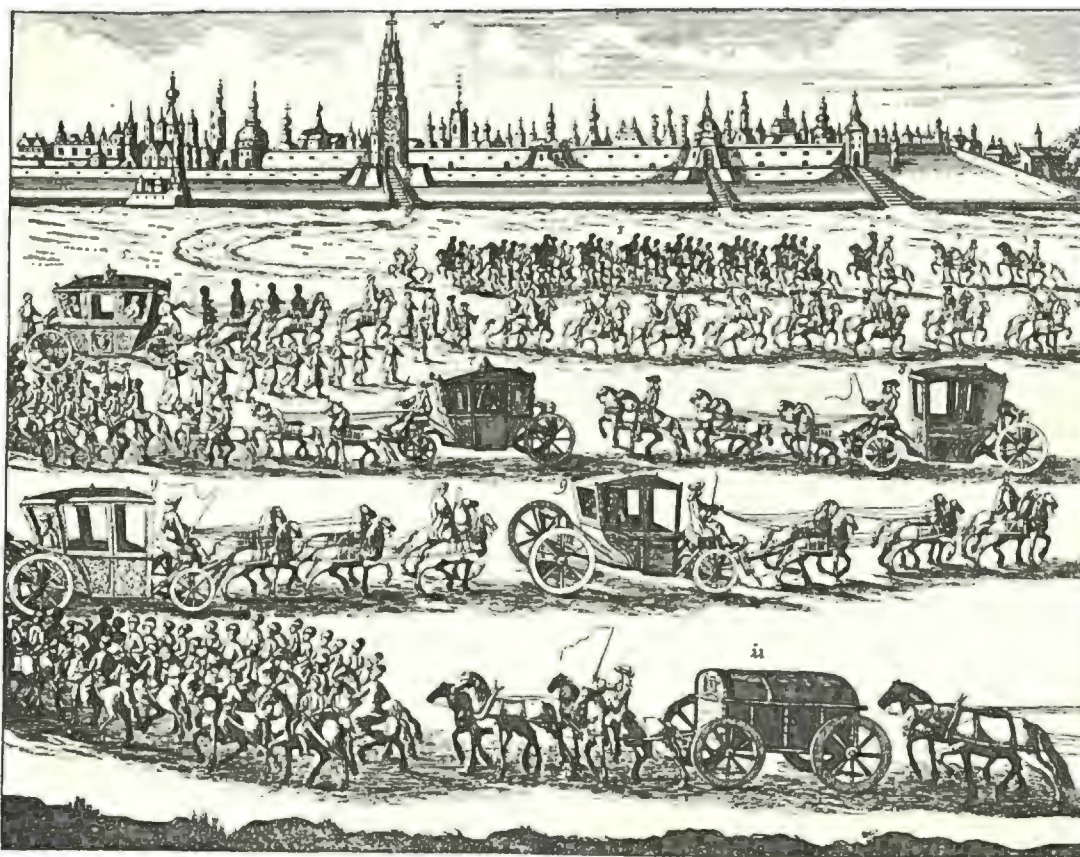
Въ святочныхъ маскарадныхъ потѣхахъ принимали участіе *халдеи*, дѣйствующія лица церковной мистеріи, исполнявшейся передъ Рождествомъ, *пещного дѣйства*. Халдеи въ этой мистеріи были слуги царя Навуходоносора, ввергавшіе въ печь трехъ отроковъ. На святкахъ они бѣгали въ шутовскомъ нарядѣ, въ деревянныхъ раскрашенныхъ шляпахъ, по улицамъ, пугали прохожихъ особымъ потѣшнымъ огнемъ, зажигая порошокъ *плаунъ*, добывавшійся изъ одного растенія, поджигали имъ бороды и больше всего потѣшались надъ крестьянами. Олеарій рассказываетъ, что у одного крестьянина халдеи подожгли возъ сѣна, а когда бѣдняга хотѣлъ оказать имъ сопротивленіе, они сожгли ему бороду и волосы на головѣ. Нежелавшій подвергаться такимъ штукамъ долженъ былъ платить халдеямъ копейку. Халдеи, какъ ряженые, считались нечистыми и въ день Крещенія должны

были очищаться освященной водой, купаясь въ проруби. При патриархѣ Никонѣ, упразднившемъ пещное дѣйство, халдеямъ было запрещено появляться на улицахъ *).

Весною, на троицкой недѣлѣ, происходили народныя игрища, въ которыхъ такъ же, какъ и въ святочныхъ потѣхахъ, сохранялись отголоски языческихъ вѣрованій. Семикъ, четвергъ передъ троицынымъ днемъ, былъ посвященъ русалкамъ, и самыя игрища назывались *русалиями* (это названіе переносилось, впрочемъ, и на святочные игрища). Есть указанія на то, что къ числу увеселеній на троицкой недѣлѣ принадлежали народные-маскарады. Въ троицкую субботу справлялось на кладбищахъ общее по

Въѣздъ Австрійскаго посольства въ Москву 29 (19) апрѣля 1698 г.
(Изъ книги Корба: Дневникъ путешествія въ Московію).

миновеніе умершихъ. Оно начиналось церковнымъ обрядомъ, потомъ поминающіе приступали тутъ же на кладбищѣ къ закускѣ и блинамъ, являлись скоморохи, и поминки получали характеръ веселаго праздника съ пѣснями и плясками.

Въ Бѣломъ городѣ за старымъ Ваганьковымъ бывали народныя гулянья, о которыхъ мы узнаемъ изъ указа 1626 г. Этимъ указомъ предписывалось объявить посредствомъ кличей по торгамъ и по улицамъ, чтобы за старое Ваганьково никакіе люди не сходились на *безлыщцу*; послуш-

*) Послѣ этого халдеи все-таки не исчезли окончательно, но роль ихъ измѣнилась. По словамъ Павла Алеппскаго, посѣтившаго Россію уже послѣ упраздненія пещнаго дѣйства, халдеями назывались служители, сопровождавшіе всюду избраннаго въ архіерен; эти халдеи носили высокія панчи и красныя суконныя кафтаны съ широкими рукавами.

никовъ указано бить кнутомъ по торгамъ, а въ новую четверть послано предписаніе о томъ, чтобы на безлѣпицу съ кабацкимъ питьемъ не вѣзжали. Какова была увеселительная программа безлѣпицы, изъ указа не видно, но можно думать, что это было просто гулянье съ пѣснями, хоровами и выпивкою; можетъ быть, оно соединялось и съ кулачными боями. Описаніе этихъ боевъ оставилъ намъ Герберштейнъ. Онъ говоритъ, что юноши и подростки, созываемые свистомъ, сходились въ опредѣленномъ мѣстѣ и жестоко дрались кулаками, такъ что нѣкоторыхъ уносили бездыханными. По мнѣнію иностранцевъ, кулачному бою русскіе были обязаны привычкою къ побоямъ, имѣвшею существенное значеніе въ ихъ рабской жизни. Какъ бы то ни было, этотъ бой былъ вполнѣ національнымъ спортомъ и при томъ единственнымъ видомъ спорта, практиковавшимся въ Россіи и настолько укоренившимся, что и въ наше время его нельзя считать отошедшимъ въ область преданія.

Необходимымъ участникомъ народныхъ игрищъ являлся скоморохъ. Онъ собиралъ вокругъ себя веселящуюся толпу, показывалъ ей свое искусство во всѣхъ областяхъ увеселительнаго жанра, былъ инициаторомъ общей пляски и пѣсенъ. Скоморохи выступали въ качествѣ пѣсенниковъ, музыкантовъ, плясунновъ, исполнителей и авторовъ уличныхъ фарсовъ, вожаковъ ученыхъ медвѣдей,—словомъ, всѣ извѣстные тогда виды развлеченій были представлены въ ихъ дѣятельности.

Обстоятельную характеристику скомороховъ и ихъ искусства мы находимъ въ произведеніяхъ церковной литературы. Нельзя, однако, не замѣтить, что эта характеристика страдаетъ односторонностью и не можетъ быть принята полностью на вѣру: въ ней отразилось господствующее, оффиціальное, такъ сказать, теченіе церковной жизни—аскетизмъ и притомъ аскетизмъ воинствующій, относившійся крайне враждебно къ мірскому обществу, въ жизни котораго церковь открывала на каждомъ шагу пережитки ненавистнаго язычества. Съ точки зрѣнія этого аскетизма подлежали одинаково беспощадному осужденію всѣ мірскія забавы и развлеченія,—пляска, пѣсни, инструментальная музыка, театръ, даже шахматы, качели и скаканье на доскахъ, обычная пасхальная потѣха. Осужденіе было огульное: данное развлеченіе признавалось грѣховнымъ только потому, что оно было мірское, ближайшая оцѣнка осуждаемаго считалась дѣломъ ненужнымъ. Неудивительно поэтому, что отношеніе церкви къ скоморошеству было вполнѣ отрицательное и рѣзко враждебное, въ виду чего въ церковномъ изображеніи этого явленія народной жизни можно предполагать излишнее сгущеніе красокъ.

Но отзывы церкви о скоморохахъ доступны провѣркѣ: мы имѣемъ, кромѣ этихъ отзывовъ, еще свидѣтельства иностранцевъ, которымъ церковная точка зрѣнія была чужда. При сличеніи обоихъ источниковъ оказывается, что церковь нельзя обвинять въ сплошномъ преувеличеніи и что ея сужденія о нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, сторонахъ увеселительной дѣятельности скомороховъ совпадали съ сужденіями представителей цивилизованнаго общества. Въ числѣ пѣсенъ, исполнявшихся скоморохами, были такія, которыя не могли оскорбить даже развитое нравственное чувство;

скоморохи, явившіеся въ Ладогѣ къ голштинскимъ посламъ, спѣли пѣсно про царя Михаила Ѳедоровича, понравившуюся нѣмцамъ; можно думать, что былины и инья пѣсни историческаго содержанія входили въ репертуаръ скомороховъ. Но преобладалъ въ этомъ репертуарѣ, несомнѣнно, грубо-гривуазный жанръ, отражавшій въ себѣ нравственный уровень русскаго общества. По словамъ Олеарія, обычное содержаніе русской бесѣды составляли игривые анекдоты, которые рассказывались съ самымъ откровеннымъ цинизмомъ; собесѣдники шеголяли другъ передъ другомъ своими свѣдѣніями по этой части и не стѣснялись въ выраженіяхъ. Тотъ же характеръ носило большинство пѣсенъ, открыто исполнявшихся скоморохами на улицахъ. Безъ такихъ пѣсенъ не обходились и свадебныя процессіи, въ которыхъ постоянно фигурировали скоморохи наряду съ прочими поѣзжанами. Невѣсту сопровождала въ церковь толпа родныхъ, друзей и слугъ, пѣвшихъ циничныя пѣсни, а во главѣ процессіи скоморохи «рыскали», по выраженію Стоглава, съ бѣсовскими играми передъ попомъ, обыкновенно, впрочемъ, едва державшимся на ногахъ послѣ угощенія, предшествовавшаго церемоніи.

Не менѣе циничны были иногда въ исполненіи скомороховъ національныя пляски. Отъ времени Ивана Грознаго дошли свидѣтельства иноземцевъ о скоморошескихъ пляскахъ, сопровождавшихся безстыдными тѣлодвиженіями. Олеарій говоритъ, что, по слухамъ, «иногда русскіе бродячіе комедіанты, танцуя, открываютъ задъ, а, можетъ быть, еще что-либо».

Требованіямъ національнаго вкуса отвѣчали также нѣкоторыя сцены кукольной комедіи, показывавшейся тѣми же скоморохами. Бродячій кукольный театръ XVII в., судя по описанію его у Олеарія, отличался отъ такого же театра нашего времени только болѣе примитивнымъ устройствомъ: комедіантъ обвязывалъ вокругъ тѣла одѣяло, поднималъ его свободную сторону вверхъ и устраивалъ такимъ образомъ надъ головой своей переносную сцену, съ которою могъ бѣгать по улицамъ и на которой происходили кукольныя игры. Репертуаръ этого театра и главные его персонажи также, повидимому, претерпѣли мало измѣненій съ XVII в. Въ изображенномъ у Олеарія кукольномъ представленіи дѣйствующими лицами являются традиціонныя Петрушка, цыганъ и Петрушкина невѣста Варюшка: Петрушка осматриваетъ лошадь, навязываемую ему цыганомъ,— сцена, удержавшаяся до сихъ поръ въ репертуарѣ русскаго кукольнаго театра. Неменѣе древняго происхожденія, по всей вѣроятности, откровенно циничная сцена, разыгрываемая Петрушкой и Варюшкой, такъ называемая Петрушкина свадьба; надо думать, что именно сцены въ этомъ родѣ, а, можетъ быть, и что-либо болѣе рискованное, имѣлъ въ виду Олеарій, говоря о «гнусныхъ вещахъ», показываемыхъ молодежи и дѣтямъ въ кукольныхъ театрахъ.

Цинизмъ, впрочемъ, не былъ исключительно господствующимъ элементомъ въ скоморошескихъ «играхъ». Скоморохи исполняли различныя фарсы, многимъ изъ которыхъ онъ былъ такъ же чуждъ, какъ позднѣйшимъ забавнымъ сценамъ подобнаго рода, разыгрываемымъ ряжеными. Нѣкоторые фарсы возвышались даже до довольно смѣлой политической и

соціальної сатири. Таковъ былъ, напр., очень популярный въ XVII в. фарсъ, въ которомъ изображалась расправа черни съ чваннымъ бояриномъ, гнавшимъ отъ себя челобитчиковъ, и богатымъ купцомъ.

XVII в. былъ временемъ постепеннаго упадка и исчезновенія скоморошества, не выдержавшаго гоненій, которымъ подвергло его правительство въ союзѣ съ церковью. Уже при царѣ Михаилѣ правительство вступаетъ на путь борьбы съ народными увеселеніями. Рядъ мѣръ, направленныхъ противъ нихъ, открывается указомъ о московской «безлѣпицѣ». Чрезвычайно крутая мѣра была проведена патриархомъ Іоасафомъ: онъ велѣлъ отбирать у скомороховъ на улицахъ и разбивать всѣ музыкальные инструменты, а потомъ запретилъ всѣмъ вообще инструментальную музыку и отобралъ въ домахъ частныхъ лицъ много инструментовъ, которые на пяти возахъ были вывезены за Москву-рѣку и сожжены. Наконецъ, рѣшительный ударъ скоморошеству былъ нанесенъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда подъ вліяніемъ восторжествовавшей при дворѣ аскетической тенденціи началось систематическое преслѣдованіе всѣхъ народныхъ увеселеній безъ разбора. Въ 1648 г. были разосланы по городамъ царскія грамоты, въ которыхъ объявлялась война всѣмъ извѣстнымъ тогда видамъ развлеченій, отъ скоморошескихъ игръ и кулачныхъ боевъ до качель и скаканія на доскахъ включительно. Музыкальные инструменты, «гудебные бѣсовскіе сосуды», и маски предписывалось всюду отбирать и жечь, и для нарушителей запретовъ, наложенныхъ на увеселенія, устанавливались кары—батоги, опала и ссылка. Эти репрессивныя мѣры, повидимому, примѣнялись энергично и до извѣстной степени достигали цѣли,—по крайней мѣрѣ, несомнѣннымъ успѣхомъ увѣичалась борьба со скоморошествомъ, которое окончательно исчезло къ началу XVIII в.

ПЕРОВЪ НИКИТА ПУСТОСВЯТЪ.

Управление Москвой въ XVI-XVII вв.

С. К. Богоявленскаго.

вопросъ о томъ, какъ управлялась Москва, очень мало затронуть въ исторической литературѣ, матеріалъ крупицами разбросанъ по разнымъ собраніямъ актовъ, и напечатанныхъ, и хранящихся въ архивѣ. Поэтому невозможно дать полной картины московскаго управления, и приходится ограничиваться приблизительными свѣдѣніями.

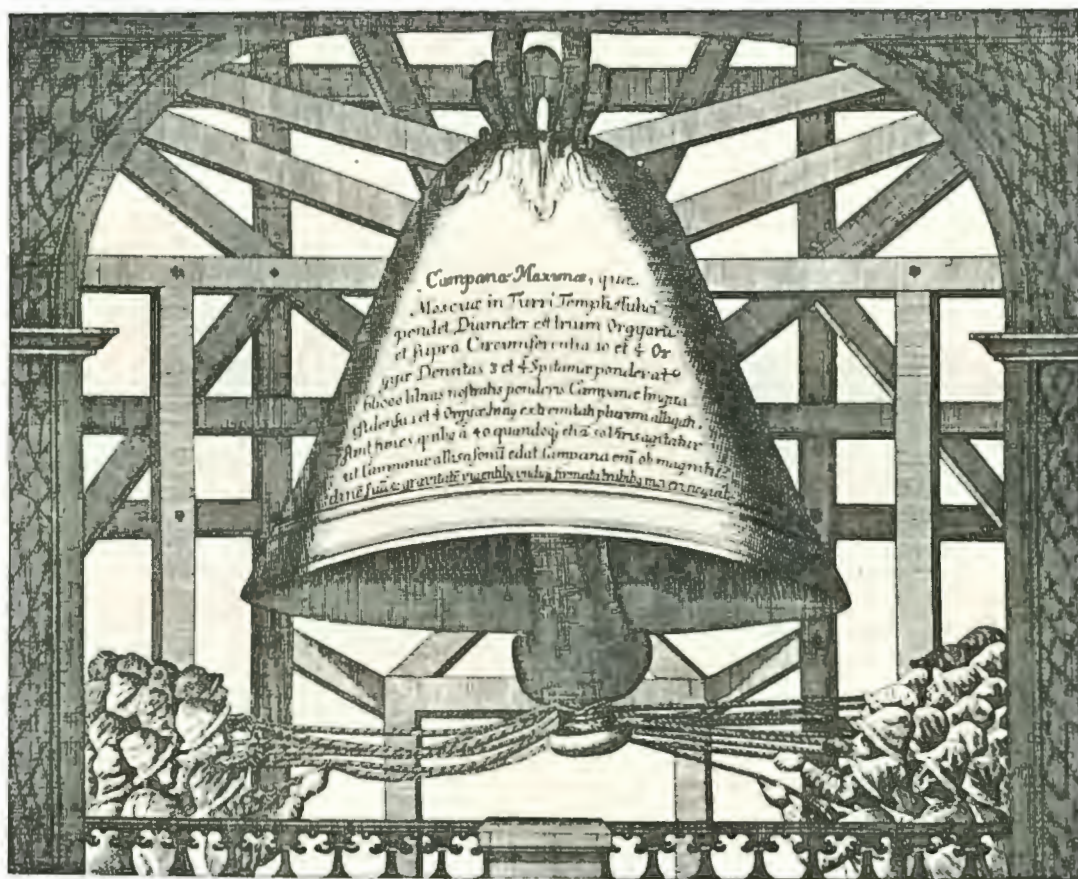
Москва раздѣлялась на рядъ судебно-административныхъ округовъ, не связанныхъ однимъ общимъ управленіемъ особаго приказа или воеводы. Дѣленіе Москвы на Кремль, Китай-городъ, Бѣлый городъ, Земляной городъ, на слободы и сотни (черныя, дворцовыя, стрѣлецкія и пр.) далеко не указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ административными единицами: это скорѣе топографическія обозначенія. Напримѣръ, въ Бѣломъ городѣ находимъ слободы и даже отдѣльныхъ лицъ, выдѣленныхъ изъ общей юрисдикціи, а въ черныхъ слободахъ, расположенныхъ и въ Земляномъ городѣ, т.-е. въ обширномъ пространствѣ, ограниченномъ современными бульварами и Садовой улицей, и за Землянымъ городомъ, т.-е. за чертой Садовой улицы, найдемъ такихъ дворовладѣльцевъ, которые подчинялись инымъ учрежденіямъ, чѣмъ ихъ сосѣди—черные посадскіе люди.

Наибольшее количество дѣлъ по завѣдыванію Москвой сосредоточивалось въ Земскомъ приказѣ, которому подчинялись черныя слободы и сотни, и на который были возложены хлопотливыя и важныя обязанности по разнымъ отраслямъ управленія и въ Кремлѣ, и въ Китай-городѣ. Многочисленныя стрѣлецкія слободы, охватывавшія кольцо Бѣлый городъ, а также расположенныя за рѣкой Москвой, вѣдались Стрѣлецкимъ приказомъ. Далѣе, 8 дворцовыхъ слободъ и Красное Село, всего 1428 дворовъ, населенныхъ преимущественно низшими дворцовыми служителями, подчинялись приказу Большого Дворца. Приказъ Царицыной Мастерской Палаты завѣдывалъ Кадашевской и Хамовнической слободами, Конюшенный приказъ—Ко-

иношенной слободой, Разрядный приказъ—Нѣмецкой слободой (въ 1666 г.), Посольскій приказъ—Мѣщанской слободой и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ приказовъ и судили, и управляли, а нѣкоторые только управляли. Такое разнообразіе приказовъ и ихъ компетенціи вносило большую путаницу въ дѣла, тѣмъ болѣе, что вопросъ о подсудности иногда очень осложнялся и рѣшался не по отвѣтчику, а по истцу или по характеру дѣла. Иноземцы и тяглецы Мѣщанской слободы по закону не только были судимы, но и предъявляли иски къ кому бы то ни было исключительно въ Посольскомъ приказѣ. Судъ по торговымъ дѣламъ для лицъ всякаго званія производился въ приказѣ Большой Казны, который завѣдывалъ дѣлами высшаго купечества гостинной и суконной сотнями, хотя представители этого сословія жили не въ определенной части города, а были разсѣяны по всей обширной территоріи Москвы, жили и въ Китай-городѣ, и въ Бѣломъ городѣ, и въ черныхъ слободахъ. Путаница увеличивалась еще отъ недобросовѣстности просителей, которые начинали иски не въ тѣхъ приказахъ, гдѣ слѣдовало, а въ другихъ, гдѣ ожидали найти поддержку у приказныхъ людей. Отвѣтчику иногда приходилось затратить много денегъ и времени, чтобы добиться суда въ надлежащемъ приказѣ. Такъ, мѣщанинъ Кузьмина 4 года «волочили» въ Стрѣлецкомъ приказѣ, прежде чѣмъ дѣло его со стрѣльцомъ Волковымъ перешло по подсудности въ Посольскій приказъ. Отвѣтчикъ могъ считать себя счастливымъ, что отдѣлался волокитой, а не попалъ, какъ иногда случалось, подъ арестъ «за рѣшетку», и если у него не отбирали и не задерживали документовъ, доказывавшихъ его невиновность. Добиться вызова отвѣтника или свидѣтелей было нелегко, и надо было ждать долгое время, пока приказы, не сгнѣша, обмѣнивались бумагами - «памятями». Особенно трудно было искать на пришлыхъ иногороднихъ людяхъ, которые отвѣчали въ приказѣ, вѣдавшемъ ихъ родной городъ.

Опытные въ дѣлахъ дѣяки не всегда сами могли разобраться во всей этой путаницѣ и рѣшить вопросъ, какому приказу подсудно то или другое дѣло. Если дѣло было почему-нибудь интересно для приказныхъ людей, то они его не выпускали изъ рукъ, несмотря на настойчивыя требованія другого приказа, а если это не сулило имъ выгоды, то пользовались всякимъ поводомъ, чтобы уклониться отъ разбора и отослать просителей въ другой приказъ. Житель Мѣщанской слободы Филатко Дмитріевъ затѣялъ тяжбу со своей тещей, жившей въ Кадашевской слободѣ, о спорномъ дворѣ. Посольскій приказъ рѣшилъ, что дѣло ему подсудно, но вытребовать на судъ отвѣтчицу никакъ не могъ, потому что приказъ Царицыной Мастерской Палаты требовалъ дѣло на свое разсмотрѣніе, ссылаясь на жалованныя грамоты 1623 и 1649 г.г., по которымъ кадашевцы судомъ и управою вѣдомы только въ приказѣ Мастерской Палаты. Получилось неразрѣшимое противорѣчіе: съ одной стороны истецъ могъ просить суда по царскому указу только въ Посольскомъ приказѣ, а съ другой стороны отвѣтчица также по царскому указу была подсудна только приказу Мастерской Палаты. И тотъ и другой приказъ не хотѣлъ поступиться своимъ правомъ, и вопросъ былъ разрѣшенъ новымъ царскимъ указомъ, который Посольскій приказъ исходатайствовалъ въ свою пользу. Если приговоръ какого либо

приказа касался лицъ, подвѣдомственныхъ другому приказу, то привести такой приговоръ въ исполненіе не всегда было возможно. Сыскной приказъ, разбирая дѣло о покражѣ, постановилъ допросить двухъ жителей Мѣщанской слободы, оговоренныхъ подсудимыми въ покупкѣ краденаго, но оказалось, что эти мѣщане гдѣ то скрылись, покинувъ свои дворы. Тогда Сыскной приказъ, считая бѣгство равносильнымъ признанію, вынесъ приговоръ, по которому потерпѣвшая должна была быть вознаграждена изъ имущества бѣжавшихъ, и дать ей «данную» на дворы въ Мѣщанской слободѣ. Но Посольскій приказъ позволилъ потерпѣвшей только продать въ свою пользу дворовыя постройки, а дворовую землю отдать бездворному мѣщанину.

Главный колоколъ въ Москвѣ на башнѣ дворцоваго храма.
(Изъ книги Корба: Дневникъ путешествія въ Московію).

Московское правительство, очевидно, сознавало недостатки въ организаціи управленія Москвою и дѣлало попытки объединить въ одномъ учрежденіи ту или другую область управленія, но эти попытки большею частью разбивались о привилегіи различныхъ слободъ и сословій. Приведемъ такой примѣръ. Такъ какъ питейный доходъ составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ ресурсовъ казны, то правительство строго преслѣдовало корчемство и дало приказу Новой Четверти право посылать своихъ чиновниковъ во всѣ слободы, не сносясь съ тѣми приказами, которымъ эти слободы были подвѣдомственны, для выемки неявленнаго питья. Приказъ началъ съ энергіей исполнять это порученіе, и одинъ изъ посланныхъ имъ дворянъ явился въ привилегированную Мѣщанскую слободу, призвалъ къ себѣ старосту и по-

требовалъ, чтобы для его канцеляріи было отведено особое помѣщеніе. Мѣщанской слободой уже управлялъ одинъ дворянинъ, и потому содержать второго было мѣщанамъ не подъ силу; они подали въ Посольскій приказъ челобитную съ просьбой второго дворянина отъ нихъ увести, чтобы имъ «въ конецъ не погибнуть и слободѣ не разориться». Дворянина, постоянного агента приказа Новой Четверти, увели, но стали наѣзжать временные выемщики. Мѣщане опять стали жаловаться Посольскому приказу, говоря, что выемщики пріѣзжаютъ «съ великимъ многолудствомъ, нагло», врываются въ дворы и даже крадутъ во время обыска. Въ концѣ концовъ, мѣщане добились того, что были выдѣлены изъ общаго правила и вѣданы выемкой только въ своей слѣзжей избѣ.

Теперь разсмотримъ, какъ были организованы отдѣльныя отрасли управленія Москвой.

Городъ періодически подвергался описи, составлялись писцовыя и переписныя книги, служившія основнымъ документомъ при сборѣ податей, различныхъ повинностей и для опредѣленія права на владѣніе недвижимостью. Составленіе этихъ книгъ лежало на обязанности Земскаго приказа, который описывалъ не только черныя, но и дворцовыя слободы. Дѣло это было очень хлопотливое. Надо было измѣрять дворы, просмотрѣвши крѣпостные акты, переписать населеніе и даже указать промыселъ дворохозяевъ. Писцы встрѣчали множество разнаго рода препятствій со стороны жителей, особенно если описывался дворъ такого лица, которое не было подчинено Земскому приказу. Когда въ 1678 г. стали составлять переписныя книги, то писецъ, посланный Земскимъ приказомъ, явился между прочимъ въ Басманную слободу, вѣдомую въ приказѣ Большого Дворца, и приступилъ къ описи двора иноземца Бахрата, подчиненнаго Посольскому приказу, то этотъ иноземецъ «учинился непослушенъ», двора и огорода мѣрять не далъ, крѣпостей на свой дворъ не представилъ. Возникла переписка между приказами, чтобы заставить Бахрата подчиниться царскому указу.

Когда книги были составлены, то предстояла новая задача отмѣчать переходъ дворовъ отъ одного владѣльца къ другому въ промежутокъ между составленіемъ книгъ. Земскій приказъ для этой цѣли имѣлъ «дворовыя книги», въ которыя и заносилъ всѣ перемѣны, касающіяся права владѣнія дворами, записывалъ купчія крѣпости на купленные дворы и «данныя» на пожалованные и перешедшіе по суду дворы. Данныя выдавались разными приказами, завѣдывавшими той или другой частью Москвы: Сыгненскій Дворецъ писалъ данныя на дворы въ Садовнической слободѣ, Посольскій — въ Мѣщанской и т. д. Наибольшее количество данныхъ выходило изъ Земскаго приказа, который не только давалъ данныя на дворы въ черныхъ слободахъ, но и отмежевывать подъ дворы пустыя мѣста и раздавалъ боярамъ и монастырямъ мѣста подъ загородные дворы. Даже приказы, не принимавшіе никакого участія въ управленіи Москвой, выдавали данныя, если имѣли какое-либо отношеніе къ отчуждаемому двору: такъ, Устюжскій приказъ выдалъ кн. Ухтомской данную на дворъ въ Китай-городѣ, потому что дворъ этотъ былъ отписанъ въ казну у подъячаго того же приказа. Раньше этотъ дворъ переходилъ изъ рукъ въ руки по даннымъ изъ Зем-

ОСАДА ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

скаго приказа. Земскій приказъ велъ также регистрацію подворнаго населенія и записывать въ свои книги договоры дворовладѣльца съ квартирантомъ, такъ называемыя «жилыя записи», въ которыхъ указывался срокъ найма, плата за помѣщеніе, обязанности хозяина, если квартирантъ былъ его рабочимъ и, наконецъ, обѣщаніе квартиранта не сбѣжать со двора до срока съ похищеннымъ имуществомъ хозяина. Законъ строго и неоднократно подтверждалъ запрещеніе держать на дворѣ стороннихъ людей безъ записки въ Земскомъ приказѣ. За записку купчихъ и жилыхъ записей приказъ бралъ пошлину въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}$ к. съ рубля, при чемъ средняя цѣна посадскаго двора со всѣмъ хоронимымъ строеніемъ была въ серединѣ XVII в. 20—25 руб. Впрочемъ, не вездѣ позволялось держать жильцовъ, и тотъ же Земскій приказъ долженъ былъ слѣдить, чтобы на монастырскихъ земляхъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ не жили тяглые люди.

Иностранные путешественники, посѣщавшіе Москву въ XVII в., единогласно говорятъ, что насколько наша столица была красива издали, настолько она была непривлекательна и грязна внутри. Московская улица была непроходима въ сырую погоду отъ глубокой грязи, а въ сухую погоду была покрыта толстымъ слоемъ пыли. Мостовыя были устроены только на главныхъ улицахъ и представляли изъ себя толстыя положенныя поперекъ бревна. Въ Кремлѣ и по улицамъ Никольской и Мясницкой, по которымъ царь ѣздилъ за городъ, мостовая была болѣе удобной и состояла изъ положенныхъ поперекъ улицы досокъ. Такъ какъ въ Москвѣ было много низинъ, болотистыхъ и тонкихъ мѣстъ, то приходилось дѣлать мосты во многихъ частяхъ города. Устройство мостовой было поручено Земскому приказу, который для этой цѣли собиралъ со всѣхъ дворовъ, не только съ черныхъ, но и съ дворянскихъ и монастырскихъ, расположенныхъ въ Кремлѣ, Китай-городѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ, особыя «мостовыя деньги», при чемъ сборъ этотъ былъ не ежегодный, а производился разъ въ шесть лѣтъ и записывался въ «мостовыя книги». Въ 1643 г. окладъ мостовыхъ денегъ былъ немного болѣе 5000 рублей, но собрать цѣликомъ эти деньги было невозможно: Земскій приказъ жаловался, что во многихъ дворахъ невозможно найти хозяина: про него говорили, что онъ на царской службѣ или что покинулъ дворъ. А между тѣмъ на эти деньги надо было поддерживать мостовую на значительномъ протяженіи: въ Кремлѣ было замощено $486\frac{1}{2}$ погонныхъ сажень, въ Китай-городѣ—168 сажень, въ Бѣломъ городѣ— $247\frac{1}{2}$ сажени и въ Земляномъ городѣ— $1144\frac{1}{2}$ сажени. Средства Земскаго приказа не только не прибывали, но даже убывали, такъ какъ правительство освобождало отъ уплаты мостовыхъ денегъ нѣкоторыя церковныя владѣнія и богатыхъ кушцовъ, записанныхъ въ Гостиную сотню.

Московскіе жители не стѣснялись выбрасывать прямо на улицу съ своихъ дворовъ соръ и отбросы, даже павшихъ животныхъ. Въ ровъ, выкопанный вокругъ Китай-города, сосѣдніе жители выбрасывали навозъ. На улицахъ стоялъ невыносимый запахъ. Земскій приказъ много разъ посылалъ состоявшаго при немъ бирюча выкрикивать на перекресткахъ улицъ царскій указъ, чтобы жители навозъ и падалъ вывозили на пустырь за Землянымъ городомъ, но все было напрасно. Не дѣйствовало даже наказа-

ніе, которому приказъ подвергалъ замѣченныхъ въ нарушеніи этого правила. Приходилось самому приказу изъ своихъ скудныхъ средствъ нести расходы по уборкѣ улицъ. Экстренные случаи вызывали сразу значительныя затраты. Какъ ни смутны были понятія о гигиенѣ, но въ то время, когда свирѣпствовала эпидемія среди людей или животныхъ, Земскій приказъ проявлялъ усиленную дѣятельность по очисткѣ улицъ. Еще труднѣе было приказу, когда прѣзжали иностранные послы, которымъ надо было показать столицу во всемъ блескѣ. Тогда производилась тщательная чистка улицъ, по которымъ должно проѣхать посольство, починка старыхъ мостовыхъ и сооруженіе новыхъ. Тѣ же заботы занимали приказъ и передъ проѣздомъ царя за городъ или въ какой-либо изъ многочисленныхъ московскихъ монастырей. Въ такомъ случаѣ приказныя палаты пустѣли, такъ какъ всѣ многочисленныя подъячіе высылались руководить метельщиками, собранными, чтобы «мостить мосты и очищать пометъ».

Московская полиція была немногочисленна и не представляла изъ себя внушительной силы, тѣмъ болѣе что находилась подъ завѣдываніемъ нѣсколькихъ приказовъ. Въ полицейскомъ отношеніи вся Москва, кромѣ слободъ за Землянымъ городомъ, раздѣлялась въ началѣ XVII в. на 12, а позднѣе на 17 участковъ. Въ каждый участокъ Разрядный приказъ назначалъ «обѣзжаго голову» изъ дворянъ и составлялъ при немъ небольшую канцелярію. На помощь головамъ Земскій приказъ присылалъ «рѣшеточныхъ прикащиковъ», а Стрѣлецкій приказъ нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ. Но собрать этихъ низшихъ полицейскихъ чиновъ въ полномъ комплектѣ головъ было очень трудно, и приходилось настойчиво просить, чтобы Стрѣлецкій приказъ привелъ столько стрѣльцовъ, сколько нужно было для караульной службы. Всѣ эти полицейскіе чины назначались на одинъ годъ весной, при чемъ возможно было, что назначеніе одного и того же лица повторялось нѣсколько лѣтъ сряду. Обѣзжій голова долженъ былъ прежде всего составить списокъ дворовъ и лавокъ своего участка и потребовать отъ жителей, чтобы они поставили сторожей по одному съ десяти дворовъ или лавокъ. Отъ этой повинности избавлены были только священники и причтъ, которые въ полицейскомъ отношеніи подчинены были особымъ обѣзжимъ головамъ, посылаемымъ изъ Патриаршаго Разряда.

Кромѣ упомянутыхъ полицейскихъ чиновъ, Земскій приказъ набиралъ еще команду низшихъ служителей, «ярыжныхъ», содержаніе которыхъ было возложено на черныхъ людей. Число ярыжныхъ все возрастало, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и расходы на ихъ содержаніе. До 1622 г. ихъ было немного: черныя сотни и слободы должны были доставлять ежегодно и содержать по 30 человѣкъ и по 3 лошади, а въ этомъ году число ярыжныхъ было увеличено въ три раза. Горькая жалоба чернослободцевъ царю и патриарху уменьшила число постоянныхъ ярыжныхъ только на 20 человѣкъ. Кромѣ того, ежегодно съ 1 апрѣля по 1 ноября Земскій приказъ набиралъ еще 100 добавочныхъ ярыжныхъ.

Полиція слѣдила за благочиніемъ на улицахъ, охраняла жителей отъ недобрыхъ людей, принимала мѣры противъ пожаровъ. Въ 1655 г. стрѣлецкіе караулы такъ были расположены въ различныхъ частяхъ города:

въ Кремлѣ стояло 313 человекъ, въ томъ числѣ по сотнѣ на Красномъ крыльцѣ и у Красныхъ воротъ; въ Китаѣ-городѣ у пяти воротъ по 10 чел.; въ Бѣломъ городѣ у десяти воротъ также по 10 чел.; въ разныхъ пунктахъ Земляного города на караулахъ стояло 45 стрѣльцовъ. Кромѣ того, къ стѣзамъ избамъ откомандировывалось значительное число стрѣльцовъ.

Стрѣльцы забирали и отводили въ свой приказъ виновныхъ въ нарушеніи порядка. Они слѣдили за правильностью движенія на улицахъ. Это было тѣмъ необходимѣе, что бревенчатая настилка была довольно узкая. Извознымъ промысломъ занималось до 1500 человекъ, платившихъ въ Земскій приказъ промысловый сборъ въ размѣрѣ 50 коп. съ лошади. Этимъ извозчикамъ надо было указать мѣста для стоянки и слѣдить, чтобы они не мчались бѣшено по улицамъ съ явной опасностью для встрѣчныхъ. Запрещалось также извозчикамъ ѣздить на возжахъ и щелкать бичами. Много

труда стоило стрѣльцамъ упорядочить мелкую разносную торговлю, такъ какъ торговцы ставили свои лотки и скамьи безъ всякаго порядка и мѣшали уличному движенію. Не позволялось въ городѣ затѣвать кулачные бои и стрѣлять изъ ружей.

За стрѣльцами и сторожами должны были и днемъ, и ночью наблюдать объѣзжіе головы и рѣшеточные приказчики. Названіе послѣднихъ произошло отъ тѣхъ рѣшетокъ, которыя ставились на разныхъ

Уличные наказанія.

Уличные наказанія.

улицахъ города и запирались на ночь, чтобы болѣе или менѣе обезопасить мирныхъ жителей отъ недобрыхъ людей. При рѣшеткахъ стояли сторожа, опрашивавшіе ночью рѣдкихъ прохожихъ и арестовывавшіе подозрительныхъ лицъ. Если сторожъ заснетъ, и это окажется извѣстнымъ объѣзжему головѣ, то онъ подвергается наказанію батогами. Головы должны были и днемъ, и ночью лично объѣзжать свои участки и слѣдить, чтобы не было какого «воровства». Выбранные отъ мѣстныхъ жителей сторожа были отвѣтственны за порядокъ въ предѣлахъ ихъ дворовъ и должны были доносить головѣ, если найдутъ что-либо подозрительнымъ.

Нельзя сказать, чтобы объѣзжіе головы, рѣшеточные приказчики и сторожа всегда были на высотѣ призванія. Нерѣдко жители отъ нихъ терпѣли больше, чѣмъ отъ воровъ: то рѣшеточный приказчикъ оказывается руководителемъ шайки ночныхъ грабителей, то стрѣлецъ убилъ и ограбилъ мирнаго жителя.

Пожары были жестокимъ бичамъ для такого города, какъ Москва, гдѣ скученныя, почти вплотную прижавшіяся другъ къ другу деревянныя по-

стройки давали обильную пищу для огня. Въ теченіе XVII вѣка Москва много разъ горѣла, такъ что значительная часть города «бысть, аки поле», какъ выразился одинъ изъ современниковъ. Страшный пожаръ, бывшій въ маѣ 1626 года, не пощадилъ ни Китай-города, ни Кремля, въ которомъ погорѣли приказы, Чудовъ и Воскресенскій монастыри. Черезъ три года выгорѣло огромное пространство отъ Пречистенки до Тверской, Неглинная, Покровка и другія улицы. Въ 1648 г. пожаръ разбушевался на еще бѣльшемъ пространствѣ, отъ Пречистенки до Петровки, и захватилъ нѣкоторыя слободы за Землянымъ городомъ. Иностранцы, оставившіе намъ описаніе Москвы, рассказываютъ, что въ жаркое и сухое время пожары были постоянными явленіями, и случалось такъ, что въ одинъ день пожаръ вспыхивалъ въ трехъ-четырехъ мѣстахъ. Нерѣдко можно было установить, что причиною были поджоги со стороны злоумышленниковъ, которые, пользуясь суматохой, грабили погорѣльцевъ и ихъ сосѣдей. Поиманные на мѣстѣ преступленія подвергались жестокой пытке: ихъ привязывали къ бревну и подъ ними разводили костеръ. Черныя сотни и слободы горѣли постоянно, и жителямъ часто приходилось отпраиваться на домовый рынокъ, гдѣ продавались готовые дома; немного времени требовалось для того, чтобы разобрать такой домъ, перевезти на дворъ перемѣченные бревна и доски, снова собрать, и вотъ слобода снова отстроилась и даетъ новую пищу для слѣдующаго пожара.

Вслѣдствіе такой легкости сборки и разборки дома первымъ средствомъ, чтобы помѣшать распространенію огня, было снесеніе съ подвѣтренной стороны всѣхъ построекъ на значительномъ разстояніи, чтобы образовалась площадь, и пожаръ прекратился за недостаткомъ горючаго матеріала. Однако не всегда удавалось это сдѣлать, такъ какъ огонь по сухому дереву распространялся съ ужасающей быстротой. Необходимо было принимать мѣры для предупрежденія пожаровъ, и заботы объ этомъ занимають главное мѣсто въ наказахъ, которые давались объѣзжимъ головамъ изъ Разряднаго приказа. Въ лѣтнее время они должны были запечатать всѣ печи въ домахъ и баняхъ и слѣдить, чтобы огонь для варки пищи разводился въ поварняхъ, стоящихъ вдали отъ дома, или въ специально выстроенныхъ гдѣ-нибудь въ огородѣ и защищенныхъ лубьемъ печахъ. Въ исключительныхъ случаяхъ, когда въ домѣ была больная, можно было просить у головы разрѣшенія топить избу, но при этомъ должны быть приготовлены кадки съ водой и вѣники, чтобы немедленно потушить всякую вылетѣвшую изъ трубы искру. Конечно, общественныя бани устраивались вдали отъ жилья, около пруда или рѣчки. Не позволялось также сидѣть поздно вечеромъ съ огнемъ, и сторожа врываются въ домъ, если изъ окна покажется свѣтъ. Каждый домъ съ тесовой или соломенной крышей долженъ быть покрытъ еще дерномъ и такимъ путемъ защищенъ отъ падающихъ во время пожара искръ. Если кто изъ простыхъ людей ослушается, не дастъ сторожей или будетъ топить печь, то объѣзжій голова своею властью сажаетъ его въ тюрьму на короткое время; если же провинившійся былъ дворянинъ или ратный человекъ, то голова долженъ былъ доносить царю.

Библиотека "р

ГЕРБЪ МОСКВЫ.

Въ случаѣ пожара должны сбѣгаться немедленно стрѣльцы и ярыжные со всякою «пожарною рухлядью», съ баграми, крюками, топорами, кирками и мѣдными водоливными трубами. Воду подвозили въ бочкахъ и брали изъ колодцевъ ведрами, которыя должны были имѣть при себѣ стрѣльцы и ярыжные. Но эти пожарные не пользовались особымъ довѣріемъ, такъ какъ были случаи, когда они, спасая имущество изъ огня, присваивали себѣ то, что можно было легко унести. Поэтому послѣ пожара стрѣльцамъ производился смотръ, чтобы убѣдиться, что никто изъ нихъ не имѣетъ при себѣ никакихъ награбленныхъ вещей. Главный трудъ во время пожаровъ доставался, конечно, на долю обѣзжихъ головъ. Какъ видно изъ предыдущаго, обязанности ихъ были сложны и отвѣтственны, но полицейская служба далеко не считалась почетной; по крайней мѣрѣ, по челобитью обѣзжихъ головъ въ 1648 г. былъ изданъ указъ, чтобы никто не смѣлъ укорять ихъ службой.

Какъ было уже сказано, москвичи судились въ разныхъ приказахъ, но уголовныя дѣла большинства московскихъ жителей были сосредоточены въ одномъ приказѣ. Такимъ приказомъ одно время былъ Сыскной приказъ, посылавшій своихъ приставовъ для обыска и задержанія преступниковъ во всея слободы, не сносаясь съ тѣми приказами, въ которыхъ слободы были вѣдомы; въ другое время уголовныя дѣла москвичей рѣшались въ Разбойномъ приказѣ, но самое продолжительное время дѣла по уголовнымъ преступленіямъ были въ вѣдѣніи Земскаго приказа. Въ 1647 году этотъ приказъ съ помощью ярыжныхъ переловилъ за одинъ мѣсяць 25 опасныхъ воровъ, повинившихся въ 57 кражахъ и грабежахъ. Они въ Земскомъ приказѣ допрашивались, подвергались пыткамъ и наказанію; тутъ были и иноземцы, которые по гражданскимъ дѣламъ судились въ Посольскомъ приказѣ.

Въ Москвѣ было нѣсколько тюремъ: при Земскомъ, Стрѣлецкомъ и Разбойномъ приказахъ и особый Большой Тюремный дворъ, въ которомъ было 8 палатъ. Царь въ большіе праздники посѣщаетъ тюрьмы и раздавалъ милостыню, поэтому изъ расходныхъ книгъ мы узнаемъ, какъ велико было число колодниковъ. Въ 1666 году было во всехъ этихъ тюрьмахъ 1164 колодника. Очевидно, тюремное заключеніе, какъ наказаніе, мало практиковалось, тѣмъ болѣе, что въ показанное число входятъ и подслѣдственные заключенные. Надзоръ за колодниками не былъ очень строгимъ, и были часты случаи побѣга. Одинъ изъ тюремныхъ приставовъ былъ изобличенъ въ томъ, что онъ по ночамъ отпускалъ колодниковъ на кражи. Кромѣ указанныхъ тюремъ были почти въ каждомъ приказѣ и стѣзжей избѣ небольшія тюрьмы, куда заключали подъ кратковременный арестъ подозрительныхъ и безпокойныхъ людей. Число заключенныхъ въ этихъ тюрьмахъ было ничтожно.

Въ важнѣйшихъ случаяхъ веденіе судебного дѣла поручалось боярамъ, при чемъ царь не только слѣдилъ за допросомъ, но и руководилъ имъ. Самый допросъ и пытки производились въ Земскомъ приказѣ. Въ 1674 году въ Москву былъ привезенъ Ивашко Воробьевъ, принявшій имя царевича Симеона Алексѣевича, а вмѣстѣ съ нимъ его товарищъ—стрѣлецъ Оедька.

Самозванца на высокой телеге въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ провезли черезъ весь городъ въ Земскій приказъ, гдѣ собрались бояре и немедленно приступили къ допросу. Окольный А. С. Матвѣевъ много разъ переѣзжалъ отъ Земскаго приказа, стоявшаго на Красной площади, рядомъ съ Казанскимъ соборомъ, во дворецъ и обратно, докладывая царю о каждомъ словѣ самозванца и передавая боярамъ приказы царя. Послѣ допроса и пытокъ царь приказалъ четвертовать самозванца и его товарища. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе подъ наблюденіемъ стольника Елизарова и дьяка Кащеева, стоявшихъ во главѣ Земскаго приказа или, какъ онъ тогда назывался, Земскаго двора. Раньше такимъ же путемъ былъ допрошенъ и казненъ знаменитый Стенька Разинъ съ братомъ Фролкой.

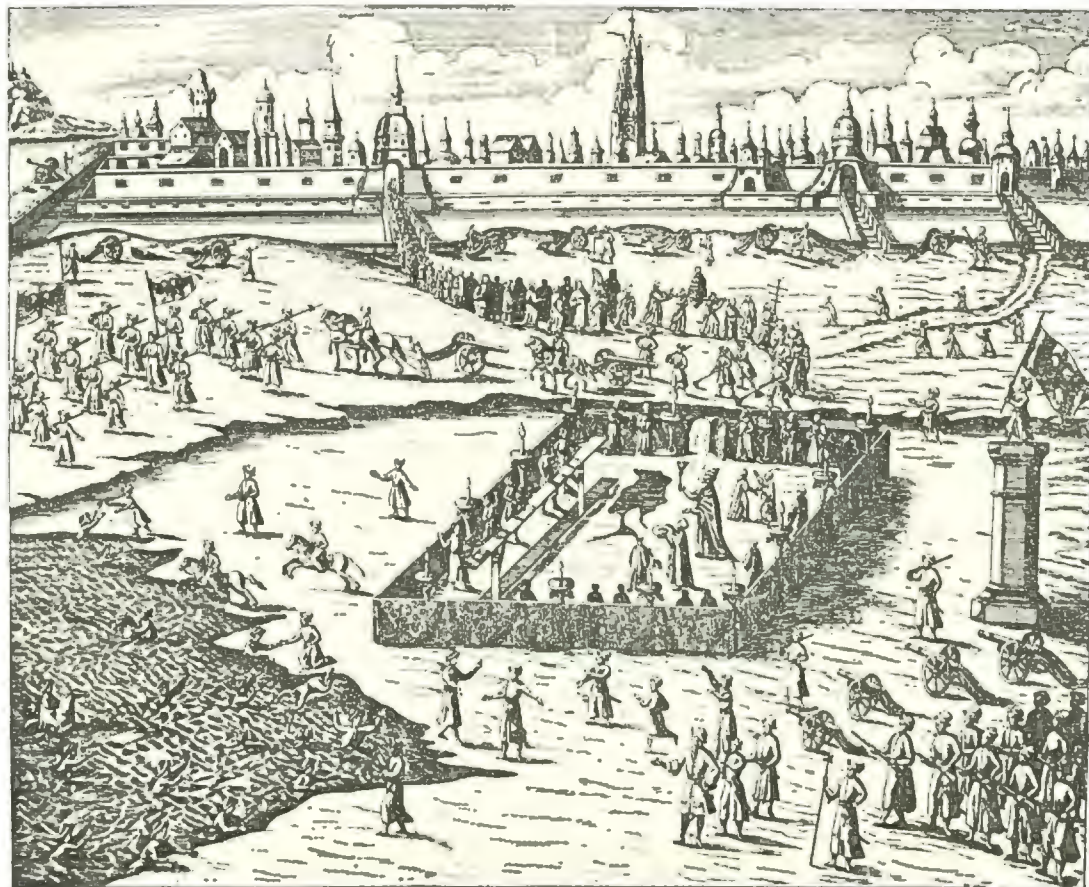
Въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Москва, конечно, было множество нищихъ, убогихъ и сиротъ, заполнявшихъ церковныя паперти и стоявшихъ на перекресткахъ улицъ. Нищенство не преслѣдовалось, такъ какъ подача милостыни считалась дѣломъ богоугоднымъ. Но правительство мало заботилось объ убогихъ, и число мѣстъ въ богадѣльняхъ было ничтожно. 4 марта 1670 года царь Алексѣй приказалъ для поминовенія царицы Маріи Ильиничны раздать милостыню въ богадѣльняхъ, и было выдано 99 р. 30 к.; число богадѣленъ оказалось—9, и въ нихъ содержалось 510 убогихъ и нищихъ, а сиротъ оказалось только 18. О содержаніи нищихъ долженъ былъ заботиться приказъ Большого Дворца, а съ 1 мая 1678 г. нищіе старцы, числомъ 412 человекъ, поручены были попеченію патриарха, который на ихъ содержаніе обложилъ церкви всѣхъ епархій особымъ налогомъ по 10 коп. съ церкви. Черезъ 4 года царь Ѳеодоръ издалъ указъ объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ «шпиталенъ по новымъ еуропскимъ обычаямъ», чтобы «впредь по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было». На содержаніе этихъ новыхъ учреждений былъ назначенъ доходъ съ вотчинъ Архангельскаго епископа и Московскаго Знаменскаго монастыря. Мирскія богадѣльни были также въ слободахъ, но число призрѣваемыхъ было, вѣроятно, не велико.

Теперь займемся вопросомъ, какъ было устроено управленіе слободами. Къ сожалѣнію, дѣлъ Земскаго приказа, вѣдавшаго всѣ многочисленныя черныя слободы и сотни, почти не сохранилось, и небольшой матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи, относится преимущественно къ устройству Мѣщанской слободы, нѣкоторыя дѣла которой сохранились среди документовъ Посольскаго приказа.

Центромъ слободы была сѣзжая изба, занимавшая особое помѣщеніе, очень незначительное, хотя въ немъ помѣщались и канцелярія, и небольшая тюрьма. Въ этой избѣ засѣдала слободская администрація, состоявшая въ чертѣ Садовой изъ назначеннаго Разряднымъ приказомъ объѣзжаго головы и выборнаго старосты, а за чертой Садовой изъ выборнаго старосты и назначаемаго приказомъ дворянина, или только изъ старосты съ его по-

мощниками. Дворянъ, представителей приказа, мы знаемъ въ царицѣной Кисловской слободѣ и въ двухъ привилегированныхъ слободахъ, населенныхъ иноземцами: въ Мѣщанской и въ Нѣмецкой, но и тамъ они не были постоянно. Такъ, Мѣщанскую слободу въ 1676 г. велѣно вѣдать старостѣ, а дворянину не быть, но черезъ нѣсколько лѣтъ дворянинъ снова водворился въ Мѣщанской слѣзжей избѣ. Назначеніе дворянина правительствомъ считало актомъ особаго благоволенія и заботы и имѣло цѣлью избавить слободу отъ всякихъ обидъ и притѣсненій, чтобы и другіе иноземцы переселялись изъ-за рубежа на жительство въ Москву. Впрочемъ, въ наказѣ, который давался дворянину изъ приказа, находимъ только

Торжество водоосвященія 6-го января 1699 г.
(Изъ книги Корба: Дневникъ путешествія въ Московію).

такія инструкціи, которыя клонятся къ охранѣ казеннаго интереса: онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы въ слободѣ не было корчемства, чтобы жители слободы не держали у себя въ домахъ товаровъ, предназначенныхъ для продажи, но не оплаченныхъ пошлиной, чтобы слободскія выборныя власти исправно исполняли свои обязанности по сбору податей и пр. Конечно, присутствіе въ слободѣ дворянина могло быть выгоднымъ для жителей въ томъ случаѣ, если дворянинъ защищалъ слободу отъ нашествія представителей другихъ приказовъ, не стѣснявшихся грубо обращаться съ черными людьми и ихъ выборными старостами, а также если слободскія дѣла можно было рѣшать передъ дворяниномъ, а не въ заваленномъ

дѣлами приказѣ. Дѣйствительно, дворянинъ Таракановъ не пустилъ въ Мѣщанскую слободу чиновниковъ приказа Большой Казны, явившихся описывать лавки въ слободѣ. Однако, жители Мѣщанской слободы, повидимому, не очень были довольны опекой дворянина, который, конечно, требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ приношеній и не брезгалъ взятками. Такъ, мѣщанинъ Юрій Осиповъ, жаловавшійся на свою бѣдность, все-таки считалъ необходимымъ принести стольнику П. Жадовскому «въ почестъ» сто свѣчей сальныхъ. Когда въ Мѣщанскую слободу явился изъ приказа Новой Чети еще дворянинъ, то слобожане испугались, «какъ бы имъ въ конецъ не погибнуть». Въ 1689 году былъ изданъ очень важный для Мѣщанской слободы указъ о припискѣ къ слободѣ значительнаго участка земли изъ пашни, принадлежавшей дворцовой Напрудной слободѣ. Новая земля предназначалась подъ дворы безземельнымъ мѣщанамъ, а также тѣмъ, которые жили въ другихъ слободахъ и сотняхъ. Слобожане совершенно устранили своего дворянина отъ разверстки земли, оказались государеву указу непослушны, и стольникъ Жадовскій въ теченіе цѣлаго года былъ пассивнымъ зрителемъ, какъ мѣщане распоряжались приписной землею, вели свои книги, собирали деньги.

Обязанности дворянина были очень разнообразны и требовали отъ него и опытности, и такта. Впрочемъ, приказъ не требовалъ отъ него грамотности, и одинъ изъ дворянъ не могъ даже подписать своего имени. Дворянинъ вмѣсто приказа записываетъ купчія и данныя, беретъ съ нихъ пошлину, даетъ выписи изъ писцовыхъ книгъ въ случаѣ потери купчихъ, даже составляетъ по слободѣ новыя писцовыя книги, имѣвшія официальное значеніе. Онъ слѣдитъ за внѣшнимъ порядкомъ, искореняетъ корчемство и пр. Онъ же вершитъ судебныя дѣла. Челобитья на царское имя подаются мѣщанами и въ Посольскій приказъ, и дворянину, при чемъ нельзя сказать, что приказъ рѣшалъ крупныя дѣла, а дворянинъ мелкія. Можно привести много случаевъ, когда дворянинъ разсматриваетъ пени на 20 рублей и больше, а приказъ рѣшаетъ самыя несложныя дѣла по кабаламъ въ 4 и 5 рублей. Посольскій приказъ, вѣдавшій всю внѣшнюю политику Московскаго государства, долженъ былъ выслушивать такія жалобы, съ которыми легко бы могла справиться слободская администрація; даже о семейныхъ ссорахъ: одна мѣщанка жалуется, что ея невѣстка съ своею родней бранитъ ее «скаречною неподобной бранью»; мѣщанинъ затѣваетъ дѣло противъ своего сына «въ брани, безчестьѣ и выдранной бородѣ», другой мѣщанинъ жалуется, что его сыновья «приходятъ ночью порою поздно и пьянымъ обычаютъ, бьютъ и бранятъ, и свою мать бьютъ же и ругаютъ и за косы таскаютъ». Конечно, наиболѣе важныя дѣла, напримѣръ, о фабрикаціи фальшивой монеты, идутъ на разсмотрѣніе приказа, а не дворянина.

Получивъ челобитье, дворянинъ дѣйствовалъ такъ же, какъ дьякъ въ своемъ приказѣ: снималъ допросъ, вызывалъ свидѣтелей, устраивалъ очныя ставки, выписывалъ подходящія статьи изъ Уложенія и отъ царскаго имени выносилъ приговоръ. Иногда онъ самъ не рѣшался постановить своего рѣшенія и въ такомъ случаѣ посылалъ въ приказъ подробный до-

ЗАСТЪНОКЪ.

Яновъ.

кладъ съ такими заключительными словами: «а о томъ что, ты, великій государь, укажешь?» Если дворянинъ затягиваетъ дѣло или рѣшаетъ неправильно, «норовитъ» истцу или отвѣтчику, то недовольный переноситъ дѣло въ приказъ, который пересматриваетъ дѣло, затребовавъ отъ дворянина подлинное дѣлопроизводство, запротоколенное въ сѣзжей избѣ.

Первымъ представителемъ слободскаго міра, ходатаемъ за его нужды, посредникомъ между правительствомъ и слобожанами, былъ староста, избравшійся всѣми тяглыми людьми изъ лучшихъ, т.-е. болѣе зажиточныхъ людей, срокомъ на одинъ годъ. Новый староста получалъ «выборъ», скрѣпленный подписью бывшаго старосты и нѣсколькихъ слобожанъ, и принималъ отъ своего предшественника дѣла, при чемъ никакого акта передачи не составлялось. Это было причиной многихъ недоразумѣній; на примѣръ, одинъ староста былъ посаженъ въ приказъ подъ арестъ, такъ какъ не представилъ для ревизіи нѣкоторыхъ документовъ, которыхъ онъ, по его словамъ, не получалъ отъ своего предшественника. Староста долженъ былъ заботиться, чтобы слобода множилась, а не уменьшалась, чтобы всѣ приписанные къ слободѣ въ ней и жили, чтобы переманить жителей изъ другихъ слободъ и заставить поселиться въ слободѣ «гулящихъ людей», собравъ по нимъ поручныя записи. Поэтому между старостами разныхъ слободъ было постоянное соревнованіе, постоянная борьба, которая иногда, особенно если устраивалась новая слобода, такъ разгоралась, что только царскій указъ могъ разрѣшить недоразумѣніе. Съ тѣми слобожанами, которые жили не въ своихъ слободахъ и оброка не платили, жили иногда долгое время и обзавелись хозяйствомъ или промысломъ, старостѣ также приходилось вести борьбу, при чемъ онъ не останавливался даже передъ тѣмъ, что заковывалъ ихъ въ желѣзо и сажалъ въ тюрьму. Пополненіе слободы считалось крупной заслугой въ глазахъ правительства, и въ жалованной грамотѣ, данной жителямъ Семеновской слободы Федору и Филиппу Макѣевымъ, среди другихъ заслугъ, указывается и на то, что они, будучи въ Семеновской слободѣ старостами, собрали въ слободу для пополненія къ старымъ тяглецамъ въ тягло 23 человекъ изъ гулящихъ людей и поручныя записи по нимъ взяли.

Староста завѣдывалъ вмѣстѣ съ представителями міра раскладкой казенныхъ и слободскихъ — «братскихъ» податей, наблюдалъ, чтобы не было корчемства и неявленныхъ въ таможенѣ товаровъ, оцѣнивалъ предназначенные къ продажѣ за долгъ дворы, устанавливалъ личность арестованныхъ людей, объявлявшихъ о своей принадлежности къ той или другой слободѣ и пр. Если въ слободѣ былъ дворянинъ, то по этимъ дѣламъ староста спосился иногда прямо съ приказомъ, иногда черезъ посредство дворянина. Если надо было объявить царскій указъ, то дворянинъ читалъ его въ сѣзжей избѣ передъ старостой и нѣсколькими слобожанами. За невнимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ староста подвергался наказанію: на примѣръ, если въ слободѣ у кого-нибудь изъ жителей окажется неявленный въ таможенѣ товаръ, то на старостѣ взыскивалась пеня.

«Для писъма приказныхъ дѣлъ и у записки питейныхъ явокъ» на съѣзжихъ избахъ было по нѣскольку подъячихъ, которые назначались правительствомъ или изъ мѣстныхъ жителей, или изъ стороннихъ людей. Въ отсутствіе на съѣзжемъ дворѣ объѣзжаго головы или дворянина, подъячіе дѣлали распоряженія и по полицейской части, допрашивали приведенныхъ подозрительныхъ лицъ и даже своею властью сажали ихъ подъ арестъ. Документы много говорятъ о наглости и своеволіи подъячихъ. Однажды стольникъ Таракановъ, вѣдавшій Мѣщанскую слободу, послалъ двухъ подъячихъ, чтобы измѣрить спорную землю и осмотрѣть межи, но вмѣсто этого они по наущенію истца притащили отвѣтчицу вдову Марфутку Ѳомину на съѣзжую избу и избили ее палкой, такъ что по осмотру въ Посольскомъ приказѣ у Марфутки «оказалось битыхъ мѣстъ: правая рука выше локтя перешибено и забагровѣло и вспухло, да на спинѣ въ шести мѣстахъ бито и сине, лѣвая рука близко мышки знатно бито жъ и почернѣло». Кромѣ того, подъячіе продержали Марфутку сутки подъ арестомъ. На одного подъячаго Игнатія Осипова мѣщане всѣмъ міромъ жаловались въ приказѣ, «что онъ въ съѣзжей избѣ сидитъ пьянымъ, обычаемъ и насть, многихъ мѣщанъ, и женъ нашихъ, и дѣтей всегда бьетъ и увѣчитъ безъ винности своимъ озорничествомъ, и за мѣщанъ съ ножемъ гоняется на-голо и замахивается». Приказъ собирался произвести дознаніе, но подъячій добровольно удалился изъ слободы и постригся въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей.

Полицейскія обязанности въ слободахъ несли сами слобожане, выставляя съ десяти дворовъ по одному сторожу, которые дежурили день и ночь на улицахъ. Кромѣ того, изъ среды жителей выбирались десятскіе. Десятскіе дѣйствовали по наказу, который, въ чертѣ Садовой, получали отъ объѣзжихъ головъ, «какъ наряжать на караулы для береженія отъ огня и воровства людей и выемки корчмы». Каждый десятскій былъ отвѣтственъ за порядокъ въ своемъ участкѣ и старался заранѣе заявить о всякомъ подозрительномъ лицѣ. Десятскій съ Первой Мѣщанской улицы донесъ въ съѣзжую избу, что въ одномъ изъ порученныхъ его наблюденію домовъ собираются у серебрянника, который однако, мало занимался своимъ ремесломъ, неизвѣстные люди и проводятъ цѣлыя noci въ попойкахъ. Вслѣдствіе этого доноса былъ сдѣланъ внезапный обыскъ, благодаря которому была накрыта цѣлая шайка фальшивомонетчиковъ. Десятскіе слѣдили за соблюденіемъ предосторожностей противъ пожаровъ, за воровскими людьми и внушали жителямъ, чтобы они жили скромно. Эти внушенія иногда доставляли непріятности десятскимъ. Одинъ изъ нихъ жаловался, что онъ по своей обязанности сталъ говорить одному изъ жителей своего участка, что «онъ живетъ не смирно», а тотъ сталъ его бранить, безчестить и даже замахивался полѣномъ. На съѣзжихъ избахъ дежурили стрѣльцы, сторожившіе колодниковъ, спѣшившіе на помощь въ случаѣ пожара или уличной драки. Грубость и самоуправство стрѣльцовъ часто вызывали жалобы со стороны населенія слободъ.

На слободскіе расходы жители платили съ cadaго двора по разверсткѣ, сообразно съ имущественнымъ положеніемъ. Въ Мѣщанской

слободѣ въ 1684 г. низшій размѣръ слободскаго тягла — 10 коп., а высшій — 1 р. 50 коп., но богатыхъ было немного, такъ что средній окладъ былъ 27 коп. Всего намѣчено было собрать со слободы 232 р. 67 к. Изъ этихъ денегъ часть удерживалась на расходы по содержанію сѣзжей избы: на дрова, свѣчи, бумагу, чернила, жалованье подъячимъ и приставамъ. Прочее шло на подмогу тѣмъ мѣщанамъ, которые отбывали особенно тяжелыя повинности, возлагаемыя на слободу Посольскимъ приказомъ и Приказомъ Большой Казны. Въ 1682 г. 4 мѣщанина сидѣли въ Купецкой Палатѣ у покупки ефимокъ, два ѣздили въ Смоленскъ для покупки въ Москву вина по распоряженію Приказа Большой Казны, одинъ служилъ на дворѣ, гдѣ останавливались малороссійскіе посланцы. Каждый изъ нихъ получалъ подмоги по 12 руб. въ годъ, т.-е. всѣмъ слобода уплатила 84 р. Въ другое время находимъ мѣщанъ, служившихъ въ Аптекѣ у продажи водки и на сафьянномъ дворѣ, а также отправленныхъ за границу съ послами для храненія соболиной казны и пр. Всѣ эти лица выбиравались слободой и получали подмогу. Вслѣдствіе такихъ крупныхъ расходовъ, не вызываемыхъ нуждами слободы, слободская касса оказывалась пуста, когда предстояли экстренныя выдачи, такъ что приходилось назначать особые сборы. Когда мѣщанамъ, число которыхъ все увеличивалось, стало тѣсно жить въ отведенной имъ землѣ, то они стали хлопотать о припискѣ къ Мѣщанской слободѣ обширнаго участка изъ пашенной земли сосѣдней Напрудной слободы. Началось хожденіе по приказамъ и, конечно, не съ пустыми руками. Староста добился приписки, но это стоило такъ дорого, что онъ «затрясъ», истративъ не только свои, но и взятыя въ долгъ деньги. Мѣщане рѣшили возмѣстить расходы своего ходатая и установили сборъ съ вновь отведенныхъ дворовъ, сообразно съ количествомъ сажень по фасаду. Однако, правительство посмотрѣло на это неблагоклонно и запретило этотъ сборъ.

Въ каждой слободѣ не мало жителей было занято по мірскому выбору такими порученіями, которыя не оплачивались ни изъ казенныхъ, ни изъ слободскихъ средствъ, а между тѣмъ эти порученія отвлекали выборныхъ отъ занятія торговлей и промыслами. Одинъ изъ слобожанъ былъ старостой, исполнялъ бесплатно такія обязанности, которыя были сопряжены съ постоянными хлопотами и отвѣтственностью. На государственномъ кабакѣ сидѣло до 15 слобожанъ, изъ которыхъ одинъ былъ избираемъ въ головы, а другіе въ цѣловальники. Когда собирали съ слобожанъ экстренные налоги, напримѣръ, пятую и десятую деньги, то сборъ этотъ производился черезъ выбранныхъ міромъ окладчиковъ и цѣловальниковъ.

Конечно, отрывать отъ своихъ занятій для несенія всѣхъ этихъ службъ можно было только состоятельныхъ, «прожиточныхъ» людей, а между тѣмъ такихъ людей правительство старалось привлечь на свою службу, записывая ихъ въ гостиную сотню и тѣмъ самымъ освобождая ихъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ слободѣ, такъ что они могли «съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлать и не тянути ни въ чемъ». Въ 1684 въ Мѣщанской слободѣ насчитывалось 17 дво-

ровъ, принадлежавшихъ лицамъ, записаннымъ въ гостиную сотню. Слободы жаловались царю на разореніе и невозможность нести повинности вслѣдствіе ухода отъ нихъ состоятельныхъ людей и добились того, что правительство разрѣшило со всѣхъ дворовъ, находящихся въ слободѣ, собирать деньги на слободскіе расходы, кому бы эти дворы ни принадлежали, но привлечь привилегированныхъ лицъ — «бѣломѣстцевъ» къ несенію слободскихъ службъ онѣ не могли.

АЛМАЗНЫЙ ТРОНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ТРОНЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЮАННА III, СДѢЛАННЫЙ ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

Изъ сборника житій XI в.

Церковная архитектура Москвы.

А. П. Новицкаго.

«Древняя Москва», по выраженію глубокаго знатока ся старины, И. Е. Забѣлина, «былъ городъ деревянный, со всѣми ея жилищами и со всѣми очень многочисленными ея храмами». Но деревянныхъ построекъ отъ глубокій древности уцѣлѣть, конечно, не могло, и потому мы начнемъ свой обзоръ съ каменной церковной архитектуры.

Незначительный вначалѣ удѣлъ Суздальскаго княжества, Москва, первое время своей исторической жизни, не могла, конечно, не быть подъ сильнымъ вліяніемъ культуры Владиміро-Суздальскаго княжества. Несомнѣнные слѣды этого мы и видимъ, дѣйствительно, въ теченіе довольно долгаго времени на памятникахъ московской архитектуры. Даже при постройкѣ Успенскаго собора Аристотелемъ Фіоравенти, въ концѣ XV вѣка, образцомъ продолжалъ служить, какъ увидимъ, соименный ему соборъ во Владимірѣ.

Едва только московскіе князья почувствовали свою силу, какъ принялись за возведеніе каменныхъ храмовъ. Уже Даниилъ Александровичъ, въ 1272 г., основалъ *Даниловъ монастырь*, въ которомъ былъ выстроенъ первый бѣлокаменный храмъ. На его мѣстѣ теперь стоитъ другой позднѣйшій храмъ, отъ стараго же уцѣлѣли только части подвальныхъ бѣлокаменныхъ стѣнъ, сложенныхъ по приемамъ владимірской архитектуры.

«Если послушаешь меня, сыне мой, храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь и меня успокоишь въ своемъ градѣ, то самъ прославишься паче иныхъ князей и сыновья и внуки твои въ роды родовъ. Градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и въздуть руки его на плеча враговъ его».—Съ такими словами обратился митрополитъ Петръ къ сыну Даниила, Ивану Калитѣ.

Никакихъ обѣщаній не могло быть болѣе соблазнительныхъ для московскихъ князей-собирателей, какъ эти слова главы всей тогдашней русской церкви, одно присутствіе котораго въ городѣ давало уже этому городу перевѣсъ надо всѣми другими городами. Конечно, Калита не замед-

лить исполнить этотъ завѣтъ. 4 августа 1326 г. былъ заложенъ каменный соборный храмъ во имя *Успенія Богородицы*, въ постройкѣ котораго принималъ большое участіе и самъ митрополитъ, и вскорѣ же онъ былъ освященъ. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, теперь отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ.

Въ 1329 г. къ этому храму пристроенъ былъ, съ сѣверной стороны, возлѣ гробницы Петра митрополита, небольшой каменный храмъ «*въ честь спаденія веригъ св. апостола Петра*», оконченный въ два мѣсяца. Въ томъ же году, тоже всего въ три мѣсяца, была выстроена каменная церковь во имя *Іоанна Лествичника*. И если не въ этомъ же году, то весною слѣдующаго года заложенъ былъ, возлѣ княжескаго двора, еще каменный храмъ, во имя Спаса Преображенія, и при немъ основанъ монастырь, служившій усыпальницей московскихъ князей.

Изъ всѣхъ этихъ церквей отчасти уцѣлѣла только послѣдняя, извѣстная подъ именемъ *Спаса на Бору*,—древняя бѣлокаменная кладка сохранилась въ вышину приблизительно въ ростъ человѣка. Остальная часть выстроена уже позднѣе, изъ кирпича. Первоначальный планъ храма представляетъ собою обычный планъ владиміро-суздальскихъ церквей: прямоугольникъ съ тремя алтарными полукружіями и съ четырьмя внутренними столбами, поддерживающими барабанъ главы. О фасадѣ ея теперь судить трудно, хотя все въ ней говоритъ о владиміро-суздальскомъ типѣ, особенно ясно выразившемся въ деталяхъ сохранившейся западной двери.

Гораздо лучше сохранился и потому необходимъ намъ для изученія ранне-московской архитектуры *Успенскій соборъ въ Звенигородѣ*, выстроенный тоже изъ бѣлаго камня. Въ общемъ онъ похожъ на владиміро-суздальскіе памятники, но въ деталяхъ отличается отъ нихъ.

Верхнія капители имѣютъ здѣсь своеобразную форму и узоръ; колонны на углахъ превратились въ цѣлые пучки полуколонокъ, напоминающіе послѣднюю эпоху готики; оконные и дверные наличники и небольшое окно, освѣщающее лѣстницу, получаютъ заостренную вверху форму; колонки у дверей имѣютъ въ серединѣ толстый перехватъ—форма эта исключительно принадлежитъ данной эпохѣ; базы колоннъ снабжены оригинальнымъ выступомъ, съ отверстіемъ, служившимъ, вѣроятно, для предохраненія ихъ отъ ударовъ дверями и для прикрѣпленія дверей; поясъ, вмѣсто аркады, состоитъ здѣсь только изъ орнамента и не опоясываетъ всего храма, а оканчивается около алтарныхъ полукружій, которыя имѣютъ свой особый поясокъ, съ болѣе простымъ узоромъ. Внутренность храма, такъ же какъ и верхи его, теперь перестроена; но форму завершенія стѣнъ мы можемъ видѣть на современномъ этому собору *Рождественскомъ соборѣ въ Саввинскомъ монастырѣ*, гдѣ на колоннахъ уцѣлѣли заостренныя арки, срѣзанныя въ Звенигородскомъ соборѣ позднѣйшею крышей.

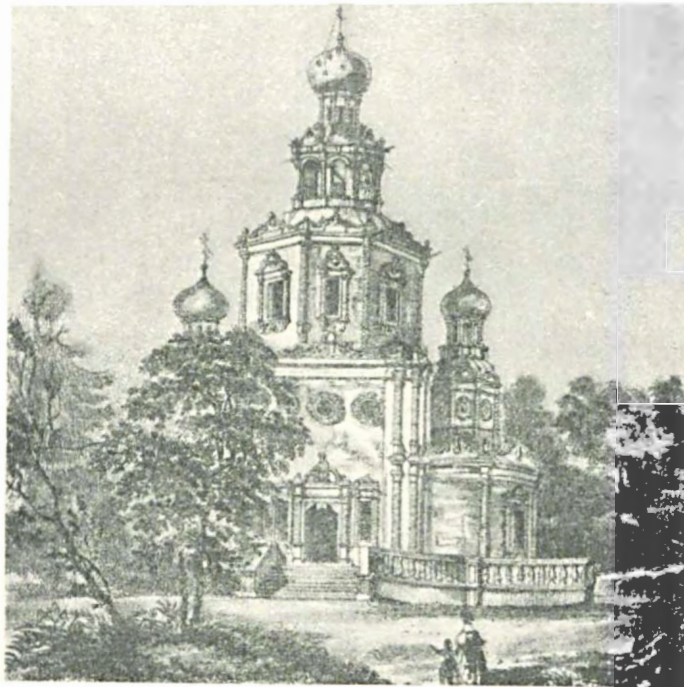
Отъ церкви *Рождества Богородицы*, нынѣ св. *Лазаря*, въ Кремлѣ, вошедшей теперь въ зданіе дворца, уцѣлѣли только планъ и алтарная преграда—въ видѣ каменной стѣнки.

Всѣ храмы этого періода московскаго зодчества очень малы; кромѣ того, исторія каждаго изъ этихъ памятниковъ показываетъ, что строители

плохо умѣли справляться со сводами, такъ что лѣтописи безпрестанно сообщаютъ намъ о паденіи верховъ храма.

Изъ всего этого видно, что московскіе зодчіе не обладали хорошей строительной техникой, и потому, какъ только Москва достигла большого могущества, она стала пользоваться услугами другихъ архитекторовъ. И здѣсь она явилась тоже собирательницею, собирая къ себѣ мастеровъ по всеѣмъ отраслямъ искусства изъ всеѣхъ русскихъ областей, а потомъ призывая и иностранныхъ мастеровъ. Такъ какъ въ то время изъ прилегающихъ къ Москвѣ русскихъ областей лучшіе зодчіе были въ Новгородско-Псковской области, то оттуда прежде всего и стала Москва вызывать ихъ, какъ только наложила свою руку на эту область. И теперь еще многія московскія церкви сохранили слѣды новгородско-псковской архитектуры.

Въ память избавленія Москвы отъ татаръ, Василий Темный, въ 1451 г., построилъ такую церковь во имя *Положенія Ризы*, находящуюся противъ входа въ Успенскій соборъ. Другая подобная же церковь находилась у Боровицкихъ воротъ; но теперь она сломана. Самымъ же характернымъ произведеніемъ псковскихъ мастеровъ является *Благовѣщенскій соборъ*, построенный Иваномъ III, въ 1484 г. Этотъ князь призывалъ псковскихъ мастеровъ, велѣлъ имъ сломать построенную раньше его отцомъ церковь Благовѣщенія, и на ея подклѣтѣ выстроить новый храмъ, который оконченъ былъ въ 1489 г. и уцѣлѣлъ до насъ, хотя и съ большими пристройками.

Церковь въ с. Троицколыковѣ.

Въ планѣ своемъ храмъ этотъ представлялъ, по-владимѣрски, квадратъ съ тремя алтарными полукружіями и съ четырьмя столбами посрединѣ. Въ сѣверо-западномъ углу его расположена лѣстница, ведущая на хоры. Съ сѣвера, съ юга и съ запада были выходы. Сверху онъ увѣнчивался пятью главами, при чемъ средняя поставлена не по-владимѣрски, т.-е. не прямо на подпиружныхъ аркахъ, а по-псковски—на ступенчатыхъ аркахъ, образующихъ рядъ закомаръ. Подъ хорами, въ аркахъ, перекинутыхъ со столбовъ храма на западную стѣну, находятся тайники, такъ что самыя арки внутри пустыя; на нихъ опираются своды. Тайники эти имѣютъ поперечныя стѣнки съ желѣзными дверками, ведущими въ особыя люки у западной стѣны храма. Люки сверху закрываются двумя большими пли-

тами съ кольцами, а по нимъ насланъ полъ изъ небольшихъ двухцвѣтныхъ ромбовъ. Такимъ образомъ, входы въ тайники были вполне замаскированы со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно, здѣсь хранилась казна.

Другая интересная особенность этого храма состоитъ въ томъ, что хоры, вмѣсто обыкновенной балюстрады, были отдѣлены отъ самой церкви кирпичной стѣной, въ человѣческой ростъ, толщиной въ два кирпича. Со стороны храма стѣнки эти были сдѣланы за-подъ лицо съ арками, поддерживающими хоры. Сообщеніе хоръ съ теремомъ или со дворцомъ, вѣроятно, происходило при помощи перекидного моста на выдвинутыхъ

брусьяхъ, сквозныя отверстія отъ которыхъ сохранились въ западной стѣнѣ собора.

Плеча храма заканчивались тремя арками съ заостреннымъ подвышеніемъ, по которымъ сдѣлано и покрытіе. Боковыя арочки меньше средней; онѣ врѣзаются въ малыя главы храма, и притомъ прямо въ барабанъ главы, такъ какъ здѣсь главы, какъ было указано выше, поставлены *попсковски*, безъ четырехграннаго постамента, постоянно встрѣчаемаго во владимиро-суздальскихъ памятникахъ. Средняя глава тоже не имѣетъ постамента, и ее окружаютъ кокошники съ заостренными подвышеніями. Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ приѣмомъ покрытія, которому,

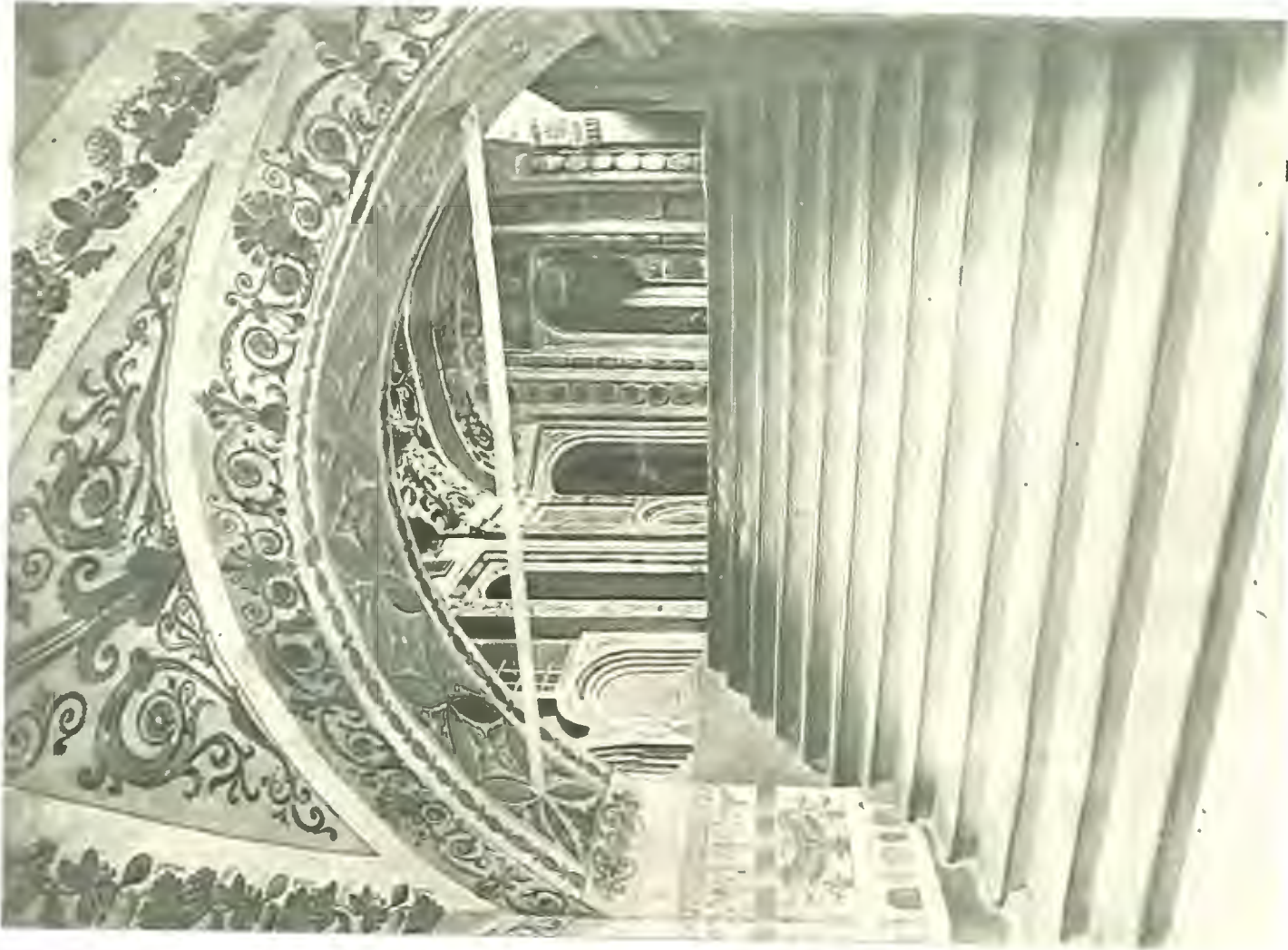

Архангельскій Соборъ. Въ Кремль.

какъ увидимъ дальше, придется играть видную роль въ московской архитектурѣ. Прототипы такого расположенія кокошниковъ являются еще въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ и въ Успенской церкви Княгинина монастыря, тамъ же. Въ послѣдней къ постаменту главы приставлено по три кокошника съ каждой стороны. Средняя глава собора была украшена луковичнымъ куполомъ, съ небольшою выпуклостью. Образецъ такой луковичи мы имѣемъ въ орнаментѣ одной современной храму рукописи — въ Псалтири 1485 г., находящейся въ собраніи гр. Э. А. Толстого. Мы видимъ тамъ пятиглавую церковь съ луковичными куполами, и пучины этихъ луковичъ, одинаковыя у средней и у боковыхъ главъ, вполне сходны съ куполами малыхъ главъ собора. Сѣверный и западный входы въ соборъ бо-

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

ЛѢСТНИЦА НА ВЕРХНІЙ ЭТАЖѢ ВЪ ПОКРОВСКОМЪ СОБОРѢ
(Соворъ Василя Блаженнаго) въ Москвѣ.

гато украшены цвѣтными аркадами съ орнаментомъ и бусами и съ парой колонокъ съ каждой стороны.

Такимъ образомъ, уже въ Благовѣщенскомъ соборѣ мы видимъ тѣ зачатки, изъ которыхъ развилось впоследствии московское зодчество. Мы находимъ здѣсь смѣшеніе приемовъ, употреблявшихся въ *новгородско-псковской* архитектурѣ, съ приемами *владимиро-суздальскими* и, хотя еще слабую и тоже пока заимствованную, но все же примѣсь мотивовъ *деревянной* архитектуры, хотя бы въ употребленіи кокошниковъ. Очевидно, и псковичамъ, какъ впоследствии иностраннымъ архитекторамъ, предоставлялась лишь техническая сторона дѣла; но давались опредѣленные художественные образцы для подражанія.

Кромѣ упомянутыхъ церквей, псковичи выстроили: *Троицкій* соборъ въ *Сергіевой* лаврѣ (1477 г.), церковь *Ивана Златоуста* въ *Ивановскомъ* монастырѣ въ Москвѣ (1478 г.), *Срьтенія* на Куликовомъ полѣ и нѣкоторыя другія.

Между тѣмъ построенный раньше *Успенскій* соборъ грозилъ разрушеніемъ, — его приходилось уже подпирать толстыми деревянными столбами; кромѣ того, онъ казался и малъ для такого города, какимъ стала Москва.

На этотъ разъ дѣло поручено было своимъ московскимъ мастерамъ, Кринцову и Мышкину, которые, разрушивъ старую постройку, въ 1472 г., приступили къ сооруженію новаго храма, по образцу Владимірскаго Успенскаго собора. Но едва они дошли до сводовъ, какъ часть постройки рухнула. Призвали псковичей узнать, въ чемъ тутъ дѣло. Они сказали, что плохъ цементъ. Но на этотъ разъ не поручили работу и имъ, а вызвали изъ Венеціи «мастера муроля, кой ставитъ церкви и палаты», Аристотеля Фіораненти, болонскаго уроженца.

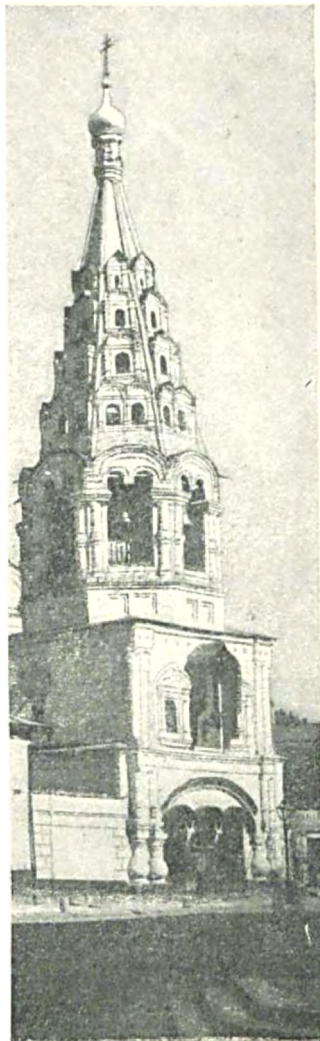
Осмотрѣвши развалины, Аристотель подтвердилъ отзывъ псковскихъ мастеровъ о невязкости цемента и разбилъ остатки стѣнъ стѣнобитною машиною.

Такъ какъ ему предписано было тоже взять за образецъ Владимірскаго Успенскаго собора, то онъ придерживался въ общемъ владимірскаго типа,

Церковь Рождества пр. Богородицы въ Путинкахъ.
На Малой Дмитровкѣ.

хотя и сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ него. Онъ удлинилъ планъ и, вмѣсто четырехъ опорныхъ столбовъ, поставилъ шесть, изъ которыхъ четыре были круглыя, что являлось нововведеніемъ и поражало современниковъ; вмѣсто трехъ первоначальныхъ алтарныхъ полукружій онъ сдѣлалъ пять; въ алтарной стѣнѣ, надъ среднимъ полукружіемъ, онъ сдѣлалъ помѣщеніе, въ 15 вершковъ ширины, 9 аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка длины и 4 аршина 12 вершковъ вышины, съ двумя круглыми отверстіями во внутрь алтаря, находящимися на высотѣ 1 арш. 10 вершковъ. Вмѣсто теперешняго иконостаса была невысокая каменная стѣнка, съ отверстіемъ для царскихъ вратъ, покрытая стѣнописью.

Церковь Николая Явленнаго.
На Арбатѣ.

Вліяніе владимірской архитектуры отразилось всего болѣе на фасадѣ собора. Мы видимъ здѣсь такой же поясъ изъ колонокъ, украшенныхъ аркатурой входныя двери и невысокіе купола, составляющіе какъ бы переходъ отъ владимірскихъ главъ къ позднѣйшимъ и имѣющіе поэтому важное для насъ значеніе. Покрытія плечъ собора имѣли каменные спуски, оканчивавшіеся каменными же желобами, подобными желобамъ Владимірскаго Успенскаго собора. На западной сторонѣ собора была панерть.

Въ 1478 г. соборъ былъ оконченъ и, по выраженію лѣтописи, «бысть же та церковь чюдна вельми величествомъ, и высокою, и свѣтлостію, и звонкостью, и пространствомъ, такова же прежде того не бывала въ Русіи, опричь Владимірской церкви».

Въ 1509 г., другой итальянскій архитекторъ, Алевизъ, разобралъ и вновь выстроилъ *Архангельскій соборъ*.

Первоначальный фасадъ собора былъ двухцвѣтнѣй. Стѣны были красныя, кирпичныя, а пилястры, капители, карнизы и тяги—бѣлокаменные. Покрытіе было пофронтонное. Пустыя пространства въ полукругахъ кокошниковъ выложены самымъ обыкновеннымъ для того времени *итальянскимъ* украшеніемъ, въ видѣ раковинъ. Лѣстницы на верхъ собора, дѣлавшіяся до сихъ поръ въ толщѣ стѣнъ,

помѣщены здѣсь въ особой пристройкѣ, украшенной такимъ же способомъ, только раковинами меньшихъ размѣровъ. Но что здѣсь всего типичнѣе, — это *итальянская* орнаментовка капителей, аркъ, пилястръ, наличниковъ и всѣхъ покрытыхъ скульптурою частей, сдѣланная съ большимъ вкусомъ.

Съ окончательнымъ сверженіемъ татарскаго ига, Москва почувствовала пробужденіе народнаго духа, сопровождавшееся и пробужденіемъ народнаго творчества. Въ такихъ случаяхъ, народъ обращается всегда къ раз-

работкѣ своихъ собственныхъ, уже раньше выработанныхъ имъ самимъ формъ. Въ данномъ случаѣ, это были формы деревянной архитектуры. Поэтому теперь, воздвигая каменные сооружения, онъ не довольствовался уже, какъ раньше, однимъ только подражаніемъ иноземнымъ образцамъ, а сталъ въ каменномъ зодчествѣ разрабатывать свои исконные, излюбленные деревянные мотивы.

Такимъ произведеніемъ является церковь *Вознесенія* въ селѣ *Коломенскомъ*, построенная въ 1532 г., про которую лѣтопись выражается такъ: «весьма чудна высотой, и красотою, и свѣтлостію,-- такова не бывала прежде сего на Руси».

Уже самый планъ ея отличается отъ предыдущихъ каменныхъ храмовъ. Онъ представляетъ собою равноконечный крестъ, безъ внутреннихъ столбовъ. Двѣнадцать ея стѣнъ, при помощи кокошниковъ, переходятъ въ восьмигранникъ, съ двумя кокошниками на верху каждой грани, надъ которыми поднимается высокій восьмигранный же каменный шатеръ съ небольшою башенкой наверху, оканчивающійся невысокой главкой съ крестомъ. Церковь стоитъ на подклѣтѣ и со всѣхъ сторонъ окружена галлереей изъ каменныхъ арокъ съ тремя широко и свободно раскинутыми крыльцами. Всѣ эти особенности взяты съ деревянныхъ церквей; но въ детализовкѣ несомнѣнно сказывается итальянское вліяніе.

Рядомъ съ этою церковью, въ 1544 г., построена была другая интересная для насъ церковь въ селѣ *Дьяковъ*.

Здѣсь мы имѣемъ высокую восьмигранную башню съ полукруглымъ выступомъ съ востока для алтаря. Съ четырехъ косыхъ сторонъ ея поставлены четыре меньшія башни, соединенныя тремя галлерейками, изъ которыхъ каждая имѣетъ въ серединѣ входъ, а по бокамъ входа—открытые пролеты въ родѣ оконъ. Средняя башня очень оригинальной конструкціи: самый восьмигранникъ заканчивается карнизомъ, на которомъ стоитъ рядъ кокошниковъ, а надъ ними рядъ фронтоновъ, опирающихся въ другой рядъ небольшихъ кокошниковъ; надъ этими кокошниками идетъ второй, меньшій восьмигранникъ, украшенный квадратными углубленіями; на каждомъ углу этого восьмигранника поставлено по полукруглому выступу съ нишей внутри; выступы эти примыкаютъ къ круглому цилиндру, заканчивающемуся невысокой главкой. Подклѣта эта церковь не имѣетъ.

Образуя и сама очень оригинальную группу, Дьяковская церковь послужила, кромѣ того, прототипомъ самому главному и типичному памятнику московскаго зодчества—*Покровскому собору*, въ Москвѣ, или *Василію Блаженному*.

Церковь В.-Муч. Дим. Солунскаго у Тверскихъ воротъ.

Возвратившись, по взятии Казани, въ Москву, царь Иванъ IV рѣшилъ, въ память этой важной побѣды надъ татарами, построить «церкви деревянныя семь престоловъ, иже быти окрестъ осмого болшаго церкви каменныя близъ мосту Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ надо рвомъ». Такимъ образомъ, первоначально поставленная «обѣтная во взятіе Казанское церковь» представляла собою не девятиверховый каменный храмъ, а семь совершенно отдѣльныхъ одна отъ другой церквей, окружавшихъ восьмую, большую, каменную; число ихъ и престолы опредѣлялись, конечно, по обычаю, числомъ особенно знаменательныхъ событій въ ходѣ войны и днями, въ какіе произошли эти событія. Но вскорѣ царь, по совѣту митрополита, рѣшилъ и деревянныя церкви замѣнить каменными. И тогда «дарова ему Богъ дву мастеровъ *русскихъ*, по реклу *Постника* и *Барму* и быша премудрїи і удобни такому чюдному дѣлу».

Отсюда мы въ правѣ заключить, что средняя часть разсматриваемаго нами храма существовала уже раньше, а упомянутые зодчіе, прибавивъ для симметріи къ заказаннымъ имъ семи храмамъ еще одинъ, построили восемь храмовъ вокругъ существовавшаго, соединивъ всѣ ихъ общимъ основаніемъ.

На своемъ вѣку Покровскій соборъ претерпѣлъ много значительныхъ перемѣнъ. Сравнивая его настоящей видъ съ древними изображеніями его у Олеарія (1634 г.), въ книгѣ «избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича» (1672 г.) и другими, мы замѣчаемъ, что средній шатеръ окруженъ былъ тогда цилиндрическими выступами, на подобіе средней главы Дьяковской церкви, теперь не существующими; крыльца не имѣли шатровъ; а главное — самыя пропорціи храма были совсѣмъ иныя, — всѣ главы, и особенно средній шатеръ, поднимались гораздо выше, отчего вся группа получала гораздо большее стремленіе вверхъ. Мы могли бы предположить, что пропорціи невѣрно переданы рисовальщикомъ, еслибы имѣли только одинъ какой-нибудь рисунокъ, особенно настолько небрежный, какъ у Мейерберга (1662 г.) или въ «Geographia Blaviana» (1662 г.), гдѣ выступы вокругъ средняго шатра увѣнчаны даже луковичными главками; но рисунокъ у Олеарія сдѣланъ очень тщательно; тѣмъ болѣе тщательно исполнены рисунки въ «избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича». Такъ что несомнѣнно пропорціи эти были измѣнены въ одну изъ многочисленныхъ реставрацій храма.

Крытъ соборъ раньше былъ черепицею, которая лишь въ 1772 г. замѣнена желѣзомъ. Главы не были раскрашены, а покрыты были «свѣтлыми, блестящими листами», т. е. бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ, и вылужены. Средній шатеръ отдѣланъ былъ разноцвѣтными изразцами, съ такими же шарами, остатки которыхъ найдены были при послѣдней реставраціи и дали возможность возстановить ихъ, тогда какъ прежде они были безжалостно сбиты и замѣнены раскраскою по желѣзу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что этотъ храмъ, приводившій въ изумленіе иностранныхъ путешественниковъ и казавшійся имъ какимъ то непонятнымъ воплощеніемъ необузданной фантазіи, не имѣющимъ себѣ никакихъ прототиповъ, — для русскаго человѣка представляетъ постепенное развитіе предшествующей архитектуры. Это подтверждаютъ и слова лѣтописцевъ, которые выражаются про него, что «поставленъ былъ храмъ ка-

менный *преудивленъ*, различными образцы и многими *переводы*, на одномъ основаніи девять престоловъ». Самое слово *переводъ* означаетъ снимокъ, точную копию съ какого либо образца. Такъ что храмъ этотъ представляется имъ лишь группою копій съ другихъ храмовъ, существовавшихъ уже раньше. «Преудивленнымъ» же казался онъ имъ вслѣдствіе соединенія девяти отдѣльныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на одномъ основаніи.

Особенно богато строительною дѣятельностью было царствованіе Алексѣя Михайловича. Совершившееся въ это время присоединеніе Украины не могло не отразиться на характерѣ московской архитектуры. Разошедшееся по всей Россіи украинское духовенство, болѣе образованное, чѣмъ московское, взяло надъ послѣднимъ верхъ и стало распространять многія нововведенія; московское стояло за старину; возникли споры, стали созываться соборы, на которыхъ спорили и разсуждали о формѣ церковныхъ главъ, объ изображеніяхъ святыхъ, — словомъ, оживленіе получило необычайное. Соборы рѣшали вопросы въ пользу старины, но повизна сама пролагала себѣ путь.

Какъ извѣстно, излюбленнымъ, типичнымъ мотивомъ украинской церковной архитектуры является трехглавый храмъ. Этотъ мотивъ прежде всего и заносится въ Москву.

Церковь *Рождества Богородицы въ Путинкахъ*, церковь *Воскресенія въ Гончарахъ* и еще многія другія, не уцѣлѣвшія до нашего времени, получили это трехглавіе. Но, при переходѣ въ Москву, мотивъ этотъ, какъ нерѣдко бываетъ при заимствованіяхъ, утратилъ самыя основныя свои черты. Украинскій храмъ представляетъ собою сочетаніе трехъ отдѣльныхъ башенъ, завершенныхъ грушевидными главами. Въ Москвѣ же, на четырехгранномъ постаментѣ ставятся три глухихъ главки, шатрообразныхъ, съ луковичными завершеніями. А въ первой изъ упомянутыхъ церквей, кромѣ того, это трехглавіе находится только надъ одною частью зданія, въ то время, какъ другія части имѣютъ самостоятельное покрытіе. Несмотря на это, церковь въ Путинкахъ отличается замѣчательной пропорціональ-

Церковь Воскресенія въ Гончарахъ. Въ Таганкѣ.

ностью и изяществомъ. Интересно въ ней покрытіе главной ея части, представляющее очень удачный переходъ отъ квадратнаго основанія къ легкой вѣнчающей башенкѣ, получившій потомъ широкое распространеніе во всей московской архитектурѣ. Переходъ этотъ устроенъ такимъ образомъ: на каждой сторонѣ четырехугольнаго основанія поставлено по три кокошника, вѣнчающихся въ пирамиду; надъ ними, нѣсколько отступя вглубь, идутъ пары кокошниковъ, тоже вѣнчающихся во вторую пирамиду; далѣе, еще нѣсколько отступя, идетъ восьмигранникъ, съ однимъ кокошникомъ на каждой сторонѣ, и на немъ уже поставленъ цилиндръ, заканчивающійся сверху широкимъ свѣшивающимся карнизомъ. На послѣднемъ стоятъ восемь арокъ, надъ которыми помѣщены шесть кокошниковъ, расположенныхъ у основанія верхней шестисторонней пирамиды; на ней стоитъ небольшой цилиндрикъ, а сверху — луковичная главка. Стоящая между этою главкою и трехшатровымъ покрытіемъ придѣла колокольня служитъ очень удачнымъ соединеніемъ всей группы въ одно цѣлое.

Образцомъ вполне развитого типа московской архитектуры этого времени можетъ служить церковь *Грузинской Богоматери*, въ Китай-городѣ.

Высокая квадратная середина ея и болѣе низкіе алтарь и трапезная поставлены на подвалахъ, подобно тому, какъ ставились на подклѣткахъ деревянныя церкви. Напоминаютъ тѣ же деревянныя церкви и выходы на сѣверную и западную паперти, и отсутствіе оконъ на сѣверной сторонѣ. Фасады со всѣхъ сторонъ разбиты на части пучками изъ колонокъ романскаго стиля, получившими въ то время сильное распространеніе. Вслѣдствіе распространенія въ то время слюды, окна стали дѣлаться шире, оставляя раскосы внутрь. Они запирались желѣзными ставнями, вслѣдствіе чего явилась потребность въ устройствѣ впадинъ для ставней, а для украшенія этихъ впадинъ послужилъ пестрый наличникъ, иногда цѣликомъ повторяющій деревянныя формы. Деревянныя же церкви напоминаютъ и помѣщенная между двухъ оконъ, въ верхнемъ этажѣ, икона Богоматери, съ двумя колонками оригинальной обдѣлки. Рѣзные узоры бѣлокаменныхъ наличниковъ оконъ и двухъ дверей церкви настолько сходны съ наличниками въ Теремномъ дворцѣ, что архитекторъ Л. В. Даль предположилъ, что, по крайней мѣрѣ, одно изъ этихъ оконъ и поступило сюда именно изъ дворца; его выпросилъ, при перестройкѣ дворца, знаменитый прихожанинъ этой церкви, Симонъ Ушаковъ, котораго названный изслѣдователь считаетъ даже строителемъ разсматриваемаго храма. «Предварительный чертежъ церкви, замѣчаетъ Даль, очевидно, не подготовилъ каменщикамъ обдѣлки раскрѣповокъ, а, напротивъ, еще ихъ спуталъ; поэтому можно полагать, что чертежъ составлялся не строителемъ, а *рисовальщикомъ фасадовъ*. Огромная нагрузка верхней части церкви тремя ярусами кокошниковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ внутреннею конструкціею свода и пятью главами, изъ которыхъ одна только не фальшивая, есть также вліяніе деревянной архитектуры и создана, можетъ, также не строителемъ, а иконописцемъ, *знаменившимъ*, т.-е. чертившимъ эти курчавыя фасады. Здѣсь, заключаетъ онъ, вообще очевидно присутствіе рисовальщика, изыскивающаго формы частей и въ особенности силуэты главокъ, но въ его работѣ нѣтъ единства, сводящаго всю постройку къ одному цѣлому».

Но въ данномъ случаѣ, этотъ талантливый изслѣдователь архитектурныхъ формъ упустилъ изъ вниманія хронологическія данныя, противорѣчащія заключенію, что Симонъ Ушаковъ былъ строителемъ разсматриваемой нами церкви. Есть свѣдѣнія, что она была построена въ 1628 году, когда знаменитому вѣдѣтелю иконописцу было всего только два года, а въ 1653 году къ ней сдѣланы лишь пристройки. Можно, положимъ, предположить, что при этихъ пристройкахъ и вся она подверглась большимъ измѣненіямъ, и что въ это то время она и получила теперешній свой видъ, приведшій Дала къ его выводамъ. Но, всматриваясь внимательнѣе въ ея формы и сопоставляя ихъ съ другими московскими церквами того времени,

Благовѣщенскій соборъ. Въ Кремлѣ.

мы мало, собственно говоря, найдемъ разницы между ними, какъ въ общихъ массахъ, такъ даже и въ главнѣйшихъ частныхъ приемахъ. Устройство покрытія системою кокошниковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ внутреннею конструкціею свода, фальшивыя главки, множество формъ деревянной архитектуры—все это очень распространенныя и, вслѣдствіе этого, типичныя черты московской архитектуры XVII вѣка. Въ этой церкви мы встрѣчаемся еще съ одной тоже типичной для московской архитектуры того времени чисто-конструктивной особенностью: во всей постройкѣ замѣчается полное отсутствіе деревянныхъ частей, такъ что даже самыя главы сложены изъ кирпича, безъ помощи стропилъ.

Изъ другихъ замѣчательныхъ храмовъ этого времени укажу на церковь *Рождества Богородицы, въ Бутыркахъ*, служащую переходомъ отъ вла-

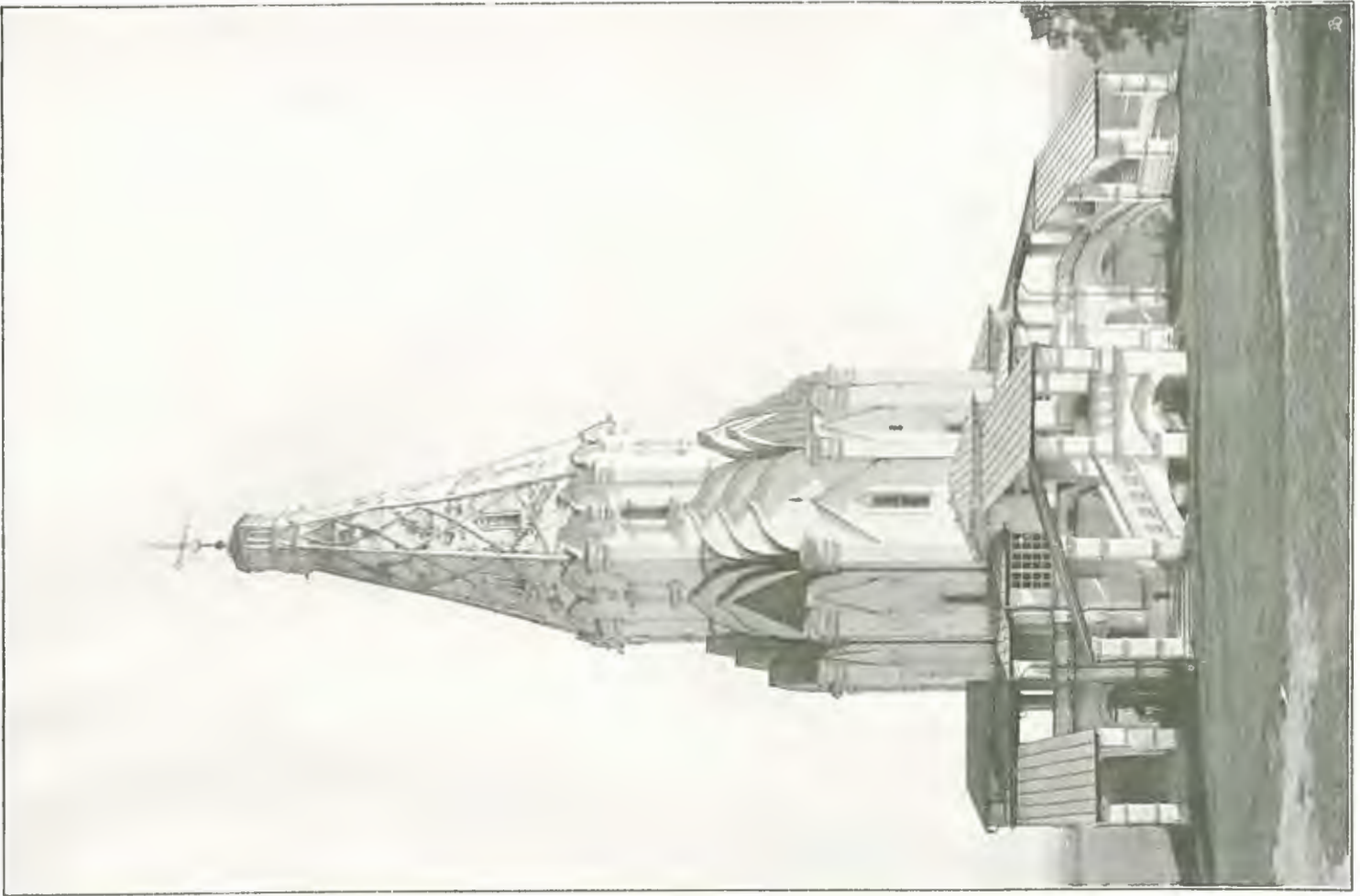
диміро-суздальскаго стиля къ стилю ярославскихъ церквей; церковь *Николы въ Хамовникахъ*, съ интереснымъ покрытіемъ при помощи трехъ рядовъ кокошниковъ, встрѣчающимся потомъ и въ другихъ московскихъ церквахъ. Изъ подмосковныхъ церквей укажу на церковь въ селѣ *Останкины*. Она такъ богато изукрашена во всевозможныхъ стиляхъ того времени, что кажется, будто строители старались не пропустить ни одного извѣстнаго тогда способа украшеній: тутъ есть и пестрые изразцы, и тесаный камень, и лещадный кирпичъ; есть украшенія и въ романскомъ стилѣ, и въ итальянскомъ, и въ собственномъ русскомъ, взятомъ изъ деревянныхъ построекъ. Укажу еще на церковь въ селѣ *Тайнинскомъ*, съ оригинальнымъ входомъ, и на церковь въ селѣ *Марковъ*, съ пестрою раскраскою. Въ массахъ своихъ всѣ онѣ носятъ слѣды сильнаго вліянія деревяннаго зодчества.

Но если мы видѣли вліяніе Украины въ трехглавіи указанныхъ выше церквей, то еще сильнѣе сказалось это вліяніе въ церквахъ такъ называемаго Нарышкинскаго стиля.

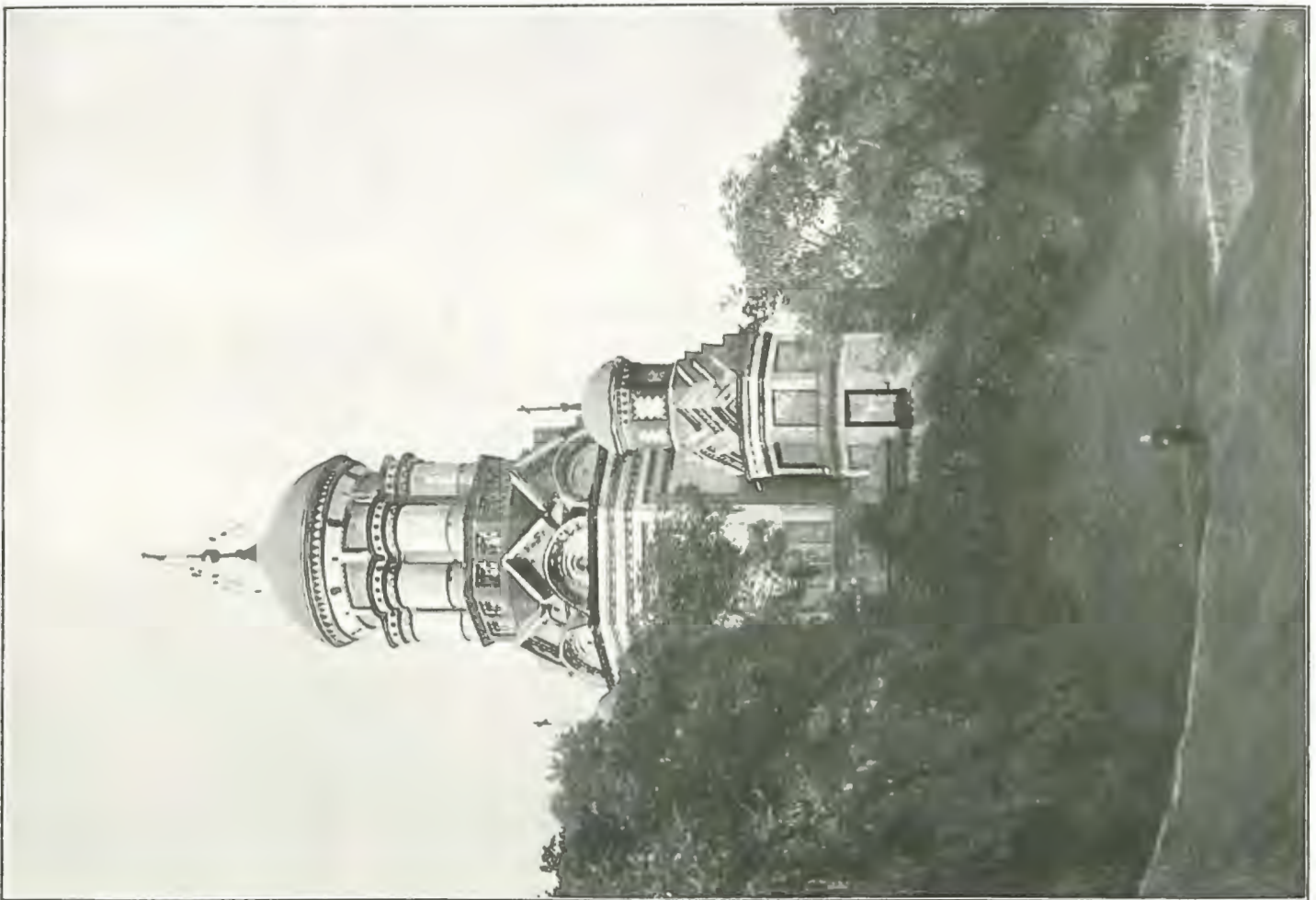
Названіе это усвоено имъ по чисто внѣшней причинѣ, такъ какъ большинство дошедшихъ до насъ памятниковъ этого стиля находилось во многочисленныхъ владѣніяхъ Нарышкиныхъ, таковы церкви: *Владимірской Богоматери*, у Владимірскихъ воротъ Китай-города, *Знаменія*, на Воздвиженкѣ, *Крестовоздвиженская*, тамъ же, *Богоявленія*, въ Богоявленскомъ монастырѣ, и *Успенія*, на Маросейкѣ—это въ самомъ городѣ; изъ пригородныхъ же церкви *Покрова на Филяхъ*, въ *Троицкомъ - Львовѣ*, въ *Петровско-Разумовскомъ* и другихъ.

Главная характерная черта украинскихъ церквей—сильное стремленіе вверхъ, какъ соответствующее самому назначенію христіанскаго храма, самому духу христіанской религіи. Это стремленіе особенно сильно выражается пирамидальностью церковныхъ башенъ. Другая особенность, о которой я уже говорилъ, состоитъ въ томъ, что церкви представляютъ собою группы въ три или болѣе башенъ, идущихъ самостоятельно вверхъ, и только соединенныхъ между собою, а не одну общую массу лишь съ главками наверху, какъ было раньше въ пятиглавыхъ московскихъ храмахъ. Наконецъ, самое размѣщеніе московскихъ главъ было всегда по угламъ четырехугольника, тогда какъ украинскія башни ставятся по сторонамъ главной башни, т. е. на востокъ и западъ, а въ случаѣ пятибашенной церкви—еще на сѣверъ и югъ. Всѣ эти черты какъ разъ и замѣчаемъ мы въ разсматриваемыхъ теперь церквахъ. Всѣ онѣ пирамидальны, у всѣхъ у нихъ замѣтно большее или меньшее стремленіе выдѣлать башни, и наконецъ, при пятиглавіи, у всѣхъ у нихъ боковыя главы ставятся на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ.

Но тутъ являются и мѣстныя особенности. Всѣ эти церкви стоятъ на подклѣткахъ—пріемъ, заимствованный изъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей; подклѣтки эти перѣдко образуютъ галлерей, на подобіе гульбищъ въ древнихъ теремахъ, съ широкими лѣстницами, перемежающимися рундуками—тоже, какъ было въ жилыхъ хорамахъ.

Церковь въ селѣ Коломенскомъ.

Церковь въ селѣ Дьяково.

Переходя къ колокольнямъ, начнемъ нашъ обзоръ съ *Ивана Великаго*, который является и наиболее старинной, и наиболее известной изъ всѣхъ московскихъ колоколенъ. При этомъ нужно замѣтить, что относительно ея твердо держится ошибочное мнѣніе, будто первоначально былъ выстроенъ столпъ, при Борисѣ Годуновѣ, а затѣмъ уже остальная ея часть, получившая наименованіе «филаретовской пристройки». Въ дѣйствительности же это было совсѣмъ иначе. Еще въ 1532 году итальянскій архитекторъ Петрокъ Малый заложилъ на площади Ивана Святого новую обширную колокольню съ храмомъ во имя Воскресенія, при чемъ послѣдній былъ достроенъ въ 1543 году. Колокольня была выстроена по образцу московскихъ колокольницъ, въ видѣ четырехъ-стѣннаго зданія. Это подтверждается, кромѣ того, и техническими особенностями этой постройки отъ другихъ частей, и, наконецъ, изображеніемъ Ивана Великаго въ одномъ изъ путешествій по Россіи, гдѣ эта часть колокольни изображена безъ башни.

Самый столпъ былъ пристроенъ, съ южной стороны, Борисомъ Годуновымъ, въ 1600 году, при чемъ, вѣроятно, побудительною причиною сооруженія такой высокой башни была возмож-

ность обозрѣвать съ нея свои полки и татарскіе во время ожидавшагося тогда нашествія татаръ; при Михаилѣ Федоровичѣ и съ сѣверной стороны сдѣлана еще пристройка, за которой только, собственно, и слѣдуетъ сохранить наименованіе «филаретовской». При взрывѣ, произведенномъ по распоряженію Наполеона, эта послѣдняя пристройка вмѣстѣ съ верхнею частью первоначальнаго зданія была разрушена, а самый столпъ далъ лишь трещину.

Другія колокольни представляютъ типъ шатровыхъ колоколенъ — типъ чисто деревянной архитектуры, при чемъ въ Москвѣ можно прослѣдить постепенное развитіе этого типа.

Церковь Знаменія Пр. Богородицы.
При домѣ Шерметева.

Колокольня церкви *Дмитрія Солунскаго*, на Тверской, относящаяся къ эпохѣ Алексѣя Михайловича, представляетъ собою прямоугольникъ въ планѣ съ трехпролетными стѣнками, наверху покрытый четырехграннымъ же шатромъ, имѣющимъ съ каждой стороны по три отверстія — «слухи», расположенныя въ два ряда. Самые «слухи» обработаны по образцу оконъ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же деревянныхъ построекъ, форма эта изъ прямоугольной переходитъ въ восьмигранную, какъ мы видимъ на упоминавшейся выше церкви *Рождества въ Путинкахъ*. Дальнѣйшее развитіе этой формы заключается въ увеличеніи ея размѣровъ и въ нарастаніи числа «слуховъ». Два яруса «слуховъ» переходятъ въ три яруса (церковь *Спаса на Пескахъ*, въ Каретномъ ряду); затѣмъ, при трехъ ярусахъ слуховъ, нижній рядъ дѣлается въ видѣ двойныхъ оконъ (церковь *Никола въ Халовникахъ*, *Троицы въ Зубовъ*), послѣ этого являются четыре ряда «слуховъ» (церковь *Адріана и Наталіи*, на Мѣщанской), и, наконецъ, четыре ряда слуховъ съ парными окнами въ нижнемъ ряду (церковь *Никола Явленнаго*, на Арбатѣ). Четырехгранный низъ дѣлается, по большей части, двухъярусный, верхній ярусъ убирается окнами и цилиндрическими колонками, а нижній имѣетъ входъ, нерѣдко украшенный подвѣсными арочками и одиночными или двойными балясинами по угламъ.

На этомъ заканчивается развитіе древней московской церковной архитектуры, такъ какъ дальнѣйшія сооруженія строились уже подъ вліяніемъ академическаго искусства.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

В. В. Нечаевъ. Общій видъ и вѣншній ростъ Москвы за XVI—XVII вѣка	5
Пр.-доц. Ю. В. Готве. Окрестности Донетровской Москвы.	28
Пр.-доц. М. М. Богословскій. Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вв.	44
В. В. Нечаевъ. Уличная жизнь Москвы въ XVI—XVII вв.	56
С. К. Богоявленскій. Управление Москвой въ XVI—XVII вв.	81
А. П. Новицкій. Церковная архитектура Москвы	97

